А. Г. ТАРТАКОВСКИЙ

1812 ГОД И РУССКАЯ МЕМУАРИСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А. Г. ТАРТАКОВСКИЙ 1812 ГОД И МЕМУАРИСТИКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А. Г. ТАРТАКОВСКИЙ

1812 ГОД И РУССКАЯ МЕМУАРИСТИКА

Опыт источниковедческого изучения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

В монографии А. Г. Тартаковского раскрывается влияние эпохи 1812 года на судьбы русской мемуаристики. Мемуаристика рассматривается как особое явление духовной культуры в тесной связи с источниками иных видов и на фоне развития общественной мысли и историографии. В основе исследования лежит установленный на базе архивных, библиографических, текстологических разысканий корпус мемуаров об эпохе 1812 года, в которых ярко отразились ведущие тенденции национального и исторического самосознания. Выявив на протяжении XIX в. три «волны» повышенного интереса русского общества к событиям и героям этой эпохи, автор проследил борьбу различных идейно-политических течений вокруг оценки опыта и наследия 1812 года.

Ответственный редактор

доктор исторических наук,

профессор Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ

АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ТАРТАКОВСКИЙ

1812 ГОД И РУССКАЯ МЕМУАРИСТИКА

(Опыт источниковедческого изучения)

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства *М. М. Медведев*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Т. Н. Хилькевич*
Корректоры *Л. С. Агапова, Т. Д. Хорькова*

ИБ № 18295

Сдано в набор 19.05.80. Подписано к печати 25.08.80. Т-12744. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 24,4. Тираж 5000 экз. Тип. зак. 1447
Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Т $\frac{10604\text{-}268}{042\ (02)\text{-}80}$ 74-80. 0505020000

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

При беглом взгляде на название книги может сложиться впечатление, что ее тема — отражение эпохи 1812 года в русских мемуарах. Но тогда и называться книга должна была бы «1812 год в русской мемуаристике». Между тем она не случайно озаглавлена «1812 год и русская мемуаристика». Эта незначительная, казалось бы, деталь — замена одной, в сущности, буквы — таит в себе принципиально иной смысл: влияние эпохи 1812 г. на судьбы русской мемуаристики.

Мемуары вообще привлекают внимание и широких читательских кругов, и ученых главным образом в связи с тем, что в них ярко и неповторимо запечатлелись события, нравы, умонастроения, поступки людей отдаленного прошлого. Именно этот аспект мемуаристики наиболее освоен нашей наукой.

Бесспорно, однако, что мемуаристика представляет интерес не только тем, что́ и как она отображает, но и самим фактом своего возникновения и существования в качестве длительно бытующей культурно-исторической традиции.

Создание, а еще более обнародование мемуаров тоже есть событие в истории культуры, поступок, акт деятельности исторически мыслящего человека, иногда не менее значимый, чем его участие в тех событиях, которые описаны в мемуарах.

Итак, мемуаристика как феномен культуры, как неотъемлемый компонент духовной жизни русского общества — вот под каким углом зрения будет освещаться тема этой книги.

Глава I

МЕМУАРИСТИКА 1812 ГОДА КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИКО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

ПОСТАНОВКА ТЕМЫ
ПРОФИЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существуют два подхода к историко-источниковедческому изучению мемуаров[1]. Один, чаще всего применяемый при решении тех или иных конкретно-исторических задач, связан с использованием мемуаров как неких «запасников», «резервуаров» фактических сведений о прошлом, как носителей информации об отраженной в них эпохе, как источников для познания ее истории. Другой подход предполагает исследование мемуаров в плане их собственной истории, как «остатков» породившей их социально-психологической среды, как памятников идейного движения и общественно-исторической мысли эпохи своего создания, вне которых сама эта эпоха не может быть правильно понята. Иными словами, речь идет о мемуаристике как самостоятельном явлении духовной культуры. (Вполне очевидна диалектика соотношения этих двух подходов, ибо, чем глубже и всестороннее мы познаем мемуары в их собственной сущности и генезисе, тем эффективнее раскроется значение заключенной в них информации об отдаленных событиях прошлого).

Второй из указанных подходов может послужить основой для типологического рассмотрения мемуаристики в качестве определенного вида источников или литературно-исторического жанра[2] — задача, научно вполне назревшая, подготовленная всем

---

[1] Сразу же оговорим здесь наше понимание употребляемых далее терминов: «мемуары» и «воспоминания» мы используем как синонимичные, хотя первый из них более предпочтителен ввиду его однозначности. «Словарь современного русского литературного языка» (М.; Л., 1957, т. 6, с. 831) толкует его только как произведение, повествующее о прошлом. Термин же «воспоминания» бытует ныне по меньшей мере в трех значениях — как мыслительное действие по воспроизведению предшествующих состояний сознания; как содержимое того, что хранится в памяти, и как записки о прошлом (Там же. М.; Л., 1951, т. 2, с. 713—714). «Мемуаристика», «мемуарная литература» — однопорядковые термины, обозначающие всю совокупность бытующих в данную эпоху мемуаров, как изданных, так и рукописных. Наконец, термин «мемуаротворчество» мы употребляем для обозначения процесса создания мемуаров как относительно распространенного в обществе явления духовной жизни.

[2] Понятие «жанр» употребляется в литературоведении для обозначения воспоминаний, дневников, писем практически в том же смысле, в каком в историческом источниковедении относительно этих же групп

ходом развития общей и специально источниковедческой историографии, ее достижениями частного и методологического характера. Строго говоря, сама проблема историко-типологического изучения мемуаристики (это относится и к другим родам источников) выдвинута на повестку дня марксистским источниковедением с органически присущим ему интересом к социально обусловленным закономерностям возникновения и эволюции крупных видов источников и целых их групп на протяжении длительных исторических периодов.

Историко-типологическое изучение русской мемуаристики представляется весьма актуальным и в свете возросшей в последние десятилетия роли мемуаров, равно как и других «документальных» жанров, в духовной жизни нашего времени. Мы имеем в виду не только их расширяющуюся с каждым годом популярность в читательской среде (особенно воспоминаний о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., революционном движении, литературном прошлом), проникновение через посредство прессы, радио, телевидения в наш повседневный быт, вторжении в различные сферы художественного творчества, с которым мемуары успешно конкурируют и который иногда даже вытесняют из читательского обихода[3]. Не меньшее значение имеет при этом и то все более видное место, какое изучение мемуаров занимает в источниковедении истории советского общества[4] и в исследовании современных литературных процессов[5].

Не подлежит, однако, сомнению, что для научно обоснованного понимания современного состояния мемуаристики одной из непременных предпосылок является освоение наследия русской мемуарной культуры, знание путей ее развития в предшествовавшую эпоху.

Между тем в этом широком плане русская мемуаристика не привлекала внимания историков. Отечественная мемуарная историография представлена главным образом предисловиями и послесловиями к публикациям воспоминаний, а также сравнительно

источников применяется понятие «вид» (Краткая литературная энциклопедия. М., 1964, т. 2, с. 914—915, 954. Далее: КЛЭ).

[3] *Явчуновский Я. И.* Документальные жанры. Саратов, 1974.

[4] В обширной историографии мемуаров советского периода, насчитывающей в своем активе немало диссертаций и монографий, мы хотели бы отметить книгу В. С. Голубцова (*Голубцов В. С.* Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970) и цикл источниковедческих исследований А. А. Курносова о партизанской мемуаристике периода Великой Отечественной войны, по своим методическим наблюдениям существенных для познания мемуарного жанра в целом.

[5] Искания в этой области литературно-критической мысли отразились в ряде дискуссий, ставящих проблемы мемуарного жанра. См.: Литература, документ, факт. — Иностранная литература, 1966, № 8; Жизненный материал и художественное обобщение. — Вопросы литературы, 1966, № 9; Права и обязанности документалиста. — Там же, 1971, № 6. Особенно содержательны материалы дискуссии, специально посвященной мемуарной литературе. См.: Обязанности свидетеля, права художника. — Вопросы литературы, 1974, № 4, с. 45—138.

небольшим числом статей об отдельных мемуарных памятниках. Подобного рода статьи дореволюционных ученых и издателей исторических журналов, интересовавшихся, как правило, личностью мемуариста, его мировоззрением, литературными вкусами и т. д., чаще всего имели характер биографических справок и историко-бытовых очерков со сведениями археографического порядка. В советское время количество таких статей (особенно в связи с выпуском воспоминаний издательством «Academia», в сериях «Литературные памятники» и «Литературные мемуары»)[6] несколько увеличилось, а их проблематика углубилась. Среди них выделяются ценные источниковедческие работы (например, о мемуарах декабристов[7], «Былом и думах» А. И. Герцена[8], записках Т. П. Пассек[9]), содержащие всесторонний анализ социально-политической направленности мемуарных памятников, их связи с эпохой, весьма сложной порою текстологической истории, полноты и степени достоверности сообщаемых сведений и т. д. Но даже самые лучшие из этих работ остаются в пределах частных исследований, не касаясь общих проблем русской мемуаристики XIX в. Обобщающе-монографические труды, которые охватывали бы значительные комплексы мемуарных источников в их историческом развитии, раскрывали бы роль мемуаристики в культурной жизни эпохи, в формировании нравственного и исторического самосознания, в нашей историографии отсутствуют — обстоятельство, на которое не раз указывалось в специальной литературе[10].

Правда, попытки обозреть русскую мемуаристику на протяжении больших отрезков времени предпринимались еще дореволюционными учеными. П. П. Пекарский, суммировавший сведения об опубликованных к середине XIX в. мемуарах предшествующего столетия, поставил перед собой сравнительно узкую цель — проследить, как преломлялось в мемуарной лексике раз-

---

[6] *Макашин С.* Необходимы план и перспектива. — Вопросы литературы, 1974, № 4, с. 63—72; *Розанова С.* Профиль обязывает: (Русская литература в «Литературных памятниках»). — Там же, № 10.

[7] *Дружинин Н. М.* С. П. Трубецкой как мемуарист. — В кн.: Декабристы и их время. М., 1932, т. II, с. 23—43; *Нечкина М. В.* Декабрист Н. И. Лорер и его записки. — В кн.: Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931; *Азадовский М. К.* Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник. — В кн.: Воспоминания Бестужевых. М., 1951, с. 531—673; *Миронова И. А.* Записки И. Д. Якушкина как исторический источник. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1963, вып. XI, с. 113—152.

[8] *Нечкина М. В.* Конспиративная тема в «Былом и думах» А. И. Герцена. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1963, с. 275—297.

[9] *Дубовиков А. Н.* Воспоминания Т. П. Пассек «Из дальних лет» как источник для изучения биографии Герцена и Огарева. — В кн.: Литературное наследство. М., 1956, т. 63, с. 565—641.

[10] *Никитин С. А.* Источниковедение истории СССР XIX в. М., 1940, с. 102; Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970, с. 367; Источниковедение истории СССР. М., 1973, с. 396; *Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976, с. 108—109.

витие русского литературного языка[11]. Очерк Н. Д. Чечулина[12], также основывавшийся на материале XVIII в., давал лишь самую беглую характеристику мемуаров этого периода[13].

Сжатые обзоры воспоминаний XVIII—XIX вв. с ценными методическими рекомендациями относительно принципов их научной критики мы находим в учебных пособиях по источниковедению[14]. Однако ввиду прикладного их назначения указанные выше вопросы общего характера здесь почти не затрагиваются. Исключение из сказанного составляют главы С. С. Дмитриева о мемуарно-эпистолярных источниках XIX в. в двух последних университетских учебниках этого профиля[15]. В них удачно обобщен опыт изучения мемуаристики в отечественной историографии и высказаны, хотя по необходимости и в чересчур краткой форме, методологически важные для нашей темы суждения о видовых свойствах мемуаров, их взаимоотношении с другими группами источников личного происхождения и о качественных сдвигах в развитии дореволюционной мемуаристики на фоне социально-классовых и общественно-идейных условий эпохи.

Общие проблемы истории русской мемуарной литературы поставлены, кроме того, в вышедших недавно литературоведческих трудах. Оставляя в стороне превосходную книгу Л. Я. Гинзбург, в которой исследуются в историко-теоретическом ракурсе эстетические аспекты европейской мемуаристики в общем ряду жанров психологической прозы[16], укажем на содержательные диссертации и статьи о русских мемуарах XVIII в.[17], о «Былом и

---

[11] *Пекарский П.* Русские мемуары XVIII в. — Современник, 1856, № 4, с. 53—90; № 5, с. 29—62; № 8, с. 63—120.

[12] *Чечулин Н.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников: (Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете 22 января 1891 г. перед началом курса «Русские мемуары XVIII в.»). СПб., 1891.

[13] Обширный обзор русской мемуарной литературы от ее зарождения до начала XX в. был составлен В. С. Иконниковым для III тома известного «Опыта русской историографии». Однако этот том, подготовленный к печати в начале 20-х годов XX в., не был издан и на изучении мемуаристики никак не отразился. Рукопись его хранится ныне в ЛО ААН. См.: *Киреева Р. А.* Неизданный том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова. — В кн.: АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 323—335.

[14] См., например: *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962, гл. XXV; *Никитин С. А.* Указ. соч., гл. V; Источниковедение истории СССР, гл. 17.

[15] *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. — В кн.: Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в., с. 346—367; *Он же.* Воспоминания, дневники, частная переписка [эпохи капитализма]. — В кн.: Источниковедение истории СССР, с. 393—414.

[16] *Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л., 1971.

[17] *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития русской мемуарно-биографической литературы XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969; *Она же.* К вопросу о возникновении русской мемуарной литературы. — В кн.: Сборники аспирантских работ: Хабаровский гос. пед. ин-т. 1967, т. 3; *Она же.* Мемуарно-автобиографическая литература в 70-е годы XVIII в. — Учен. зап. Труды кафедры русской литературы МОПИ им. Н. К. Крупской.

думах» А. Герцена в связи со становлением мемуарно-автобиографического жанра в России[18]. Но этим и другим работам того же плана свойственны, с одной стороны, искусственное противопоставление мемуаров как литературных произведений мемуарам как историческим источникам, а с другой — известная «гипертрофия» литературоведческого подхода, исследование мемуаров лишь в «свете общих закономерностей литературно-художественного процесса»[19] наравне, в одном «ранге» с иными жанрами художественной прозы в качестве одной из ее разновидностей. Мемуаристика анализируется с точки зрения влияния на нее господствующих в определенные периоды литературно-стилистических течений — классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма[20]. Вопрос же о том, как опыт самого мемуаротворчества воздействовал на эти течения, особенно на выработку реалистических принципов отображения литературной жизни и на становление жанров исторической беллетристики, почти не освещается. Вместе с тем мемуары рассматриваются преимущественно в системе эстетических категорий, когда в центре внимания ученых оказываются приемы психологического изображения мемуаристом личности, проблемы типизации, построения характера, образ автора, развертывание сюжета и т. д.

Это было бы еще оправдано, если бы речь шла только о мемуарах, вышедших из профессионально-литературной среды, наделенных художественно-эстетическими качествами и в силу этого предполагающих, помимо общеисточниковедческих, и специально литературоведческие методы анализа. Но такой «эстетизации» неправомерно подвергаются иногда и воспоминания, написанные сухой, «деловой» прозой в целях непосредственной фиксации потока жизненных впечатлений людьми, совершенно не искушенными в тонкостях литературного творчества. На практике подобный подход оборачивается, с одной стороны, выключением из круга воспоминаний огромного, преобладающего в любую эпоху фонда мемуарных памятников отнюдь «не литературного» происхождения, а с другой — как это ни парадоксально — ничем не обоснованным расширением сферы мемуарных источников, ибо к ним часто относят художественно-беллетристические сочинения о прошлом, построенные на мемуарно-автобиографическом материале (или имитирующие его форму), который преобразовывается творческой фантазией писателя и дополняется вымышленными эпизодами и ситуациями, — уже одно это, как

М., 1968, вып. 12; *Она же.* Проблема личности и индивидуальности в мемуарно-автобиографической литературе последних десятилетий XVIII в. — Там же. М., 1969, вып. 13.

[18] *Елизаветина Г. Г.* «Былое и думы» Герцена и русская мемуаристика XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968; *Она же.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. и А. И. Герцен. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1967, № 1.

[19] *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития...: Дис., с. 3.

[20] См., например: *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития...: Автореф. М., 1969, с. 7—9, 10, 12—13, 15—16; *Она же.* Проблема личности..., с. 167—168,

будет показано далее, не дает оснований причислять их к разряду мемуаров.

Любопытно, что некоторые классические образцы русской мемуаристики XIX в., несущие на себе яркий отпечаток своеобразия личности их авторов и действительно обладающие высокими художественными достоинствами, но не перестающие быть от этого собственно мемуарными произведениями, поскольку они остаются в пределах подлинного, документального (например, «Былое и думы» А. И. Герцена и «Семейная хроника» С. Т. Аксакова), сближаются с романом и даже квалифицируются как созданные по его жанровым законам[21]. В итоге стираются принципиальные различия между мемуарами в типологически точном смысле слова и разного рода произведениями, принадлежащими к области «изящной словесности».

Мы видим, таким образом, что узколитературоведческое рассмотрение мемуаристики в русле сугубо литературного творчества обедняет и затушевывает понимание истинной природы мемуарного жанра, который во все периоды своего существования выступает как явление не только художественной, но и духовной культуры общества в целом, как результат возникающего на определенной исторической стадии способа духовного освоения человеком действительности и потому требует более широкого — культурно-исторического и историко-источниковедческого — истолкования.

Мемуаротворчество как специфический тип духовной деятельности, как относительно распространенное явление духовной культуры, формирующее мемуаристику в качестве самостоятельного жанра или вида источников, есть по своему существу порождение ренессансной эпохи. В Западной Европе оно распространилось на базе открытия Возрождением ценности человеческой личности, высвобождавшейся от провиденциально-аскетических норм и сословно-корпоративной замкнутости средневекового миросозерцания, на почве признания общественной значимости ее индивидуального жизненного опыта и вызванного этим стремления личности к историческому самосознанию[22], принципиально чуждого мышлению средневекового человека[23].

---

[21] *Эльсберг Я.* Роман о русском революционере и мыслителе. — В кн.: *Герцен А.* Былое и думы. М., 1969, с. 6, 9. Показательно в этом плане и само включение главы о мемуарах Герцена в двухтомную «Историю русского романа» (М.; Л., 1962, т. 1, с. 583—607). По поводу «Семейной хроники» С. Аксакова С. И. Машинский пишет, что ее «мемуарная основа» «сочеталась с такими художественными элементами, которые... свойственны роману», «по существу „Семейная хроника" — мемуары в форме романа» (*Машинский С. И.* О мемуарно-автобиографическом жанре. — Вопросы литературы, 1960, № 6, с. 137).

[22] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973, с. 114.

[23] *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 120—121, 137.

Это положение широко принято в нашей литературе [24] и с методологической точки зрения вряд ли может быть оспорено. Трудно поэтому согласиться с мнением, всецело покоящимся на односторонне литературоведческом понимании мемуаров, о том, что «мемуарно-автобиографические жанры в России начали свою историю вместе с русской литературой», в силу чего их существование усматривается уже в древнерусской письменности XI—XVI вв.[25] Некоторые авторы прямо говорят в этой связи даже о «древнерусских мемуарах» [26].

Было бы, разумеется, неверно отрицать наличие всякого рода памятных записей в древнерусской рукописно-книжной традиции. Хорошо известно, например, что при создании сводов летописей к предшествовавшему летописному материалу присоединялись новые записи, доводившие изложение до последних лет, до событий недавнего времени и составленные по личным впечатлениям и припоминаниям редактора свода или по рассказам других очевидцев [27]. Живые свидетельства «самовидцев и памятух» прорывались иногда в реально-биографические пласты житий [28], автобиографические записи присутствуют в публицистических памятниках, как, скажем, в знаменитых посланиях Ивана Грозного, в хожениях, поучениях и т. д. Чрезвычайно интересна в этом плане автобиография Владимира Мономаха в составе его «Поучения». Выдержанная в летописной манере, она стоит, однако, в древнерусской литературе совершенно особняком и не имеет в ней никаких жанровых аналогий [29]. Все эти памятные записи, как бы ни были они внушительны по размерам текста, никогда не разрастались в самостоятельные мемуарно-автобиографические произведения, растворяясь в канонических для той эпохи жанрово-этикетных формах [30], и в целом над ними, если употре-

---

[24] «Мемуары... появились в полной своей форме только со времени Возрождения и неразрывно связаны с характерным для гуманизма интересом к человеческой личности» (*Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, с. 314). «Как особый жанр мемуары возникают в эпоху Возрождения, когда усилился интерес к человеческой личности» (*Биск И. Я.* Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971, с. 125). См. также: *Курносов А. А.* Мемуары. — В кн.: БСЭ. 3-е изд. М., 1974, т. 16, с. 64.

[25] *Елизаветина Г. Г.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. и А. И. Герцен, с. 42.

[26] *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 70.

[27] *Лихачев Д. С.* Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975, с. 30—31, 45—47; *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 45, 66, 71, 293—294, 323—324, 499—500.

[28] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 410—411.

[29] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979, с. 17.

[30] *Копреева Т. Н.* К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха. — В кн.: ТОДРЛ. Л., 1972, т. XXVII, с. 107; *Гюбиева Г. Е.* К вопросу о возникновении русской мемуарной литературы, с. 65.

бить удачное выражение А. Д. Люблинской, довлел «безличный характер средневекового исторического повествования»[31]. Как уже было верно замечено, система литературных жанров феодальной Руси вплоть до XVII в. не знает автобиографии как самостоятельного жанрового образования[32].

Выявлению и обособлению личностно-мемуарного начала в известной мере препятствовал и общий синкретизм средневековой культуры, недифференцированность, невычлененность различных (в нашем понимании) сфер духовно-практической деятельности, воплощавшихся в памятниках, которые служили одновременно удовлетворению и деловых (государственных, церковно-богослужебных, юридических, бытовых), и художественно-эстетических, и познавательно-исторических нужд[33].

В XVII в. мемуарное начало заметно усиливается в русской литературе и публицистике, шире проникает в трафаретные церковные жанры и повествования светского типа, особенно в произведения о бурных событиях «Смуты» начала века; их авторы уже «ощущают себя не только объективными историками, но в какой-то мере и мемуаристами»[34]. Но даже «Житие» протопопа Аввакума, в котором исповедально-автобиографические мотивы нашли наивысшее для древнерусской культуры выражение (иногда их склонны считать «первыми русскими мемуарами»[35]), не порвало тем не менее с канонами старой агиографии и религиозно-полемической литературы, не превратилось в памятник мемуарной литературы в подлинном смысле слова, заняв «промежуточное положение между средневековыми житиями и... мемуарами нового времени»[36]. Таким образом, хотя в жанрово-стилистическом генезисе последних личностно-памятные элементы древнерусской письменности сыграли, видимо, свою роль, сами по себе в рамках средневековой эпохи они не могли привести к созданию мемуаристики в указанном выше смысле. Данное обстоятельство было подмечено еще передовой критической мыслью середины XIX в. На отсутствие в допетровской Руси мемуарной традиции, позволяющей «заглянуть в частную, домашнюю жизнь народа», увидеть, что он «чувствовал и думал», указывал

---

31 *Люблинская А. Д.* Указ. соч., с. 314.

32 *Лихачев Д. С.* Система литературных жанров Древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. М., 1963, с. 47—70. Надо заметить, что «автобиографии как особого жанра» не существовало и в западноевропейском средневековье. См.: *Гуревич А. Я.* Указ. соч., с. 410—411.

33 Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971, с. 4; *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы, с. 55—68.

34 *Лихачева В. Д., Лихачев Д. С.* Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971, с. 89.

35 *Костюхина Л. М.* Литературные и публицистические памятники XI—XVII вв. — В кн.: Источниковедение истории СССР, с. 160.

36 *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974, с. 378, 384; см. также: *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 120, *Демкова Н. С.* К вопросу об истоках автобиографического повествования в «Житии» Аввакума. — В кн.: ТОДРЛ. Л., 1969, т. XXIV, с. 225—230.

В. Г. Белинский[37]. Об этом же писал и Н. Г. Чернышевский. По поводу мнения П. Е. Медовикова о том, что уже в XVII в. «под влиянием личного начала» «безыменные летописи» вытесняются «записками очевидцев, которые в повествование свое вносили собственные взгляды на предмет», он решительно возражал: «Итак, вместо летописи являются мемуары? Нет — их у нас не было в XVII веке», и далее с недоумением добавил: «Как же стремление писать мемуары, *еще не рождавшееся*, могло заставить покинуть летописи?». При этом причины «замирания» летописания и «рождения» мемуаристики Чернышевский справедливо усматривал в тех факторах «общественной и умственной жизни», которые повлекли за собой «необходимость преобразований Петра Великого»[38].

И действительно, лишь в условиях кризиса средневекового мировоззрения, секуляризации духовной жизни и становления новой русской культуры[39] формируются в России предпосылки мемуарной традиции. Постепенно они подготавливались в последние десятилетия XVII в., но главным образом связаны с крутой ломкой всего общественного уклада в период петровских реформ, в общекультурной области частично выполнивших те же примерно исторические задачи, которые на Западе Европы в классически законченных формах были решены эпохой Возрождения. «Преобразования России, потребовавшие колоссального напряжения сил всей нации», способствовали «усвоению идеалов европейского Возрождения и самостоятельному решению возрожденческих проблем»[40]. Не случайно некоторые черты ренессансного типа отмечаются в искусстве, литературе, быту, в самом складе личности петровского времени[41].

Вторжение светского начала повсюду, где раньше господствовали вековые предрассудки и привычные догмы религиозной морали, изменения в поведении и внешнем облике человека, предпочтение «службы» абсолютистскому государству аристократической родовитости, будившее личную энергию и инициативу,

---

[37] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953, т. III, с. 18—19.

[38] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1949, т. II, с. 410—411. (Курсив мой. — *А. Т.*); ср.: *Медовиков П.* Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854, с. 3—4.

[39] *Дмитриев С. С.* К вопросу об образовании и основных этапах развития русской нации. — Вестник МГУ. Сер. общ. наук, 1955, № 11, с. 53—55. Обоснование понятия «новая русская культура» см.: *Краснобаев Б. И.* Русская культура XVIII в.: Предмет и задачи изучения. — История СССР, 1976, № 6; *Он же.* О некоторых понятиях истории русской культуры второй половины XVII—первой половины XIX века. — Там же, 1978, № 1.

[40] *Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Указ. соч., с. 104.

[41] *Коваленская Н. Н.* Отражение процесса сложения русской нации в изобразительном искусстве. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958, с. 332; *Кожинов В.* Происхождение романа. М., 1963, с. 192—194; *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 11; *Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Указ. соч., с. 102.

успехи образования, научных знаний, книгопечатания и развившаяся потребность в чтении, наконец, военные победы, превращение России в мировую державу, включение ее в общеевропейскую систему отношений — весь этот стремительный поток сложных и неведомых ранее впечатлений раздвигал умственные горизонты личности, повышал интерес к ее внутреннему миру и к ее собственной истории. Естественно, в конце XVII—первой половине XVIII в. наблюдались лишь ростки нового понимания личности, социально ограниченные к тому же дворянской средой и вообще привилегированной частью общества. Однако уже тогда они давали себя знать в самых разных отраслях духовной жизни, в том числе и в распространении индивидуализирующе-психологических способов изображения человека. Так, в живописи на смену иконе приходит «парсуна», а затем и собственно портрет с отчетливо выраженными реалистическими чертами, развивается линейная перспектива, предусматривающая индивидуальную точку зрения на предмет. В литературе появляется рядовой, «обычный» персонаж вместо возвышенно-условного «исторического» героя, а в противовес анонимно-коллективному творчеству средневековой эпохи заявляет о себе авторское начало, представление об авторской собственности и неприкосновенности авторского текста, неотъемлемого от имени его действительного творца, и т. д.[42]

Те же самые закономерности возрожденческого типа, повлекшие за собой открытие человеческой личности в литературе и живописи, привели в XVIII в., как пишут специалисты, «и к... развитию жанра исповеди, автобиографии, которые писались людьми, к литературе никакого отношения не имевшими»[43]. Таким образом, на основе общих для русской культуры тенденций «обмирщения» и возникает мемуарный жанр[44], а также обретают новое качество и получают широкое распространение родственные с ним виды источников — дневники, частная переписка, воплощавшие возросшую духовную активность личности. Как справедливо было отмечено К. В. Пигаревым, «мемуары, относящиеся к Петровской эпохе, служат свидетельством „секуляризации" русского общественного сознания». Знаток русской мемуаристики XVIII в. Чечулин, прослеживая первые ее шаги, писал, что «расшевеленная умственная деятельность, вид массы новшеств, вошедших в жизнь, наталкивали *на*

---

[42] Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954, с. 732—734; *Коваленская Н. Н.* Указ. соч., с. 333—335; История русской литературы: В 3-х т. М.; Л., 1958, т. 1, с. 382; *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси, с. 111, 114, 119—120, 146; *Николаева М. Н.* К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII века: (Повесть и мемуарная литература). — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1961, т. 245, с. 153.

[43] *Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Указ. соч., с. 108—109.

[44] *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития...: Автореф., с. 3, 6; *Зайончковский П. А.* Введение. — В кн.: ИДРДВ. М., 1976, т. I, с. 5.

сравнение старого и нового, при сравнении же являлось желание записать, сохранить для самого себя и близких лиц то, что было прежде и что все более и более изменялось». Пигарев в этой же связи констатирует: «У современников Петра I обнаруживается определенное стремление тем или иным способом — пером или кистью — *оставить по себе память*», что и привело «к зарождению мемуарной литературы» [45].

С тех пор она прошла долгий и сложный путь, основные этапы которого недостаточно прояснены в историографии. Тем не менее в качестве предварительной рабочей гипотезы можно принять следующую схему развития мемуарного жанра в России (в пределах XVIII—XIX вв.).

На рубеже XVII—XVIII вв. мемуаристика, как и духовная жизнь русского общества в целом, сохраняет еще все особенности переходного времени. В эту пору ею захвачена только верхушка столичного дворянства и придворных кругов, затем, с середины века, в ряды мемуаристов включаются представители среднепоместных слоев, крупного чиновничества, духовенства (купеческие мемуары — редкость даже для конца XVIII в.), но в целом на всем его протяжении мемуаристика развивается в рамках дворянской культуры. Поначалу и сам предмет мемуарно-автобиографического описания не определился с достаточной ясностью. «Автор почти не виден», он еще не решается «говорить о себе в первом лице», его рассказ отягощен средневековой повествовательной традицией [46], например летописно-анналистической или житийной (рецидивы их влияния будут, правда, сказываться на мемуарной литературе даже и в XIX в.). Только во второй половине XVIII в. мемуаристика кристаллизуется и лишь тогда начинает складываться в более или менее адекватные своему содержанию жанровые формы. Завершение же ее формирования как самостоятельного вида источников с четко выраженными жанровыми границами, окончательное размежевание с литературно-историческими повествованиями иного рода приходятся уже на первые десятилетия XIX в.

XIX век — классическая пора в истории мемуарного жанра в России, период его бурного роста и подлинного расцвета. Именно в XIX в. становится явственной демократизация круга авторов мемуаров (за счет включения в их число разночинцев, выходцев из купеческо-мещанских слоев, крестьян, рабочих и т. д.), значительно увеличивается общее количество мемуарных памятников, обогащается их тематика и углубляются связи с печатным делом. В итоге необычайно возрастает влияние мемуаристики на общественно-культурную жизнь, удельный вес в об-

---

45 *Чечулин Н. Д.* Указ. соч., с. 9—10; *Пигарев К.* Русская литература и изобразительное искусство (XVIII—первая четверть XIX века): Очерки. М., 1966, с. 104. (Курсив мой. — *А. Т.*).

46 *Гюбиева Г. Е.* Этапы развития...: Дис., с. 3—4; *Она же.* Этапы развития...: Автореф., с. 6—7; *Она же.* К вопросу о возникновении русской мемуарной литературы, с. 65—68.

щей системе источников, прежде всего повествовательных[47], среди которых она занимает теперь едва ли не ведущее место.

В этом кратко обрисованном процессе развития русской мемуаристики 1812 год явился датой совершенно особого значения.

В 40-х годах прошлого века в знаменитом цикле статей об А. С. Пушкине В. Г. Белинский писал: «Двенадцатый год был великою эпохою в жизни России. По своим следствиям он был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого». Поясняя эту мысль, он отмечал: «Мы разумеем здесь не только внешнее величие и блеск, какими покрыла себя Россия в эту великую для нее эпоху, но и внутреннее преуспеяние в гражданственности и образовании... Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года»[48].

Таким образом, в истории России за последние полтора века Белинский четко выделяет 1812 г. как крупнейшую после петровских преобразований веху, сыгравшую роль своего рода катализатора, причем не столько в плане общей, универсальной периодизации, сколько с точки зрения ускоренного развития духовной жизни русского общества, его национальной культуры. О том, что преимущественно эту сторону дела имел в виду Белинский, свидетельствует его указание здесь на «внутреннее преуспеяние в гражданственности и образовании» и упоминание в следующем далее тексте о «народной гордости» и «общественном мнении», пробужденных Отечественной войной[49]. Постоянно соотносил события 1812 г. с Петровской эпохой и Герцен, видевший в ней исторический прецедент не меньшего масштаба. В книге «О развитии революционных идей в России» он выразил то же, в сущности, понимание 1812 г. как грани, разделяющей два различных этапа в духовном развитии русского общества: «Первая часть петербургского периода (т. е. начавшегося с Петра I. — *А. Т.*) закончилась войной 1812 года», после чего «Россия вступила в новую фазу»; ее «подлинную историю» «открыл собою лишь 1812 год»[50]. О 1812 г. как важнейшей после «Петра Великого» эпохе, «с которой началась новая жизнь для России», писал — и, как видим, почти в тех же выражениях — Н. Г. Чернышевский[51].

---

[47] *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в., с. 346.

[48] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955, т. VII, с. 269, 446.

[49] Там же, с. 446—447.

[50] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956, т. VII, с. 153, 193—194.

[51] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1947, т. III, с. 285. Сходной точки зрения на место 1812 года в новом периоде русской истории придерживался и А. Н. Пыпин: «Война двенадцатого года была из тех великих войн, которые оставляют по себе долгую память и производят сильное действие на народную жизнь... Со времен Петра, когда Россия завоевала свое положение в системе европейских государств, не было войны, которая бы так сильно повлияла на национальное созна-

Эти яркие историко-публицистические высказывания исполнены вместе с тем и точного исторического смысла. В трудах советских историков последнего времени учитывается намеченная революционно-демократической мыслью периодизация, и 1812 год признается переломным после начала XVIII в. рубежом в истории новой русской культуры[52]. Закономерно поэтому предположить, что и для мемуаристики как составной части русской культуры 1812 год явился такой же переломной вехой. Оказав громадное воздействие на все стороны духовной жизни русского общества, на национальное и гражданское самосознание, на сам тип исторического мышления и социально-психологический облик личности, 1812 год не мог не отразиться существенным образом и на органически связанном с ними мемуаротворчестве.

Влияние эпохи 1812 г. на развитие русской мемуаристики и составляет тему нашего исследования. Однако тема эта слишком обширна и сложна, чтобы быть исчерпанной в одной монографии. Но, прежде чем уточнить ее задачи и предмет, поясним, что́ мы вкладываем в само понятие «эпоха 1812 г.».

Оно объемлет собой не только Отечественную войну, но и весь цикл явлений военно-политической и общественной жизни периода войн с Наполеоном — от 1812 до 1815 г. включительно, когда и было окончательно сокрушено могущество созданной им империи, упадок которой начался, как указывал В. И. Ленин, в 1812 г. в России[53]. При всем несходстве в социально-политическом содержании кампаний 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. (в каждой из которых по-разному проявлялось «сочетание духа возрождения с духом реакционности» [54], т. е. национально-освободительных и феодально-легитимистских начал) в известном смысле они составляют единый исторический период. Еще современники отчетливо сознавали нерасторжимую связь Отечественной войны с заграничными походами. Для них эти походы были естественным следствием предшествующей кампании и объединялись с ней в одну целостную «эпоху 1812—1815 годов» [55]. Боевой офицер А. И. Антоновский, приступая в своих записках к описанию кампании 1813 г., оговаривал, что она была «*продолжением* эпохи прошедшего года». «Отечественная война *завершилась* походом 13, 14 и 15 годов» [56], — писал армейский партизан К. А. Бискупский.

ние» (*Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. 4-е изд. СПб., 1908, с. 272).

[52] *Краснобаев Б. И.* Основные черты новой русской культуры. — Вопросы истории, 1976, № 9, с. 93; *Он же.* Русская культура XVIII в.: Предмет и задачи изучения, с. 39.

[53] Ленинский сборник, XI, с. 50.

[54] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 10, с. 436.

[55] Русский вестник, 1864, № 6, с. 783; *Липранди И. П.* Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года. М., 1876, с. IV.

[56] *Харкевич В.* Вильна, 1904, вып. III, с. 181; Бумаги Щукина. М., 1903, ч. VII, с. 310. (Курсив мой. — *А. Т.*).

«Время *от 1812 до 1815 годов* было великой эпохой для России»[57], — отмечал и Белинский. Однако «величие» и целостность этой эпохи он связывал уже не только с противоборством России и Франции на внешней арене и военными победами, но в не меньшей мере с тем «внутренним преуспеянием в гражданственности», который принес России 1812-й и последовавшие за ним годы. Именно в этом и состоял прежде всего реальный социально-идеологический смысл формулы «эпоха 1812 г.» для Белинского, как, впрочем, и для декабристов, Герцена, Чернышевского. Для них эта формула обозначала своего рода геологический сдвиг в глубинах народной жизни, пробудивший духовные силы нации, давший мощный толчок политическому сознанию общества и в исторической перспективе чреватый освободительными потенциями.

Можно было бы рассматривать влияние эпохи 1812 г. непосредственно на русскую мемуаристику в целом, когда объектом исследования явилась бы мемуарная литература последовавшего за 1812 г. времени во всей ее громадной, практически необъятной массе, во всем богатейшем репертуаре ее памятников, но вне всякой связи с тем, какого характера и какой значимости события в них отображались. Теоретически такой подход вполне допустим, но его осуществление, сопряженное с чрезвычайными трудностями источниковедческого и чисто методического порядка, растянулось бы на весьма длительный срок. Возможен, однако, и иной, более эффективный способ освещения той же проблемы.

Денис Давыдов как-то заметил, что «резец беспристрастного историка не отделит» имен ряда видных участников Отечественной войны «от великих воспоминаний 1812 года». Несколько позднее он писал, что характеры и подвиги некоторых из них неразрывно связаны «с великими воспоминаниями XIX века»[58] (Под «воспоминаниями» же Д. В. Давыдов имел здесь в виду, нам думается, не только глубину и живучесть впечатлений от эпохи 1812 г. в памяти ближайших к ней поколений, но и сами мемуарные повествования о событиях 1812 г., их особое место в ряду всех остальных русских мемуаров своего времени.) В самой этой замене одного года целым столетием есть нечто символическое, ибо в то время, когда жил Давыдов, и долгие годы спустя «великими воспоминаниями XIX века» и были прежде всего воспоминания о 1812 г.[58a] Есть поэтому все основания

---

[57] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 446 (Курсив мой. — *А. Т.*)

[58] Сочинения Д. В. Давыдова. М., 1860, ч. I, с. 31; Сочинения Д. В. Давыдова. СПб., 1893, т. I, с. 148.

[58a] Спустя более 30 лет после смерти Д. В. Давыдова тот же взгляд на роль исторических воспоминаний об эпохе 1812 г. в духовной жизни России XIX в. высказал вдумчивый мемуарист, близкий к славянофилам литератор и земский деятель В. В. Селиванов. По его наблюдениям, эта эпоха «долго еще жила в памяти народной и долго еще служила предметом разговора». Поясняя смысл этих слов, он писал далее: «Если принято историею относить внешние проявления жизни народа, т. е. его обычаи, нравы, степень самосознания и проч., к сто-

роль эпохи 1812 г. в судьбах русской мемуаристики раскрыть прежде всего через посредство корпуса мемуаров, вызванных к жизни этой эпохой, ей так или иначе посвященных. Вполне очевидно, что такая постановка темы выдвигает в качестве первоочередных задач монографии изучение самого этого корпуса, как он складывался на протяжении длительного исторического периода, и выявление на данной основе общего масштаба сдвигов в развитии русской мемуаристики, порожденных эпохой 1812 г. Более же подробный и углубленный анализ влияния эпохи 1812 г. на русскую мемуарную литературу, его конкретных проявлений и качественных особенностей не укладывается в рамки настоящей монографии и должен составить предмет самостоятельного исследования.

Забегая немного вперед, укажем, что корпус мемуаров об эпохе 1812 г. включает в себя более 450 самых разнообразных по объему, манере повествования и идейной направленности памятников, главным образом опубликованных, но также и рукописных, которые образуют весьма заметную долю в общем составе русских мемуаров, а процесс создания этих памятников растянулся почти на целое столетие. Преимущественное значение имеют для нас, понятно, мемуары, специально посвященные эпохе 1812 г., поскольку именно в данной их группе импульсы мемуаротворчества, прямо порожденные этой эпохой, ее ближайшими и отдаленными последствиями, могут быть вскрыты наиболее глубоко и отчетливо. В эту численно наиболее значительную часть корпуса входит ряд замечательных по своим историческим и литературным достоинствам произведений, по праву считающихся мемуарной классикой XIX в. Эпоха 1812 г. отразилась, однако, не только в специально посвященных ей воспоминаниях, но и в обширных по временному охвату мемуарных повествованиях, среди которых также немало выдающихся памятников, лежащих на магистральных направлениях развития русской мемуарной литературы, наиболее типичных для нее, во многом определяющих собой ее облик, вроде, например, мемуарной эпопеи Герцена или известных «Записок» Ф. Ф. Вигеля. Таким образом, корпус мемуаров об эпохе 1812 г. и по своим количественно-хронологическим параметрам, и с содержательно-качественной точки зрения является достаточно представительным материалом для познания русской мемуаристики.

Очертив предмет нашего изучения — русскую мемуаристику 1812 г. как исторически складывавшийся в определенных общественных условиях корпус источников, мы должны хотя бы в самом общем виде сказать о методике исследования, тем более что

летиям, то XIX столетие для России резко обозначилось 1812 годом. До 12 года продолжалась жизнь XVIII века, но в 12 году совершился перелом в общественной жизни, давший русскому обществу тот вид и порядок, в каком оно почти, можно сказать, остается неизменным до 1855 года» (*Селиванов В. В.* Предания и воспоминания. СПб., 1881, с. 106—107).

в нашей историографии опыты подобного рассмотрения мемуаров отсутствуют и его способы не прояснены.

В монографии применены прежде всего апробированные многолетней научной практикой приемы во всем том, что касалось происхождения, датировки, атрибуции, соотношения текстов, истории публикаций отдельных мемуарных памятников. Дело осложнялось, однако, тем, что мемуары об эпохе 1812 г., хотя и использовались многократно в трудах историков, в источниковедческом плане специально не изучались. В дореволюционной и советской литературе, как это ни покажется странным на первый взгляд, нет работ такого плана, посвященных даже самым крупным мемуарам о 1812 г., если не считать вступительных заметок и примечаний к публикациям некоторых воспоминаний в старых исторических журналах[59].

Мы не могли, однако, ограничиться механическим суммированием результатов равномерного источниковедческого анализа каждого мемуарного памятника как такового. Сами задачи и профиль нашей работы диктовали иной подход. Поскольку объектом исследования является развивавшийся во времени массив, корпус мемуарных памятников в его, так сказать, целостности, то, как и всякий массив источников, он требует адекватных своему масштабу и значению методов. В их основе лежала специально разработанная программа в виде анкеты-вопросника из нескольких десятков пунктов (некоторые из них, естественно, уточнялись и отпадали по ходу исследования), которая была «предъявлена» каждому мемуарному памятнику, и извлеченные таким образом сведения заносились на карточки. Они составили несколько картотек, в разных аспектах характеризующих изучаемый массив. Картотеки были сведены в три перечня — Перечень I, II, III (подробнее о них мы еще скажем далее), дающие систематизированное представление о составе этого массива и позволяющие применить к нему формализованно-количественные способы обработки. Пределы их в приложении к таким своеобразным, всякий раз неповторимым по содержанию источникам, как мемуары, отражающим главным образом *индивидуальные* по их внутренней сути проявления исторической жизни,

---

[59] В области историографии мемуаристики 1812 г. мы располагаем лишь общими обзорами небольшой группы воспоминаний и записок участников войн 1812—1814 гг. в учебных курсах и источниковедческих пособиях (*Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1872. Введение, с. 72—74; *Никитин С. А.* Указ. соч., с. 104—107, 129—131; *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, с. 294—313) и, кроме того, статьей Полиевктова М. А. «Первая Отечественная война («1812 года») в воспоминаниях и письмах современников», имеющей характер аннотированного перечня примерно 25 мемуаров об эпохе 1812 г. (Труды Тбилисского гос. ун-та, 1942, вып. XXIII, с. 57—69). Следует также упомянуть разделы о ряде мемуарно-эпистолярных произведений на ту же тему в книге В. Базанова (*Базанов В.* Очерки декабристской литературы. М., 1953, с. 106—125), где они рассматриваются в плане литературно-общественного движения 10—20-х годов XIX в.

конечно, весьма ограниченны сравнительно с массовыми источниками в точном смысле слова. Под последними мы понимаем однотипные по структуре и номенклатуре отраженной информации документы, предназначенные в ходе социально-исторической практики для систематической фиксации *массовых* (т. е. однородно-повторяющихся) явлений жизни общества[60]. Поэтому мы сочли возможным прибегнуть лишь к некоторым элементарным подсчетам на базе выделения чисто «внешних» признаков (датировка мемуаров, хронология публикаций, их численность и т. д.), не затрагивающих внутренней ткани мемуарного повествования, с последующей историко-источниковедческой интерпретацией полученных данных. Итоги подсчетов представлены в виде таблиц — вместе с Перечнями они помещены в Приложениях к данной монографии[61].

К ТИПОЛОГИИ МЕМУАРНОГО ЖАНРА

Историко-типологический подход к мемуаристике предполагает уточнение понятия «мемуары» как вида источников, с тем чтобы определить критерии учета мемуарных памятников. Это, однако, совсем не такое простое дело, как могло бы поначалу показаться. Трудности, возникающие здесь, двоякого рода.

Прежде всего они связаны с реальным состоянием подлежащего учету материала. Многообразие форм, в которых сущест-

---

[60] *Ковальченко И. Д.* Задачи изучения массовых исторических источников. — В кн.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 6. В литературе иногда мемуары неправомерно квалифицируются как «массовые» источники лишь в связи с наличием некоего их множества для той или иной эпохи (Источниковедение истории СССР, с. 397—398; *Минц С. С.* Об особенностях эволюции источников мемуарного характера. — История СССР, 1979, № 6, с. 65). Однако множественность, как чисто количественный показатель, не идентична массовости, имеющей свою качественную определенность в указанном выше смысле. Очевидно, что одни только количественные критерии здесь недостаточны. Принадлежность источников к категории массовых зависит не только от того, в каком количестве они «продуцировались» и сохранились до нашего времени, и даже не от самого факта отражения в них массовых по своей природе явлений исторической действительности, ибо они могут опосредованно, косвенно, эпизодически отражаться и в единичных, уникальных памятниках (законодательных, публицистических и т. д.). Принадлежность источников к разряду массовых определяется прежде всего *имманентно-присущей им в реальной исторической жизни функцией фиксировать* (а во многих случаях и непосредственно воплощать) массовые состояния и процессы. Возможно, было бы полезно для больших групп немассовых по происхождению источников, скажем тех же мемуаров, ввести понятие «множественные источники». См.: *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. М., 1979, с. 7.

[61] В тексте монографии и в сносках ссылки на Перечни даются далее римскими цифрами с указанием порядкового номера мемуарного произведения, входящего в состав одного из трех Перечней, и в нужных случаях — его тома и страниц. Ссылки на таблицы даются сокращенно, например: табл. 1.

вуют мемуары нового времени, тесное переплетение их с родственными документами личного происхождения и другими группами повествовательных источников вообще, наконец, промежуточное положение мемуаристики, находящейся как бы на стыке научной историографии, исторической публицистики, художественно-исторической прозы и воплощенных в той или иной литературной форме обыденных исторических представлений, — все это осложняет выработку искомых критериев.

Не менее существенны и затруднения историографического свойства, в частности неупорядоченность терминологически-понятийного аппарата мемуаристики. Так, по кардинальному в данном отношении вопросу об отличительных видовых чертах мемуаров в литературе встречаются весьма разные, а порою и противоречивые суждения. Более того, в последние десятилетия наметилась тенденция отрицать самую возможность выделения их устойчивых типологических признаков. Высказывались, например, мнения о трудноуловимости критериев отнесения тех или иных произведений к мемуарам и «тщетности» попыток навязать им «некие канонические формы», о том, что «неразличима... межа, отделяющая мемуары от художественной литературы, публицистики, научных исследований», наконец, что «единого жанра мемуарной литературы не существует» вовсе [62].

Думается, однако, что «межа», отделяющая мемуары от близких к ним литературно-исторических жанров, все же достаточно различима. Представление о размытости границ мемуаристики преувеличено и проистекает отнюдь не из самой ее природы, а из недостаточной изученности мемуаров *на уровне вида* источников как в историко-источниковедческом, так и в методологическом планах. Мы не ставим перед собой столь обширной задачи — это область специальных исследований. Но попытаемся наметить интересующие нас критерии, опираясь на ценные наблюдения, которые накоплены по этому вопросу в современных обобщающих и теоретико-методических трудах по источниковедению, базирующихся на опыте изучения отечественной мемуаристики XIX—XX вв. Особенно важны здесь вступительные статьи к недавно изданным фундаментальным библиографическим и архивным справочникам о мемуарно-дневниковых источниках [63]. Давая научное обоснование принципов отбора включаемых в них произведений, эти статьи в известной мере преследовали те же цели, какие стоят в данном случае и перед нами.

---

[62] *Левицкий Л.* Где предел субъективности? — Вопросы литературы, 1974, 4, с. 106; *Кардин В.* Сегодня о вчерашнем. М., 1961, с. 69—73; Литературная энциклопедия. М., 1934, т. 7, с. 138.

[63] *Зайончковский П. А.* Введение. — В кн.: ИДРДВ, т. I, с. 3—15; От составителей. — Там же, с. 16—21; От составителей. — Там же. М., 1977, т. II, ч. 1, с. 5—10; *Житомирская С. В.* Предисловие. — В кн.: Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указатель рукописей. М., 1976, с. 3—12; *Она же.* Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников. — В кн.: АЕ за 1976 год. М., 1977, с. 41—59.

* *

В последнее время в советском источниковедении все более утверждается точка зрения о зависимости вида источника от его социальных функций, т. е. от того, какую роль он играл в системе общественных отношений, каково было его место в социальной практике, для обслуживания каких ее сфер он был создан. Речь идет, стало быть, о *первичной* социальной функции источника, обусловленной непосредственно породившей его социальной деятельностью определенного типа и как бы материализующейся в его целевом назначении. В этом плане социальные функции источников следует полагать их коренным видообразующим фактором, которым детерминированы отличительные видовые и производные от них признаки источников, в частности объем и целенаправленность отбора фиксируемой информации, существенные элементы структуры и т. д., т. е. тó, что главным образом и составляет свойственную данному виду систему отражения исторической действительности.

Различным видам источников соответствуют, таким образом, разные социальные функции, близкие по своему характеру виды порождаются сходными функциями, одна и та же социальная функция может быть реализована (хотя с разной степенью полноты) в ряде родственных видов или разновидностей, и вместе с тем в каком-то одном источнике бывает часто «заложено» несколько функций. *Полифункциональность* присуща источникам изначально, поскольку в реальной исторической жизни разные типы социальной деятельности не разделены непроходимой стеной, а теснейшим образом взаимосвязаны. Совмещение разных функций в пределах одного источника не меняет его принадлежности к определенному виду в тех случаях, когда отчетливо выявляется какая-то основная функция, подчиняющая себе остальные, побочные, которые иногда даже усиливают ее действие. Но нередко социальные функции так глубоко переплетены и растворены друг в друге, настолько «диффузны», что образуются некие гибридные, промежуточные состояния источников со множественными и недостаточно резко выраженными видовыми свойствами [64].

В свете сказанного мы можем приблизиться к пониманию социальных функций мемуаров, но предварительно сформулируем кратко их дефиницию. В учебной и исследовательской литературе имеется множество определений мемуарного жанра, характеризующих его с разных сторон и на различных уровнях. Но наиболее существенным и бесспорным во всех этих определениях следует признать представление о мемуарах как *повествованиях*

---

[64] Подробнее см.: *Тартаковский А. Г.* О социальных функциях исторических источников. — В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. М., 1979, с. 47—67.

о прошлом, основанных на личном опыте и собственной памяти автора.

Мотивы мемуаротворчества в целом весьма разнообразны, но исторически изменчивы и в разные эпохи далеко не одинаковы. Их диапазон колеблется от целей внутренне-интимных (потребность разобраться в прожитой жизни, извлечь из нее уроки в назидание детям и близким, укрепить преемственность семейных традиций и т. п.) до вызванных животрепещущими общественными интересами, когда мемуары пишутся ради сведения счетов с былыми политическими противниками, самооправдания в глазах современников, утверждения мемуаристом своей роли в событиях прошлого и т. д.

Но при всей пестроте этих конкретных целей и поводов в них неизменно присутствует нечто общее, что и позволяет говорить о *единстве* целевого назначения мемуаров, — стремление личности *запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем*[65]. «Нет, я думаю, ни одного человека из могущих мыслить, которому не приходила когда-нибудь мысль: „Кто я? где я? откуда я пришел? что видел я? и куда пойду?“» — так начиналось обширное, охватывавшее громадную историческую эпоху от 50-х годов XVIII в. до 20-х годов XIX в. автобиографическое повествование Гавриила Добрынина (I, № 16 г, с. 3). Уже сама постановка этих вопросов заключала в себе своего рода философию мемуаротворчества, формулировку сверхзадачи мемуариста, осознающего себя частицей общего движения истории и озабоченного тем, чтобы его жизнь не прошла незамеченной для потомства. А. Т. Болотов — современник Г. И. Добрынина и автор другого крупнейшего памятника русской мемуаристики рубежа двух веков, сетуя на «небрежение» к прошлому своих предков, не оставивших «ни малейших о себе письменных известий», цель предпринятого им жизнеописания усматривал в том, чтобы все случившееся с ним в жизни и известное ему о своем роде сохранить «от забвения всегдашнего, а о себе оставить потомкам моим незабвенную память»[66]. Это сокровенное желание любого сознательно относящегося к своему делу мемуариста оставить след о своей жизни, «продлить о себе память», «напомнить о себе в потомстве» (II, № 11, с. IX)[67] особенно проникновенно выразил Ф. Вигель, писавший на первых же страницах своих записок (правда, не без оттенка иронического самоуничижения), что хочет посредством их «*продлить к концу приближающееся тленное и малозначительное бытие мое*... с надеждою... быть замечену каким-нибудь вели-

---

[65] *Курносов А. А.* Методы исследования мемуаров: Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 1965, с. 13; *Елизаветина Г. Г.* «Былое и думы» Герцена и русская мемуаристика XIX в., с. 1—2; *Биск И. Я.* Указ. соч., с. 135.

[66] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738—1793. СПб., 1870, т. I, с. 1—2.

[67] *Боровков А. Д.* Автобиографические записки. — Русская старина, 1898, № 9, с. 547.

ким мужем, который удостоит *приобщить меня* к своему бессмертию или, по крайней мере, *долговечию*» (II, № 43б, т. I, с. 5. Курсив мой. — *А. Т.*).

Таким образом, даже если мемуары и не являются прямым откликом на текущие запросы жизни, пишутся автором как бы для внутреннего «самоотчета», утаиваются от современников, они все равно составляются с прицелом на то, что рано или поздно будут кем-то прочтены и преданы гласности, и потому всегда обращены к последующим поколениям, к будущему, к истории. Создание мемуаров есть результат особой, *осознанно-целеустремленной деятельности личности по закреплению и сохранению доступной ей и преломленной через ее индивидуальный жизненный опыт информации о прошлом*. Сравнительно с другими источниками личного происхождения именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется *историческое самосознание личности* [68] — в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников. Выше уже отмечалось, что потребность личности в историческом самосознании возникает лишь в определенных исторических условиях и соответствует относительно высокому уровню общественного сознания.

Говоря о социальных функциях мемуаристики, следует отметить органически присущую ей установку на воссоздание определенного участка *исторически конкретной, реально бывшей* действительности [69]. «Воссоздание *истинной* картины жизни. . . цель мемуариста» [70] (речь идет здесь, разумеется, об общей установке мемуаров как вида источников, а не об индивидуальных возможностях каждого отдельно взятого мемуариста воспроизвести подлинные обстоятельства прошлого). Многие воспоминания уже в эпоху становления мемуарного жанра в России открыто провозглашали это свое принципиальное качество: «*Истинное* повествование, или жизнь Гаврилы Добрынина, им самим писанная» (I, № 16); «*Истинные* записки моей жизни» (воспоминания морского офицера С. Я. Унковского о событиях 1803—1808 гг.); «Жизнь и похождения г. С. С. Б[атурина]. Повесть *справедливая*, писанная им самим» [71]. Введение в заглавия этих мемуаров прямых ссылок, относящих их к числу произведений об «истинном», непридуманном, «справедливом», полемически заостряло внимание на противоположности их всякого рода «вымышленным повество-

---

68 *Курносов А. А.* Личность в истории, история в личности. — История СССР, 1971, № 4, с. 198; *Гладков А. К.* Мемуары — окна в прошлое. — Вопросы литературы, 1974, № 4, с. 183.

69 КЛЭ. М., 1967, т. 4, с. 759; *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в., с. 351; *Гинзбург Л.* Указ. соч., с. 10, 137.

70 *Нечкина М. В.* Конспиративная тема в «Былом и думах» А. И. Герцена, с. 276.

71 Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указатель рукописей, с. 368; ИДРДВ, т. I, № 464. (Курсив мой. — *А. Т.*).

ваниям» (термин, употребленный А. С. Пушкиным в связи с историческим романом, но широко бытовавший в литературно-критической мысли первой трети XIX в. для обозначения беллетристики вообще) [72]. Тот же смысл вкладывался в настойчивые и характерные, кстати, для множества других мемуарно-автобиографических сочинений XVIII—первой половины XIX в. указания на то, что они составлены не кем иным, как самим автором, что лишний раз удостоверяло их подлинность, действительную принадлежность означенному в названии (или подразумеваемому в тексте) реальному лицу. В этом же плане существенно признание участника Отечественной войны, известного впоследствии исторического романиста И. И. Лажечникова в его «Походных записках русского офицера» (СПб., 1820, с. 10—11), которые хотя и не являются воспоминаниями в точном смысле слова, но близко примыкают к мемуарному жанру. Сообщая о том, что́ «удержало его от соблазна» домыслить неизвестную развязку одного из трагических эпизодов 1812 г., Лажечников делает такую оговорку: «Если бы я писал роман, а не истинное приключение», подчеркивая тем самым несовместимость описания реально происшедшего с романизированно-беллетристическим рассказом.

Обратить особое внимание на данное обстоятельство побуждает нас не раз выдвигавшееся в современной литературе совсем иное понимание вопроса о подлинном и вымышленном в мемуарах.

Основываясь главным образом на одной их группе — воспоминаниях, вышедших из-под пера писателей (и искусственно противопоставляя их в этом отношении всем остальным, написанным «бывалыми людьми») [73], некоторые авторы настаивают на плодотворности сочетания в мемуарах «подлинной действительности с элементами творческого вымысла» [74], придающего им «новые источники энергии», и утверждают, что «художественный вымысел и фантазия играют в мемуарах роль не менее значительную, чем в обычном беллетристическом произведении», ибо, принимаясь за них, профессиональный литератор не перестает быть «художником слова» [75]. Возникнув вследствие узколитературоведческого подхода к мемуаристике, эта точка зрения неоправданно отождествляет понятие «художественный вымысел» с более широкой категорией эстетического.

Художественный вымысел является лишь одним из способов художественного воссоздания и эстетического освоения действительности. Последнее свойственно самым разным формам духовной деятельности человека в сфере повседневного, житейского, практического. Для «эстетической значимости необязателен вымы-

---

[72] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949, т. XI, с. 92; *Греч Н. И.* Учебная книга Российской словесности. СПб., 1819, ч. 1, с. 319, 320.

[73] *Левицкий Л.* Указ. соч., с. 111.

[74] *Азадовский М. К.* Указ. соч., с. 623.

[75] *Левицкий Л.* Указ. соч., с. 111—115; *Машинский С. И.* О мемуарно-автобиографическом жанре, с. 137.

сел» — верно замечает по этому поводу Л. Гинзбург[76]. Единичный факт самой действительности, частные подробности и ситуации реальной жизни могут быть наделены изобразительной силой типического обобщения и заключать в себе высокий эстетический смысл, потенцию художественного образа, не будучи при этом «сотворены» фантазией художника[77].

Именно поэтому многие мемуары, как и другие разновидности «документального» повествования, — причем, написанные не только «художником слова», но и «бывалыми людьми», — представляют собой истинно литературные произведения, великолепные образцы художественной прозы. Еще в 40-х годах XIX в. В. Г. Белинский признавал право мемуариста на «художественное воспроизведение лиц и событий»[78].

Однако эстетическое начало свойственно мемуарам лишь в тех пределах, о которых было сказано выше. В мемуарах допустима любая степень обобщения, типизации и психологического проникновения в душевный мир человека, за исключением той, где «участвует художественный вымысел»[79]. «Мемуары, чуждые всякого вымысла», — писал Белинский, ценимы «только по мере достоверной и точной передачи ими *действительных* событий»[80]. Вторжение «элементов вымысла» в мемуары разрушает мемуарный жанр в самых фундаментальных его основаниях, искажая исконно присущее ему функциональное качество. Наличие вымысла в мемуарах переводит их, в сущности, в разряд других литературных жанров.

Ориентация мемуариста на реальную действительность, исключающая вымысел как *сознательную эстетическую установку*, не снимает вопроса о достоверности мемуаров, связанного с наличием в них иных форм «вымышленного», естественно возникающих в результате невольного и психологически объяснимого «домысливания» авторским воображением отдельных деталей и эпизодов в целях воссоздания более полной картины прошлого, ошибок памяти или преднамеренных домыслов тенденциозного и недобросовестного мемуариста.

* * *

Каковы же вытекающие из охарактеризованной выше социальной функции мемуаров их отличительные *видовые* признаки?

Первейший из них — непосредственно и открыто выраженное *личностное начало*, в силу чего на передний план выступает сам

---

[76] *Гинзбург Л.* Указ. соч., с. 10.
[77] Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 570; *Гулыга А. В.* Эстетика истории. М., 1974, с. 44, 47—48, 61—63; *Гинзбург Л.* Указ. соч., с. 6, 10, 12.
[78] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956, т. X, с. 316.
[79] Развитие реализма в русской литературе. М., 1973, т. II, кн. 1, с. 186; *Биск И. Я.* Указ. соч., с. 122.
[80] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. X, с. 316. (Курсив мой. — *А. Т.*).

автор, не в том, однако, смысле, что повествование ведется от первого лица — это хотя и важный, но отнюдь не обязательный признак мемуаров: они могут быть рассказаны и в форме третьего лица самим автором или кем-либо, записавшим его устные воспоминания. И не в том также дело, что автор образует сюжетный центр воспоминаний — черта, характерная преимущественно для одной, автобиографической разновидности мемуаров. Главное заключается в том, что весь рассказ о прошлом строится в них *через призму индивидуального восприятия автора*, опосредованного его классовыми, политическими, сугубо личными устремлениями и т. д., короче — все события излагаются или в их отношении к автору, или в его отношении к ним. «В мемуарах автор всегда говорит от своего лица, оно играет тут важную роль, и мы не иначе, как через него принимаем участие в рассказываемых им событиях. Его личность никогда не закроет от читателя истины, потому что для читателя сам автор является тут не чем иным, как живым фактом прошедшего» [81]. Личность автора выступает, таким образом, как *организующий стержень* мемуарного повествования, как его *структурный* принцип [82].

Авторская субъективность [83] предстает, следовательно, неотъемлемым свойством любых мемуаров, единственно присущей им формой постижения объективной картины прошлого [84]. Поэтому раздававшиеся иногда упреки мемуаристам в субъективности (равно как и попытки каким-либо искусственным образом преодолеть ее) есть не что иное, как посягательство на сами законы мемуарного жанра [85].

Следовательно, и диапазон изображения прошлого предопределен в мемуарах личным кругозором автора: он «воспроизводит лишь ту часть действительности, которая находилась... в поле его зрения» [86]. Однако, как ни велика познавательная ценность свидетельств мемуариста, основанных на лично им увиденном и услышанном, мемуарные повествования одним этим, как правило, не исчерпываются. Воспоминаний, передающих только собственные впечатления автора о событиях, вообще говоря, не так уж много, и они характерны главным образом для сравнительно простых форм мемуаристики. Между тем в литературе распростра-

---

[81] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. X, с. 414.

[82] *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в., с. 347; *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС. М., 1973, с. 314—315.

[83] Подчеркнем, что речь идет не о намеренно тенденциозном субъективизме мемуариста в освещении тех или иных событий, что может иметь, как известно, и достаточно скрытый характер, а именно о субъективности как открыто выраженном личностном начале в мемуарах. См.: *Минц С. С.* Указ. соч., с. 57—60.

[84] *Дмитриев С. С.* Воспоминания, дневники, частная переписка [эпохи капитализма], с. 394; *Левицкий Л.* Указ. соч., с. 109—110.

[85] *Ланщиков А.* Обязанности свидетеля. — Вопросы литературы, 1974, № 4, с. 91.

[86] КЛЭ, т. 4, с. 759.

нена точка зрения, ограничивающая круг мемуаров лишь теми произведениями, в которых запечатлены рассказы непосредственных участников и свидетелей событий [87]. Такое узкое, своего рода сенсуалистическое понимание природы мемуарного жанра вызывает возражение с принципиальной точки зрения и не согласуется с исторически сложившимся (хотя бы в пределах России) типом мемуарных памятников XVIII—XIX вв. От этого времени до нас дошло множество воспоминаний, признанных классическими образцами мемуарного творчества, реальное содержание которых никак не укладывается в рамки непосредственно воспринятого автором.

В «поле зрения» мемуариста входит все то, что прошло через его личный опыт в широком смысле слова, что было известно ему о своей эпохе как ее современнику, что он знал о ней из устной традиции и всех иных источников вообще, наконец, что было им пережито и передумано [88].

Отсюда и сложность состава запечатленной в мемуарах информации, объемлющей собой слои разных уровней, разной степени близости к описываемым событиям — от непосредственных впечатлений мемуариста (назовем этот слой «показаниями очевидцев» [89]) до включенных в мемуары сообщений других современников [90], разного рода слухов, преданий, наконец специально

---

[87] СИЭ. М., 1966, т. 9, с. 343; КЛЭ, т. 4, с. 759; *Биск И. Я.* Указ. соч., с. 122; Публикация мемуарных источников: Методическое пособие. М., 1972, с. 6. Ротапринт; *Бушканец Е. Г.* О классификации мемуарных источников. — В кн.: Русская литература и освободительное движение. Казань, 1972, с. 78.

[88] Характерны в этом отношении авторские названия и «предуведомления» некоторых типичных для XIX в. мемуарных памятников, откровенно демонстрирующие широту диапазона отображенных в них явлений. Например, размах повествования, многоплановость тематики, неоднородность источников очень точно переданы в пространном названии мемуаров М. Д. Бутурлина (сына знаменитого библиофила и коллекционера): «Воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожилов, портреты, впечатления... литературные заметки и фамильная летопись» (II, № 92). Не менее типична оговорка, предваряющая обширные автобиографические мемуары К. К. Жерве: «Пишу только о том, что сам видел и слышал, или о том, что мне было передано другими членами моего семейства, которые сами были действующими лицами или, наконец, получили сведения из верных источников» (II, № 94, с. 420).

[89] *Тартаковский А. Г.* Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 году: (К методике источниковедческого анализа). — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 237—242.

[90] Сами мемуаристы при характеристике содержания воспоминаний чутко улавливали различие между понятиями «очевидец» и «современник». Балетмейстер А. П. Глушковский в записках о литературно-общественном и театральном быте первой трети XIX в. предупреждал читателя: «Большей части событий, описанных мною, я был *очевидцем*. Некоторые из них были мне переданы моими *современниками*, которые были свидетелями их...» (II, № 85б, с. 60). Псковский купец Шарин, объясняя, почему в своих воспоминаниях о поездке в штаб П. Х. Витгенштейна в сентябре 1812 г. он не коснулся общего хода военно-политических

привлеченных материалов, восполняющих пробелы личной осведомленности мемуариста и необходимых для уяснения связи воспроизводимых им фактов с эпохой, для обрисовки «исторического фона» [91], который, кстати говоря, может так разрастись и потеснить личностное начало, что мемуары утрачивают порою свою жанровую определенность, сближаясь уже с собственно историческими повествованиями. Чем шире круг изображаемых мемуаристом явлений прошлого и чем дальше отстоял он от них во время свершения событий, тем меньше в мемуарах удельный вес «показаний очевидцев» и тем более весомы все те сведения, которые «добыты» автором сверх его собственных впечатлений.

Однако масштаб и глубина воссоздания прошлого зависят, конечно, не только от всего того, что́ знал о нем мемуарист, но и от его интеллектуальных запросов, склонности к философско-историческому мышлению, нравственно-психологических исканий, публицистического темперамента, общих культурных интересов и т. д.

Ретроспективность — другой отличительный видовой признак мемуаров. Они всегда возникают *после* описываемого в них и всегда обращены в прошлое. В период их создания автор находится вне той сферы событий и той системы отношений, которые выступают предметом воспоминаний, то ли потому, что события эти уже совершились, всецело относятся к области прошедшего, то ли оттого, что участие в них автора по тем или иным причинам было прервано [92]. Наличие временно́й дистанции (она может колебаться от нескольких недель до целых десятилетий) между совершением события и моментом создания мемуаров нередко заметно влияет на освещение в них прошлого. Если оставить пока в стороне вопрос о воздействии времени на свойства памяти мемуариста, то в данной связи важно отметить следующее.

Во-первых, те искажения, которым подвергаются первоначальные впечатления мемуариста в период совершения самого события или вскоре после него, ибо не записанные сразу же, по горячим следам, они редко остаются достоянием его самого. Соприкасаясь с другими очевидцами, он вступает в процесс интенсивного обмена устной информацией, делится с ними своими наблюдениями, выслушивает их рассказы, обсуждает наиболее волнующие подробности увиденного, невольно испытывая, таким образом, влияние «чужой осведомленности». Личные познания будущего мемуариста приобретают черты некоторой стертости и однообразия, растворяются в некоем «среднем», «общем» мнении, которое он нередко усваивает уже как свое собственное.

событий 1812—1814 гг., ссылался на то, что «сия обязанность принадлежит до истории сочинителей, а не до меня, а притом я был *не самовидец, а современник*, то есть житель города Пскова...» (I, № 76, с. 57. Курсив мой. — *А. Т.*).

[91] *Голубцов В. С.* Указ. соч., с. 62—64.

[92] *Курносов А. А.* Методы исследования мемуаров, с. 23.

Во-вторых, влияние общественного мнения на протяжении всего последующего времени, вплоть до момента составления мемуаров. По мере того как то или иное событие уходит в прошлое, постепенно формируется посвященная ему историографическая традиция со специальными трудами ученых-историков, накопляющимся фактическим материалом и новыми концепциями. Воспоминания о нем живут в массовом сознании, общественной мысли, воплощаются и в искусстве. В дальнейшем историческом развитии попеременно выдвигаются на передний план актуальные для современности аспекты прошлого, их толкование приобретает в отдельные периоды весьма острый характер, попадая и в сферу официальных политических установок. И, чем больше величина времени, протекшего от события до его фиксации в мемуарах, тем выше вероятность обратного воздействия этого множества разнородных (и не всегда поддающихся точному учету) факторов на первоначальную осведомленность мемуариста [93].

Результатом этого временного разрыва является и аберрация личной точки зрения мемуариста. *Отношение его к событиям в период их свершения и в момент создания мемуаров не всегда совпадает*, особенно если хронологический интервал исчисляется годами и десятилетиями. И приобретенный жизненный опыт, и новое положение в обществе заставляют мемуариста смотреть на эти события совсем в ином духе, чем прежде. Консервация современных им оценок в течение сколько-нибудь длительного времени — явление чрезвычайно редкое, вызываемое какими-то особыми обстоятельствами позднейшей жизни автора мемуаров. Такой характер имеют, например, знаменитые воспоминания В. Н. Фигнер «Запечатленный труд» о народовольческом периоде ее жизни, написанные спустя более 30 лет. Консервации прежних впечатлений способствовало, в частности, 20-летнее заключение автора в Шлиссельбургской крепости [94], в специфических условиях полной отрешенности от внешнего мира и идейно-психологической сосредоточенности на героических событиях конца 70-х—начала 80-х годов XIX в.

Несовпадение, а иногда и противоречивый характер этих двух родов отношений мемуариста к воспроизводимым им событиям (одно — идущее из прошлого, другое — из настоящего) влекут за собой столкновение и взаимодействие двух рядов авторской субъективности [95].

Однако, оказываясь во власти настоящего, мемуарист обретает и известную раскованность, «свободу» от бремени прошлого,

---

[93] *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС, с. 325—327; *Курносов А. А.* Приемы внутренней критики мемуаров. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 501; *Тартаковский А. Г.* Показания русских очевидцев.., с. 250.

[94] *Захарова Л. Г.* Мемуары, дневники, частная переписка второй половины XIX в. — В кн.: Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в., с. 377.

[95] *Курносов А. А.* Личность в истории, история в личности, с. 198.

преодолевает инерцию распространенных в нем пристрастий и заблуждений, оценивает его с некоей более высокой точки зрения, наконец, воспринимает описываемые им события в свете их полной или относительной завершенности, знания их ближайших и отдаленных последствий. Ретроспективный угол зрения «фильтрует» закрепляемую мемуаристом информацию, определяет своего рода историзм его общего взгляда, возможность освещения в новом ракурсе уже известных фактов или воскрешения ранее неведомых, «засекреченных» обстоятельств минувшего, и, таким образом, в мемуарах удерживаются уникальные исторические сведения, которые ни в каких других источниках не могли бы быть зафиксированы.

Как носителям ретроспективной информации о событиях прошлого[96] мемуарам противостоят источники синхронные, возникшие в пределах времени свершения самих этих событий, хронологически с ними совпадающие и потому не подверженные никакой последующей деформации[97]. Деление источников на синхронные и ретроспективные не является устойчивой классификационной категорией, оно значимо лишь в методическом плане и в рамках избранного историком предмета изучения. Поэтому указанное выше противопоставление имеет диалектически подвижный характер. Одни и те же мемуары, будучи ретроспективными (или согласно принятой в источниковедении терминологии «преданием») в отношении отраженной в них социальной деятельности прошлого, являются синхронными относительно времени своего возникновения. И в этой ипостаси мемуары выступают уже не «преданием», а «остатком» той эпохи, в которой они созданы, той социальной деятельности, которой они непосредственно порождены и которой обусловлены их общественные функции. Иными словами, относительно эпохи своего создания мемуары выступают как источники *аутентичные*[98].

Необходимость специально подчеркнуть значение мемуаров как аутентичных источников диктуется не только тем, что именно в таком ракурсе мемуаристика 1812 г. рассматривается в настоящей работе. Дело еще и в том, что в историко-источниковедческой практике данный аспект их значения остается обычно в тени, а на передний план традиционно выдвигается ценность мемуаров как «преданий» — носителей ретроспективной инфор-

[96] Понятие «ретроспективность» настолько прочно связано с мемуарами, что еще в прошлом веке применялось для их жанрового обозначения. Так, печатавшиеся в 70-х годах XIX в. мемуарные очерки В. П. Бурнашева о литературно-чиновничьем мире 20—40-х годов современники называли «статьями *ретроспективного* содержания» (*Андроников И. А.* Лермонтов: Исследования и находки. М., 1964, с. 38). Н. С. Лесков в посвященном Т. П. Пассек некрологе характеризовал ее обширный мемуарный труд как «большой *ретроспективный* этюд» (*Лесков Н. С.* Литературная бабушка. — Всемирная иллюстрация, 1889, 8 апр., № 15, с. 266).

[97] *Тартаковский А. Г.* Показания русских очевидцев..., с. 242—264.

[98] Подробнее см.: *Тартаковский А. Г.* Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении. — История СССР, 1973, № 6, с. 70—75.

мации. «Ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»[99]. Стало быть, согласно этому взгляду субъективность мемуаров — имманентное их свойство — вообще лишена какой-либо ценности. Более того, в ряде работ она квалифицируется как заведомый «недостаток», который непременно надо «снять», преодолеть, нейтрализовать, на этом основании мемуары понижаются в ранг источников «второстепенных», дополнительных, и в результате богатство их информационных возможностей не принимается во внимание[100].

Между тем субъективность мемуаров неотделима, как уже указывалось, от положения автора в системе породившей их действительности. В этом плане субъективное отношение к «описываемым событиям» имеет первостепенную важность для познания той общественно-психологической и идейной среды, в которой мемуары возникли; «само это отношение есть драгоценный исторический материал»[101]. Разумеется, слой аутентичной информации отнюдь не просто бывает распознать в мемуарах: часто он не лежит на поверхности, и его выявление требует особых усилий и специальных методов анализа. Сосредоточенный на прошлом, мемуарист редко декларирует связь своих воспоминаний с современностью и мотивы, побудившие его взяться за перо, детерминированность которых сложным сплетением социальных и общественно-идеологических явлений своей эпохи далеко не всегда ясна в полной мере ему самому.

Герцен, тонко чувствовавший жанровую природу мемуаров, глубоко понимал и их ценность как аутентичных источников. «Былое и думы», в частности, он рассматривал и с той точки зрения, что в них ярко и неповторимо запечатлялся сам процесс создания памятника. Признавая справедливость упреков друзей в том, что первые части мемуаров, напечатанные в «Полярной звезде» в середине 50-х годов XIX в., «рапсодичны, не имеют единства, прерываются случайно» и т. д., Герцен отмечал в предисловии к их отдельному лондонскому изданию 1861 г.: «„Былое и думы“ не были писаны подряд; между иными главами лежат целые годы. *Оттого на всем остался оттенок своего времени и разных настроений*, — *мне бы не хотелось стереть его*...»[102].

Важнейший видовой признак мемуаров — *память*. Не случайно сам термин «мемуары», наиболее адекватно обозначающий существо данной категории источников, представляет собой русскую транскрипцию французского слова «memoire», переводимого как «память». Но дело не только в соображениях этимологического порядка. Уже из самого склада мемуаров как источни-

---

[99] *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 4.
[100] См. об этом: *Минц С. С.* Указ. соч., с. 57—60.
[101] *Вацуро В. Э.* Пушкин в сознании современников. — В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 1, с. 5.
[102] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956, т. VIII, с. 9. (Курсив мой. — *А. Т.*).

ов ретроспективного характера и личного происхождения проистекает роль авторской памяти как специфического средства воссоздания исторической действительности в мемуарах, их своеобразного первоисточника[103]. Обстоятельство это в общей форме признано в источниковедческой литературе и на нем не стоило бы останавливаться, если бы не проявляющаяся иногда тенденция смазывать значение памяти как особого признака мемуаров, распространяя его в качестве специфически видового на другие группы источников. Так, М. А. Варшавчик, полагая, что элемент памяти участвует в создании документов, фиксирующих «протекающие или только что совершившиеся события» (в том числе и ведомственных документов), не склонен видеть в памяти существенное «отличие мемуаров» от других видов источников[104].

Конечно, элемент памяти присутствует в той или иной мере во всех актах человеческого сознания. Без памяти нет культуры. Вопрос только в том, каков, так сказать, удельный вес этого элемента сравнительно с другими формами отражения действительности.

С философско-психологической точки зрения протекающие на его глазах современные явления человек фиксирует путем «непосредственного воспроизведения» своих впечатлений[105]. Память же есть особая способность к сохранению и закреплению «того, что уже *было* в сознании», *прежних* впечатлений, *ранее* воспринятой информации, т. е. не что иное, *как свойство сознания отражать и аккумулировать прошлое*[106]. Понятно, что в мемуарах, имеющих своим предметом действительность, ставшую или становящуюся прошлым, она не может быть воспроизведена никакими иными способами, как только через посредство памяти, и ее роль тем большая, чем более эта действительность отдалена во времени от момента создания мемуаров. Для тех же современных событиям источников, которые и имеет в виду Варшавчик, преобладающей формой отражения является отнюдь не память, а как раз то, что в психологии принято называть «непосредственным воспроизведением впечатлений».

Память по своей природе сугубо избирательна (запоминается главным образом то, что было значимым для автора) и с течением времени очень часто слабеет. Первоначальные впечатления тускнеют, вытесняются более поздними, забываются вовсе, утрачивается реальная связь событий, стираются живые краски эпохи, а возникающие пробелы заполняются невольно воображаемыми эпизодами и подробностями. «Память бессознательно и со-

---

[103] *Бушканец Е. Г.* Источники мемуарного повествования. — В кн.: Русская литература и освободительное движение. Казань, 1974, с. 5.

[104] *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС, с. 314—315.

[105] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946, с. 313; *Иванов П. И.* Основы общей психологии. Ташкент, 1964, с. 160—161.

[106] *Рубинштейн С. Л.* Указ. соч., с. 284, 289, 306; БСЭ, 3-е изд. М., 1975, т. 19, с. 131; *Иванов П. И.* Указ. соч. с. 142, 176; *Блонский П.* Память и мышление. М.; Л., 1935, с. 74, 77.

знательно совершает отбор, воскрешая и одновременно разрушая прошлое»[107]. *Поэтому обращение мемуариста в целях оживления* в сознании прошлого или корректировки уже составленного текста мемуаров к иным источникам, запечатлевшим описываемую эпоху и особенно его личное участие в ней (письмам, прессе, официальным документам и т. д.), вполне естественно. Как бы ни было значительно число этих источников, они сохраняют вспомогательную роль в воссоздании прошлого, если пропущены через призму авторской памяти, «сцементированы» ею.

* * *

Итак, мы подробно рассмотрели наиболее существенные признаки мемуаров — личностно-субъективное начало как их организующе-структурный принцип, ретроспективный характер воссоздания действительности и память как его специфическое средство. Эти три признака с достаточной и необходимой, на наш взгляд, полнотой раскрывают качественные особенности мемуаров как вида источников и могут явиться основой для построения типологии мемуарного жанра[108]. Было бы, однако, упрощением полагать эти признаки некоей раз и навсегда данной схемой, в прокрустово ложе которой можно механически вместить все имеющиеся в наличии мемуарные тексты, безоговорочно отсекая все то, что под эту схему не вполне подпадает.

В реальном множестве воспоминаний определенной эпохи они существуют, как будет показано далее, не только в традиционных формах собственно мемуарных повествований, но и в весьма разнообразных сочетаниях с другими, отнюдь не мемуарными произведениями письменности. Так, в частной переписке, реализующей функцию личных двусторонних отношений между людьми, информация адресата о текущей жизни нерéдко переходит в рассказ автора письма об известных ему событиях прошлого, находящих живой отклик в современности. Мемуарные тексты вплетаются и в сочинения с четко определенными научно-познавательными функциями — в исторические статьи и монографии, создатели которых были современниками описываемой эпохи. Их нетрудно обнаружить в деловых документах служебного назначения, в биографиях, некрологах, критических статьях, публицистических произведениях, памфлетах и т. д. Образующиеся в результате гибридные, смешанные состояния источников тем более не поддаются жестко-прямолинейной классифика-

---

[107] *Кораллов М.* Опыт нажитый, опыт осознанный. — Вопросы литературы, 1974, № 4, с. 55.

[108] Близкое к изложенному выше понимание видовых признаков мемуаров кратко сформулировано А. А. Курносовым. См.: *Курносов А. А.* О мемуарах участников партизанского движения (1941—1945). — В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1964, с. 319; *Он же.* Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941—1945). — В кн.: АЕ за 1975 г. М., 1976, с. 3—4.

ций, и в каждом конкретном случае определение их принадлежности к мемуарному жанру (далеко не всегда, кстати, решаемое однозначно) является достаточно сложной источниковедческой проблемой.

Охарактеризованные выше признаки и служат здесь методологическим критерием, позволяющим ориентироваться во всем многообразии мемуаров и наметить принципиальные подходы к отграничению их от других видов повествовательных источников.

Очень наглядно это может быть проиллюстрировано, если мы рассмотрим актуальный для нашей темы вопрос о соотношении мемуаров с дневниками. В историографии не раз проявлялось стремление к стиранию существенных различий между ними [109], когда дневники квалифицировались в качестве первичной формы мемуарной литературы [110] на том, в частности, основании, что те и другие в высокой мере наделены личностно-субъективным началом или сходны по своему назначению.

Мемуары и дневники, действительно, близки друг другу как источники личного происхождения. Более того, они связаны между собой не только генетически, но и функционально в тех случаях, когда, закрепляя впечатления от быстротекущей жизни, от встреч с незаурядными людьми, от выдающихся событий современности, они пишутся как заготовки для воспоминаний или рассчитаны на то, что дойдут до последующих поколений. Таким был, как известно, дневник А. С. Пушкина за 1833—1835 гг., который он собирался использовать для автобиографических записок и как материал для истории своего времени, будь она написана им самим, кем-то из современников или потомков [111]. В дневниках этого типа, действительно, присутствует понимание автором ценности для будущего своего личного опыта и своего восприятия окружающего — в них, бесспорно, воплощаются некоторые черты исторического самосознания личности, хотя неизмеримо менее осознанно и последовательно, чем в самих мемуарах. Различие между ними в этом плане (а оно принципиально важно) проистекает из того, что *исторический кругозор дневника ограничен горизонтом настоящего, тогда как глубина историзма мемуаров измеряется соотнесением их с прошлым, ставшим или становящимся историей.*

---

[109] См.: Литературная энциклопедия, т. 7, с. 132; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 47; *Стрельский В. И.* Источниковедение истории СССР: Период империализма. Конец XIX в. — 1917. М., 1962, с. 175; *Биск И. Я.* Указ. соч., с. 122; *Марахова Т. А.* О жанрах мемуарной литературы. — В кн.: Учен. зап. Горьковского гос. пед. ин-та. Сер. филол. наук, 1967, вып. 69, с. 23.

[110] Мы, разумеется, не имеем в виду случаев условного употребления в учебных, библиографических и архивных пособиях терминов «мемуарная литература», «мемуарные источники» в качестве собирательного понятия для обозначения воспоминаний и дневников.

[111] Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 522—527.

Но вовсе не всегда ведению дневников свойствен историзм даже в этой простейшей его форме. Они могли преследовать и цели житейские, глубоко личные, во всяком случае не связанные со сколько-нибудь широкой гласностью в настоящем или будущем. В самом деле, часто дневники велись в целях самоанализа и нравственного самоусовершенствования (например, знаменитые дневники Л. Н. Толстого или юношеские дневники декабриста Д. И. Завалишина [112]), ради удовлетворения деловых, справочных и иных потребностей в сфере интересов сегодняшнего дня. Иногда дневники с публицистическими и нравственно-философскими размышлениями авторов облекались в модную для данной эпохи литературно-стилистическую манеру и предназначались для прочтения только в узком семейном или дружеском кругу (яркий образец этого — дневник офицера русской армии в 1812 г. А. Чичерина [113]).

Итак, мы видим, что цели создания дневников весьма разнообразны и не отмечены тем *внутренним единством*, которое характерно, как уже отмечалось, для мемуаров. Уже одного этого достаточно, чтобы не согласиться с утверждением о том, что «их назначение в основном совпадает» [114].

Далее. В дневнике, имеющем своим предметом современную действительность и оценивающем ее с позиции личности, живущей в этой современности, нет места ретроспективности — он является типичнейшим синхронным источником [115]. Мнение о том, что дневник, отражая сегодняшние события, тем не менее есть «всегда в какой-то степени воспоминание о них, уже ушедших в прошлое» [116], представляется спорным. Разрыв во времени между событием и хронологически близкой к нему дневниковой записью, существенный с физической точки зрения, в историческом смысле, как правило, незначим, ибо даже при интервале в несколько дней фиксируемое в дневнике практически воспринимается автором не как прошлое, а как совершающееся на его глазах настоящее. Сообразно этому характернейшим средством воссоздания в дневнике действительности выступает не память, как в мемуарах, а «непосредственное воспроизведение» «сиюминутных», свежих, «неостуженных» впечатлений от окружающей жизни, их прямая, не осложненная последующими наслоениями фиксация [117].

---

[112] Отрывки из записок Д. И: Завалишина. — Древняя и новая Россия, 1879, № 2, с. 145.

[113] Дневник Александра Чичерина. М., 1966.

[114] *Маджаров А. С.* К вопросу о классификации мемуаров по истории КПСС. — Вестник ЛГУ, 8, История, язык, литература, 1976, вып. 2, с. 33.

[115] Коренное различие между дневником и мемуарами как противоположность синхронности и ретроспективности отмечалось в литературе последних лет. См., например: *Левицкий Л.* Указ. соч., с. 107—108.

[116] *Житомирская С. В.* Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников, с. 43.

[117] Это-то обстоятельство и не учитывается некоторыми авторами, которые ошибочно полагают, что дневники «основаны главным образом на

Не менее существенны особенности структуры и самого типа дневникового повествования. В отличие от мемуаров, которые представляют собой, по выражению П. А. Вяземского, «не что иное, как обдуманное воссоздание жизни» [118] в форме связно-целостного, композиционно, а иногда и сюжетно организованного текста, дневник следует стихийному течению событий, регистрируя посредством дробных и дискретно-анналистических записей «непредрешенный... процесс жизни с еще неизвестной развязкой» [119] во всей его разрозненности и незавершенности.

Таким образом, дневнику свойственны совершенно особые познавательные качества, специфическая система отражения действительности, что исключает возможность отождествления их в этом отношении с мемуарами и позволяет выделить в самостоятельный вид источников [120].

Но все это вовсе не снимает вопроса о существовании ряда смешанных форм мемуарно-дневникового повествования, ибо в своем реальном историческом бытовании мемуары ни с одним иным видом источников (разве, может быть, еще с письмами) не соприкасаются так тесно, как с дневниками. По удачному определению С. С. Дмитриева, эти источники постоянно «переходят, преображаются из одного в другой» [121].

Наиболее распространенное проявление этого — использование ранее веденного дневника при составлении мемуаров, когда он помогает воскресить образы прошлого в памяти мемуариста и служит основой для воссоздания фактической канвы событий, вплоть до включения отдельных его записей в ткань мемуарного повествования.

Не всякая позднейшая обработка дневника приводит, однако, к появлению мемуаров. Уже в XIX в. широко практиковался несколько иной способ последующей трансформации первичного дневникового материала. Отрывочные поденные заметки, возникавшие, как правило, в периоды путешествий и боевых походов, группировались по тематическому признаку, дополнялись новыми публицистическо-очерковыми текстами, настоящее время заменялось прошедшим, и в результате в пределах датированных записей создавались довольно связные описания, которые часто предназначались их авторами и к печати. Но, совмещая в себе черты

памяти», и объединяют их в типологически однородную группу с мемуарами (*Деревнина Л. И.* О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников. — Вопросы архивоведения, 1965, № 4, с. 34; *Маджаров А. С.* Указ. соч., с. 29—31).

118 *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882, т. VII, с. 135.

119 *Гинзбург Л.* Указ. соч., с. 12.

120 *Никитин С. А.* Указ. соч., с. 101—102; *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в., с. 350; *Он же.* Личные архивные фонды: Виды и значение их исторических источников. — Вопросы архивоведения, 1965, № 3, с. 46—47; *Курносов А. А.* О мемуарах участников партизанского движения (1941—1945), с. 298.

121 *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в., с. 350.

дневника и мемуаров, они не являются в то же время ни тем, ни другим. Это особая разновидность повествовательных источников, промежуточное жанровое образование, которое со строго источниковедческой точки зрения, точнее всего, следовало бы считать *ретроспективно обработанным дневником*. Характерные примеры такого рода повествований — «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова и знаменитые «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки. Их яркое литературное обрамление и эпистолярная форма не меняют принципиально данной квалификации [122].

Сами мемуары нередко перерастают в дневник, когда воспоминания о прошлом, приближаясь ко времени своей записи и исчерпывая ретроспективное содержание, сменяются обозрением сегодняшних событий, т. е. типично дневниковым текстом, продолжающимся и далее как дневник. Вместе с тем в процессе ведения последнего поденная запись часто обрывается и автор набрасывает неожиданно возникшие в его сознании или услышанные от других лиц воспоминания о весьма отдаленных от современности событиях и лицах минувшей жизни [123]. Наличие в дневнике мемуарных элементов зависит и от самой частоты и систематичности поденных записей. Если они регулярны, заносятся изо дня в день, то синхронные тексты решительно преобладают и дневник сохраняет свою жанровую «чистоту». Но если они ведутся редко, от случая к случаю, с большими перерывами (иногда месячной и большей давности), то, приступая к каждой новой записи, автор в целях восполнения образовавшихся лакун предваряет ее воспоминанием о всем происшедшем со дня последней поденной заметки или просто, прерывая ведение дневниковых записей, пытается обозреть протекшие за определенный период события своей жизни. Именно так, например, велся почти 64 года — с 1855 по 1919 г. — дневник известного русского адвоката, либерального общественного деятеля и публициста К. К. Арсеньева. «Интересно отметить, — пишет в этой связи исследователь, — что характер дневника Арсеньева меняется каждый раз, приобретая мемуарное звучание, когда его составитель подытоживает сделанное и прожитое за год» [124].

---

[122] *Тартаковский А. Г.* Из наблюдений над текстом «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки. Рукопись.

[123] Один из наиболее ярких и типологически характерных примеров — записи в дневниковых тетрадях за 1859—1860 гг. С. Ф. Уваровым устных воспоминаний М. М. Нарышкина и его жены, Е. П. Нарышкиной (урожденной Коновницыной), о разных эпизодах истории декабристского движения, главным образом о М. С. Лунине (дяде С. Ф. Уварова). Мемуарные «выборки» из этого дневника, рассредоточенные в разных его частях, собраны воедино и опубликованы С. В. Житомирской и Н. Я. Эйдельманом как целостный мемуарный текст под данным самим С. Ф. Уваровым названием «Мемуары для истории оппозиции в России» (Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1975, вып. 36, с. 114—160).

[124] *Шлемин П. И.* Дневник К. К. Арсеньева. — В кн.: АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 312.

Переплетение мемуарных и дневниковых элементов в такого рода повествованиях, их, по точному определению С. В. Житомирской, «прерывистая микроструктура» создают иногда ошибочное впечатление об имманентно-двойственной природе дневников, об отсутствии у них вообще сколько-нибудь четких жанровых границ[125].

Заметим прежде всего, что эти смешанные тексты отнюдь не правило, а скорее исключение, они составляют количественно незначительную часть в общей массе имеющихся в определенную эпоху дневников и мемуаров; громадное множество тех и других существует без каких-либо взаимных «примесей». Но дело не только в этом. Мнение о зыбкости жанровых границ дневников возникло в результате абсолютизации тех случаев, когда дневник, в сущности, перестает быть «самим собой»: либо сменяется продолжающей его мемуарной записью, либо вообще растворяется в обширном мемуарном труде, либо, наконец, преображается в совершенно особый тип исторического повествования, каким является ретроспективно обработанный дневник.

Подведем итоги.

Из изложенного ясно, что намеченные выше видовые признаки мемуаров могут быть надежными критериями для отграничения их от смежных жанров лишь тогда, когда они взяты во взаимосвязи. Искусственное же выделение какого-то одного из этих признаков, например личностного начала или некоторого функционального сходства (как мы видели на примере анализа соотношения дневников с мемуарами), затемняет внутреннюю природу последних и делает, действительно, неразличимой ту «межу», которая отделяет их от родственных групп повествовательных источников. Мы полагаем, что только *сочетание указанных признаков воплощает в себе единство социальных функций мемуаров и присущей им системы отражения исторической действительности, их гносеологической специфики как вида источников.*

---

[125] *Житомирская С. В.* Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников, с. 43—44.

Глава II

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОРПУСА МЕМУАРОВ ОБ ЭПОХЕ 1812 ГОДА

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЦИПЫ УЧЕТА МЕМУАРОВ

Уточнив в типологическом плане понятие «мемуары», обратимся к реконструкции корпуса мемуарных памятников об эпохе 1812 г., имея в виду их по возможности полный учет [1].

Что касается рукописей, то речь шла, во-первых, о ранее не введенных в научный оборот памятниках и, во-вторых, о рукописных текстах (автографах и списках) тех воспоминаний, которые уже известны по прежним публикациям. При их выявлении не встретилось особых трудностей, поскольку рукописи мемуаров об эпохе 1812 г. сосредоточены, как правило, в центральных архивах, крупнейших библиотеках и музеях [2], фонды которых полно отражены в хорошо налаженном справочном аппарате, в изданных путеводителях и даже в пособиях, непосредственно относящихся к нашей теме [3].

Сложнее обстояло дело с регистрацией опубликованных мемуаров. Основным источником послужили каталоги московских и ленинградских библиотек, равно как библиографии по эпохе 1812 г. и русской мемуаристике. Однако при обращении к ним возникают такие трудности, которые в рамках самих этих пособий устранены быть не могут.

При кажущемся обилии библиографий по эпохе 1812 г. — а они издаются уже более чем полутора века и представлены ука-

---

[1] Предметом учета, как это вытекает из самой постановки темы данной работы, являются памятники русской мемуаристики; воспоминания иностранцев об эпохе 1812 г., естественно, не учитываются. Это не относится, однако, к воспоминаниям эмигрантов, давно и прочно обосновавшихся в России, перешедших на русскую военную и гражданскую службу и чья деятельность тесно вплелась в русскую общественную и культурную жизнь: небольшая группа мемуаров этого рода включается в реконструируемый нами корпус.

[2] Были обследованы фонды ЦГВИА, ЦГАЛИ СССР, ЦГИА СССР, ЦГАОР СССР, ЦГАДА, ГБЛ, ОПИ ГИМ, ГПБ, ИРЛИ, Архива ЛОИИ, ЛО Архива АН СССР.

[3] Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII—XIX вв. М., 1951; Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указатель рукописей. М., 1976; История СССР в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный каталог рукописей. Конец XVIII в. — 1917 г. Л., 1975, вып. I; Л., 1979, вып. II; Каталог рукописных материалов о войне 1812 года. Л., 1961.

зателями самых разных типов[4] — полной научной регистрации того, что было напечатано по этой теме хотя бы только в России, не существует. Те же пособия, которыми мы располагаем, страдают очень досадными пробелами. Так, систематическая регистрация отдельных изданий (в том числе и мемуарных) о войнах 1812—1815 гг. прекратилась с выходом в свет указателя Н. Ф. Дубровина на 1882 г. Указатели мемуарных публикаций на ту же тему К. А. Военского и Н. М. Затворницкого охватывают всего 12 повременных изданий и обрываются на 1911—1912 гг. Намеченная Затворницким грандиозная программа обследования сотен столичных и местных повременных изданий за XIX—XX вв. (в том числе и газет) осталась невыполненной[5]. В итоге множество общественно-политических, литературных, исторических органов периодики, а также продолжающихся изданий и сборников оказались вообще вне всякого учета.

Отчасти эти пробелы помогает восполнить известная библиография С. Р. Минцлова[6]. Отдельные издания мемуаров учтены до 1907 г., расписаны здесь до первых лет XX в. и некоторые не попавшие в поле зрения Военского и Затворницкого журналы; наконец, библиография Минцлова является единственной из всех существующих, где зарегистрированы публикации мемуаров в газетах, в том числе и провинциальных, но просмотрены они были лишь до 1887 г. Однако этой библиографией мемуарные памятники об эпохе 1812 г. охвачены далеко не полно ввиду не только отмеченных выше временных лакун, но и отсутствия у автора возможности визуального просмотра ряда источников, которые были неточно описаны на основании вторичных библиографических данных.

Недостатки дореволюционных пособий перекрываются библиографическим справочником, недавно подготовленным под руководством П. А. Зайончковского[7]. По тщательности учета публикаций мемуаров (одних только периодических изданий составителями просмотрено около 1000 названий), научно-источниковедческой обоснованности критериев их отбора и приемов описания этот фундаментальный труд не имеет себе равных в отечественной библиографии, причем не только мемуарной. При выявлении нами воспоминаний об эпохе 1812 г. он послужил

---

[4] История СССР: Аннотированный перечень русских библиографий, изданных до 1965 г. 2-е изд. М., 1966, № 687—700.

[5] *Затворницкий Н. М.* Наполеоновская эпоха. СПб., 1914, вып. I, с. V—XV.

[6] *Минцлов С. Р.* Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911—1912, вып. 1—5. Вопреки распространенному мнению этот труд является не специальным указателем мемуаров, а библиографией широкого круга нарративных источников, включая дипломатические донесения, журналы военных действий, исторические сочинения, биографии и т. д. Это признавал и сам С. Р. Минцлов, писавший, что стремится «дать читателю полный свод указаний на всякие сказания о России и русских людях» (Там же, вып. 1. Предисловие).

[7] ИДРДВ. М., 1976, т. I; М., 1977—1978, т. II, ч. 1—2.

ценнейшим подспорьем и как контрольный аппарат, и как источник учета ранее не разысканных памятников. Тем не менее и этот справочник не дает решения всех проблем, связанных с определением круга интересующих нас мемуаров, поскольку не учитывает газетных публикаций и сосредоточен главным образом на регистрации воспоминаний в традиционно-классической форме мемуарных повествований.

С целью довыявления мемуаров об эпохе 1812 г. были просмотрены некоторые журналы общественно-литературного и исторического профиля за 10—20-е годы XIX в. (например, «Военный журнал» за 1817—1819 гг.) и начало XX в. (военно-историческая периодика и общеисторические журналы после 1912 г.). Выборочно просматривались и отдельные газеты («Северная пчела», «Русский инвалид»), в основном за 30-е годы XIX в., отмеченные интенсивной публикацией материалов о 1812 г.

Однако регистрация мемуаров на библиографическом уровне, как бы основательно она ни проводилась, — лишь первая стадия их учета. Вторая, не менее трудоемкая состояла в непосредственном ознакомлении с текстами выявленных памятников для уточнения их мемуарного профиля и определения принадлежности к корпусу воспоминаний об эпохе 1812 г., что диктовалось среди прочих причин крайней многозначностью и запутанностью «именословия» мемуаров в русской бытовой и научно-исторической лексике XIX в., особенно первой его половины. В ту пору они существовали не только под собственно видовыми наименованиями — «мемуары», «воспоминания», «памятные записки». Очень часто мемуары или вовсе не имели каких-либо жанровых определений, а назывались лишь тематически, или обозначались терминами иных жанров, например «известиями», «повествованиями», «описаниями», «историями» и т. д., не говоря уже о таком нейтрально-расплывчатом наименовании, как «записки». Многие мемуарно-исторические сочинения назывались их авторами «журналами». Надо заметить, что сам термин «мемуары» появился в России довольно поздно: впервые его стали использовать в критико-публицистической литературе 20—30-х годов, а окончательно он закрепился за мемуарным жанром лишь во второй половине XIX в. Характерно, что еще в 1866 г. П. А. Вяземский счел нужным сделать ироническую оговорку по поводу употребления им этого термина, не вполне устоявшегося, непривычного для слуха некоторых пуристов: «Записки, то есть мемуары, сказал бы я, если не страшился провиниться иноязычием в стенах святилища Русского слова и русской науки» [8].

Вместе с тем мемуарные термины широко применялись к произведениям, никакого отношения к воспоминаниям не имеющим: художественно-беллетристическим [9], историческим

---

[8] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882, т. VII, с. 135.
[9] См., например: Бивак: Отрывок из воспоминаний об отступлении фран-

очеркам и историко-публицистическим сочинениям[10], биографическим статьям и некрологам[11]. Поэтому ориентация только на многозначные наименования, под которыми те или иные произведения и были описаны в библиографиях, могла привести, с одной стороны, к неоправданному включению в состав мемуаров источников иных видов, а с другой — к недоучету ряда произведений, действительно принадлежащих к кругу мемуарных памятников об эпохе 1812 г.

При этом в качестве отправной методической посылки был принят принцип сплошного и систематического обследования всей мемуарной традиции о крупных явлениях эпохи 1812 г. и всех мемуарных текстов одного автора, причем не только относящихся к 1812—1815 гг., но и всех дошедших до нас мемуаров данного автора в целом. Мемуарное творчество многих современников Отечественной войны не ограничивалось воспоминаниями лишь об этом времени, а охватывало широкий спектр событий конца XVIII—первой половины XIX в. Богатейшее мемуарное наследие оставили после себя, например, А. И. Михайловский-Данилевский и С. Н. Глинка, А. Я. Булгаков и И. П. Липранди, Д. В. Давыдов и Н. Н. Муравьев, П. А. Вяземский и Ф. Н. Глинка, Л. Л. Беннигсен и А. Х. Бенкендорф. Частью сохранившееся в архивах, частью рассеянное во множестве изданий XIX—начала XX в., оно не подвергалось изучению. И лишь обследование всего этого комплекса мемуарных памятников, не всегда как будто и связанных с нашей темой, позволило уловить «скрытые» в них мемуарные тексты об эпохе 1812 г., равно как и определить место последних в общем составе мемуарного наследия данного автора.

* * *

Совокупность выявленных печатных и рукописных мемуаров образует некий конгломерат текстологически неоднородных и находящихся в сложной взаимозависимости источников, как это, видимо, вообще характерно для сколько-нибудь значительного множества повествовательных текстов нового времени, отложившихся за длительный период. Один и тот же мемуарный памятник часто представлен целой группой разновременно возникших текстов, по-разному связанных между собой и с различной степенью полноты отражающих основной вариант. Совершенно различные, казалось бы, мемуары того или иного автора, в ка-

---

цузской армии в 1812 г. — Московский телеграф, 1831, № 11: *Сумароков П.* Воспоминания о 1812 г. — Отечественные записки, 1856, кн. 10.

[10] См., например: *Полевой Н. А.* Воспоминания о происшествиях, бывших в Курске в 1812 г. — Отечественные записки, 1822, т. 9; *Фортунатов Ф. Н.* Памятные заметки Вологжанина. — Русский архив, 1867, № 12; *Свербеев Д. Н.* Воспоминания о московских пожарах 1812 года. — Вестник Европы, 1872, № 11.

[11] См., например: Воспоминания о Кутузове. — Русский вестник, 1814, № 1; *Богданович М. И.* Воспоминания об А. П. Ермолове. — Русский инвалид, 1861, № 92.

ких-то своих частях совпадают, а их тексты как бы «переливаются» из одного в другой и т. д.

Труднообозримость этого массива источников побуждает к уточнению некоторых исходных текстологических понятий и в первую очередь к определению того, что принимается за единицу учета мемуаров. Здесь мы не можем, к сожалению, опереться на какое-либо устоявшееся и адекватное нашему материалу понятие, ибо текстология, успешно развивающаяся на базе изучения русской литературы XIX в. (главным образом в связи с подготовкой академических изданий ее классиков), применительно к нарративным источникам XVIII—XIX вв. в целом пока еще мало разработана. Более существен в этом отношении опыт, накопленный в текстологии древней русской литературы [12].

Не раз употреблявшееся ранее понятие «мемуарный текст» само по себе не может быть использовано в интересующем нас плане ввиду его предельной широты. Мемуарным текстом является любая разновидность письменной (или какой-либо иной) фиксации «воспоминательного» акта, любая памятная запись, в том числе случайные и отрывочные припоминания, «мемуарные» суждения, высказывания, справки [13]. Поэтому за основную единицу учета мемуаров мы принимаем более четкое, логически определенное и уже утвердившееся в текстологии понятие «произведение» [14], несколько видоизменив его в соответствии со спецификой мемуарного материала. Под «мемуарным произведением» мы разумеем связный, внутренне законченный в сюжетно-тематическом отношении мемуарный текст, объединенный общим замыслом и существующий в форме традиционного мемуарного повествования или каких-либо иных видов источников. Конечно, в это понятие входят заведомо неодинаковые явления мемуарного творчества с точки зрения их фактического содержания, культурно-исторического значения и даже физического объема — от развернутых, получивших громкий общественный резонанс повествований, воссоздающих весь ход наполеоновских войн, до кратких, затерянных на страницах газет и журналов зарисовок отдельных событий и лиц. Но при всей разнохарактерности этих мемуарных текстов применение к ним какого-то общего масштаба в методическом отношении не только неизбежно, но и вполне оправданно. Одно и то же мемуарное произведение может быть

---

[12] *Рейсер С. А.* Основы текстологии. Л., 1978, с. 7.

[13] Пушкинисты, имея в виду разбросанные в различных сочинениях П. А. Вяземского и в переписке П. А. Плетнева такого рода мемуарные упоминания об А. С. Пушкине, справедливо отмечают, что их нельзя считать «мемуарами в строгом и точном смысле слова» (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950, с. 9—10; Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. II, с. 39).

[14] *Лихачев Д. С.* Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964, с. 10; *Азбелев С. Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина. — История СССР, 1966, № 4, с. 94.

представлено и несколькими редакциями, для которых, как известно, характерна не та или иная сумма простых разночтений, а качественные изменения (смысловые, литературно-стилистические, конкретно-фактические), возникающие вследствие целенаправленной переработки предшествующего текста[15].

Определение того, есть ли данный текст самостоятельное мемуарное произведение или одна из его редакций, потребовало специальных текстологических разысканий. С этой целью было обследовано множество различных печатных и рукописных текстов, группирующихся вокруг примерно 20 мемуарных памятников. Текстологическая аргументация в пользу принятых нами в каждом конкретном случае решений ввиду недостатка места не может быть здесь воспроизведена. Все черновое, предварительное исследование остается, таким образом, за пределами монографии, однако его конечные результаты отражены в Перечнях. Ограничимся поэтому только некоторыми примерами.

Один из наиболее характерных связан со знаменитыми «Записками кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой.

В поисках путей их напечатания Дурова обратилась за содействием к А. С. Пушкину. Еще летом 1835 г., как только до него дошли сведения о существовании этих записок, он принял в них горячее участие, взявшись «хлопотать об их издании», а в марте 1836 г., получив рукопись, стал готовить для II тома «Современника» наиболее интересную часть записок, посвященную 1812 г.[16] Первоначальный их текст, воплотивший определенный художественно-эстетический замысел — создать романтически опоэтизированный образ девушки-воина, «русской амазонки» — был насыщен рассказами об авантюрных приключениях, полувымышленными эпизодами, диалогами, пространным изложением чересчур чувствительных переживаний героини и т. д. С согласия Дуровой Пушкин подверг записки тщательному редактированию: значительные куски устранил вовсе, велеречиво-сентиментальные описания заменил сжатыми характеристиками, точно передающими ход и сущность событий, в целом освободил записки от литературно-беллетристической окраски, но зато бережно сохранил все дышащие неподдельной реалистичностью описания и подробности военно-бытовой обстановки, т. е. привел текст в соответствие с тем, что более всего ценил во всяком подлинно мемуарном повествовании. Когда Дурова, узнав, что в готовящемся к выходу «Современнике» ее воспоминания названы «Записки Н. А. Дуровой», просила озаглавить их «Записками русской амазонки», Пушкин возражал: «Записки амазонки как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. Записки Н. А. Дуровой — просто, искренне и благородно»[17].

---

[15] *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М., 1962, с. 124; *Азбелев С. Н.* Указ. соч., с. 96.
[16] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949, т. XVI, с. 35, 99, 126.
[17] Там же, с. 125—126.

Напечатанные в таком виде в «Современнике», эти записки о 1812 г. образуют особую редакцию сравнительно с первозданным их текстом, который в том же, 1836 г. вошел в двухтомное издание записок Дуровой, выпущенное родственником Дуровой И. Бутовским[18].

Вмешательство Пушкина в текст записок Дуровой, ранее неизвестной на литературном поприще, было настолько явным, что современники поначалу расценили их сочинением самого Пушкина, искусно облекшего его в форму мемуаров легендарной участницы событий 1812 г. Отмечая литературные достоинства этих записок, В. Г. Белинский писал, что «некоторые приняли их за мистификацию со стороны Пушкина... И что за язык, что за слог у девицы-кавалериста! Кажется, сам Пушкин передал ей свое перо...»[19].

Любопытна в этом плане сложная история текста не оцененных еще в нашей историографии записок В. С. Норова — единственного крупного мемуарно-исторического сочинения об эпохе 1812 г., вышедшего из декабристской среды.

Член Южного общества, осужденный по II разряду и сосланный в 1829 г. в Бобруйскую крепость, В. С. Норов составил здесь свои двухтомные записки о кампаниях 1812—1813 гг., переправив их брату, А. С. Норову, столичному литератору и чиновнику (впоследствии министр народного просвещения), который в ноябре 1832 г. провел записки через цензуру[20], а в конце 1834—начале 1835 г. они анонимно вышли в свет (I, № 95), и, собственно, кроме самого этого издания, в литературе о них ничего известно не было. Обращение к архивам позволило нам выявить новые тексты этих записок.

Прежде всего это хранящаяся в обширном фонде А. С. Норова в ГПБ рукопись, написанная отчасти автором, отчасти переписчиком и первоначально называвшаяся «Исторические записки о Походах 1812 и 13 годов»[21]. В конце лета — начале осени 1832 г. она была переслана А. С. Норову из Бобруйска. Тогда еще для В. С. Норова вопрос о публикации записок не стоял. он писал их, как признавался сам в письме к брату от 22 октября 1832 г., «для избежания праздности и рассеяния несносной грусти»[22].

Рукопись содержит ряд текстов, не вошедших в издание 1834 г.: военно-исторических описаний, личных свидетельств автора как участника кампаний, развернутых примечаний, причем среди них встречаются страницы, звучавшие в 30-х годах полити-

---

[18] Ср. I, № 107а, с. 56, 84, 93, 104, 108, 120, и № 107б, с. 4—34, 76—79, 92, 111—128, 135—139, 157—177; см.: *Еремин М.* Пушкин-публицист. М., 1963, с. 243—252.

[19] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953, т. III, с. 148—149.

[20] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, д. 196, л. 59 об.—60а; ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 735.

[21] ГПБ, ф. 531, д. 756.

[22] Там же, д. 477, л. 1.

чески весьма остро. Существенны и редакционно-стилистические отличия от издания 1834 г., в котором наряду с тем имеются тексты, отсутствующие в этой рукописи. В целом она может быть охарактеризована как особая и, видимо, первая редакция записок В. С. Норова. Второй же редакцией является сам текст издания 1834 г. Но удалось разыскать и их третью редакцию.

Сразу же после выхода записок в свет В. С. Норов задумал напечатать их заново, предполагая устранить вкравшиеся в ранее изданный текст фактические неточности и ошибки и внести в него некоторые добавления. При этом он добивался непременного обозначения своего имени как автора книги, полагая, что в связи с освобождением в марте 1835 г. из крепости и определением рядовым на Кавказ он вправе на это рассчитывать[23].

Свой замысел В. С. Норов осуществил на печатном экземпляре записок, разрезав его по страницам и вклеив между ними чистые листы, куда и были внесены все исправления и уточнения. Помимо того, В. С. Норов дополнил этот экземпляр специально написанным предисловием, изложив здесь свои взгляды на значение военных мемуаров ветеранов кампаний 1812—1814 гг. и историю создания собственных записок. В конце в виде приложения были помещены письма Наполеона к Бертье, планы и карты военных действий[24].

Работа над этим экземпляром завершилась в марте 1837 г., и он был представлен А. С. Норовым Михайловскому-Данилевскому сперва в частном порядке как доброму знакомому, но вместе с тем влиятельному сановнику и авторитету в военной истории. Михайловский-Данилевский, усмотрев в записках расхождение с официальной трактовкой эпохи 1812 г., дал на них критические замечания, что вызвало резкое несогласие В. С. Норова, отказавшегося поначалу принять их во внимание[25]. В начале осени 1839 г. А. С. Норов, не добившись от Михайловского-Данилевского согласия на новое издание записок брата, внес упомянутый выше экземпляр на рассмотрение Военно-цензурного комитета, председателем которого был все тот же Михайловский-Данилевский, после чего этот экземпляр со множеством цензорских помет последнего был возвращен и послан В. С. Норову[26]. С официальными рекомендациями цензурного ведомства, от которого зависела судьба книги, В. С. Норов уже не мог не посчитаться и, хотя в ряде принципиальных моментов продолжал возражать Михайловскому-Данилевскому, вынужден был существенно исправить текст, изменить многие оценки и формулировки, реализовав все свои возражения и изменения на этом же самом экземпляре. Таким образом, третья редакция записок В. С. Норова состоит как бы из двух слоев новых текстов (срав-

---

23 Там же, л. 7 об., 9—12, 14—15.

24 ГПБ, Q. IV, № 321.

25 ГПБ, ф. 531, д. 477, л. 25, 27—28, 34—35, 38—39 об.

26 Там же, л. 40—43 об., 59—60 об.; ЦГВИА, ф. 494, д. 40, л. 1—2; д. 2, л. 26.

нительно с изданием 1834 г.): первого, возникшего по собственному почину автора в 1835—1837 гг., и второго, явившегося ответом на цензурные замечания 1839 г.

По меньшей мере в трех редакциях дошли до нас и записки о наполеоновских войнах Н. Б. Голицына — в 1812 г. сотрудника штаба Багратиона, а впоследствии известного военного писателя, переводчика, публициста. Оставив военную службу, он в 1835 г. написал в 3-х частях на французском языке свои «Воспоминания и впечатления во время кампаний 1812, 1813 и 1814 гг.» с намерением выпустить их тогда же отдельным изданием и в переводе на русский язык в «Библиотеке для чтения». Однако военная цензура, поддержанная С.-Петербургским цензурным комитетом, не одобрила рукопись в целом, выдвинув решительные возражения против описания Голицыным умонастроений в армии в период отступления, резкого недовольства офицеров Барклаем-де-Толли, причин московского пожара, обратив при этом внимание на «неуместные политические суждения и выходки автора» [27].

В результате первоначальная рукопись (ее местонахождение неизвестно) в виде отдельного издания на языке подлинника в те годы так и не была напечатана, зато в 1838 г. вышла в свет на русском языке ее сокращенная редакция, учитывавшая все цензурные замечания (I, № 111б). В «Библиотеке для чтения» же за два года до того был опубликован еще более краткий (сравнительно с изданием 1838 г.) вариант только двух первых частей записок, в котором, кроме того, были сделаны (видимо, редактором журнала О. Сенковским) некоторые купюры идейного характера, но содержались тексты, отсутствующие в издании 1838 г. и заимствованные, скорее всего, из подлинной французской рукописи (I, № 111а). Текст, напечатанный здесь, безусловно, может быть признан самостоятельной редакцией. Наконец, в 1849 г. отдельной книгой на французском языке издаются все три части «Воспоминаний и впечатлений». В том же году они были полностью перепечатаны в «Русском инвалиде» (I, № 111д, е,). Но это было уже не дословное воспроизведение прежней рукописи 1835 г. под тем же названием, а иная редакция, обогащенная новыми текстами, изменившими структуру, содержание и политическую направленность «Воспоминаний и впечатлений». Были, в частности, включены написанные Н. Голицыным в конце 30—40-х годов мемуарно-исторические очерки Шевардинского и Бородинского сражений и вновь составленное заключение — публицистический отклик на революционные события 1848—1849 гг., выдержанный в духе представлений об исторической миссии России как оплота европейской реакции.

В рассмотренных выше случаях при всем своеобразии «текстологической» истории каждого из них в отдельности есть нечто

---

[27] ЦГВИА, ф. 494, д. 3, л. 2 об.—4; л. 7 об.—8; ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, д. 29, л. 7—8; см.: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1972, с. 262, 316.

общее: различные варианты мемуарных текстов не утрачивают своей «единоцелостности», поскольку изменения предшествующего текста, вызванные авторской ли волей, редакционным, цензурным или каким-либо иным вмешательством, совершаются в пределах исходного общего замысла. Это и дает нам основание квалифицировать их редакциями. Как самостоятельные единицы учета они во внимание не принимаются, в качестве таковой выступает лишь то мемуарное произведение, разновидностями которого являются эти редакции.

Совсем иная ситуация складывается тогда, когда изменение предшествующего текста ведется на основе нового авторского замысла и образующийся при этом текст перерастает уже рамки текстологического понятия «редакция».

Характерна в этом отношении судьба различных вариантов записок адмирала А. С. Шишкова.

Литературный и политический старовер, суровый ревнитель православия и патриархально-крепостнических устоев, известный своими нападками на Францию революционной эпохи, Шишков накануне войны был назначен на пост Государственного секретаря и, находясь в 1812—1814 гг. при Александре I, составлял выпускавшиеся от царского имени манифесты и обращения к народу.

В 1818 г. он начал писать воспоминания — «Памятные» или, по его собственному наименованию, «Домашние мои записки» и завершил их в основном к 1828 г. (II, № 7, т. I, с. 1, 118). В дошедшей до нас части записок, охватывавшей период с 80-х годов XVIII в. до 1814 г., в том числе и участие автора в наполеоновских войнах, с присущей ему прямотой и нелицеприятностью суждений Шишков подробно повествовал о многих закулисных сторонах общественной и военной жизни, о глубоко засекреченных событиях и далеко не безобидных нравах своего времени. В предисловии к запискам, составленном, видимо, в том же, 1828 г., Шишков указывал, что «писал их не для света, а собственно для себя или для весьма немногого числа моих приятелей», и, не желая, чтобы они были опубликованы после его смерти, завещал даже сжечь их, но ни в коем случае не предавать огласке [28].

В России «Домашние записки» никогда не издавались, и только в 1870 г., спустя почти 30 лет после кончины автора, Н. С. Киселев и Ю. Ф. Самарин опубликовали их в Берлине по подлинной рукописи в составе многочисленных деловых, литературно-научных бумаг и писем Шишкова [29]. Но еще задолго до

[28] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Berlin, 1870, т. II, с. 1.

[29] Там же, т. I, с. 1—309. Автограф окончательной редакции «Домашних записок», по которому они были напечатаны в этом издании, сохранился в ОПИ ГИМ в фонде А. С. Шишкова, приобретенном в 1920 г. у С. О. Долгова (ОПИ ГИМ, ф. 183, д. 9—13). Здесь же находится и более ранняя редакция той части «Домашних записок», которая посвящена событиям 1812—1814 гг. и начата в 1818 г. (д. 6—8). Рукописи обеих редакций переплетены в отдельные книжки небольшого формата —

того сам он в известной мере нарушил свою первоначальную авторскую волю и, основываясь на тексте «Домашних записок» об эпохе 1812 г., выпустил в 1831 г. посвященные ей «Краткие записки» (I, № 94а).

В «Предуведомлении» к ним Шишков стремился изобразить их изначально возникшими в том виде, в каком они и выносились на суд публики. Однако Киселев и Самарин, печатая в 1870 г. «Домашние записки», верно заметили, что «Краткие записки» извлечены из их текста «с пропусками и смягчениями»; «автор мог иметь особые причины — цензурные требования или личные соображения, чтобы иное место выкинуть, другое смягчить» (II, № 7, с. 120—121).

В самом деле «Краткие записки» спешно готовились к печати в тревожный для России 1830 г., когда под влиянием широкой волны революционных и антифеодальных движений заколебались позиции самодержавия внутри и вовне страны, а в придворно-правительственных и дворянских кругах обострился интерес к Отечественной войне и заграничным походам, поднявшим престиж царизма в Европе. По мысли Шишкова, его мемуарно-историческая книга была призвана способствовать утверждению феодально-легитимистских начал в истолковании эпохи 1812 г., и с этой точки зрения касавшиеся ее тексты «Домашних записок», как они были в свое время написаны, по самому характеру своего содержания этой цели не достигали и не могли увидеть света в начале 30-х годов, подвергнувшись весьма основательной переработке.

В соответствии с новой идейной установкой Шишков изъял из них полные животрепещущего интереса сведения о политике правительства и действиях командования в 1812—1814 гг., критические замечания об обстановке в Главной квартире и в адрес Александра I, своих разногласий с которым Шишков не скрывал, занимая в них позицию куда более «правую», чем сам царь. Из «Домашних записок» были исключены все сомнения в способности Александра I к продолжению бескомпромиссной борьбы с Наполеоном, упреки во вмешательстве в руководство войсками, от чего происходила только путаница и неразбериха, в покровительстве иностранцам, в гибельных для России, но, по сути дела, крайне преувеличенных Шишковым либеральных поползновениях царя и т. д.

Вместе с тем для «Кратких записок» были написаны дополнения, усиливающие их охранительно-монархическую направленность. Эту же цель преследовало включение сюда изданных еще во время войны царских манифестов с их церковно-проповеднической риторикой. Торжественно-приподнятый, изобилующий

каждая редакция со сквозной постраничной пагинацией. Они представляют собой беловые тексты без каких-либо помарок и исправлений, явно переписанные автором с предшествовавших черновых рукописей, которые, однако, в этом фонде не значатся.

старославянскими речениями стиль манифестов был придан и текстам, перенесенным из «Домашних записок», и, будучи искусственно вырваны из прежнего окружения, они обрели существенно иной смысл.

В итоге домашне-интимное назначение неторопливого автобиографического рассказа сменилось воинствующе-публицистическим замыслом «Кратких записок», повлекшим за собой преобразование старого повествования в самостоятельное мемуарное произведение. В этом и подобных случаях то и другое принимаются нами за самостоятельные единицы учета мемуаров.

Как уже отмечалось, к мемуарным памятникам об эпохе 1812 г. мы причисляем не только произведения, специально посвященные 1812—1815 гг., но и более обширные по хронологическому охвату мемуарные повествования с текстами о событиях этой эпохи.

При определении круга мемуаров первой группы вряд ли правильно исходить только из того, чтобы период, обозреваемый в них, был строго ограничен 12 июня 1812 г. — днем вторжения Наполеона I в Россию, и окончанием кампании 1815 г. Такой формально хронологический признак, будь он последовательно применен к нашему материалу, привел бы к отсечению из данного круга источников ряда произведений, написанных с преимущественной целью воссоздания именно этой эпохи, прочно ассоциировавшихся в сознании современников и последующих поколений как памятники мемуаристики 1812 г., но содержавших в себе относительно незначительные тексты о пред- и послевоенной обстановке или автобиографические сведения, выходящие за пределы 1812—1815 гг. Чаще всего такие тексты идейно и тематически тяготеют к основному предмету повествования, концентрирующему вокруг себя весь остальной мемуарный материал. Описание последних месяцев — иногда даже и лет — перед 1812 г. является как бы прелюдией к рассказу о нем, пронизано предощущением надвигающейся схватки с Наполеоном, а рассказ о последующих событиях несет на себе печать впечатлений и умонастроений только что завершившейся военной эпопеи (I, № 80, 86, 105, 107, 164, 194).

Что же до хронологически обширных мемуарных произведений, то непременным условием учета их в качестве мемуарных памятников 1812 г. следует признать наличие тематически и композиционно целостных мемуарных текстов независимо от того, выделены ли они структурно в общем потоке мемуарного повествования и каков их объем, причем размер этих текстов был иногда весьма внушительным.

Но во многих обширных по временному охвату мемуарных повествованиях, без которых вообще трудно представить себе русскую мемуаристику XIX в., удельный вес воспоминаний об эпохе 1812 г. не так уж и велик. В 4 томах «Былого и дум» А. Герцена им отведено лишь 8 первых страниц (II, № 46), в 2 томах «Из дальних лет» Т. П. Пассек — 10 страниц (II, № 96),

всего 20 страниц — в 2-томных записках Д. Н. Свербеева (II, № 86), менее одной части из семи — в мемуарах Ф. Ф. Вигеля (II, № 43), несколько страниц — в пространном жизнеописании А. И. Кошелева (II, № 87), но все это не только законченные сами по себе мемуарные наброски, но тексты высокой исторической ценности и идейно-общественного звучания, и данное обстоятельство также следует принимать во внимание при учете мемуаров об эпохе 1812 г. Было бы неверно, например, изымать из их состава известные «Записки о Пушкине» декабриста И. И. Пущина лишь на том основании, что рассказ о 1812 г. здесь предельно краток и занимает не более одной страницы. И не потому только, что это тематически насыщенный отрывок со своим самостоятельным сюжетом, который, не будь «Записки» И. И. Пущина вообще так сжаты, мог бы быть развернут в целую главу. Не менее важно в данном случае и то, что он содержит почти нигде более не запечатленные сведения о живом и напряженном интересе юных лицеистов к событиям Отечественной войны, пробудившем в них первые проблески политического сознания (II, № 60).

Вопрос же о том, является ли определенный мемуарный текст об эпохе 1812 г. фрагментом более обширного мемуарного повествования или специально посвященным ей произведением, в ряде случаев не мог быть решен без пересмотра сложившихся представлений о характере и происхождении тех или иных мемуарных памятников.

Показательны в этом смысле записки об эпохе 1812 г. Николая Николаевича Муравьева (I, № 63) [30], родственно и дружески связанного с широким кругом декабристов, человека независимых и прогрессивных убеждений, крупного военного деятеля, в годы Крымской войны Главнокомандующего на Кавказе, прославившегося взятием Карса. По полноте нарисованной в них картины наполеоновских войн с позиций вынесшего все их тяготы рядового офицера, по богатству сведений о военно-походной жизни, по своей безукоризненной правдивости это — одно из самых заметных явлений в русской мемуарной литературе о 1812 г., тем более значительное, что отражает воззрения на события того времени передовой военной молодежи. Еще в 1887 г. А. Н. Пыпин оценил эти записки «наиболее любопытным свидетельством, какие оставлены современниками об этой великой эпохе» [31], и данная характеристика во многом сохраняет свою силу и поныне.

В 1885—1895 гг. в «Русском архиве» был напечатан с некоторыми сокращениями и цензурными изъятиями громадный комплекс записок Н. Н. Муравьева, охватывавший период с 1811 по

---

[30] Хотя в них охвачен период с 1811 до середины 1816 г., но в основном они посвящены событиям 1812—1815 гг.

[31] *Пыпин А. Н.* Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917, с. 365.

1848 г. (автор, умерший в 1866 г., довел их до 1865 г.) [32]. В литературе они чаще всего именовались «автобиографическими записками» [33], воспринимаясь как некий целостный, однородный во всех своих частях труд автобиографически-мемуарного характера. Этому в немалой мере способствовало и то, что разновременно возникавшие тексты этих записок П. И. Бартенев опубликовал не в той последовательности, в которой они когда-то были созданы, а по хронологии отраженных в них событий. При подобном взгляде на записки Н. Муравьева описание эпохи 1812 г., с которого и началась публикация их в «Русском архиве», следовало бы расценить лишь частью более обширного по хронологическому охвату мемуарного повествования.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что под одним собирательным названием «Записки Н. Н. Муравьева» были механически сведены Бартеневым хотя и родственные по происхождению, но разнородные в жанрово-типологическом отношении тексты. Так, если иметь в виду период после наполеоновских войн, они состоят из чисто дневниковых записей, которые Н. Муравьев стал вести с середины 1816 г. и с большими или меньшими перерывами продолжал заносить в свои тетради почти до смерти (записи за 1817—1819 гг., с 22 марта по конец 1820 г., за 1821 г., с января по 4 октября 1822 г., за 1824, 1825 гг., с января по май 1826 г., с 8 декабря 1832 г. и далее за 1833—1838 гг.); из текстов ретроспективно обработанного дневника (например, за январь—февраль 1820 г.); из путевых записок — описания путешествия в Хиву в 1819 г. (составленного в 1820 г.), из собственно мемуарного текста, написанного, как правило, на основе беглых поденных заметок, вскоре после описываемых событий (за время с середины 1826 г. и далее за 1827—1829 гг.). Наконец, ряд опубликованных Бартеневым текстов — это смешанное повествование, в котором поденные записи переходят в воспоминания о недавно прошедшем, а эти последние перерастают в дневник по мере приближения рассказа о прошлом к современности (записки с 18 октября по 8 декабря 1839 г., с мая 1839 по февраль 1845 г., некоторые тексты за 1843—1848 гг.).

На столь пестром фоне резко выделяются своей цельностью тексты записок об эпохе 1812 г. Это проникнутый единым замыслом и вполне завершенный мемуарный труд со своим хронологически очерченным предметом изображения и особой, строго про-

---

[32] Записки Н. Н. Муравьева. — Русский архив, 1885, № 9—12; 1886, № 1—2, 4—5, 11—12; 1887, № 9—11; 1888, № 1—3, 5, 7, 9—11; 1889, № 2, 4, 8—9, 11; 1891, № 9—10; 1893, № 11—12; 1894, № 1, 3—4, 7—12; 1895, № 1—4. Рукописные подлинники записок Н. Н. Муравьева за 1811—1865 гг. хранятся в его фонде в ОПИ ГИМ (ф. 254, д. 3—85). Кроме того, в фонде Н. Муравьева в ЦГВИА (ф. 169, д. 3—7) находятся копии записок за 1849—1863 гг.

[33] Русский архив, 1886, № 4, с. 445; *Калантырская И. С.* Неизвестные письма декабристов Н. Н. Муравьеву-Карскому — новый источник из истории движения декабристов. — В кн.: Из эпистолярного наследства декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975, т. 1, с. 5.

думанной структурой, расчленяющей повествование на последовательно связанные друг с другом и однотипно озаглавленные шесть «частей» [34].

Если в основе всех последующих текстов записок Н. Муравьева лежит дневник, причем не только потому, что он использован в качестве источника тех или иных ретроспективных описаний, но главным образом в том смысле, что сам процесс ведения дневника с его иногда весьма длительными перерывами является своего рода стержнем, вокруг которого строятся вообще все записи и которым определяется их тип и манера, то мемуарное повествование об эпохе 1812 г. с дневником никак не связано.

Во всем обширном его тексте, насчитывающем 330 страниц большого журнального формата, нет каких-либо признаков синхронных описываемой эпохе поденных записей, нет обычного в таких случаях воспроизведения хронологической последовательности событий и ее тесной «привязки» к географическим реалиям. Вместе с тем Н. Муравьев неоднократно подчеркивал, что восстанавливает прошедшее по памяти: «Гвардейские полки выступили в поход, *помнится мне*, в феврале месяце (1812 г.)...». «*Помнится мне*, что государь оставил армию еще в Дриссе, откуда он поехал в Москву...», «*помнится мне*, что мы, офицеры Генерального штаба, еще 22 августа пришли в селение Татарки, где остановились в сарае...». «*Не помню*, которого числа октября месяца французы выступили из Москвы...» «*Помнится мне*, что я выехал из Петербурга в конце марта месяца (1813 г.)...» [35] и т. д. Уже одна эта приблизительность в описании столь значительных в ходе 1812 г. и в военной биографии самого Н. Муравьева событий (выступление с гвардией к западным границам перед войной, отъезд Александра I из армии, выход французов из Москвы и т. д.), равно как и многих других, более «рядовых» эпизодов, лишний раз свидетельствует, что Н. Муравьев не располагал поденными заметками, в которых все это непременно должно было быть зафиксировано. Да и условия походной жизни квартирмейстерского офицера, как они изображены в записках самим Н. Муравьевым: отсутствие налаженного быта, бесконечные переходы и разъезды, загруженность боевыми поручениями, доходящая порой до изнеможения усталость, частые болезни — все это, полностью поглощая силы и время Н. Муравьева, решительно исключало возможность ведения регулярных дневниковых записей.

---

[34] «Часть первая: Со времени определения в службу до выступления в поход. 1811—1812» (Русский архив, 1885, № 9, с. 5); «Часть вторая: Со времени первого выезда из Петербурга до второго в 1813 году. Первая кампания» (Там же, с. 32); «Часть третья: Со времени второго выезда моего из Петербурга в армию 1813 года до конца перемирия в Шлезии и до выступления в поход в Богемию того же года. Вторая кампания» (Там же, 1885, № 12, с. 451); и т. д.

[35] Русский архив, 1885, № 9, с. 30—31; № 10, с. 250; № 11, с. 372; № 12, с. 451. (Курсив мой. — *А. Т.*)

Бартенев, хорошо осведомленный в рукописном наследии Н. Муравьева, верно уловил эту особенность его записок об эпохе 1812 г. и противоположность их в данном отношении всем последующим. Приступая к печатанию его дневников с середины 1816 г. (вслед за ранее опубликованными записками за 1811—июнь 1816 г.), он писал: «До сих пор Н. Н. Муравьев излагает повесть своей жизни по памяти. . . Теперь записки его принимают вид дневника. . .» [36]. Эту разницу чувствовал и сам Н. Муравьев: если мемуарное повествование об эпохе 1812 г. было названо им просто «Собственные записки», то рукопись дневниковых в своей основе текстов за 1816—1817 гг. он озаглавил «Собственные дневные записки».

Между тем в литературе высказывалось мнение о том, что записки Н. Муравьева о 1811—1816 гг. «приближаются по типу к дневнику», так как «переделаны из дневниковых записей». Доводом в пользу этого служит лишь указание на следы авторских исправлений и зачеркиваний в рукописи, относимые к 1816—1818 гг.[37] Однако они были сделаны Н. Муравьевым не по дневнику, которого за данные годы, как следует из всего изложенного, видимо, не существовало, а по тексту, изначально возникшему как мемуарный, и не ранее 1865 г., когда Н. Муравьев (он сам отметил это в дневниковой записи за 7 июля 1865 г.) решил прекратить ведение дневника и посвятить все силы «приведению в порядок собственных и составляемых мною в течение целой жизни записок» [38]. О том, что всякого рода исправления Н. Муравьев внес в рукопись, «пересматривая» записки «в конце жизни своей, в 1866 г.», писал лично знавший его Бартенев [39].

---

[36] Там же, 1886, № 4, с. 445.

[37] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 45; Декабристы: Новые материалы. М., 1955, с. 211. Квалификация же Н. Задонским мемуарных записок Н. Муравьева об эпохе 1812 г. как синхронного событиям дневника вообще ничем не аргументирована. См.: *Задонский Н.* Жизнь Муравьева. М., 1974, с. 21, 36—38, 41, 46, 53, 55, 58, 67, 443.

[38] *Задонский Н.* Указ. соч., с. 459—460.

[39] Русский архив, 1885, № 11, с. 408; Из эпистолярного наследства декабристов, т. I, с. 43. Сказанное полностью подтверждается обращением к рукописям записок Н. Муравьева об эпохе 1812 г. (ОПИ ГИМ, ф. 254, д. 3—11). Каждая из упомянутых выше шести частей составляет переплетенную в синюю картонную обложку самостоятельную тетрадь. Листы заполнялись с двух сторон с оставлением больших полей, на которых систематически делались пометы о месте и времени (в пределах 1815—1819 гг.) написания данного фрагмента рукописи. Под строкой многочисленные авторские примечания, датированные 1866 г. Первоначально рукопись писалась чернилами, которые ныне выцвели, порыжели. Цвет чернил и характер почерка этого исходного текста и помет на полях идентичны, и таким образом, он, бесспорно, датируется 1815—1819 гг. Впоследствии рукопись, действительно, подверглась весьма существенным авторским исправлениям: тщательно, густой чертой были вымараны не только отдельные фразы, но и целые абзацы и даже страницы, а вместо зачеркнутых мест между строк и на полях вписаны заменяющие их тексты, иногда довольно пространные. Все исправления по более темному цвету чернил и иному сравнительно с первоначальным текстом характеру почерка идентичны с примечаниями под стро-

Обособленность мемуарного повествования Н. Муравьева об эпохе 1812 г. от остальной части его записок особенно наглядно обнаружится, если мы присмотримся к некоторым обстоятельствам его возникновения.

Вернувшись в августе 1814 г. из заграничных походов и поступив вместе со своими братьями Михаилом и Александром (будущим основателем Союза Спасения) в Гвардейский Генеральный штаб[40], Н. Н. Муравьев приступает вскоре к описанию только что закончившихся кампаний, посвятив первые его страницы предвоенной жизни, что явствует из собственной пометы Н. Муравьева в названии «Части первой»: «Написано в Петербурге в 1815 году»[41]. Помета эта позволяет точнее датировать начало занятий Н. Муравьева записками: бесспорно, речь идет о второй половине года, так как время с февраля по апрель Н. Муравьев провел в отпуске в Москве, а затем, после высадки Наполеона во Франции, участвовал до конца лета 1815 г. в походе Гвардейского корпуса[42]. Но в связи с отъездом Н. Муравьева в июне 1816 г. из Петербурга на службу в Грузию в штаб Отдельного Кавказского корпуса[43] составление записок было прервано и возобновилось лишь по возвращении его в Тифлис из Персидского посольства А. П. Ермолова в октябре 1817 г., завершившись не позднее начала 1819 г. За это время и была написана подавляющая часть записок 1811—1816 гг.[44]

Заметим, что в июле 1816 г. по дороге на Кавказ в подмосковном имении отца Александровское Н. Муравьев впервые начинает регулярно вести дневниковые записи[45], продолжает их в 1817 и 1818 гг., и, стало быть, составление мемуаров идет параллельно, бок о бок с ведением дневника, но совершенно независимо от него и никак с ним не соприкасаясь. Ход работы над мемуарами в дневнике почти не фиксируется, лишь в записи за 3 ноября 1817 г. Н. Муравьев пишет, что в тот день «продолжал записки свои о 1811 годе», да 29 января 1819 г., после того как

кой, что позволяет эти исправления датировать 1866 г. Следовательно, в рукописи записок четко выявляются два хронологических слоя, две редакции, отстоящие друг от друга почти на 50 лет, причем первая редакция в значительной мере утрачена, так как вымаранный текст практически не поддается прочтению. Надо иметь в виду, что опубликованный Бартеневым текст — это вторая, позднейшая редакция мемуарных записок Н. Муравьева. Пользуюсь случаем принести благодарность И. С. Калантырской, консультировавшей меня при работе над их рукописями.

40 Из эпистолярного наследства декабристов..., с. 286.

41 Русский архив, 1885, № 9, с. 5.

42 Из эпистолярного наследства декабристов..., т. I, с. 66, 71; Русский архив, 1886, № 2, с. 136, 141.

43 Там же, № 4, с. 445—446.

44 Датировка записок, помимо точно воспроизведенных в «Русском архиве» помет Н. Муравьева о времени составления различных их частей, устанавливается и благодаря его признанию в одном из примечаний 1866 г. к рассказу о 1812 г. о том, что писал записки «шесть лет после событий» (Русский архив, 1885, № 11, с. 400).

45 Русский архив, 1886, № 4, с. 445—474.

они уже в целом были закончены, отмечает, что по просьбе жившего тогда в Тифлисе А. И. Якубовича прочел ему первую их часть [46].

Из этой хронологии ясно видно, что мемуарные записки 1811—1816 гг. были начаты Н. Муравьевым примерно за год до того, как он стал вести свой дневник, и явились первыми в ряду его записок вообще.

Таким образом, записки Н. Муравьева о 1811—1816 гг. следует вычленить из общей массы его дневниково-мемуарных текстов и трактовать в качестве самостоятельного мемуарного произведения, специально посвященного эпохе 1812 г.

МЕМУАРНЫЕ ЗАПИСИ

Помимо мемуаров в традиционной форме «собственноручных» повествований, предметом учета являются произведения, возникшие в результате неавторских способов фиксации мемуарного текста, которые, как известно, особенно широкое распространение получили в конце XIX—XX в. в виде мемуарных анкет, различных форм литературной обработки рассказов «бывалых людей», запечатления их воспоминаний на фонозаписи и даже киноленте. Но в данном случае мы имеем в виду такую сравнительно простую и исторически первичную разновидность неавторской фиксации, как записи устных воспоминаний современников тех или иных событий прошлого другими лицами.

С точки зрения авторской принадлежности такого рода записи далеко не равноценны. Выше уже указывалось, что многие мемуары в той или иной мере аккумулируют информацию, почерпнутую их авторами из рассказов свидетелей прошлого. Это характерно, в частности, для автобиографических повествований, в которых история рода и ранние годы жизни мемуариста освещаются им по семейным преданиям. Записи другим лицом рассказов современников вливаются таким образом в собственные воспоминания этого лица, обогащаются дополнительно известными ему сведениями, окрашиваются его личным отношением к тому, что было рассказано очевидцем, и в результате прежде сделанная со слов последнего запись утрачивает свои твердые очертания, свой автономный характер.

Трудно, однако, согласиться с тем, что «воспоминания рассказчика доходят до нас только через воспоминания об этом рассказе другого, записавшего их лица» [47]. Известно множество записей устных воспоминаний, совершенно свободных от посторонних мемуарных напластований и сложившихся как самостоятельные произведения. Роль создателя записи сводится здесь лишь к точной (насколько это ему доступно) передаче и литера-

---

[46] Там же, № 5, с. 21; № 12, с. 434.

[47] *Житомирская С. В.* Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников. — В кн.: АЕ за 1976 год. М., 1977, с. 52.

турному оформлению «наговоренного» рассказчиком. Именно эти источники мы и будем называть далее «мемуарными записями». Автором их мы полагаем, как правило, не создателя записи, а то лицо, чей рассказ был записан.

История этой разновидности русской мемуаристики почти совсем не выяснена. Мемуарные записи не выделены из общей массы мемуаров, не изучены в типологическом и конкретно-источниковедческом плане[48]. Возникновение их относится еще к XVIII в. Видимо, первыми произведениями этого рода явились записи А. К. Нартовым, Я. Я. Штелиным и И. И. Голиковым устных воспоминаний (или, как тогда говорили, «исторических анекдотов») современников бурной эпохи Петра I[49]. В XIX в. по мере проникновения принципов историзма в общественное сознание и растущего понимания роли личных свидетельств очевидца для познания прошлого эта форма воспоминаний, расширяющая плацдарм мемуаристики, привлекает все большее внимание.

В 20-х годах XIX в. и в последующие десятилетия создаются мемуарные записи о различных сторонах жизни русского общества второй половины XVIII в., в том числе о придворных нравах времен Екатерины II и Павла I, о быте крепостной деревни, сельского духовенства, казачества, о Пугачевском восстании[50] — среди последних выделяются записи, сделанные в 1833 г. А. С. Пушкиным[51], который охотно записывал рассказы о прошлом и других своих современников. Обширный свод записей устных воспоминаний военных и государственных деятелей конца XVIII—первой трети XIX в. в течение ряда лет составлял Д. В. Давыдов[52]. Признанным мастером мемуарных рассказов был А. Н. Голицын, свидетель пяти царствований, хранитель многих дворцовых тайн и исторических преданий. Его устные повествования дошли до нас в записях Ю. Н. Бартенева, В. А. Жуковского, Н. С. Голицына[53]. Известны целые циклы устных воспоминаний А. П. Ермолова в записях того же Д. В. Давыдова, Н. П. Ермолова, М. П. Погодина, П. А. Вяземского, Н. Н. Муравьева и других пользовавшихся его доверием лиц, причем некоторые из этих рассказов непосредственно относились к эпохе 1812 г.

В мемуарных записях о 1812 г. можно наметить несколько различных по своему источниковедческому значению групп.

---

[48] Интересные соображения о природе мемуарных записей см. в статье: *Житомирская С. В.* Указ. соч., с. 51—52.
[49] ИДРДВ, т. I, № 254, 256; *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. 5-е изд. М., 1969, с. 86—87, 119—120.
[50] ИДРДВ, т. I, № 452, 481, 505, 516, 520—521, 775, 779.
[51] Там же, № 504.
[52] *Давыдов Д.* Военные записки. М., 1940, с. 365—411.
[53] ИДРДВ, т. II, ч. 1, № 496, 757; *Иезуитова Р. В.* Пушкин и «Дневник» В. А. Жуковского 1834 г. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978, т. VIII, с. 229—230, 245—246.

Прежде всего это записи, возникшие в каком-либо тесном кругу — семейном, дружеском, профессиональном. Часто рассказчики предавались потоку своих воспоминаний без какого-либо расчета на их фиксацию, просто ради удовлетворения интереса к событиям той эпохи окружающих, которые по ходу этих рассказов делали беглые заметки, уже потом оформляя их в развернутые повествования или краткие мемуарные очерки (I, № 187, 224, 234, 275; II, № 67).

Был распространен и другой тип записей, когда рассказчик «наговаривал» воспоминания с прямой целью их литературного воплощения и сама запись рождалась в процессе непосредственного общения рассказчика с ее создателем, который не просто технически фиксировал услышанное, а накладывал на него печать своего понимания эпохи, своего литературного опыта и вкуса. Короче, дело касается той разновидности мемуарных записей, за которой применительно к более позднему времени закрепилось наименование «литературных записей» воспоминаний.

Первой такой записью о 1812 г. следует считать «Обстоятельное известие о чудесном спасении вдовы генерал-майорши Н. М. при нашествии на Москву французов в 1812 году» (I, № 2). Эта небольшая книжка, выпущенная осенью того же года в Петербурге, является вместе с тем, что особенно важно отметить, и одним из первых дошедших до нас мемуарных памятников об эпохе 1812 г. Под криптонимом «Н. М.» скрывалось имя Надежды Федоровны Микулиной — родной сестры одного из крупных деятелей русского масонства, автора и издателя религиозно-мистической литературы, впоследствии вице-президента Академии художеств А. Ф. Лабзина. Не успев вовремя выехать из Москвы, Микулина оказалась в оккупированном городе во власти разбушевавшейся стихии поджогов, грабежей и насилий, но в ночь со 2 на 3 сентября, действительно, чудом вырвалась с детьми и слугами из захваченного французами дома и, проделав долгий и полный лишений путь, добралась 27 сентября до Петербурга.

Все приключившееся с Микулиной и было описано в «Обстоятельном известии», которое всего две недели спустя по ее приезде получило одобрение С.-Петербургского цензурного комитета, причем в цензуру оно было представлено не кем иным, как А. Ф. Лабзиным[54]. Это публицистически окрашенное и литературно законченное, с четко выстроенной сюжетной линией произведение вряд ли могло быть написано, да еще в столь сжатые сроки, самой Микулиной, ни до того, ни после не выступавшей в роли литератора. Бесспорно, ее пространные и злободневные рассказы о всем испытанном в связи с вторжением французов в Москву в первые же дни октября 1812 г. были записаны и литературно обработаны А. Ф. Лабзиным. Не случайно биограф Лабзина П. Бессонов среди книг, в подготовке которых тот

[54] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, д. 183, л. 59 об.

«принимал главное и деятельнейшее участие», называл и «Обстоятельное известие»[55].

Об этом же свидетельствует и совершенно особый идейный облик этой книги. Проповедь в ней в патриархально-сентиментальном духе моральных достоинств крестьянства («добродетельной простоты нравов, составлявшей некогда характер русского народа»), его благочестия и верности коренным началам христианской религии, апелляция к высшим «провиденциальным силам», «милосердию» которых Микулина и обязана своим спасением, — во всем этом угадываются религиозно-этические воззрения самого Лабзина.

Замечательным образцом «литературной записи» воспоминаний, но уже совершенно иного масштаба и исторической значимости являются записки архитектора А. Л. Витберга, автора грандиозного, но так и неосуществленного проекта храма-памятника на Воробьевых горах в честь победы в 1812 г. над Наполеоном (II, № 28). Записки эти, начинающиеся с описания глубоко запавших в сознание Витберга впечатлений о 1812 г. и процесса зарождения у него величественного архитектурного замысла, интересны для нас и тем, что их создание неразрывно связано с именем А. И. Герцена. Он сблизился с Витбергом в Вятке. Витберг был сослан сюда по клеветническому обвинению во взяточничестве и казнокрадстве при строительстве храма. Герцен, как известно, посвятил Витбергу целую главу в «Былом и думах», но ни словом не обмолвился здесь ни о самих записках, ни о своей к ним причастности[56]. Но еще М. И. Семевский, впервые опубликовавший записки[57] по рукописи, доставленной Т. П. Пассек (она была обнаружена в 60-х годах среди оставшихся в Москве бумаг Герцена в доме его брата, Е. И. Герцена[58]), указывал, что записки были написаны «в июле месяце 1836 года в Вятке рукою одного из близких друзей и почитателей таланта Витберга»[59]. Рукопись эта, сохранившаяся в Пушкинском доме и, действительно, написанная А. И. Герценом, по мнению исследователей, несет на себе следы его совместной с Витбергом творческой работы[60], на что, собственно, указывал сам Герцен, когда в письме к Витбергу из Владимира от 24 ноября 1838 г. писал: «На днях я перелистывал известные вам тетради, которые мы вместе писали»[61]. «Вместе писали» —вероятнее всего в том смысле, что Герцен делал в ходе рассказа отдельные заготовки, наброски, а потом уже составлял целостный текст, который в свою очередь редактировался и дополнялся Витбергом. Во всяком слу-

[55] *Бессонов П.* А. Ф. Лабзин. — Русский архив, 1866, ст. 829—830.
[56] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956, т. IX, с. 277—290.
[57] Русская старина, 1872, № 1—2.
[58] *Дубовиков А. Н.* Воспоминания «корчевской» кузины Герцена. — В кн.: *Пассек Т. П.* Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963, т. 1, с. 25—26.
[59] Русская старина, 1872, № 1, с. 16—17.
[60] *Гинзбург Л. Я.* Комментарии к запискам А. Л. Витберга. — В кн.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т., М., 1954, т. I, с. 531—533.
[61] Там же. М., 1961, т. XXI, с. 394.

чае, фразеология записок и даже идейная трактовка ряда эпизодов несут на себе явственную печать романтическо-философских воззрений и литературного стиля молодого Герцена[62].

Значение взятого на себя Герценом труда по литературному воплощению рассказов Витберга выходит за рамки этих записок, как они ни важны сами по себе. Данный труд не связывается обычно в литературе с последующей писательской деятельностью Герцена. Между тем участие в составлении записок Витберга, впервые приобщившее Герцена к мемуаротворчеству, не могло не углубить его общих мемуарных интересов и, надо полагать, повлияло на созревание его собственных мемуарных замыслов, связанных с ранними автобиографическими опытами конца 30-х годов («О себе», «Записки одного молодого человека»), в известной мере предвосхитившими «Былое и думы».

Особую группу составляют мемуарные записи, образовавшиеся вследствие целенаправленных усилий тех или иных лиц — историков, литераторов, издателей — по сбору воспоминаний еще живших современников эпохи 1812 г. преимущественно из социально и культурно инородной среды. Первые известные нам записи такого рода относятся еще к 30-м годам, когда были зафиксированы краткие, но очень выразительные рассказы о Шевардинском и Бородинском сражениях участвовавших в них нижних чинов — чрезвычайно редкие для русской мемуаристики 1812 г., да и для XIX в. вообще, «солдатские мемуары» (I, № 100, 149).

Внимание к рассказам об эпохе 1812 г. демократического происхождения существенно повышается в период падения крепостного права и в последующие годы. К этому времени большая часть современников той эпохи сошла в могилу, что-либо помнившие о ней остались в считанном числе, что также обостряло сознание общественной и исторической значимости их устных воспоминаний, еще могущих быть зафиксированными. Именно это время отмечено специальными поисками очевидцев 1812 г. из низших слоев населения, рассказы которых тщательно записываются и публикуются в прессе, особенно часто в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» М. Н. Каткова. Тематика их сосредоточена преимущественно на московских событиях и пожаре 1812 г. Что самое примечательное — появляются первые записи устных воспоминаний об Отечественной войне крестьян (I, № 238).

Наиболее активные усилия в этом отношении были предприняты в 60-х—первой половине 80-х годов XIX в. популярной писательницей, переводчицей, автором историко-беллетристических сочинений и книжек для народного чтения Е. В. Новосильцевой, выступавшей под псевдонимом «Т. Толычева». Посещая монастыри, церкви, богадельни, выискивая доживавших свой век дворовых, монахинь, священников, купцов, обедневших дворян,

[62] Там же, т. I, с. 532—533.

отставных солдат, она записала в Москве и Смоленске не менее 33 памятных рассказов (из них только 3 рассказа принадлежали лицам дворянского звания), создав тем самым уникальный и историками почти не использованный свод устных воспоминаний об Отечественной войне выходцев из простонародья (I, № 221, 222, 240—257, 269, 272, 273, 276—281, 283, 286, 288, 289).

Сравнительно с «собственноручными» мемуарами жанровая природа мемуарных записей более сложна. Если внутренний процесс создания авторских повествований может быть до известной степени уподоблен монологу, то мемуарные записи с этой точки зрения чаще всего диалогичны. Побудительным импульсом их возникновения является уже не внутренняя потребность самого очевидца-рассказчика, не выношенное им стремление запечатлеть свой личный опыт, а привнесенная извне инициатива создателя записи, его настояния, расспросы и т. д., направляющие нить воспоминаний. При всей добросовестности создателя записи, при всем его намерении объективно и точно зафиксировать рассказанное очевидцем он не может отрешиться от своего субъективного восприятия, ибо, прежде чем быть записанным, услышанное должно пройти через его сознание и только в присущие этому сознанию словесно-литературные формулы могут быть облечены устные воспоминания другого лица.

Таким образом, личностно-субъективное начало, монистичное в авторских мемуарных повествованиях, как бы раздваивается, расщепляется в мемуарных записях. Естественно, что это их свойство исторически ограничено той эпохой, которая не знает сколько-нибудь совершенных технических средств фиксации устной речи.

Диалогичность процесса создания мемуарных записей влияет и на другой видовой признак мемуаров — на память. Лицо, записывающее рассказ очевидца, ориентируя его на определенный комплекс тем и сюжетов, как бы «программирует» память, активизируя ее в отношении одних сторон прошлого и оставляя пассивной относительно других, а это еще более усиливает избирательный характер проявления памяти рассказчика.

Двойственная природа мемуарных записей особенно ощутима, как мы видели, в «литературных записях», а также в тех случаях, когда сама запись была сделана не сразу после воспроизведения рассказчиком своих воспоминаний, а по истечении какого-то времени (это, кстати, не характерно для записей, создававшихся в результате специальных усилий по сбору воспоминаний, — они, как правило, записывались непосредственно по ходу рассказа или сразу же после него). Здесь уже вступала в силу память (со всеми ее дефектами) лица, производившего запись, и открывался более широкий простор для воздействия его субъективных взглядов на воплощение в записи рассказанного очевидцем.

Усложненный характер проявления в мемуарных записях видовых признаков воспоминаний не меняет принципиально квали-

фикации этих записей как мемуарных источников. По-иному обстоит дело, когда запись представляет собой суммарное изложение воспоминаний группы рассказчиков. Таковы, например, сжато записанные в 1869 г. свидетельства крестьян из деревень Бытча и Студенки — очевидцев двукратной переправы наполеоновской армии через Березину [63].

Известны, кроме того, записи устных повествований, распространявшихся вообще безымянно. В 1912 г. священники Н. Соколов и М. Крастелев записали широко расходившиеся в Смоленской губернии рассказы о пребывании здесь французов и партизанской борьбе местного населения за 100 лет до того. Любопытны уже сами ссылки на источники: «Записано со слов старожилов и по летописям», «записано со слов старожилов Дорогобужского уезда села Междуречья» [64]. В 1912 же году член Смоленской ученой архивной комиссии П. Цветков записал среди прихожан Петропавловской церкви Смоленска все то, что они помнили по семейным преданиям о наполеоновском нашествии [65]. И в том, и в другом случаях перед нами записи передававшихся в течение целого века из поколения в поколение рассказов, в которых трудно уловить реальный первоисточник, восходящий к какому-то конкретному лицу — носителю информации о прошлом. Хотя все эти записи по своему содержанию отнюдь не апокрифичны, ибо повествуют о действительно происшедших событиях, по сути дела, они обобщают коллективную память о 1812 г. — каждое отдельное свидетельство сливается с массой ему подобных, и выделить их личностно-памятные признаки не представляется возможным.

Примечательна в этом смысле оговорка, которой Т. Толычева сопроводила публикацию записей такого же рода преданий, услышанных ею в московских монастырях в начале 70-х годов: «К рассказам очевидцев о двенадцатом годе я считаю не лишним присоединить несколько преданий и легенды, сложившиеся у нас о Наполеоне и ходившие в народе после нашествия неприятеля» [66]. В противопоставлении Новосильцевой «преданий»-«легенд» одновременно собранным и напечатанным ею в том же издании чисто мемуарным записям выразилось отчетливое понимание того, насколько это различные типы повествований. Действительно, всякого рода безымянные рассказы о прошлом (равно как, впрочем, и суммарные записи групповых воспоминаний) никак нельзя признать мемуарными источниками в точном типологическом значении этого понятия. По общему своему облику — оторванности от индивидуально-авторского начала, коллективности бытования, устной форме распространения — они скорее

---

[63] Вестник Западной России, Вильна, 1869, кн. XII, т. IV, с. 122.
[64] Смоленские епархиальные ведомости, 1912, № 1, с. 20—23; № 4, с. 200—203.
[65] Смоленская старина, Смоленск, 1912, вып. II, с. 401—412.
[66] Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912, с. 97—106.

тяготеют к фольклору, в частности к такой его разновидности, как «несказочная народная проза», именуемая в фольклористике «историческими преданиями» или «сказами» [67].

МЕМУАРЫ В ФОРМЕ ИНЫХ ВИДОВ ИСТОЧНИКОВ

В характеристике принципов учета мемуарных памятников об эпохе 1812 г. важное значение имеет уточнение критериев отнесения к их кругу воспоминаний, существующих в форме иных видов источников, — проблема, вообще актуальная для мемуаристики XIX в. с ее расширяющейся тенденцией к проникновению в смежные жанры.

Отчасти вопрос об этих критериях ставился в литературе и в общем, и в конкретно-источниковедческом плане. Указывалось, например, что особую группу мемуаров составляют отдельные, фрагментарные свидетельства в немемуарных по своему характеру произведениях [68]. Наличие отдельных тематически и композиционно целостных мемуарных фрагментов может быть признано, как мы видели, достаточным основанием для отнесения к корпусу наших источников обширных по временному охвату мемуарных повествований. Но для источников иных видов этот критерий вряд ли пригоден. И прежде всего потому, что отдельные мемуарные фрагменты в немемуарных по происхождению и целевой установке памятниках — будь то частное письмо, деловой документ, критическая статья, историческое сочинение и т. д.— не способны преобразовать эти источники в истинно мемуарные произведения с их специфическими функциями. Поэтому для источников иных видов в качестве искомого и общего для всех них критерия мы принимаем тот принцип, чтобы они полностью или в преобладающей части состояли из мемуарных текстов об эпохе 1812 г. В противном случае утратятся качественные признаки самого понятия «мемуарное произведение» и мы станем на путь беспредельного и методически не мотивированного расширения круга относящихся к нашей теме материалов.

Исходя из этой посылки, обратимся к конкретному рассмотрению тех видов источников, которые и «вмещают» в себя мемуарные повествования об эпохе 1812 г.

Мемуары в форме частных писем

С самого начала надо подчеркнуть, что речь идет именно о частной переписке, о личных письмах, обращенных к какому-то реальному лицу, с которым автор состоит в определенных отношениях, а не о тех случаях, когда мемуарам лишь придана по

---

[67] *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976, с. 50, 52; *Соколова В. Н.* Русские исторические предания. М., 1970, с. 3—4, 248—274.

[68] *Бушканец Е. Г.* О классификации мемуарных источников. — В кн.: Русская литература и освободительное движение. Казань, 1972, с. 84; *Он же.* Мемуарные источники. Казань, 1975, с. 4.

тем или иным причинам «наружная форма письма»[69]. Известно, что в литературно-общественной жизни России конца XVIII— первой половины XIX в. эпистолярная манера получила сильное распространение, стала своего рода модой, обретя до известной степени значение самостоятельного жанра. В нее облекались сочинения самого различного свойства: художественно-беллетристические, научные, публицистические, описания путешествий и т. д.[70] Не прошла она бесследно и для мемуаров: например, упоминавшиеся выше знаменитые записки А. Т. Болотова построены как серия писем автора к вымышленному приятелю.

Использование в мемуарных произведениях эпистолярной формы с риторическим обращением к предполагаемому адресату с не скованной никакими канонами манерой повествования имело характер некоего литературного приема, сознательно избираемого автором для более непосредственного проявления своей творческой индивидуальности, для того, чтобы, как писал Н. И. Греч, «автор мог иметь более свободы в расположении и выражении своих мыслей»[71]. «Наконец, что принадлежит до расположения описания сего образом писем, — отмечал в „Предуведомлении" к своим запискам А. Болотов, — то сие учинено, чтобы мне тем удобнее и вольнее было рассказывать когда что-нибудь смешное»[72].

Вполне очевидно, сколь различны источниковедчески мемуарные тексты, лишь имитирующие внешние признаки эпистолярии, и включенные в состав личных писем, являющихся средством двусторонних сношений между людьми[73]. Равным образом отличны от последних предназначавшиеся для публикации в газетах и журналах мемуарные очерки, которые оформлялись в соответствии с обычаем, принятым уже в журналистике начала XIX в., как «Письма к редактору»; их также нельзя признать воспоминаниями, бытующими в форме частной переписки (I, № 28, 205, 211, 237).

Факт существования мемуаров в этой форме сам по себе признан в литературе и не нуждается в особых доказательствах.[74]

---

[69] *Греч Н. И.* Учебная книга российской словесности. СПб., 1819, ч. 1, с. 58.

[70] *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. — В кн.: Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970, с. 359.

[71] *Греч Н.* Указ. соч., ч. 1, с. 58.

[72] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738—1793. СПб., 1970, т. I, с. 2.

[73] Это различие не всегда осознается в литературе. Так, в книге И. Л. Фейнберга записки А. Болотова поставлены в один ряд с воспоминаниями П. В. Нащокина и Г. С. Батенькова, написанными в виде писем к совершенно реальным лицам. См.: *Фейнберг И. Л.* Указ. соч., с. 268.

[74] *Житомирская С. В.* Указ. соч., с. 54; *Фейнберг И. Л.* Указ. соч., с. 268—270, 282—293.

Напомним лишь, что подобно дневнику личные письма легко преобразуются в мемуарные повествования и не только в том отношении, что часто служат для него источником фактических сведений (случаи такого порядка требуют специального источниковедческого рассмотрения, и мы их здесь касаться не будем). Сфера двусторонних личных отношений, которые реализуются в частной переписке, не замкнута сегодняшним днем, она наполнена множеством интересов и ассоциаций, переходящих в настоящее из доступного обозрению прошлого, граница между которыми в повседневной жизни вообще трудноуловима. Поэтому, оповещая адресата о явлениях текущей действительности, автор письма, естественно, перемежает это впечатлениями от минувшего, разрастающимися иногда в связные и законченные воспоминания, если их предмет представляется актуальным для обоих корреспондентов.

В нашем материале четко выделяются два рода воспоминаний, существующих как частные письма.

К первому относятся письма, возникшие в качестве непосредственного отклика на только что завершившиеся события 1812 г. в силу естественной потребности их авторов поделиться всем увиденным и пережитым со своими родными, друзьями, знакомыми. Написанные по горячим следам, исполненные живых, неостывших впечатлений, письма эти, хотя и не преследовали специально мемуарных целей, тем не менее содержали пространные описания недавно происшедшего, были проникнуты ощущением его исторической значимости, оценивали события не только злободневно, но в какой-то мере и ретроспективно, в масштабе времени, выходящем за пределы настоящего. Словом, это тот тип писем, о которых А. И. Герцен в «Былом и думах», имея в виду свои «Письма из Франции и Италии», писал: «Они составляют *необходимую часть моих „записок“*, что же вообще письма, как не *записки о коротком времени»*[75]. (Надо иметь в виду, что для Герцена, когда он писал о «Былом и думах» «записки» — это и есть «мемуары», «воспоминания», все три термина он употреблял как равнозначные[76].)

Этот род «записок о коротком времени» составляет довольно значительное число писем за октябрь 1812—начало 1813 г., главным образом жителей Москвы — свидетелей французской оккупации (I, № 3, 6—8, 10—14, 17, 34).

Второй род мемуаров, возникших в форме частной переписки, — это письма, написанные спустя известное время после 1812 г. в ответ на запросы лиц, так или иначе заинтересованных в появлении воспоминаний участников событий того времени. Чаще всего эти запросы вызывались подготовкой исторических

---

[75] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т., т. I, с. 17. (Курсив мой. — *А. Т.*)
[76] Там же. М., 1956, т. VIII, с. 9, 406, 408, 443, 444; М., 1957, т. XII, с. 302, 304, 313; М. 1958, т. XIII, с. 9; М., 1961, т. XXIV, с. 760; М., 1962, т. XXVI, с. 77—146.

трудов, биографических и художественно-исторических произведений, сбором и публикацией самих мемуаров. Здесь уже в качестве стимула выступает собственно исторический интерес к эпохе 1812 г. В письмах этого рода, писавшихся с заранее предопределенной целью создания воспоминаний, эпистолярная функция отступает на второй план, поскольку личные связи между автором письма и «заказчиком»-«собирателем» исчерпываются в данном случае чисто «мемуарными» взаимоотношениями. Эпистолярная форма является как бы оболочкой, заключающей в себе мемуарное содержание. К этим письмам вполне приложимы слова, с которыми в 1832 г. А. С. Пушкин обратился к П. В. Нащокину, уговаривая его писать записки (в результате чего и родился тот их вариант, который был написан в 1836 г. как письмо к Пушкину): «Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. . .» [77].

Крупный комплекс воспоминаний об эпохе 1812 г., написанных «в виде писем», отложился в коллекции исторических документов А. И. Михайловского-Данилевского, собранной им в 30—40-х годах в связи с подготовкой описания кампаний 1812—1814 гг. Об истории ее создания мы еще скажем далее. В поисках необходимых ему материалов Михайловский-Данилевский разослал письма к участникам этих кампаний — видным военачальникам или рядовым офицерам (достигшим в 30-х годах генеральских чинов), большинство из которых он знал лично, с предложением сообщить что-либо сохранившееся в их памяти о событиях той эпохи. Некоторые из откликнувшихся на его запросы, считая, что их воспоминания предназначаются исключительно для использования в подготовлявшихся исторических трудах или для личного ознакомления Михайловского-Данилевского, очень часто и излагали эти воспоминания в форме частных писем к нему. Подобный взгляд на именно такое их назначение хорошо выразил артиллерийский генерал И. К. Арнольди в начальных фразах письма к Михайловскому-Данилевскому, с которым он переслал мемуарный рассказ о Березинском сражении: «Подробности, которые встретите в этом описании, собственно меня касающиеся, сообщаю не для историка, а другу, уверен будучи, что и самые малости в общем таких исполинских происшествий, как 1812 год, прочтет он на досуге не без удовольствия. Выберите из рассказа моего все, что стоит и должно войти в историю, сохраните остальное у себя на память в знак дружбы. . .» (I, № 135а, с. 4).

Бо́льшая часть писем-воспоминаний из коллекции Михайловского-Данилевского — это краткие описания военных эпизодов: Шевардинский бой и Бородино, встречи М. Б. Барклая-де-Толли

---

[77] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1948, т. XV, с. 37; М.; Л., 1949, т. XII, с. 287—292; *Эйдельман Н. Я.* Воспоминания П. В. Нащокина, написанные в форме письма к А. С. Пушкину. — В кн.: Прометей. М., 1974, вып. 10, с. 275—292.

с П. И. Багратионом, вылазки армейских партизан на Калужской дороге и пленение французами Ф. Ф. Винценгероде, сражение при Кульме и штурм Монмартра и т. д. (I, № 116, 120, 124, 133, 147, 165, 175; III, № 33, 36). Но есть в их числе и более обширные мемуарные повествования, очень ярко и полно передающие саму атмосферу эпохи, например письмо известного драматурга кн. А. А. Шаховского, командовавшего в 1812 г. Тверским ополчением и одним из первых вошедшего в оставленную французами Москву (I, № 140).

Однако в ту эпоху далеко не все авторы мемуаров, составленных «в виде писем», рассматривали их только как заготовки для исторического труда. Интересны в этом отношении «письма» подполковника К. А. Бискупского, служившего в Отечественную войну в партизанском отряде А. Н. Сеславина.

В 1849 г. его, уже давно вышедшего в отставку, разыскал журналист А. А. Краевский, предполагавший опубликовать в «Отечественных записках» «Материалы для описания партизанских дел в 1812 и 1813 годах». К. А. Бискупский охотно откликнулся на инициативу Краевского и начал «заниматься воспоминаниями для составления рассказов, что сам видел, слышал и осязал» (I, № 178, с. 293). Всего за период с 30 марта по 14 июня 1849 г. им было написано и отослано Краевскому пять пространнейших «рассказов»-корреспонденций, живо освещавших малоизвестные стороны партизанской деятельности А. С. Фигнера и А. Н. Сеславина и вместе с тем полемически заостренных против мемуарно-исторических сочинений о партизанском движении 1812 г. Д. В. Давыдова (Там же, с. 293—344). И примечательно, что сам Баскупский видел в этих письмах отнюдь не беспорядочное излияние того, что приходило ему на память. Каждое из них он мыслил как «часть» единого мемуарного повествования. Они писались им последовательно, по заранее продуманному плану, с тем чтобы всеми письмами полностью охватить партизанские действия обоих военачальников: от первых послебородинских дней до гибели А. С. Фигнера в 1813 г. «И тогда конец книге», — писал Бискупский в письме от 17 мая 1849 г., излагая программу своих облеченных в эпистолярную форму воспоминаний (Там же, с. 331), которые и Сеславин, извещенный об этом труде Бискупского, называл не письмами, а именно «записками о партизанской войне» [78].

И это не случайно, ибо объективно мемуарный характер воспоминаний «в виде писем» так последовательно выражен, а внешние приметы письма настолько несущественны, что не только осведомленными современниками, но и последующими поколениями они также воспринимались как мемуары. Собственно говоря, лишь традиционные для любого письма обращения и концовки выдают их эпистолярное происхождение.

---

[78] Русская старина, 1873, № 9, с. 416.

Характерно, что, когда при первой публикации в «Военном сборнике» в 1864 г. упомянутого выше письма А. А. Шаховского из его текста оказались изъятыми все обращения к Михайловскому-Данилевскому, само оно получило название «Записки», а в редакционном примечании не было дано никаких разъяснений относительно того, что «Записки» эти возникли все же как письмо, его содержание от этого ничуть не изменилось (I, № 140а). Та же участь постигла и ряд других писем из коллекции Михайловского-Данилевского при их публикации спустя более полувека военным историком В. И. Харкевичем — письма А. И. Горчакова, М. С. Воронцова, А. С. Кожухова, Л. А. Нарышкина, А. И. Дружинина. Правда, в своих вступительных заметках Харкевич оговорил, что печатаемые тексты извлечены из писем указанных лиц. Однако он механически отсек часто весьма развернутые обращения, обрывая их иногда на середине фразы, озаглавил все письма «воспоминаниями» и даже сопроводил тематическими заголовками, например письмо Горчакова получило название «Бой при Шевардинском редуте», письмо Воронцова — «Сводная гренадерская дивизия в войну 1812 года. Бородинское сражение» и т. д. (I, № 120, с. 200—204; № 133, с. 196—198), хотя в самих текстах никаких названий, понятно, не было. И только обращение к архивным подлинникам позволяет полностью уяснить их эпистолярный характер и оценить меру купюр, произведенных Харкевичем[79]. Но то же самое сличение опубликованных текстов с рукописными оригиналами показывает, что серьезных изменений они не претерпели: и там, и здесь письма эти воспринимаются как мемуарные в своей основе очерки. Этот своего рода «археографический эксперимент» сам по себе поучителен как свидетельство того, насколько формальными являются эпистолярные признаки в письмах, возникших с исключительной целью ретроспективного воссоздания прошлого.

Надо сказать, что не только письма этого типа, но и письма-воспоминания, которые являлись непосредственным откликом на события 1812 г. и в которых эпистолярная функция сохраняла свое реальное значение, оценивались современниками — а иногда даже и самими авторами — как мемуарные по общему своему облику произведения.

Так, письмо французского эмигранта Ф. Ж. Изарна с замечательно интересными подробностями о происходившем в Москве при французах, отправленное им в ноябре 1812 г. в Петербург какому-то неизвестному лицу, в 1813 г. было анонимно опубликовано в столичной газете «Conservateur Impartial», а оттуда перепечатано в московском «Вестнике Европы», где его сокращенная и «очищенная» от эпистолярных признаков редакция была преподнесена, естественно, не в виде письма, а как «изве-

---

[79] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. II, л. 270—271 об., 295—297а; ч. IV, л. 42—46, 48б—58 об.

стие», «замечания одного очевидца». Но более того, когда по истечении почти 60 лет Бартенев опубликовал в «Русском архиве» имевшийся в его распоряжении полный текст этого письма, то озаглавил его как «Воспоминания Московского жителя о пребывании французов в Москве» (I, № 13).

В июне 1812 г. советник Второго департамента Главного суда в Витебске Г. И. Добрынин, переживший неприятельское вторжение, послал одному своему приятелю в Петербург аналогичное по характеру письмо с красочным рассказом о своих невзгодах и скитаниях в окрестностях Витебска во время французской оккупации. Без его ведома оно было передано в «Сын Отечества» и в марте 1813 г. со значительными сокращениями и редакционными поправками напечатано там, но опять-таки уже не в качестве частного письма Добрынина, а как мемуарный очерк под названием «Отрывок из записок Витебского жителя» и с указанием лишь инициалов автора.

В начале 20-х годов XIX в., незадолго до смерти, составляя последнюю часть своего обширного «Истинного повествования», начатого еще в 80-х годах XVIII в., Добрынин включил в нее и полную редакцию этого письма в виде самостоятельной главы, посвященной событиям 1812 г., причем оговорил, что оно «принадлежит к сим временам и к моему повествованию». В самом деле, текст письма органически влился в общий состав записок, и если не знать данной оговорки, то по манере повествования его вообще трудно отличить от предшествующих и последующих частей записок. Так оно, собственно, и получилось при публикации записок Добрынина в «Виленском сборнике» в 1869 г., где описание событий 1812 г. не было сопровождено никакими указаниями на его эпистолярное происхождение, и оно полностью слилось с остальным текстом «Истинного повествования» (I, № 16).

До сих пор речь шла о письмах, преображавшихся в воспоминания, в которых мемуарная функция так или иначе сочетается с эпистолярной. Но среди мемуарных памятников эпохи 1812 г. встречаются, хотя и заметно реже, случаи обратного порядка, когда текст, возникающий как воспоминания с исключительно мемуарной установкой, преображается затем в частные письма. Характерный пример этого — записки генерала Л. Л. Беннигсена.

Родом ганноверец, в 1773 г. поступивший на русскую службу и выдвинувшийся в конце царствования Екатерины II, Беннигсен после цареубийства 11 марта 1801 г., как его деятельнейший участник, подвергся опале, но с 1805 г. опять возникает на военно-политической арене. В 1806—1807 гг., командуя русскими войсками, он сначала одерживает победу над Наполеоном под Прейсиш-Эйлау, затем терпит поражение под Фридляндом, после чего удаляется от дел. В 1812 г. Беннигсен состоит при Кутузове начальником Главного штаба, но за интриги и доносы царю уже в ноябре высылается из армии и, оказавшись в вынужденном бездействии в своем литовском имении, принимается в конце

1812—начале 1813 г. за записки о только что минувшей войне [80], в которых сводит счеты с противниками, всячески хулит Кутузова и других генералов, стремясь неоправданно возвеличить свою роль в кампании 1812 г. (I, № 23). Надо сказать, что Беннигсен — вообще один из немногих видных деятелей русского командования, кто оставил после себя записки об Отечественной войне, и, несмотря на их откровенную тенденциозность, они не лишены определенного исторического интереса.

Записки писались им как мемуарно-исторический труд — это сразу же надо подчеркнуть. В письме к Александру I от 19 января 1813 г. он называл их «историей войны 1812 г., которую я в настоящее время еще составляю» [81]. Посетившему его тогда А. П. Оболенскому Беннигсен также говорил, что «пишет историю» [82]. Д. В. Давыдов, ознакомленный им самим с содержанием этого труда, характеризовал его как «Записки ... об Отечественной войне» [83].

Между тем внешне они оформлены в виде 12 «писем», каждое из которых в ретроспективной манере освещало в хронологической последовательности основные периоды Отечественной войны [84] и было адресовано Беннигсеном давнему своему сослу-

---

[80] *Майков П.* К биографии графа Л. Л. Беннигсена. — Военный сборник, 1905, № 4, с. 27.

[81] Там же, 1903, № 1, с. 235.

[82] Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876, с. 169.

[83] Сочинения Д. В. Давыдова. СПб., 1893, т. I, с. 129.

[84] Не должны вводить в заблуждение проставленные Беннигсеном перед началом писем современные описываемым событиям даты (например, 12 августа, 8 сентября, 9 ноября 1812 г. и т. д.), долженствовавшие как бы удостоверить, что письма возникли еще в ходе войны. Однако эти хронологические указания не соответствуют позднейшему происхождению «писем». Сошлемся на один только пример, характерный для всего текста записок Беннигсена. В письме, помеченном 8 сентября 1812 г., говоря о вступлении наполеоновской армии в Москву, Беннигсен пишет: «Французы в прокламациях, изданных *во время пребывания в Москве*, приписали пожары, совершенные в городе, оставшимся там русским. Но, разумеется, не они ограбили те тысячи церквей, которые находились в городе», и далее отмечает, что это вызвало «бешенство и негодование народа» и усугубило «бедствия французов и их союзников *во время отступления*» (I, № 23а, № 9, с. 506. Курсив мой. — *А. Т.*). Заметим прежде, что «прокламации», обвинявшие русских в поджогах, — это изданные наполеоновским командованием 4, 5 и 8 сентября бюллетени, а также «протокол» военно-судной комиссии над русскими зажигателями от 12 сентября (Bulletins officielles de Grande armée recuilies et publiés par A. Goujon... Paris, 1821, p. 106—109; Бумаги Щукина. М., 1897, ч. I, с. 131—143). 8 сентября — в тот день, которым помечено данное письмо Беннигсена, — эти документы не были известны ни ему, ни кому-либо другому в русском штабе; впервые о них узнали здесь от перехваченных французских курьеров лишь 13 сентября, что следует из письма находившегося при Главной квартире Ф. В. Ростопчина к жене от того же числа (Русский архив, 1901, № 8, с. 474). Значит, фраза о «прокламациях» явно более позднего происхождения. Да и весь этот отрывок трактует пребывание французов в Москве как уже нечто прошедшее, завершившееся. Более того, Беннигсен упоминает о бедствиях французов «во время отступления», о котором также

живцу и ближайшему другу генералу А. Б. Фоку. Правда, первый публикатор и знаток мемуарного наследия Беннигсена П. М. Майков указывал, что «собственно говоря, это не письма, потому что они никогда не были даже отправлены по назначению», на том, видимо, основании, что не обнаружил их в семейном архиве потомков Фока (I, № 23б, с. 4) [85]. Но дело совсем не в том, отослал в данном случае Беннигсен эти письма Фоку или не отослал (этот частный момент в происхождении записок Беннигсена о 1812 г. нуждается в дополнительном изучении). Гораздо существеннее, что вообще все свои записки, составлявшиеся с начала XIX в., он имел обыкновение пересылать отдельными частями Фоку.

По авторитетному мнению П. Майкова, Беннигсен «по мере изготовления отдельных глав» и «по желанию своего приятеля генерала Фока пересылал ему для прочтения копии со своего сочинения, причем иногда переписывал некоторые главы сам из предосторожности» [86].

К этому устоявшемуся на протяжении многих лет приему Беннигсен прибегал всякий раз, как оказывался в очередной опале, сменявшей взлеты его военно-политической карьеры. И, конечно, эти «письма»-воспоминания посылались не одному Фоку, а может быть, даже не столько ему лично, сколько в целях пресечения неблагоприятных для репутации Беннигсена слухов, поводов для которых было более чем достаточно, дабы оправдаться в общественном мнении и утвердить выгодную версию своего участия в тех или иных событиях. Именно с таким намерением были пересланы Беннигсеном в виде писем к Фоку завершенные к концу 1810 г. воспоминания о кампании 1806—1807 гг.; их, кстати, он также называл «записками» и «историей последней войны». В данном случае точно известно, что Фок эти «письма» получил — он служил тогда при военном министре Барклае-де-Толли, и Беннигсен явно рассчитывал, что при его посредстве они обретут огласку в военно-правительственных кругах, а возможно, попадут в руки и самого царя [87]. Сходными же соображениями

пишет в последовательно ретроспективном духе. Ясно, что 8 сентября знать что-либо об отступлении наполеоновской армии (начавшемся более месяца спустя) Беннигсен, естественно, не мог.

[85] После смерти Беннигсена в 1826 г. в своем имении близ Ганновера обширный фонд рукописей его мемуарных записок (в том числе и об эпохе 1812 г.) по распоряжению Николая I был затребован в Россию и до конца XIX в. находился под строжайшим запретом в архиве Военного министерства. В 1828 г. часть рукописей была передана в архив Военно-ученого комитета, куда получил доступ П. Майков, опубликовавший по ним «письма»-записки Беннигсена о 1812 г. (I, № 23б, с. XVII, 3—5). Ныне они хранятся в его личном фонде в ЦГВИА ф. 215, оп. 1, д. 52, 53, 55, 56, 58, 59—64).

[86] Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном: 1807 г. СПб., 1900, с. 7; Военный сборник, 1905, № 3, с. 38.

[87] Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном: 1807 г., с. 6—7; *Эйдельман Н. Я.* Записки Беннигсена. — В кн.: Встречи с книгой. М., 1979, с. 315—317.

руководствовался Беннигсен, когда направил в форме «письма» Фоку свою записку об 11 марта 1801 г., в значительной мере обелявшую его роль в убийстве Павла I [88].

Надо полагать, что и записки о 1812 г. сначала писались как таковые, а затем, «по мере изготовления» оформлялись в виде писем, обращенных к Фоку, в надежде, что они разойдутся в обществе. Эпистолярное их назначение, хотя и важное в тот момент для автора, в типологическом отношении имело, как видим, вторичный характер. Любопытно, что еще 19 января 1813 г. Беннигсен направил Александру I пространное извлечение из этих записок (текст, впоследствии вошедший в «письмо» от 8 сентября 1812 г.) с мемуарным рассказом о совете в Филях [89].

Стало быть, записки Беннигсена создавались независимо от писем, которые служили лишь средством распространения уже составленного мемуарного текста. И различие между этого рода текстами и воспоминаниями, действительно возникшими как частные письма, в источниковедческом плане нельзя недооценивать.

Мемуары в форме деловых документов служебного назначения

В специальной литературе вопрос о мемуарной природе некоторых документов этой группы не выяснялся. Ценные соображения на этот счет были высказаны лишь в предисловиях к библиографическим и архивным справочникам о мемуарах и дневниках (см. сн. 63 на с. 21). Отталкиваясь от них, следует уточнить, какие именно источники служебного назначения возможно вообще трактовать как мемуары, ибо эта сторона дела не прояснена должным образом.

Видимо, к мемуарам не могут быть причислены обращенные своим содержанием в прошлое документы внутриведомственного происхождения, возникавшие по ходу отправления текущих должностных обязанностей в виде рапортов, донесений, отчетов и т. д. Уже сама официальная функция документов и принадлежность их авторов к бюрократической иерархии исключали возможность отражения в них личных впечатлений и воспоминаний автора о минувших событиях, находившихся в сфере его служебной деятельности. Мемуарный характер имеют обычно те документы служебного назначения, которые создавались по личной инициативе авторов и по каким-то особым поводам — в связи с необходимостью добиться новой должности, обратить внимание на былые заслуги, реабилитировать себя в глазах вышестоящих инстанций (в том числе и в условиях следствия), наконец, просто довести до них сведения о каких-то обстоятельствах прошедшего, представляющих общественный, политический, военный или ка-

---

[88] *Эйдельман Н. Я.* Записки Беннигсена, с. 328—342; Цареубийство 11 марта 1801 г.: Записки участников и современников. СПб., 1907, с. 111—112; Исторический вестник, 1917, № 5/6, с. 528—563.

[89] Военный сборник, 1903, № 1, с. 236—242.

кой-либо иной интерес. Но во всех этих случаях квалификация в качестве мемуарных произведений деловых документов возможна лишь постольку, поскольку освещение в них прошлой жизни автора и событий, свидетелем или участником которых он был, является главным средством достижения стоящей перед ним практической цели или имеет важное значение для того ведомства, по запросу которого и возник данный документ. А это и обусловливает то, что бо́льшая часть этих документов заполняется мемуарными текстами.

Примечательно в этом смысле «Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году» М. Б. Барклая-де-Толли — важнейший источник по истории Отечественной войны (I, № 9).

К осени 1812 г. в войсках и обществе критика в адрес главнокомандующего 1-й армии, на которого возлагалась вся тяжесть вины за то, что противник был допущен в центр России, достигла своего апогея. Барклай-де-Толли, трагически воспринимавший оскорбительные нападки современников (а дело доходило даже до обвинений в измене), был особенно уязвлен обнародованием в «Северной почте» с согласия царя упрека М. И. Кутузова в том, что оставление Москвы предопределено падением Смоленска. Тяжело переживал он и демонстративное смещение с поста военного министра — явное свидетельство охлаждения к нему Александра I. Сочтя себя оклеветанным и покинув 22 сентября 1812 г. армию с твердым намерением никогда более не возвращаться на военную службу, Барклай-де Толли повел напряженную борьбу за восстановление своего попранного авторитета [90].

8 октября он направляет министру внутренних дел О. П. Козодавлеву раздраженное письмо с требованием напечатать в «Северной почте» опровержение порочащих его упреков, «ибо помрачение чести целой армии и ее начальника не есть партикулярное, но государственное дело» [91]. 25 октября Барклай-де-Толли пишет письмо уже самому Александру I с просьбой о публикации в правительственной прессе оправдательной записки, в которой доказывалось, что причины отступления армии в глубь страны и потери Москвы коренились не в его злом умысле и грубых полководческих просчетах, а в объективном соотношении сил двух воюющих сторон (I, № 9в, с. 2—5). Однако никакого отклика на эти просьбы со стороны царя не последовало, и Барклай-де-Толли решается обратиться к Александру I уже в официальном порядке, как к главе государства, перед которым он был ответствен за руководство вверенной ему армией. В начале ноября 1812 г. из своего лифляндского имения он посылает царю отчет-донесение о деятельности главнокомандующего (или, по его собственному названию, «Изображение военных действий 1-й армии»), предназначенный, как подчеркивал сам Барклай,

---

[90] *Казаков Н. И.* О записках М. Б. Барклая-де-Толли. — Военно-исторический журнал, 1974, № 4.
[91] Материалы ВУА. СПб., 1912, т. XIX, с. 344.

«единственно для того, чтобы быть прочтенным вашим императорским величеством», подлежащий «только вашему ведению» (Там же, с. 14).

В этом отчете, обозревавшем лишь период от начала войны до Тарутинского лагеря (откуда он и отбыл из армии), Барклай-де-Толли касался главным образом своих замыслов, решений, действий по управлению войсками. Не имея перед собой никакой штабной, военно-оперативной документации, Барклай-де-Толли мог построить его как повествование, основанное на личных впечатлениях, тем более что в момент составления отчета они были еще необычайно свежи в памяти, а само его конфиденциальное назначение (в отличие от других оправдательных записок Барклая, рассчитанных на публичную огласку) располагало к достаточно откровенному освещению событий, да и кривить душой вообще не было в его натуре, особенно в сношениях с императором.

И, действительно, Барклай-де-Толли сообщал здесь немало любопытных и, быть может, кроме него, никому в такой степени и с такой точностью не известных сведений об осуществлении принятой им отступательной стратегии, об основных сражениях первого периода войны и о своем собственном в них участии, о секретных военных совещаниях и высказывавшихся там мнениях. Исключительный интерес представляло, в частности, описание совета в Филях, решившего участь Москвы, и обстоятельств, ему предшествовавших; пожалуй, никем другим из участников этих событий они не были изображены столь всесторонне, правдиво и с таким глубоким пониманием их исторического смысла. Рассказывал Барклай-де-Толли и о борьбе партий в Главной квартире, о взаимоотношениях с П. И. Багратионом и другими военачальниками, которым давал нелицеприятные, а порой и пристрастные оценки.

Таким образом, «Изображение военных действий 1-й армии» — служебный по непосредственной цели и внешней форме, оправдательно-полемический по своим внутренним задачам документ может быть вместе с тем смело квалифицирован и как военно-историческая записка мемуарного характера.

То же следует сказать и о следственных записках Н. И. Старынкевича (II, № 13) — директора канцелярии штаба 2-й армии, пользовавшегося расположением Кутузова, Багратиона, М. А. Милорадовича, Барклая-де-Толли, а после войны — служившего во Франции в Оккупационном корпусе М. С. Воронцова. Человек недюжинного ума, обширных познаний, вольнолюбиво настроенный, идейно и дружески связанный с широким кругом декабристов, причастный к европейскому революционному движению конца 10-х—начала 20-х годов XIX в., Старынкевич в начале 1826 г. был арестован в Ковенской губернии по подозрению в связях с членами тайных организаций и, препровожденный в Варшаву, представил несколько пространных записок о своей службе в России и за границей с целью доказать неприкосновенность к декабристскому движению.

Конечно, оправдательное назначение записок оставило заметный след на самом их тоне, отборе фактов, их истолковании. Так, Старынкевич акцентировал внимание на тех моментах своей службы, которые могли бы представить его в выгодном свете перед властями, настойчиво напоминал о полученных им наградах и выполнении в военные годы особо ответственных поручений командования, апеллировал к авторитету крупных деятелей русской армии — М. С. Воронцова, А. А. Закревского, Н. М. Сипягина, П. Д. Киселева, И. Ф. Паскевича, могущих засвидетельствовать его заслуги. Наконец, подчеркивая свою лояльность по отношению к правительству, Старынкевич всячески выгораживает Н. И. Тургенева, В. К. Кюхельбекера и других близких ему декабристов. Например, М. Ф. Орлова, во время жизни во Франции в 1815—1816 гг. всецело поглощенного планами создания революционно-конспиративного общества, он изображал вовсе отрешенным от политики и исполненным «живейшей преданности к особе его величества» и т. д. Но именно стремление оправдаться, избежать нависшей кары, смягчить участь друзей побудило Старынкевича и к обстоятельному изложению основных вех своего жизненного пути начиная с юношеских лет, когда под покровительством И. П. Тургенева он обучался в Московском университете, и почти до самого ареста, притом, что ярче всего Старынкевич осветил свое участие в войнах с Наполеоном, приоткрыв завесу над малоизвестными сторонами деятельности русского штаба в 1812—1814 гг. Итак, записки Старынкевича не только деловые, официальные документы, но и ценнейшие мемуарно-автобиографические источники [92].

Разобранные выше и другие, аналогичные документы (см., например, I, № 25, 61, 62; II № 2), бесспорно, должны быть отнесены к кругу мемуарных произведений об эпохе 1812 г.

Мемуары в форме историко-критических трудов

Воспоминания в составе историко-критических трудов — весьма распространенная разновидность мемуаристики. Многие вошедшие в научный оборот мемуарные тексты XIX в. существуют именно в этой форме, возникнув как критические, а иногда и откровенно полемические отклики на труды историков, на био-

---

[92] Подлинники записок хранятся в ЦГАДА (ф. Госархив, разряд XI, д. 1170. «Записки и бумаги, оставшиеся после сенатора Николая Старынкевича и представленные его братом в 1862 году», на 164 л.). Некоторые из них в обширных выдержках были опубликованы в 1904 г. Н. Ф. Дубровиным (Русская старина, 1904, № 3, с. 492—493) и С. Горяиновым (II, № 13, с. 1—6), который, однако, контаминировал два разных документа, представив их как текст одной записки: «Собственноручные объяснения» Старынкевича на следствии с авторским заголовком «Жизнь моя с 1812 года, то есть со службы при армии, по июнь месяц 1825 года» (л. 9—31) и примыкавшие к ним развернутые ответы на вопросы следственной комиссии о военно-историографической деятельности Старынкевича в 1812—1814 гг. (л. 49—53 об.).

графические, художественно-исторические и даже мемуарные сочинения современников. Достаточно в этой связи сослаться на воспоминания И. П. Липранди об А. С. Пушкине, давно и справедливо признанные в литературе наиболее надежным мемуарным источником о южной ссылке поэта и кишиневских декабристах, а ведь они были написаны как критические заметки на присланную Липранди П. И. Бартеневым рукопись его биографической статьи «Пушкин в Южной России». (Заметки вслед за ней и были напечатаны в «Русском архиве»)[93].

Между тем не всегда ясны те признаки, которым должен удовлетворять тот или иной историко-критический труд, чтобы быть отнесенным к кругу мемуарных произведений. Выше уже были сформулированы общие критерии такого порядка, относящиеся ко всем источникам иных видов. Теперь следует их конкретизировать применительно к данной разновидности.

В отличие от связно-целостных повествований в мемуарах традиционного характера мемуарным текстам в историко-критических трудах свойственна существенно иная структура. В XIX в. в связи с бурным развитием историографии и общим интересом к истории сложился определенный тип историко-критических трудов (в том числе и мемуарных по содержанию), состоящих, как правило, из некой суммы фрагментарных, дискретных текстов, каждый из которых был посвящен критическому разбору какой-то одной ситуации, одного эпизода, происшествия и т. д. Разумеется, эти фрагменты могут быть признаны собственно мемуарными, если критический разбор состоит не из разрозненных припоминаний, а из тематически или сюжетно законченных в пределах данного дискретного отрывка описаний личностно-памятного свойства. Это — первое условие, которое мы должны иметь в виду при учете историко-критических трудов в качестве мемуарных произведений.

Второе условие, естественно вытекающее из всего сказанного выше, заключается в том, чтобы совокупность этих дискретных мемуарных текстов в общем объеме данного историко-критического труда занимала основное место. Все дело сводится к тому, чем именно уточняется, опровергается, дополняется то сочинение, которое является предметом разбора, — специально привлеченными автором критического труда источниками, историографическими заметками, общеисторическими сведениями и т. д. или его личными воспоминаниями как современника и участника событий. Если преобладают тексты первого рода, то это значит, что в историко-критическом труде превалирует научно-познавательная, историографическая функция, если же ведущее значение имеют собственно мемуарные тексты автора, то научно-историографическая функция сливается с мемуарной, выступающей на передний план.

---

[93] Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. — Русский архив, 1866, ст. 1237—1283, 1393—1493.

Самыми ранними из дошедших до нас воспоминаний о 1812 г. в форме историко-критического труда являются записки одного из видных русских военачальников — героя Отечественной войны Н. Н. Раевского. Они были составлены в январе 1825 г. по просьбе А. Жомини, собиравшего материалы для описания наполеоновских кампаний, в виде критических заметок на двухтомную книгу Д. П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году» (СПб., 1823—1824, т. I—II). Копию записок Н. Раевский переслал своему близкому родственнику Д. В. Давыдову, который уже после смерти генерала, в 1832 г., опубликовал их в составе своей брошюры с замечаниями на напечатанный анонимно в 1829 г. декабристом М. Ф. Орловым некролог Н. Раевского, и это издание остается и до сих пор единственной полной публикацией текста его записок (I, № 83) [94].

Выписывая из книги Бутурлина те или иные отрывки, Н. Раевский сопровождал их своими мемуарными «замечаниями» — всего в записках 18 таких фрагментарных «замечаний», из которых только 6 имеют характер фактических справок по частным вопросам. Остальные 12 являются самостоятельными мемуарными набросками размером в несколько страниц, посвященными преимущественно участию 7-го пехотного корпуса, которым командовал Н. Раевский, в событиях 1812 г. Эти наброски были сведены им в тематически озаглавленные разделы, например: «Смоленская битва», «Бородинское сражение», «Военный совет близ Москвы, в деревне Филях», «Фланговый марш на Калужской дороге», «Лагерь при Тарутине» и т. д.

[94] Рукопись записок на французском языке была помечена автором: «Киев, 1825, январь месяц». Эта помета воспроизведена в их копии, отосланной в июле 1838 г. сыном покойного генерала, А. Н. Раевским, Д. В. Давыдову для передачи Михайловскому-Данилевскому и хранящейся ныне в его коллекции исторических материалов о 1812 г. в ЦГВИА (ф. ВУА, д. 3465, ч. II, л. 397а). Между тем А. Н. Раевский в письме Давыдову от 1 июля 1838 г. неверно указывал, что записки были составлены в 1822 г. (Там же, л. 385). Еще более неточно свидетельство Давыдова в письме Михайловскому-Данилевскому от 3 мая 1836 г., где, комментируя посланную последнему брошюру 1832 г. с текстом записок Н. Н. Раевского, он писал: «В ней находятся некоторые опровержения сказаниям Бутурлина. Они писаны были самим Раевским и им самим были ко мне присланы еще в 1817 году» (ГПБ, ф. 488, д. 54, л. 13 об.). Но ни в 1822, ни тем более в 1817 г. записки Н. Н. Раевского не могли быть написаны, так как книга Д. Бутурлина вышла в свет в русском переводе (а именно на него и ссылается Н. Н. Раевский) лишь в 1823—1824 гг., да и в самом тексте записок встречаются реалии, относящиеся к более позднему времени, например Н. Н. Раевский ссылается на книгу Монтолона о Наполеоне, вышедшую в 1823—1825 гг., или упоминает о кончине генерала Ф. Уварова, умершего в 1824 г. Однако само это неточное свидетельство Давыдова вряд ли следует объяснять одними только ошибками его памяти. Слишком далеко отстоит 1825 год от 1817 г., чтобы их так легко можно было спутать. Не скрывается ли за этой неточностью существование не дошедших до нас записок Н. Н. Раевского о 1812 г., действительно написанных и отосланных им в 1817 г. Давыдову? В 1836 г. за давностью лет они смешались в его сознании с другими, тоже полученными от Н. Раевского записками в форме опровержения «сказаний Бутурлина».

В письме к Давыдову, препровождавшем копию записок, Н. Раевский писал, что, избрав «основанием своему рассказу» «Историю» Д. Бутурлина, он «стремился указать на некоторые погрешности, вкравшиеся в книгу сию от недостатка в материалах, и исправить некоторые события, невольно автором искаженные. Между тем если я вхожу и в некоторые подробности, лично до меня касающиеся, то потому только, что, по мнению моему, впечатления, произведенные над начальником войск обстоятельствами, в коих он находился во время действия, не менее любопытны для историка, как и самое действие, с коим они неразрывно связаны» (I, № 83, с. 33). В самом деле, и просьба Жомини, и книга Бутурлина послужили Н.Раевскому лишь поводом для приведения в систему и изложения своих собственных «впечатлений» и воспоминаний о кампании 1812 г. Об этом свидетельствует сам характер его «замечаний». Н. Раевский не столько корректирует и опровергает отдельные упущения и ошибки Бутурлина, сколько дополняет его описание совершенно новыми сведениями в форме свободных рассказов, причем освещает часто такие сюжеты и темы, которых Бутурлин в своей «Истории» вообще не касался.

С записками Н. Раевского сходны по построению и общему характеру текста дополнения к «Истории лейб-гвардии Семеновского полка» П. Дирина (СПб., 1883), продиктованные престарелым, почти слепым, но сохранившим ясную память декабристом М. И. Муравьевым-Апостолом — одним из последних ветеранов Отечественной войны. В них он в виде отрывочных мемуарных пояснений сообщил множество подробностей о боевой деятельности и военно-бытовом укладе жизни полка от начала войны до вступления русских войск в Париж и возвращения гвардии в Россию (I, № 285) [95].

Такими же, в сущности, произведениями являются и мемуарно-критические заметки А. А. Щербинина. Видный квартирмейстерский офицер, адъютант К. Ф. Толя, в кампаниях 1812—1814 гг. находившийся в самом центре управления войсками и потому очень многое знавший, Щербинин уже в 1816 г. покидает военную службу, в 30-х годах занимает высокие посты при дворе, но после пожара Зимнего дворца в 1837 г. впадает в немилость и, выйдя в отставку, последние десятилетия жизни (он умер в 1876 г.) отдается занятиям по истории наполеоновских войн: внимательно следит за всем, что печаталось об этой эпохе, пишет свои записки, пополняет собиравшуюся еще с 1812—1813 гг. коллекцию военно-исторических документов, охотно снабжает тем и другим Михайловского-Данилевского, Т. Бернгарди, М. И. Богдановича, а в 60-х годах в связи с выходом в свет «Истории Отечественной войны 1812 года» и V тома «Войны и мира» Л. Н. Толстого откликается на них критическими заметками, оставшимися

---

[95] *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной Звезды». М., 1966, гл. 3.

тогда в черновиках и впервые напечатанными в 1913 г. (I, № 214, 233). В отличие от хорошо известных собственно мемуарных записок А. А. Щербинина, составленных еще в начале 50-х годов (I, № 180), эти его заметки не привлекли внимания исследователей и в исторических трудах почти не использовались, хотя содержат весьма ценные и новые сравнительно с упомянутыми записками свидетельства, например о причинах московского пожара, фальсификации Александром I рапорта Кутузова о Бородинском сражении, о стратегических планах главнокомандующего в период оставления Москвы и Тарутинского маневра.

В связи с рассмотрением вопроса об историко-критических трудах как форме мемуаристики мы должны еще раз вернуться к упомянутому выше И. П. Липранди: его литературное наследие представляет в этом отношении особый интерес.

О Липранди писали обычно как о близком знакомом Пушкина и декабристов (он был фактически участником их Кишиневской организации), перешедшем впоследствии на сторону самодержавия, как о чиновнике тайной полиции, сыгравшем зловещую роль в деле петрашевцев, или, наконец, в связи с Вольной печатью А. И. Герцена, обличавшего Липранди на ее страницах. Но бурная, полная противоречий, неожиданных поворотов и неустанных трудов биография Липранди, умершего 90 лет от роду и оставившего заметный след в военной, политической, административной, научной жизни своего времени, в целом известна нам еще очень плохо и таит в себе много загадочного [96]. В частности, мы мало что знаем об его отмеченном боевыми подвигами и наградами участии в кампании 1812 г. (он был тогда обер-квартирмейстером 6-го пехотного корпуса) и заграничных походах, о его деятельности в 10 — 30-е годы на поприще военной разведки. И уже совсем не выяснена роль Липранди как крупного военного писателя 40—70-х годов, выдающегося знатока эпохи 1812 г., автора обширных, по выражению М. Семевского, «историко-критических трудов» на военные темы [97]. А надо сказать, что не только воспоминания о Пушкине, но и многие другие сочинения Липранди, посвященные литературно-общественным и военно-политическим событиям его времени, принимали форму историко-критических замечаний, включавших в себя в той или иной мере его собственные воспоминания [98]. Это был излюбленный жанр Липранди, именно в нем он чаще и охотнее всего выступал в печати.

---

[96] Единственный в нашей литературе опыт целостного рассмотрения жизненного пути И. Липранди, предпринятый в статье Н. Я. Эйдельмана (*Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?» — Пути в незнаемое. М., 1972, сб. 9, с. 125—158), при всем своем интересе не меняет этого положения.

[97] Русская старина, 1872, № 5, с. 783.

[98] Так, в форме развернутого критического комментария к запискам Ф. Ф. Вигеля построены чрезвычайно содержательные, но почти не привлекавшие внимания исследователей мемуары Липранди о таких важных событиях его жизни, как русско-шведская война 1808—1809 гг., пребывание в составе русского оккупационного корпуса во Франции

Особенно весом фонд этого рода замечаний, относящихся к 1812 г. Подвергая тщательному разбору сочинения иностранных историков и мемуаристов, а также военно-исторические работы русских авторов, умело, с громадным знанием дела, иногда и с излишней придирчивостью вскрывая их ошибки, умолчания, разноречия, явную тенденциозность, Липранди, по словам Е. В. Тарле, проявил себя замечательным критиком военной литературы о 1812 г., «с анализом которого очень считались военные специалисты» [99]. Высоко ценил эту сторону деятельности Липранди Л. Н. Толстой, часто обращавшийся при работе над «Войной и миром» к его сочинениям и по выходе романа подаривший его Липранди с дарственной надписью. По этому поводу Бартенев писал Н. П. Барсукову: «Граф Толстой благодарит Липранди за его добросовестные труды по истории 1812 года, коими Толстой пользовался, изучая для своего романа ту эпоху» [100]. В начале 70-х годов в «Русской старине» готовились к печати письма М. И. Кутузова за 1810—1812 гг., и по совету историка А. Н. Попова редакция отправила их на просмотр к Липранди, как «одному из немногих оставшихся в живых ветеранов Отечественной войны» и признанному «специалисту» в истории этого времени, а Липранди сопроводил кутузовские письма содержательными примечаниями [101]. Несколько позднее, когда сам Попов готовил обширный труд об эпохе 1812 г., он широко пользовался советами Липранди, который консультировал историка по ряду спорных и малопроясненных вопросов истории Отечественной войны, доставлял ему собственные рукописи, составленные им самим планы сражений, неопубликованные записки современников и исторические документы, книги и журналы из своей богатейшей библиотеки [102].

Из семи историко-критических трудов Липранди об Отечественной войне только два целиком состоят из мемуарных текстов и потому могут быть отнесены к мемуарным произведениям о 1812 г. — это его довольно пространные «Замечания» на «Описание Отечественной войны» Михайловским-Данилевским, составленные в 40-х годах XIX в. (I, № 177) [103], и небольшая статья

в 1815—1818 гг., служба в Бессарабии в начале 20-х годов XIX в., привлечение к следствию по делу декабристов. См.: *Липранди И. П.* Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля. — ЧОИДР, 1873, кн. II. Смесь, с. 59—95.

[99] *Тарле Е. В.* Сочинения. М., 1959, т. VII, с. 494.

[100] *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?», с. 152—153.

[101] Русская старина, 1872, № 2, с. 257; № 5, с. 783.

[102] См. письма Липранди к Попову за 1873—1876 гг. в ОПИ ГИМ (ф. 231, д. 3, л. 9—16).

[103] Липранди указывал, что «Замечания» были написаны по желанию самого Михайловского-Данилевского, который, подготавливая новое издание, «просил меня перебрать всю книгу», но «продолжению этого труда» помешала смерть историка в сентябре 1848 г. (*Липранди И. П.* Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источ-

«Как был взят город Соасон», написанная в 1858 г. в целях уточнения некоторых обстоятельств кампании 1814 г., неверно изображенных Михайловским-Данилевским и М. И. Богдановичем (I, № 202).

Остальные историко-критические заметки о 1812 г. — собственно, это не заметки, а фундаментальные и объемистые сочинения — заполнены выписками из документов и работ других историков, военно-теоретическими рассуждениями, экскурсами в более отдаленное военное прошлое, историко-публицистическими размышлениями автора, изложением его взглядов на военное искусство и т. д. Самостоятельные же мемуарные фрагменты присутствуют здесь в очень небольшом числе относительно общего объема этих сочинений, как бы растворяясь в их разнородном и громоздком материале[104].

В соответствии с обоснованными выше критериями эти историко-критические труды Липранди, как и подобные им сочинения других авторов, не учитываются при определении корпуса мемуарных произведений об эпохе 1812 г.

Это не означает, однако, что содержащиеся в них мемуарные тексты должны вовсе выпасть из поля нашего зрения. В составе указанных трудов выявлено 30 самостоятельных мемуарных фрагментов, занимающих в общей сложности 56 страниц крупного журнального формата, что составляет примерно 4 печатных листа. При всей своей разрозненности тематически это связанные между собой тексты, так как посвящены они главным образом двум наиболее впечатляющим событиям 1812 г., которые на протяжении всей жизни Липранди неизменно находились в центре его мемуарных интересов, — Бородинскому сражению и оставлению Москвы с последовавшим затем пожаром русской столицы. Раскрывая в новом ракурсе многие важные стороны этих событий, мемуарные фрагменты, о которых идет речь, являются источниками высокой исторической ценности, которые, однако, именно в силу своей разбросанности в обширных трудах совершенно

ников, о действительных причинах гибели наполеоновых полчищ в 1812 г. СПб., 1855, с. 3). Однако сохранилось его свидетельство о том, что мемуарно-критический разбор книги Михайловского-Данилевского был все же завершен, но уже после кончины последнего. В 1858 г. в других своих критических заметках на его исторические сочинения Липранди ссылался на «выписку из замечания, составленного мною к полному разбору описания Отечественной войны, труду, оконченному мною в 1849 г.» (Материалы для истории Отечественной войны 1812 года: Собрание статей И. П. Липранди. СПб., 1867, с. 105). Никаких следов существования текста этого «полного разбора» в архивах пока не обнаружено.

104 *Липранди И. П.* Некоторые замечания..., с. 84, 176, 189; Материалы для истории Отечественной войны 1812 года..., с. 17—24, 26—28, 37—40, 85, 92—93, 112; *Липранди И. П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня. — ЧОИДР, 1866, кн. I, с. IV—VII, XIII—XIV, XVIII—XXIII; кн. II, с. 11—112; *Он же.* Война 1812 года: Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Соч. г.-м. М. Богда-

иного профиля и происхождения не привлекали к себе доселе внимания историков[105].

Но не только в этом их значение. Они представляют и самостоятельный источниковедческий интерес. Дело в том, что мемуарные фрагменты о 1812 г., как и вообще все воспоминания, входящие в состав историко-критических трудов Липранди, непосредственно восходят к его дневнику.

Дневник этот, который, по словам самого Липранди из его письма к Бартеневу от 20 января 1869 г., «включал в себя все впечатления дня и самых разных подробностей, никогда не предназначавшихся к печати»[106], велся им с 1807 г. почти до самой смерти[107]. В 1870 г., объясняя, что к частым выступлениям в печати с историко-критическими заметками на сочинения других авторов он был побуждаем упоминанием в них его имени, Липранди писал: «Не будь я вызван для полемики, я не воротил бы ни своего дневника, ни своих записок. Они писаны с 1807 г. собственно для меня самого по привычке записывать все без разбора, встречавшееся ежедневно... После меня кто будет терять время на разобрание этих громадных кип?»[108]. Если учесть чрезвычайную осведомленность Липранди, его острую наблюдательность и умение обстоятельно, точно фиксировать увиденное, то не будет большим преувеличением считать, что эти «громадные кипы» дневниковых записей, будь они в нашем распоряжении, явились бы совершенно исключительным по своей значимости источником для изучения политической и военной истории России 1800—1860-х годов в целом и для познания эпохи 1812 г. в частности.

Об этом можно судить хотя бы по упомянутым выше воспоминаниям Липранди о Пушкине, всецело построенным именно на этом дневнике («Заметки эти взяты из моего дневника», — писал в предисловии к ним сам автор[109]). Они поражают уже не одно поколение исследователей необычайно конкретным и достоверным воспроизведением общественно-бытовой обстановки и литературно-политического окружения Пушкина в Молдавии начала 20-х годов XIX в.

После смерти Липранди его архив разошелся по разным местам, но ни в одной из сохранившихся ныне его частей — в ЦГИА СССР, в ОПИ ГИМ, в ОР ГБЛ — никаких следов дневника не обнаружено. Предпринимались и специальные его по-

---

новича». М., 1869, ч. II, с. 36—37, 53; Там же. Замечания на второй том, с. 2, 7—8, 15—16, 21, 23, 27—28, 29—31, 89—101, 167—168, 180—181; Там же. Замечания на третий том, с. 17—19, 51—53, 57—59.

[105] Подробнее см.: *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967, с. 104—105.

[106] *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?», с. 132.

[107] *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и южные декабристы. — Литературная газета, 1973, 30 мая.

[108] *Липранди И. П.* Заметка. — Заря, 1870, № 9, с. 190.

[109] Русский архив, 1866, ст. 1213.

иски, не увенчавшиеся, однако, успехом [110]. В комментариях к мемуарам В. П. Горчакова о кишиневском периоде жизни Пушкина П. С. Шереметев, видимо со слов потомков Липранди, писал: «В семье Липранди существует предположение, что дневник был уничтожен одним из его сыновей» [111]. Но это сообщение, ничем не документированное, даже в семье Липранди бытовало, как видим, в качестве гипотетической версии и без предварительного изучения не может быть признано сколько-нибудь точным историческим свидетельством.

Между тем известно, что дневник был в распоряжении Липранди не только во время писания им воспоминаний о Пушкине, но и в течение последующих десяти лет во всяком случае. Так, дневник находился у него в 1867 г. при составлении «Замечаний» на записки Вигеля. Это вытекает не только из самого текста «Замечаний», включавшего в себя обильнейший материал дневниковых записей, но и из прямого свидетельства Липранди, когда, вспоминая о восстании Черниговского полка и о С. И. Муравьеве-Апостоле, с которым был тесно связан, он указывал: «Здесь не только что очень хорошо помню, но и нахожу в дневнике своем следы биографии Муравьева-Апостола» [112]. Располагал Липранди дневником и в 1872 г., ибо только оттуда мог почерпнуть для упомянутых выше примечаний к публикации писем Кутузова в «Русской старине» мельчайшие подробности боевой обстановки и хронологические реалии, иногда с точностью вплоть до часа.

В судьбе дневника многое проясняет письмо Липранди к Попову от 4 мая 1876 г. Посылая историку очередную партию рукописей об Отечественной войне, он среди прочего писал: «Между тем имею честь препроводить при сем четыре тетради, из коих одну, ежели изъявите желание, я велю переписать, она за 64 года тому назад писана карандашом. Копия с оной находится при моем дневнике, но он с 1840 года под спудом за границей» [113].

Отметим прежде всего, что речь идет здесь о дневнике, поскольку сам Липранди именно с ним связывает эту «тетрадь», она как бы принадлежит и его составу — «находится при» нем, да и «64 года тому назад», т. е. в 1812 г., ничего другого заносить в эту «тетрадь» о событиях того же времени, кроме поденных записей, он, естественно, не мог.

Итак, в 1876 г. Липранди имел в руках свой дневник (видимо, в полном его объеме), включая и записи за 1812 г., причем совершенно очевидно, что это был *подлинник*: копию дневника, веденного, понятно, не позднее 1840 г., он еще в том же году, как явствует из процитированных строк, переслал за границу. Но, что́ не менее важно, из охотно выраженного в этом письме желания «переписать» для Попова дневниковую тетрадь

---

[110] *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?», с. 154—158.
[111] *Цявловский М. А.* Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, с. 230.
[112] ЧОИДР, 1873, кн. II. Смесь, с. 231.
[113] ОПИ ГИМ, ф. 231, д. 3, л. 17.

о 1812 г. можно заключить, что «переписка», копирование тех или иных частей дневника для нужд историков, собирателей документов о прошлом, издателей исторических журналов, вероятно, широко практиковалось Липранди, который в 60—70-х годах вообще стремился оставить среди современников документальные следы своей жизни. Но тем самым открывается реальная перспектива для разысканий в соответствующих архивных фондах текстов его дневника.

Теперь вновь обратимся к мемуарным фрагментам из историко-критических трудов Липранди о 1812 г. Они, как уже было бегло отмечено, также основаны на дневнике. Передавая в «Замечаниях» на книгу Михайловского-Данилевского спор Беннигсена с Толем 25 августа по поводу выбора места для укреплений на Бородинском поле, Липранди пишет: «Здесь помещаю извлечение их разговора, который я слышал очень близко и внимательно, и на третий день он был мною записан» (I, № 177, с. 18). Фраза эта особенно любопытна тем, что проливает свет на манеру ведения Липранди своего дневника. То, что в данном случае упомянутый выше «разговор» был записан «на третий день», лишь доказывает, что записи делались по горячим следам, ибо вечером 25 августа обер-квартирмейстер 6-го корпуса Липранди был до предела загружен подготовкой к предстоящему сражению, 26-го, в день Бородинской битвы, ему было подавно не до дневника, а 27-го, как только выдалось свободное время, он и продолжил поденные записи. В историко-критических трудах Липранди вообще отмечает свое обыкновение «тотчас же вносить все подробности в дневник», а приводя то или иное мемуарное свидетельство, непременно ссылается на конкретную дневниковую запись как его первоисточник: «Здесь я должен вкратце выписать из дневника своего этот эпизод»; «здесь я делаю сокращенную выписку из дневника моего», «я мог бы из дневника выписать частности этого периода», «поверив и сообразив» все, что видел и знал об участии батареи Раевского в Бородине, пишет Липранди в другом месте, я «тогда внес в дневник», а заключая свои свидетельства, опять указывает: «Я высказал то, что нашел в дневнике своем» [114].

Поскольку дневниковые записи так широко вошли в состав мемуарных фрагментов о 1812 г., встает вопрос о возможности их использования в качестве исходного источника для реконструкции содержания не разысканного до сих пор дневника Липранди в части, касающейся Отечественной войны. Это потребовало бы привлечения, помимо рассмотренных выше историко-критических трудов, всех его мемуарных и исторических сочинений, так или иначе относящихся к эпохе 1812 г., обследова-

---

[114] *Липранди И. П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы... — ЧОИДР, 1866, кн. I, с. XII; Материалы для истории Отечественной войны 1812 года, с. 17, 26, 85; *Липранди И. П.* Война 1812 года..., ч. II. Замечания на второй том, с. 89, 101.

ния всех сохранившихся архивных материалов Липранди об этом времени, а также применения сложных приемов текстологического анализа по расслоению текстов различного происхождения, но все это уже специальная источниковедческая проблема, выходящая за рамки задач настоящего исследования.

* * *

В завершение обзора различных видовых форм, заключающих в себе мемуарные произведения, следовало бы сказать и о существовании последних в составе дневников, разумеется не тех, которые велись по ходу событий, а позднейших по времени составления. Но, поскольку о принципиальной возможности вхождения тематически целостных мемуарных текстов в дневники подобного рода, в частности о смене в них поденных записей собственными воспоминаниями автора или услышанными им рассказами о прошлом других лиц, уже говорилось выше, нет особой нужды специально останавливаться на этом. Да и в нашем материале таких текстов немного: всего лишь два случая (I, № 182; II, № 14).

Более подробных пояснений требует вопрос об источниковедческой квалификации первичных форм мемуарных повествований об эпохе 1812 г. Речь идет о целой группе описаний, посвященных наиболее крупным, волнующим эпизодам Отечественной войны и возникших главным образом осенью 1812 и в 1813 г. Они представлены разнообразными в видовом отношении текстами — письмами типа «Записок о коротком времени», деловыми документами служебно-ведомственного назначения, журнальными корреспонденциями и очерками (I, № 26, 28, 31, 42), наконец, изданными в виде отдельных книг и брошюр мемуарно-публицистическими сочинениями (I, № 2, 15, 21, 22, 24, 27). При всей жанровой пестроте их объединяют и некоторые общие свойства.

Созданные сразу же или очень скоро после того, как закончились изображенные в них события, эти произведения были наполнены еще жаром неостывших впечатлений, множеством живых ассоциаций, злободневным отношением и к самому факту наполеоновского нашествия, и к поведению неприятельских войск в России, и к борьбе русской армии и гражданского населения с захватчиками. Вместе с тем в них содержались и элементы исторического взгляда на эти события, воспринимавшиеся в свете их завершенности, когда последовательность фактов выстраивалась задним числом, а на их оценки влияла уже известная временная дистанция. Можно выделить две отличительные черты этого рода повествований. Во-первых, как было видно из сказанного, они создавались не с чисто мемуарными целями, а с какими-то иными, привходящими, вызванными животрепещущими потребностями текущей общественной жизни. В них явно преобладали эпистолярные, служебно-деловые, публицисти-

ческие и даже пропагандистские функции. Во-вторых, и это, быть может, самое главное, в рассматриваемой группе повествований еще весьма слабо выражен такой непременный видовой признак мемуаров, как ретроспективный характер воссоздания действительности. Ретроспективный угол зрения, последовательно обращенный в прошлое, осложняется и перебивается остросовременным, близким к синхронному типу отображения освещением событий.

Подобная ситуация отнюдь не исключительное свойство русской мемуаристики 1812 г. периода ее становления. Она, видимо, вообще типична для ранних стадий формирования любой мемуарной традиции. В этом отношении весьма показательны, например, наблюдения над тем, как складывались первые мемуарные свидетельства о дуэли и гибели А. С. Пушкина, а надо сказать, что ни один другой период его биографии не освещен так полно мемуарными источниками. Рассказы о дуэли и о том, что за ней последовало, расходились по Петербургу и Москве, попадали в провинцию; «дневниковые записи и письма» об этих событиях, отмечает исследователь, отделены от них «днями, в худшем случае неделями. Они имеют поэтому все преимущества современных свидетельств, — и все же их мемуарная природа ощущается отчетливо и несомненно. Все они обращены в прошлое, хотя и недавнее, и смотрят на него сквозь призму последовавших событий», которые «определяют угол зрения и отбор явлений» [115].

Строго говоря, такие, еще складывающиеся, вырастающие из современности, первичные, предмемуарные описания нельзя ставить на одну доску с мемуарами в точном смысле слова. Для обозначения этой категории мемуарных памятников необходим какой-то иной, соответствующий их природе, дифференцированный термин. Наиболее удачным, на наш взгляд, представляется выдвинутое в работах А. А. Курносова применительно к зарождавшейся мемуаристике о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., но имеющее более общее значение понятие «*протомемуары*», для которых как раз и характерно сочетание еще не проявившей себя в полной мере ретроспективности с современным ощущением и интерпретацией только что минувших событий [116].

ПРИЕМЫ УЧЕТА МЕМУАРНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Несколько слов следует сказать о приемах учета публикаций мемуаров. Для нашей темы это важно во многих отношениях, и прежде всего в связи с недостаточной проясненностью более общего вопроса о характере мемуарных публикаций XIX в.

---

[115] *Вацуро В. Э.* Пушкин в сознании современников. — В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 1, с. 30.

[116] *Курносов А. А.* Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941—1945). — В кн.: АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 6—7.

В литературе они иногда рассматриваются как явления чисто археографического порядка наряду с публикациями исторических источников, преследовавших сугубо научные цели[117]. Между тем в дореформенной России публикации мемуаров в подавляющем большинстве такого значения не имели.

Данное положение коренилось в самом понимании той эпохи, которая отражалась в мемуарах. XVIII век и начало XIX в. не воспринимались тогда еще как история в подлинном смысле слова; критерием историчности была Древняя Русь; граница между историей и настоящим, конечно, подвижная, все время менявшаяся, проходила тем не менее где-то в петровское время и близкие к нему десятилетия. Период же с середины XVIII в., царствования Екатерины II, Павла I, не говоря уже о первой четверти XIX в., расценивался как только еще уходящая в прошлое современность[118]. Предметом, официально и практически включавшимся в круг занятий профессиональной историографии, была допетровская Русь, а сфера деятельности Археографической комиссии как государственного учреждения, призванного публиковать исторические источники (литературно-исторические произведения и юридические документы), хронологически ограничивалась концом XVII в.[119]

Естественно, что в первой половине XIX в. не сложилось еще и сколько-нибудь прочных общепринятых представлений о мемуарах как исторических источниках такого же, скажем, ранга, как признанные в этом смысле наукой того времени повествовательные памятники средневековой Руси — летописи, хронографы, сказания и т. д. Осознание места мемуаров в этом ряду и использование их в качестве источников в исследовательских целях начинаются не ранее 30-х годов XIX в., например П. А. Вяземским в обширной монографии о Д. И. Фонвизине, А. С. Пушкиным в книге о Пугачевском восстании, А. И. Михайловским-Данилевским в многотомных трудах о войнах начала XIX в. Выделение же мемуаров в самостоятельную группу источников и включение их в пособия по источниковедению русской истории впервые были предприняты лишь в 1872 г.[120]

До середины XIX в. мемуары рассматривались преимущественно как определенный разряд «словесности», один из ее прозаических жанров, как материал для живого и занимательного чтения, а их издания преследовали обычно литературные, патриотически-воспитательные, гражданственно-нравственные, историко-публицистические цели, но отнюдь не специально-археогра-

---

117 Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. 1, с. 550—561; *Эпштейн Д. М.* История археографии в дореволюционной России: Период феодализма. М., 1977, с. 45.

118 *Томашевский Б. В.* Историзм Пушкина. — В кн.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961, кн. 2, с. 168.

119 *Эпштейн Д. М.* Указ. соч., с. 55—56.

120 *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1872. Введение, раздел «Записки (mémoires)».

фические. Да и историческая журналистика, в частности периодика публикаторского типа, в дореформенный период лишь только формировалась и не имела еще долговременно-устойчивого характера[121].

Сказанное с тем большим основанием относится к мемуаристике 1812 г., что события, освещавшиеся в ней, на протяжении значительной части XIX в. сохраняли, как мы увидим далее, животрепещущий, а порой и острозлободневный смысл.

Не случайно в дореформенный период (до 1859 г.) среди изданий мемуаров по эпохе 1812 г. решительно преобладали публикации в общей прессе (общественно-политические и литературные журналы, газеты) — 96%, в органах же исторической периодики появилось всего лишь 4% публикаций (см. с. 95). Это было вообще типичной чертой данного периода, когда «историческая тематика и печатание исторических источников еще не вполне стали преимущественным делом специальных исторических повременных изданий» и публикации источников осуществлялись главным образом «в общей периодике широкого профиля»[122].

Положение радикально меняется в пореформенное время, в пору бурного развития исторической журналистики в России и особенно публикаторских журналов. В 1860—1916 гг. основная масса мемуарных публикаций по эпохе 1812 г. появилась уже на страницах исторической периодики — 72%, хотя и тогда публикации в общей прессе не утратили вовсе своего значения, составив почти треть совокупного числа всех публикаций (см. с. 95). Но дело не только в этом. Даже в историко-публикаторских журналах (типа «Русского архива», «Русской старины», «Чтений в ОИДР» и т. д.) и тематика мемуарных публикаций об эпохе 1812 г., и объем воспроизведенных текстов, и купюры в них, и сопроводительные заметки и примечания — все это очень часто предопределялось не столько специально археографическими задачами, сколько общими условиями политической жизни, потребностями идейной борьбы, движением общественно-исторической мысли, в том числе, конечно, и научной историографии.

Таким образом, сам характер мемуарных публикаций по эпохе 1812 г., их реальные общественно-культурные функции позволяют отойти от традиционного истолкования этих публикаций на археографическо-библиографическом уровне, переосмыслив их значение в более широком источниковедческо-социологическом плане.

Следует также иметь в виду, что рукописи большей части мемуаров об этой эпохе до нас не дошли и публикации представляют собой единственные источники их текста. Исключитель-

---

121 *Дмитриев С. С.* Источниковедение русской исторической журналистики. — В кн.: Источниковедение отечественной истории, 1975: Сб. статей. М., 1976, с. 282—286.

122 Там же, с. 284.

ная роль для нашего исследования вопроса о публикациях обусловлена и тем, что удельный вес опубликованных мемуаров сравнительно с неизданными является, как будет видно из дальнейшего, вообще преобладающим.

Нельзя также недооценивать сложность и пестроту состава самих публикаций. Мемуарные произведения об эпохе 1812 г. и различные их редакции публиковались, как правило, по многу раз — и полностью, и в пространных извлечениях, и в небольших отрывках в самых разных комбинациях, поэтому соотношение между всеми этими публикациями иногда настолько запутано, что требуются специальные усилия, чтобы привести их в какую-то систему.

После этих предварительных замечаний перейдем к конкретной характеристике приемов учета публикаций.

В первую очередь учитывались публикации русских мемуаров об эпохе 1812 г., осуществленные в России как на русском, так и на иностранных языках — последних не так много, но они должны быть оговорены (I, № 15б, 218а; II, № 21б). Вместе с тем принимались во внимание публикации, выпускавшиеся за пределами России русскими зарубежными издательствами и отдельными лицами, в том числе и Вольной русской типографией в Лондоне (I, № 67в; II, № 7, 37а, 45а, б; 46, 51а, б, в; 112а). Но не учитывались русские мемуары о 1812 г., выпущенные за границей зарубежными издателями, например предпринятые в Лейпциге в 1838 г. публикации «Кратких записок» А. С. Шишкова, в 1846 г. — воспоминаний Е. Виртембергского, в 1858 г. — В. И. Левенштерна. Единственным исключением является издание писем-воспоминаний аббата католической церкви в Москве (1812 г.) А. Сюррюга, выпущенное в Париже в 1823 г. (I, № 4а; 7). Надо при этом отметить, что если те или иные мемуары о 1812 г. русского автора впервые выходили в свет за границей на иностранном языке, то они непременно перепечатывались в самой России и чаще всего вскоре после заграничного издания.

Некоторые зарубежные публикации мемуаров русских деятелей — участников войн 1812—1814 гг., преследовавшие определенные политические, враждебные России цели, приобретали в свое время шумную, а иногда и просто скандальную репутацию.

Так случилось, например, с мемуарами командовавшего в 1812 г. Дунайской армией адмирала П. В. Чичагова, которого общественное мнение России того времени обвиняло в том, что Наполеон с остатками своих войск не был захвачен в плен на Березине. Это, как тогда полагали, могло бы в корне изменить дальнейшее развитие военно-политических событий в Европе. Как бы то ни было, но, оскорбленный этими обвинениями и подозревавшийся в предательстве, Чичагов уже в 1814 г. покидает родину, долгие годы живет в Италии, во Франции, в Англии, а в 1834 г. в вызывающе демонстративной форме отказывается подчиниться указу Николая I о возвращении в Россию всех рус-

ских, проживавших за границей. Все это время начиная с 1815 г. он усиленно работает над записками о своей жизни, важное место в которых отводится эпохе 1812 г. и изложению взглядов Чичагова на события, с которыми связывалось его имя.

После смерти адмирала (в 1849 г.) его дочь, Е. П. Бузе, стала готовить записки к изданию, но помогавший ей в разборе архива родственник ее мужа, гр. дю Бузе, похищает некоторые фрагменты мемуаров Чичагова с резкими отзывами о Павле I и других русских государственных деятелях, военачальниках и с критикой русских общественных порядков, а в 1855 г., в самый разгар Крымской войны, выпускает их за границей в свет в виде сенсационно-обличительного документа [123]. Вскоре это издание становится предметом судебного разбирательства. Дочь же покойного адмирала и его позднейшие потомки объявляют напечатанные мемуарные фрагменты подделкой, апокрифом. Однако, как убедительно показал русский историк К. А. Военский, эти фрагменты, в том числе и о событиях 1812 г., перепечатанные впоследствии в «Русском архиве» (I, № 96, 97), являются частью подлинных записок адмирала Чичагова [124].

Громадную известность получили изданные немецким историком Т. Бернгарди так называемые «Записки» К. Ф. Толя — генерал-квартирмейстера русского штаба и одного из ближайших сподвижников Кутузова в 1812 г. Выпущенные в 1856—1858 гг. в Лейпциге на немецком языке в 4 томах (события 1812 г. освещались в первых двух томах), эти «Записки» были восприняты в Европе как подлинный мемуарно-исторический труд Толя, им лично написанный и лишь приведенный в порядок Бернгарди. Многие тогда уверовали в эту точку зрения. Проникла она и в русскую военную историографию, хотя еще в момент появления этой книги у ряда русских историков возникли весьма основательные сомнения в ее принадлежности Толю.

И действительно, Бернгарди совершил нечто вроде мистификации, выдав за записки Толя свой собственный исторический труд, проникнутый очень модным на Западе после Крымской войны пренебрежением к военному прошлому России — в духе воззрений прусской консервативно-шовинистической историографии [125].

Поэтому если перепечатку в «Русском архиве» фрагментов

---

[123] Статья о П. В. Чичагове. — В кн.: Русский биографический словарь. СПб., 1905, т. Чаадаев-Швитков, с. 426; *Чичагов Л. М.* П. В. Чичагов и записки о событиях его жизни. — Русская старина, 1883, № 6, с. 488—492; см. также: Русская старина, 1883, № 5, с. 247—251. Частично записки П. В. Чичагова, охватывающие его жизнь и службу до 1789 г., были напечатаны его правнуком, Л. М. Чичаговым, в «Русской старине» (1886, № 5, 6, 8—10; 1887, № 7, 9; 1888, № 6—10). Подлинники хранятся среди бумаг П. Чичагова в ЦГВИА (ф. 263, д. 29—41).

[124] *Военский К. А.* Из записок П. В. Чичагова. СПб., 1909, с. 4—6.

[125] См.: *Тартаковский А. Г.* Труд К. Толя об Отечественной войне 1812 г. — Исторические записки, 1970, № 85, с. 372—378.

из записок Чичагова есть все основания включить в круг публикаций русских мемуаров о 1812 г., то напечатанные в русском переводе в ряде русских газет и журналов отрывки из книги Бернгарди [126] не учитываются нами.

Как правило, не принимались во внимание выдержки из мемуаров и подробные пересказы их содержания в исторических и биографических сочинениях. Но в тех случаях, когда отсутствуют публикации самого мемуарного текста и неизвестны его рукописные источники, развернутые обзоры содержания воспоминаний, включающие обширные цитаты из них, подлежат учету (I, № 64; II, № 105). Не учитываются как самостоятельные публикации оттиски из журналов, где был напечатан мемуарный текст, помеченные тем же годом, что и журнальная публикация, а также хрестоматийно-популярные издания типа: «Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников» (М., 1912) и т. д.

Ввиду множественности публикаций одних и тех же мемуарных произведений целесообразно в методическом плане все публикации дифференцировать на *первичные* и *повторные*. Первичными считаются, естественно, публикации, впервые обнародовавшие тот или иной мемуарный текст.

Судьба ряда мемуарных памятников эпохи 1812 г. сложилась таким образом, что первоначально в газетах и журналах, часто на протяжении довольно длительного периода, печатались различные по содержанию и тексту отрывки, которые лишь впоследствии были опубликованы в полном виде (или относительно полном для своего времени). Именно так публиковался знаменитый «Дневник партизанских действий» Д. В. Давыдова: в 20—40-х годах — разрозненными отрывками в «Отечественных записках», «Русском инвалиде», «Сыне Отечества» и т. д. (иногда и в разных редакциях), а полностью — лишь в 1860 г. (I, № 41а—з, и). Так же издавались и «Походные записки артиллериста» И. Т. Радожицкого: сначала — журнальными публикациями, а затем, в 1835 г., — полностью (I, № 80а—д); воспоминания А. Ф. Раевского, П. Г. Кичеева, Н. Е. Митаревского (I, № 66, 192, 216).

За временну́ю единицу учета мемуарных публикаций мы принимаем величину, равную году. Поэтому если мемуарное произведение печаталось в течение ряда лет в журналах, сборниках, отдельными изданиями, то за каждый год такая «переходящая» публикация учитывается как первичная. Например, воспоминания Е. Виртембергского об Отечественной войне, печатавшиеся в «Военном журнале» в 1847, 1848, 1849 гг., за каждый названный год учитываются как отдельная первичная публикация (I, № 171), так же и упомянутые выше записки Н. Н. Муравьева, публиковавшиеся в «Русском архиве» (1885, 1886), Ф. П. Ле-

[126] Война 1812 года: (Из записок гр. К. Ф. Толя, изданных на немецком языке Бернгарди). — Русский инвалид, 1859, № 61—62, 70—73, 129—130; Военный журнал, 1859, № 1, 4; Военный сборник, 1910, № 11.

онтьевой (I, № 194) — в «Русском вестнике» (1883, 1884), А. П. Бутенева (II, № 73) — в «Русском архиве» (1881, 1883), В. И. Левенштерна (II, № 26) — в «Военном сборнике» (1865, 1866) и т. д. Но по той же причине текст мемуаров, напечатанный за определенный год в нескольких номерах журнала, принимается за одну первичную публикацию.

Квалификация в качестве первичной той или иной публикации мемуарных отрывков в газетах, журналах и сборниках вытекает из того, что каждая из них впервые вводила в общественно-культурный и научно-исторический оборот данную часть мемуарного произведения. Первичной мы считаем и первую полную публикацию его текста, так как она впервые соединяет в связном виде все предшествовавшие фрагментарные публикации, что уже само по себе заключает новое качество, а также и потому, что она, как правило, содержит еще некоторые ранее не печатавшиеся мемуарные тексты, впервые здесь публикуемые.

Что же касается повторных публикаций, то к ним мы относим все публикации, воспроизводящие уже напечатанный прежде мемуарный текст в неизменном виде или с некоторыми разночтениями. Так, все публикации того же «Дневника партизанских действий» Д. В. Давыдова, воспроизводившие ранее напечатанные отрывки из него или полный текст, учитываются как повторные (I, № 41е, ж, з, к). Наконец, если ранее напечатанные в прессе мемуарные отрывки о 1812 г. позднее включаются в издание более обширных по хронологическому охвату мемуаров того же автора, то это последнее учитывается как повторная публикация, например публикация упоминавшегося выше мемуарного очерка Г. И. Добрынина, первоначально напечатанного в «Сыне Отечества» в 1813 г., в его «Истинном повествовании» (I, № 16а, г) или воспоминаний о 1812—1815 гг. С. Н. Глинки, впервые увидевших свет в «Русском вестнике» в 1866 г. и 1867 г. — в его позднее изданных автобиографических записках (I, № 151, 152).

ИТОГИ ВЫЯВЛЕНИЯ МЕМУАРОВ

Основываясь на типологическом анализе понятия «мемуары», мы старались многосторонне охарактеризовать принципы учета мемуарных памятников об эпохе 1812 г. Эти принципы были рассмотрены с разных точек зрения — с эвристической (приемы разыскания и регистрации мемуаров, особенно их публикаций), текстологической (обоснование единицы учета — мемуарные произведения и редакции), тематической и т. д. Мы видели, в частности, что то, что обычно принято называть мемуарами, не есть лишь традиционно классические авторские повествования. Русская мемуаристика 1812 г., как она исторически складывалась на протяжении XIX в., образует весьма сложный комплекс источников, существующих в самых разнообразных видовых формах и в тесном переплетении с иными жанрами. Диапазон

входящих в его состав памятников необычайно широк — от лично-интимной переписки с воспоминаниями о прошлом до соприкасающихся с массовыми историческими представлениями фольклорного типа мемуарных записей.

Представляется теперь важным уточнить объем самого понятия «мемуаристика 1812 г.», которое мы применяем для более краткого обозначения всего корпуса мемуаров об эпохе 1812 г. Как следует из сказанного, этим понятием покрывается не вся сумма разбросанных во множестве источников разного рода мемуарных свидетельств, так или иначе касающихся эпохи 1812 г., а лишь совокупность мемуарных *произведений*, как специально ей посвященных, так и более обширных по временному охвату с текстами об этой эпохе.

Результаты выявления мемуарных произведений и представлены в упомянутых выше перечнях, два из которых учитывают опубликованные произведения, а третий — вновь выявленные в архивах.

I. Мемуары, специально посвященные эпохе 1812 г.

II. Мемуары с обширными хронологическими рамками, включающие в себя тексты об эпохе 1812 г.

III. Вновь выявленные рукописи мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г.

Всего в перечнях зарегистрировано 457 мемуарных произведений, принадлежавших перу 374 авторов, 411 мемуаров опубликовано, причем число всех публикаций в дореволюционный период составляет 688 названий. Из общего числа опубликованных произведений 118 — мемуары с обширными хронологическими рамками, включающие в себя тексты о 1812—1815 гг. Численность их публикаций составляет 179 названий (Перечень II, табл. 2).

Репертуар мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., насчитывает 339 произведений; из них опубликовано 293, или 86%. Количество же публикаций данной группы мемуаров составляет 509 названий, или 74% от общей суммы всех публикаций учтенных нами мемуарных источников. Эта группа мемуаров представляет в плане нашей темы первостепенный интерес. И дело здесь не только в ее количественном преобладании, но и в соображениях качественного, историко-источниковедческого порядка: совершенно очевидно, что закономерности развития русской мемуаристики 1812 г. наиболее отчетливо могут быть прослежены именно на данной группе мемуаров (Перечень I, III, табл. 1).

Из общей суммы 457 произведений 46 мемуарные записи, 30 — мемуары в форме писем, 10 — в форме деловых документов служебного назначения, 7 — в составе историко-критических трудов и 2 — в составе дневников.

О распределении мемуарных публикаций в прессе дает представление следующая таблица.

Таблица

Годы	Газеты		Общественно-политические, литературные и отраслевые журналы		Историческая периодика		Итого
	специально посвященные эпохе 1812 г.	обширные по хронологии мемуары	специально посвященные эпохе 1812 г.	обширные по хронологии мемуары	специально посвященные эпохе 1812 г.	обширные по хронологии мемуары	
1812—1859	30	1	84	7	5		
Всего	31		91		5		127
1860—1916	34	1	33	16	126	86	
Всего	35		49		212		296
Итого	64	2	117	23	131	86	
	66		140		217		423

Думается, что в Перечнях в целом полно охвачен имеющийся фонд мемуаров, но, разумеется, степень этой полноты различна в зависимости от тематики, видовых особенностей мемуарных произведений и типов их публикаций. Так, видимо, исчерпывающе выявлены мемуары, специально посвященные эпохе 1812 г. (хотя находки новых их рукописей весьма вероятны), и менее полно — мемуарные тексты об этой эпохе в более обширных по хронологии мемуарах. Некоторые пропуски возможны в учете мемуаров, существующих в форме иных видов источников, главным образом хранящихся в архивах (например, писем). Наконец, надо считаться с пробелами при выявлении публикаций мемуаров в газетах, поскольку русская газетная периодика никогда с этими целями систематически не обследовалась.

Нам известен ряд воспоминаний современников о 1812 г. по их позднейшим перепечаткам, но первичные газетные публикации, откуда они скорее всего и были заимствованы, не разысканы. Так, записанные Т. Толычевой рассказы священника Н. Лаврова и мещанина П. Былого о московских событиях 1812 г., воспроизведенные в изданиях начала XX в. (I, № 250, 289), были напечатаны в газетах, но, в каких и когда именно, установить не удалось. В составленном С. С. Дмитриевым «Списке работ Л. Н. Трефолева» на исторические темы (по материалам его личного архива) указано, что записанный им мемуарный рассказ о 1812 г. Е. Невского, известный нам только по тексту «Русского архива» (I, № 270), первоначально был опубликован в «Ярославских губернских ведомостях» в 1869—1870 гг.[127]

[127] *Дмитриев С. С.* Сотрудничество Л. И. Трефолева в исторических журналах. — В кн.: Ярославский край. Ярославль, 1930, сб. II, с. 146.

Для более объективной оценки результатов учета реконструированного нами корпуса мемуарных памятников небезынтересно сравнить их с данными библиографического справочника, изданного под руководством П. А. Зайончковского, ограничившись при этом мемуарами, специально посвященными эпохе 1812 г.

Количество всех произведений этой группы, зарегистрированных в разделе справочника «Война 1812—1814 гг.», исчисляется в 309 названий[128], включая воспоминания иностранцев, изданные в России на русском языке (90 названий), и дневники (17 названий) — те и другие нами не учитывались. Кроме того, сюда входят 9 отдельных номеров, под которыми значатся не те или иные самостоятельные произведения, а сборники, включающие в себя целые серии записок и дневников современников[129]. За их вычетом численность собственно мемуаров русского происхождения составит 193 названия. Но к ним надо прибавить еще 7 номеров этой группы мемуаров, зафиксированных в других разделах справочника[130]. Таким образом, общая сумма мемуарных произведений, специально посвященных эпохе 1812 г. (повторяю, именно произведений, а не всех их публикаций), будет составлять, по данным справочника, 200 названий, тогда как нами выявлено 293 мемуара данной категории. Поскольку, однако, справочник не учитывает газетных публикаций, в целях получения сопоставимых величин из этого числа следует вычесть 21 произведение, известное только по газетным публикациям (I, № 42, 72, 103, 110, 144, 161, 173, 176, 183, 188, 196, 200, 204, 205, 211, 220, 226, 264, 272, 273, 286). В итоге окажется, что численность учтенных нами мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., превышает соответствующие показатели справочника на 72 произведения.

Это расхождение объясняется тем, что фиксации нами определенных памятников в качестве самостоятельных произведений предшествовали специальные источниковедческие и текстологические разыскания, а также более дифференцированной системой учета в целом, регистрацией мемуаров в форме иных видов источников и напечатанных на иностранных языках как в самой России, так и за рубежом русскими издателями (в справочнике они не учитывались). Но сказанное, понятно, ничуть не умаляет достоинств этого выдающегося библиографического труда; отмеченное превышение проистекает из некоторого несовпадения его профиля и задач нашего исследования. Как бы то ни было, но проверка итогов наших подсчетов данными столь фундаментального библиографического пособия позволяет считать, что корпус опубликованных мемуарных произведений об эпохе 1812 г., специально ей посвященных, установлен с достаточной полнотой.

---

[128] ИДРДВ, т. II, ч. 2, с. 248—299.
[129] Там же, т. II, ч. 1, № 1435—1436, 1483, 1486—1487, 1527, 1603, 1621—1622.
[130] Там же, № 961—962, 972, 993; ч. 2, № 2224, 2297, 2307.

Глава III

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРПУСА МЕМУАРОВ И МЕТОДЫ ЕГО АНАЛИЗА

Корпус мемуаров об эпохе 1812 г. в источниковедческом плане может быть охарактеризован с разных точек зрения. Было бы целесообразно, например, рассмотреть вопрос об источниковедческой ценности мемуарных текстов в форме иных видов источников сравнительно с традиционными мемуарными повествованиями или различных групп мемуаров в зависимости от положения авторов в событиях 1812—1815 гг. и вообще от степени их причастности к той эпохе. В этой же связи заслуживал бы внимания источниковедческий разбор неодинаковых по времени создания мемуаров, в частности позднейших записей устных воспоминаний современников о 1812 г. в сопоставлении с их собственноручными мемуарами на ту же тему. Важный аспект изучения — мемуары об эпохе 1812 г. в русской прессе XIX в., особенно в исторической журналистике.

Каждая из намеченных здесь тем (а перечень их нетрудно продолжить) могла бы послужить предметом специального исследования. В настоящей работе они, однако, затрагиваться не будут. Мы остановимся лишь на тех сторонах источниковедческой характеристики, которые существенны для понимания общих процессов развития русской мемуаристики 1812 г., сосредоточившись главным образом на двух проблемах — на выяснении того, насколько представителен установленный корпус мемуаров, и на построении его хронологии.

СООТНОШЕНИЕ ОПУБЛИКОВАННОГО И НЕОПУБЛИКОВАННОГО

В литературе иногда высказывается мнение о том, что опубликованная часть русских мемуаров нового времени составляет ничтожную долю их наличного архивного фонда. Например, С. В. Житомирская пишет в данной связи: «Изданные мемуарные источники по отношению ко всей их массе, в рукописном виде сохранившейся в архивах, — лишь верхняя часть айсберга» [1]. Это наблюдение нужно, однако, несколько уточнить. Оно, безусловно, верно применительно ко второй половине

[1] *Житомирская С. В.* Предисловие. — В кн.: Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. М., 1976, с. 3.

XIX—XX в., на базе изучения которых и возникло, но на предшествующий период вряд ли может быть распространено. Так, из сохранившихся русских мемуаров XVIII в. опубликовано, видимо, подавляющее большинство. Для первой половины XIX в. удельный вес опубликованных воспоминаний сравнительно с рукописными также достаточно высок. Что же касается комплексов мемуаров, посвященных крупным событиям русской истории этого периода (и прежде всего эпохе 1812 г.), то соотношение между опубликованными и рукописными будет здесь обратным тому, которое указано Житомирской.

Напомним, что в общей сумме специально посвященных этой эпохе мемуаров численность опубликованных 293 названия, или 86%, тогда как рукописных 46 названий, или 14%, т. е. превосходит эти последние по удельному весу более чем в 6 раз, занимая среди мемуаров данной группы абсолютно преобладающее место.

Между тем столь незначительное, казалось бы, число рукописных мемуаров было выявлено в результате обследования множества личных фондов и коллекций в центральных архивах и крупнейших библиотеках. В самом распределении этих рукописей по отдельным хранилищам есть известная закономерность. Как видно из Перечня III, 14 рукописей рассеяно в различных фондах ГБЛ, Архива ЛОИИ, ЦГИА СССР и ЦГВИА. Остальные 32 рукописи представлены двумя компактными группами: одна (14 названий) сосредоточена в фондах ГПБ — бывшей имп. Публичной библиотеки, куда в XIX в. по понятным причинам в большей мере, чем в другие собрания, стекались источники личного происхождения об эпохе 1812 г.; другая (18 названий) находится в составе коллекции А. И. Михайловского-Данилевского, образовавшейся в результате его активной собирательской деятельности. Причем все эти 18 рукописей посвящены кампаниям 1813—1814 гг. и являются остатком данной коллекции, остальная часть которой — воспоминания о 1812 г. — была напечатана В. И. Харкевичем, К. А. Военским и другими историками[2].

Вообще надо сказать, что рукописи мемуаров об этом времени были в дореволюционной России предметом особого общественного и научного внимания: сберегались авторами и их потомками, сдавались на хранение в библиотеки, музеи и государственные хранилища, сотрудники которых со своей сто-

---

[2] Не касаясь сейчас качественной оценки неопубликованных воспоминаний (некоторые из них проливают новый свет на ряд важных аспектов истории 1812 г.), следует иметь в виду, что они почти не содержат, кроме записок А. Х. Бенкендорфа о походах 1813—1814 гг., «Журналов» Михайловского-Данилевского и воспоминаний И. Р. Дрейлинга о кампаниях 1812—1815 гг. (III, № 2, 11, 21—24), обширных по размерам мемуарных повествований, которые охватывали бы крупные периоды наполеоновских войн. Как правило, это сравнительно небольшие мемуарные очерки или незавершенные наброски об отдельных боевых эпизодах, московских событиях 1812 г. и т. д.

роны специально их разыскивали, тщательно описывали, а сведения о новых поступлениях мемуаров систематически публиковались в научно-археографических изданиях.

Для оценки значения доли опубликованных мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., весьма важен факт их повторных публикаций на протяжении XIX и начала XX в. Удельный вес всех повторных публикаций в общей сумме публикаций данной группы в целом довольно высок: 190 названий из 509, т. е. 37%, — величина, которая уже сама по себе является признаком устойчивого интереса в России к мемуарам об этой эпохе.

Большинство повторных публикаций приходится на время с 1860 до 1916 г. — 70% общего их числа, причем более третьей части — 35% — падает на 1900—1916 гг. (Приложения, табл. 3, 4). Из всех же публикаций мемуаров данной группы в пределах 1910—1916 гг. повторные составляют 71% (Приложения, табл. 5). Заметим, что именно в этот период и в столицах, и в провинции в связи со 100-летним юбилеем Отечественной войны наблюдалась особенно активная деятельность историков, архивистов, военно-исторических обществ, научных учреждений по разысканию новых рукописных источников об эпохе 1812 г., в том числе и мемуарных, естественно им более доступных, чем прежним поколениям ученых. И знаменательно, что столь напряженные и разносторонние усилия увенчались главным образом повторной публикацией ранее введенных в общественно-исторический оборот мемуаров.

Еще более показательны данные по многократным публикациям целостных текстов одних и тех же мемуаров об эпохе 1812 г. Так, по 2 раза было опубликовано 56 мемуаров, по 3 раза — 27, по 4 раза — 6, по 5 раз — 9, наконец, 6 раз — одно произведение, и очень часто это было результатом не просто перепечатки уже изданных текстов, а повторного обращения к прежде воспроизведенным в печати рукописям. Иногда авторы последующих публикаций вовсе не знали о существовании предыдущих, полагая, что они-то и публикуют впервые те или иные мемуары.

Например, в начале XX в. В. Харкевич напечатал «Записки неизвестного о сдаче Москвы» по подлинной рукописи, хранящейся в Военно-ученом архиве[3], не ведая того, что еще в 1819 г. эти записки были помещены в «Русском вестнике» и что автором их был не кто иной, как А. И. Михайловский-Данилевский. Спустя несколько лет К. Военский по той же рукописи трижды опубликовал «Записки неизвестного», ни разу не упомянув об издании В. Харкевича и авторстве Михайловского-Данилевского, не говоря уже о публикации «Русского вестника» (I, № 65). Нечто подобное произошло и с записками о 1812 г. ординарца Кутузова, А. Б. Голицына: и они были трижды опубликованы в начале XX в. Военским после того, как еще в 1859 г. впервые их

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. IV, л. 309—323.

напечатал М. И. Богданович на страницах «Военного журнала» (I, № 136). Характерно, что в основе всех этих публикаций лежала подлинная рукопись записок, еще в 1837 г. переданная А. Б. Голицыным Михайловскому-Данилевскому [4].

В 1889 г. М. И. Семевский напечатал в «Русской старине» воспоминания А. А. Шаховского об освобождении в 1812 г. Москвы, не подозревая, что они уже дважды были опубликованы: в 1864 г. в «Военном сборнике» (по той же самой рукописи, которая была в распоряжении редакции «Русской старины» [5]) и в 1886 г. в «Русском архиве» (I, № 140). Но, узнав вскоре о публикации «Военного сборника» и поместив в следующем номере журнала заметку с извинением перед читателями (это «обстоятельство нами упущено из виду» и «не оговорено своевременно») [6], М. Семевский ни словом не обмолвился о публикации всего за три года до того тех же самых воспоминаний в «Русском архиве». Так же поступил М. Семевский и с публикацией в «Русской старине» известных записок декабриста М. Ф. Орлова «Капитуляция Парижа в 1814 году». О первом их издании в альманахе «Утренняя заря» в 1843 г. он уведомил читателей, а о существовании еще одного — в «Военном сборнике», видимо, вообще не был осведомлен (I, № 108).

П. И. Бартенев, великолепный знаток русской мемуарной литературы XIX в., почти всегда отмечавший предшествующие издания публикуемых им мемуарных памятников, напечатал в 1869 г. упомянутые выше воспоминания Ф. Изарна о французской оккупации Москвы в 1812 г. без всякого указания на то, что еще в 1813 г. они дважды были опубликованы в русской прессе (I, № 13).

Для публикаторов мемуарно-исторического сочинения А. Х. Бенкендорфа о действиях отряда Ф. Ф. Винценгероде в Отечественной войне в «Трудах ИРВИО» и в «Бумагах Щукина» в 1912 г. остался, видимо, неизвестным тот факт, что впервые оно увидело свет на страницах «Военного журнала» в 1817 г., правда по иной рукописи, нежели та, которой располагали издатели начала XX в. (I, № 56). Равным образом публикаторам походных записок о 1812—1814 гг. командира одного из полков Пензенского ополчения К. И. Селунского в «Щукинском сборнике» в 1912 г. осталось неизвестным издание того же памятника еще в 1903—1905 гг. в «Трудах Пензенской ученой архивной комиссии» (I, № 74).

Уже из этих примеров (а их много больше, чем мы могли привести здесь) вытекает один весьма существенный вывод.

Множество повторных воспроизведений в печати одних и тех же мемуаров и факт многократной их публикации преимущественно по одним и тем же рукописям указывают не только на

---

[4] Там же, л. 2—22.
[5] Там же, д. 3566.
[6] Русская старина, 1889, № 11, с. 498.

плохую осведомленность историков о наличии предшествующих изданий. В условиях неослабевавшего на протяжении XIX—начала XX в. интереса — сперва общественно-исторического, а затем и собственно научного — к воспоминаниям об эпохе 1812 г. это, бесспорно, может быть истолковано и как свидетельство высокой степени исчерпанности в дореволюционной России фонда рукописей неопубликованных мемуаров. А при учете сказанного это значит, что дошедшие до нас мемуары в виде публикаций и вновь выявленных рукописей есть не разрозненные и случайно уцелевшие остатки, а некий закономерно отложившийся корпус источников — основной массив всех когда-либо возникших воспоминаний об эпохе 1812 г. Поскольку же опубликованные мемуары абсолютно преобладают, как мы видим, над рукописными, они должны быть признаны (с количественной точки зрения во всяком случае) достаточно репрезентативной величиной относительного данного массива. Конечно, из этого не следует, что не могут быть найдены новые мемуарные рукописи, однако, как бы результативны ни были их поиски, они, на наш взгляд, не увеличат сколько-нибудь заметно общее число выявленных произведений и не изменят существенно установленное выше соотношение между опубликованными и рукописными.

О том, что выявленный корпус памятников заключает в себе большую часть реально созданных мемуаров об эпохе 1812 г., позволяют в определенной мере судить масштабы того, что́ пока не разыскано или вовсе утрачено.

НЕРАЗЫСКАННОЕ И УТРАЧЕННОЕ

Круг неразысканного и утраченного может быть реконструирован, поскольку существовавшие когда-то мемуарные памятники не могли исчезнуть, не оставив по себе тех или иных следов в личных архивах, в переписке осведомленных о них современников, в коллекциях собирателей исторических материалов и т. д. Конечно, предпринятая нами реконструкция, как, впрочем, и любая другая реконструкция затерянных источников, имеет предварительный характер, но сама эта задача является вполне назревшей, тем более что в нашей науке накоплен уже некоторый опыт подобных реконструкций, имеющих не только историко-познавательное, но и эвристическое значение.

Впервые в России вопрос о систематическом разыскании мемуарного наследия современников эпохи 1812 г. привлек к себе внимание в 30-х годах XIX в. в связи с необычайно повысившимся тогда общественным интересом к Отечественной войне и заграничным походам. Первостепенное значение в этом плане имела разносторонняя деятельность А. И. Михайловского-Данилевского по мобилизации материалов для подготовлявшихся им монументальных описаний войн с Наполеоном I. В результате была собрана богатейшая коллекция источников по истории этих войн, в том числе и мемуарных, хранившаяся при жизни исто-

рика в его громадном личном архиве, а после смерти переданная в архив Военно-топографического депо и ныне находящаяся в фонде Военно-ученого архива ЦГВИА[7]. С сосредоточением в руках Михайловского-Данилевского рукописей мемуаров попутно накапливались и ценные данные о тех, что оказались затерянными и могли бы быть разысканы. Важные сведения на этот счет содержатся и в обнаруженных нами описях личного архива историка, составленных после его кончины в сентябре 1848 г.[8]

Следующий прилив общественного внимания к эпохе 1812 г., приходящийся на вторую половину 50-х—начало 60-х годов XIX в., вновь обострил — и на сей раз в гораздо более широких масштабах — проблему поиска затерянных мемуаров об этой эпохе, чему способствовал сильно возросший в те годы интерес к мемуарно-исторической литературе вообще и все более ясное осознание того, что из жизни уходит все большее число участников наполеоновских войн. Один из них — П. Х. Граббе отмечал в дневниковой записи за 26 декабря 1850 г.: «Как немного остается сподвижников этой великой эпохи, и редко встретишь уже на груди медаль, всем участвовавшим в том году розданную»[9]. В августе 1863 г. А. З. Зиновьев писал М. П. Погодину, что скоро «наступит и то время, когда сойдут с лица земли те настоящие старики, которые бегали ребятишками в эпоху 1812 года»[10]. К исходу второй трети века «бегавших ребятишками в эпоху 1812 года» становится все меньше, и в предисловии к записям устных рассказов очевидцев той эпохи Т. Толычева с тревогой замечает: «Через несколько лет не останется ни одного свидетеля самой драматической и самой славной страницы нашей истории»[11].

Обеспокоенность тем, что уход из жизни поколения участников событий этой эпохи повлечет за собой невосполнимые потери исторической памяти, овладевает умами литераторов, дискутируется на страницах журналов, побуждает любителей старины к сбору воспоминаний еще живых свидетелей событий, а для последних даже служит стимулом к созданию собственных мемуарных повествований. Спасение их от забвения осознается теперь как задача высокого общественного значения. Направляют свои усилия к разысканию воспоминаний современников войны 1812—1814 гг. и профессиональные историки: уже маститый М. И. Богданович, издававший в те годы свои «Истории» этих войн; делавший еще первые шаги на историографическом поприще Н. Ф. Дубровин; историк русской артиллерии В. Ф. Ратч.

Особенно весомый вклад в это внес И. П. Липранди, ставший в 50—70-х годах как бы живым воплощением и средоточием

---

[7] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. I—XIII; д. 3376, ч. I—III.
[8] Там же, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, ч. 1.
[9] Записные книжки П. Х. Граббе. М., 1888, с. 495.
[10] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1907, кн. 21, с. 448.
[11] Московские ведомости, 1872, № 21.

мемуарно-исторической традиции 1812 г., и собственным мемуарным творчеством, и разносторонними библиографическими трудами, и учетом сведений об еще здравствовавших ветеранах кампаний 1812—1814 гг., и призывами к публикации рукописей их дневников и записок. Не исключено, что он и сам собирал эти рукописи, которые могли войти в состав созданной им и, по словам Семевского, «единственной в своем роде коллекции всего того, что когда-либо было напечатано в России и на всех языках об Отечественной войне» [12], — коллекции, которая ныне в осколках архива Липранди сохранилась далеко не полностью [13]. Но зато во множестве опубликованных историко-критических и мемуарных сочинений Липранди мы находим уникальные сведения о неразысканных воспоминаниях об эпохе 1812 г.

В 1858 г. он писал: «Сколько еще рукописей, более или менее известных, писанных возвышенными лицами — участниками этой войны, и, наконец, сколько немногим известных таких же рукописей, хранящихся у участников в этих событиях, а равно любопытных дневников, драгоценных для определения моментов событиям! Все такие рукописи, но преимущественно дневники, со смертью участников, владельцев оных, переходят к наследникам и в особенности в поместьях, где эти неоцененные материалы не имеют никакого значения и часто служат для оклейки зимних рам, а еще чаще, и в особенности в столицах и городах, сбываются прислугою в мелочные лавочки, что мне самому неоднократно случалось открывать» [14].

Липранди предлагал даже меры организационного характера по сбережению этих источников, считая, что их сбором должна заняться то Военная академия, которая «соделается ковчегом всех этих драгоценностей», то кружок молодых офицеров под руководством патриарха ветеранов Отечественной войны А. П. Ермолова, которому «на приговор светлого ума его» каждый соратник той эпохи поспешит «поверить все, что имеет рукописного, все, что память ему сохранила» [15]. Два года спустя, имея в виду прежде всего походные записки русских артиллеристов — участников Отечественной войны, Н. Ф. Дубровин указывал, что «большая часть этих записок находится в руках частных лиц» и что вообще «в России ходит по рукам много неизвестных еще нам рукописных дневников о кампании 1812 года» [16].

Если вести речь о собственно мемуарах, то размеры их утрат не следует преувеличивать, поскольку, во-первых, сам Липранди отмечал, что имеет в виду «преимущественно дневники», и, во-вторых, некоторые из конкретно указанных им рукописей, которым, как он считал, грозило исчезновение, впоследствии были

---

[12] Русская старина, 1872, № 5, с. 783.

[13] ЦГИА СССР, ф. 673, оп. 1, д. 3—136; ОПИ ГИМ, ф. 212.

[14] Материалы для истории Отечественной войны 1812 года: Собрание статей И. П. Липранди. СПб., 1867, с. 13.

[15] Там же, с. 15, 46.

[16] Артиллерийский журнал, 1860, № 5, с. 159.

обнаружены и даже опубликованы. Тем не менее его опасения за судьбу рукописного мемуарного наследия современников эпохи 1812 г. имели достаточно серьезные основания: к середине XIX в. выяснилось, что многое и в самом деле погибло или утеряно, оставаясь не разысканным и по сию пору.

От П. П. Коновницына, с начала войны 1812 г. командующего 3-й пехотной дивизией, в Бородинском сражении (после ранения Багратиона) — 2-й Западной армией, затем Дежурного генерала штаба Кутузова и его ближайшего помощника, до нас дошли лишь отрывочные мемуарные записи, составленные, видимо, в 1820 г. по просьбе литератора П. П. Свиньина. Последний намеревался издать альбом зарисовок тех мест, через которые проходила Отечественная война, и в соответствии с этим Коновницын набросал свои беглые заметки военно-топографического свойства по поводу отдельных эпизодов кампании. В 1820 г. они были скопированы Михайловским-Данилевским, благодаря чему и осели в его коллекции, а в 1900 г. их напечатал В. Харкевич среди других хранившихся в ней материалов (I, № 77) [17].

Между тем имеется авторитетное свидетельство о существовании значительно более пространного и, видимо, целостного по своему характеру мемуарного сочинения Коновницына. В 1858 г. в «Библиографических записках» Г. Милорадович (потомок знаменитого генерала) напечатал стихотворение Коновницына, посвященное памяти его друга Я. П. Гавердовского, погибшего в Бородинском сражении, сопроводив публикацию следующим пояснением: «Стихотворение это помещено в его записках, доставленных мне внуком его, графом Н. И. Коновницыным... Доставленные мне 6 тетрадей записок будут мною пересмотрены и приведены в должный порядок; надеюсь познакомить с ними читателей на столбцах „Библиографических записок"» [18]. Однако ни в этом, ни в каком-либо другом издании «6 тетрадей» мемуаров Коновницына напечатаны не были; не значатся они и в фондах семейного архива Коновницыных, разбросанных в разных хранилищах [19], и местонахождение этих мемуаров неизвестно.

Не разысканы в полном своем объеме записки К. Ф. Толя, в Отечественную войну генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии, затем — соединенных русских армий, а в заграничных походах — генерал-квартирмейстера Главного штаба армии. Мы касались их выше, при характеристике труда Т. Бернгарди, который прикрыл авторитетом записок Толя свои собственные взгляды на военное прошлое России. Это не снимает, однако, вопроса о подлинных записках Толя, посвященных наполеоновским войнам. В свое время нами было выяснено, что в 1815—1819 гг. Толь составил фундаментальное военно-историческое описание

---

[17] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. V, л. 314—327 об.
[18] *Милорадович Г.* Известие о записках графа П. П. Коновницына. — Библиографические записки, 1858, № 14, ст. 443—444.
[19] ОПИ ГИМ, ф. 397, ЦГВИА, ф. 225; ГБЛ, ф. 133,

Отечественной войны и, видимо, тогда же подготавливал подобный труд о кампаниях 1813—1814 гг. Вместе с тем было высказано предположение о том, что, помимо этих исторических описаний, Толю принадлежали и собственно мемуарные записки о войнах 1812—1814 гг.[20] Обнаруженные в последнее время новые данные позволяют полнее обосновать эту гипотезу.

В упомянутой выше коллекции А. И. Михайловского-Данилевского находятся писарские копии двух сочинений. Одно из них озаглавлено: «Извлечение из собственноручных записок графа Толя относительно войны 1814 года», чуть выше — другое название: «О кампании 1814 г., начиная с Бриенского сражения», на полях — помета рукой А. И. Михайловского-Данилевского: «Извлечено из собственноручных записок графа Толя» (III, № 31). Отрывок этот — чисто мемуарный текст о пребывании Толя в 1814 г. в штабе Шварценберга; повествование ведется от имени автора, живо описывающего обстановку в Главной квартире, свои впечатления от встреч с Александром I, П. М. Волконским, Л. Л. Беннигсеном, другими военачальниками и т. д. Мемуарный характер имеет и другой отрывок, посвященный Лейпцигскому сражению, и он назван «Из собственноручных записок гр. Толя о кампании 1813 г.» с подзаголовком «Подробное описание, как решено было дать сражение под Лейпцигом» и с пометой Михайловского-Данилевского на полях: «Это собственноручная записка графа Толя. 1832» (III, № 31).

Совершенно очевидно, что перед нами отдельные фрагменты, вычлененные из «собственноручных» мемуарных записок Толя и пересланные Михайловскому-Данилевскому в тот период, когда он занимался историей 1813—1814 гг. На этот счет мы располагаем точным указанием самого Толя. В письме к Михайловскому-Данилевскому от 29 марта 1832 г. он писал: «Посылаю вам записки мои, которые собраны мною в том предположении, что они со временем детей моих интересовать могут, а отнюдь не для того, чтобы сделать их известными публике. По сему прошу вас прочесть их и сохранить собственно для себя то, что вам любопытно покажется, а по совершенной ненадобности более в них возвра[тить] ко мне. По возвращении моем из деревни я надеюсь вам доставить записки более интересные, а до того должны вы удовольствоваться тем, что ныне посылаю»[21].

Уже само совпадение даты письма с указанием на 1832 г. в приведенной выше помете Михайловского-Данилевского на рукописи мемуарного отрывка Толя о Лейпцигском сражении является свидетельством того, что в этом письме подразумевается тот самый комплекс записок о заграничных походах, частью которого и был данный мемуарный отрывок. Это тем более вероятно, что примерно в то же время Толь по просьбе Михайлов-

---

[20] *Тартаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 г. — Исторические записки, 1970, № 85, с. 368—428.
[21] ГПБ, ф. 488, д. 32, л. 296 и об.

ского-Данилевского переслал ему и другие материалы о кампаниях 1813—1814 гг., в частности журналы входящих и исходящих бумаг русского штаба за эти годы [22].

Но вместе с тем в письме Толя, как следует из всего его смысла, речь шла, видимо, не о самом этом отрывке (равно как и не о другом, посвященном кампании 1814 г.), а о более объемном и содержательном мемуарном произведении, которое Толь собирался переправить Михайловскому-Данилевскому в два приема: одну часть — с данным письмом, другую — по приезде из имения. Можно предположить, что в состав этих обширных записок входил и полный текст воспоминаний о заграничных походах [23].

Утеряны в большей своей части и записки о 1812—1814 гг. других русских военачальников: генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии М. С. Вистицкого [24] (от них дошли до нас лишь небольшие выдержки в коллекции Михайловского-Данилевского — I, № 85); дежурного генерала штаба той же армии, правителя военно-походной канцелярии Александра I С. И. Маевского [25] (их не следует путать с сохранившимися его автобиографическими записками и мемуарным очерком об участии 13-го Егерского полка в походе 1814 г. — II, № 22; III, № 18); генералов П. А. Тучкова [26] (кроме известных его воспоминаний о 1812 г. по публикации «Русского архива» — I, № 126); А. П. Никитина [27] (помимо опубликованных В. Харкевичем и хранящихся в архиве — I, № 125; III, № 25); И. К. Арнольди [28] (не считая напечатанных в свое время К. Военским — I, № 135); К. М. Полторацкого [29] (лишь частично они были введены в оборот Михайловским-Данилевским — I, № 113). Кроме напечатанных в разных изданиях отрывков из записок о 1812—1814 гг. адъютанта начальника артиллерии 1-й армии А. Я. Стороженко, В. А. Перовского, подпоручика 27-й пехотной дивизии Д. Душенкевича (I, № 87, 144, 191), существовали и их более пространные воспоминания о наполеоновских войнах, причем Стороженко принадлежало два не дошедших до нас мемуарных произведения [30]. Не разысканы и мемуары об этих войнах прославленного партизана А. Н. Се-

---

[22] Там же, л. 314.

[23] Потомки К. Ф. Толя, опубликовавшие в начале XX в. по семейному архиву (следы которого затерялись) ряд деловых и личных бумаг (Генерал-квартирмейстер К. Ф. Толь в Отечественную войну. Б. м. и г.; Военно-исторический сборник, 1911, № 1, 2), никаких сведений об этих записках не сообщили.

[24] Бумаги Щукина. М., 1905, ч. VI, с. 51; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. XI, л. 302—303, 311.

[25] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 209 и об.

[26] Там же, д. 3379, л. 257.

[27] Там же, л. 389.

[28] Военный сборник, 1910, № 9, с. 4.

[29] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, л. 144.

[30] *Стороженки:* Фамильный архив. Киев, 1902, т. I, с. 363; Русский архив, 1873, № 9, ст. 1735—1736; 1865, ст. 1031—1058; ЦГВИА, ф. 241, д. 2, л. 1.

славина[31] (сохранились, однако, его мемуарно-критические заметки на «Описание Отечественной войны в 1812 г.» Михайловского-Данилевского — I, № 150), артиллерийских офицеров И. О. Сухозанета, Н. И. Лодыгина, Рославлева, адмирала М. Н. Лермонтова, одного из смоленских партизан — П. Д. Лесли[32], полковников Маркова и Петрова[33]. Видимо, целиком затеряны воспоминания о 1812 г. генерала В. Д. Иловайского, М. М. Кузнецова — адъютанта командира казачьего корпуса М. И. Платова, офицера того же корпуса И. Ф. Богдановича, командира 1-го Егерского полка М. И. Карпенко, врача 27-й пехотной дивизии М. А. Маркуса[34].

Имеются сведения о существовании и не дошедших до нас записок о 1812 г. Михайловского-Данилевского, в связи с чем следует здесь сказать несколько слов о нем как мемуаристе.

Его мемуарно-дневниковое и мемуарно-историографическое наследие чрезвычайно велико и, к сожалению, почти совсем не изучено. Михайловский-Данилевский, который с 1808 г. большую часть жизни вел дневниковые записи, преобразовывая их позднее в разного рода исторические повествования, кроме того, многие годы составлял мемуары и независимо от дневника, — один из самых плодовитых и, если можно так сказать, целеустремленных русских мемуаристов первой половины XIX в., охвативший своими воспоминаниями, дневниками, историческими заметками несколько десятилетий жизни русского общества. Достаточно напомнить, что общее число всех публикаций его мемуарно-дневниковых текстов в виде книг, журнальных и газетных статей (а он стал печатать их еще с 1816 г.) составляет более 70 названий, а одних только воспоминаний насчитывается 60 публикаций, из них около 40 — самостоятельные мемуарные произведения, причем более половины этого числа посвящено эпохе 1812 г.

Надо прямо сказать, что ни один из участников войны и заграничных походов не оставил такого обширного и разнообразного в жанровом и тематическом отношении количества мемуарных памятников, тем более интересных, что вышли они из-под пера весьма осведомленного в военно-политической обстановке

---

31 *Семевский М.* Партизан Сеславин. — Отечественные записки. 1860, № 4, с. 39, 45—49; см. также: Русская старина, 1903, № 2, с. 272; Артиллерийский журнал. 1860, № 5, с. 159.

32 *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 г. СПб., 1859, т. I, с. V—VI; 1860, т. III, с. 528—529; Артиллерийский журнал, 1860, № 5, с. 159; 1861, № 10, с. 8, 17, 819, 822—825, 832.

33 ЦГВИА ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, ч. 1, л. 132 об.; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839, т. IV, с. 22—23.

34 Материалы для истории Отечественной войны 1812 года: Собрание статей И. П. Липранди, с. 47, 184; *Липранди И. П.* Война 1812 года: Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам». Соч. г-м. Богдановича. М., 1869, ч. II. Замечания на второй том, с. 29.

1812—1815 гг. офицера, допущенного к секретным делам Главной квартиры Кутузова, после его смерти состоявшего при начальнике Главного штаба П. М. Волконском и самом Александре I и, наконец, на протяжении всех наполеоновских войн вращавшегося в кругу передовой военной молодежи. Представление о записках Михайловского-Данилевского об этом времени было бы неполным, если бы не учли еще и неопубликованные мемуарно-дневниковые тексты, хранящиеся в остатках его архива.

По повелению Николая I сразу же после смерти А. И. Михайловского-Данилевского была учреждена комиссия для разбора его бумаг, считавшихся правительством в значительной своей части секретными. Все документальные и литературные материалы, связанные с деятельностью Михайловского-Данилевского как официального военного историка, были переданы, как уже отмечалось, на государственное хранение. Личная часть архива с перепиской и семейными бумагами поступила в распоряжение наследников покойного. Решение же вопроса о его «разных собственноручных записках и сочинениях, еще нигде не напечатанных» (в том числе, конечно, и мемуарных), ввиду того что в них «могут заключаться такие обстоятельства, которые были ему известны по его служебному положению, но не могут быть сообщены во всеобщее сведение», передавалось комиссией на усмотрение Николая I. С ними было велено ознакомиться чиновнику для особых поручений при военном министре А. П. Суковкину, причем «из сочинений..., в коих замечается какая-либо важность, до политических или других государственных обстоятельств относящаяся», он должен был представить военному министру «подробную выписку» [35]. Следов этой «выписки» в цитированном выше деле, содержащем в себе всю документацию о судьбе архива Михайловского-Данилевского, не обнаружено. Но, видимо, его «разные собственноручные записки и сочинения» оказались в конечном счете не в государственных архивах, а в частной собственности наследников, так как позднее были рассеяны [36].

---

[35] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, ч. 1, л. 21, 46—47, 53—70, 154—157 об., 185—186 об.

[36] Основная часть архива сосредоточена ныне в ГПБ (ф. 488) и в ИРЛИ (ф. 527), где наряду с обширнейшей перепиской и другими документами хранится более 50 фолиантов так называемых «Журналов» А. И. Михайловского-Данилевского, представленных за некоторые годы двумя редакциями. Остальные его фонды (ЛО Архива АН СССР, ф. 295, и ЦГВИА, ф. 241) содержат лишь эпистолярный материал. О размерах и ценности утраченной части этого архива можно судить, например, по тому, что огромный комплекс рукописей дневников за 1808—1826 гг. вообще не сохранился (упомянутые выше «Журналы» — это не дневники в первозданном виде, а позднее переработанные тексты, в том числе и мемуарно-исторические). Уцелели только отдельные дневниковые записи за 1829, 1831, 1838—1839 гг. Между тем в описи «собственноручным» сочинениям Михайловского-Данилевского, помимо двух редакций переработанных (в 1827—1828 гг.) в мемуары «Журналов» за 1811—1825 гг., указаны «Путешествия и журналы с 1813—1818 гг.», которые,

В конце 50-х годов XIX в. вопрос о мемуарно-исторических сочинениях из архива Михайловского-Данилевского неожиданно всплыл на поверхность общественной жизни: в Петербурге стали распространяться отрывки его бумаг, касавшиеся самых тайных сторон политической истории России второй половины XVIII—первой четверти XIX в. (дворцового переворота 1762 г., ареста М. М. Сперанского в 1812 г., восстания декабристов и т. п.). Переправленные затем в Лондон, они составили ядро второй книжки «Исторического сборника» А. И. Герцена[37]. И только с 80-х годов случайные, но весьма крупные части личного архива историка стали попадать в руки коллекционеров, ученых, в имп. Публичную библиотеку и другие хранилища[38].

В 1877 г. Липранди напечатал мемуарный очерк «И. Н. Скобелев и В. А. Жуковский в 1812 году», где рассказал об участии этих двух лиц — знаменитого поэта и близкого к Кутузову офицера, впоследствии генерала, автора казенно-патриотических сочинений — в пропагандистской деятельности русского штаба по составлению приказов и известий, предназначавшихся для распространения в армии и среди гражданского населения (I, № 267)[39]. При этом престарелый Липранди пользовался не только своими личными воспоминаниями более чем 60-летней давности, но и иными источниками, в частности записанными им когда-то устными рассказами Михайловского-Данилевского и его собственноручными записками. Передавая высокий отзыв Кутузова об одном написанном Скобелевым и Жуковским военно-публицистическом документе, Липранди с упреком в адрес Михайловского-Данилевского отметил, что «в записках» его «очень не-

---

вероятнее всего, следует расценивать как первоначальные дневниковые записи за эти годы. Что же касается не дошедших до нас дневников за 1812 г., то, возможно, свет на них могла бы пролить отмеченная в названной выше описи рукопись (также не сохранившаяся): «Случай с моим манускриптом о войне 1812 года» (ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, ч. 1, л. 78—79). В неопубликованных воспоминаниях о 1813 г. Михайловский-Данилевский, приведя письмо своего близкого друга тех лет Н. И. Тургенева (где, кстати, подробно описана церемония похорон М. И. Кутузова), отметил: «Подлинник хранится у меня в собрании писем А. И. Тургенева» (ГПБ, ф. 488, № 46, л. 173). Тесные отношения Михайловского-Данилевского с братьями Тургеневыми, поддерживавшими переписку с ним в течение долгих лет, позволяют считать, что это «собрание» включало в себя значительнейшее число их писем, точно так же как в его архиве были собраны в одно целое большие подборки писем других корреспондентов (например, декабриста А. Ф. Бриггена, Д. В. Давыдова). Но ни в одном из фондов Михайловского-Данилевского это «собрание писем» Тургеневых не значится.

37 ИС. М., 1971, кн. II; М., 1971, кн. III, с. 97—101, 105—122; *Желвакова И. А.* Материалы А. И. Михайловского-Данилевского в «Историческом сборнике Вольной русской типографии». — В кн.: АЕ за 1969 год. М., 1971, с. 110—112.

38 См.: Отчеты имп. Публичной библиотеки за 1885 год. [СПб., 1888]; Там же за 1889 год. [СПб., 1893]; Там же за 1892 год. [СПб., 1895]; Там же за 1896 год. [СПб., 1990].

39 См. *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967, с. 82—87.

много сказано о литературных достоинствах Скобелева». Далее, упомянув о том, что весной 1813 г. в Калише Кутузов распорядился вернуть Жуковского, остававшегося по болезни в Вильне, в Главную квартиру с тем, чтобы он и впредь составлял агитационные материалы, Липранди пишет: «Это последнее обстоятельство А. И. Данилевский не внес почему-то в записку, озаглавленную им „Собственно для меня“». Вероятнее всего, указанные Липранди в первом случае «записки» и записка «Собственно для меня» — это одно и то же мемуарное произведение Михайловского-Данилевского. Однако в известных нам его воспоминаниях о 1812—1813 гг. — и в тех, что хранятся в архивах (III, № 21, 22), и в тех, что опубликованы (I, № 51, 53, 54, 65, 78, 88, 104, 161) — вообще ни слова не говорится о привлечении Скобелева и Жуковского к писанию военно-агитационных документов штаба, хотя оба они неоднократно упоминаются там по другим поводам. Следовательно, речь шла здесь о каких-то затерянных записках Михайловского-Данилевского с текстами об Отечественной войне.

Чрезвычайный интерес представляют свидетельства Липранди, касающиеся его собственных записок об эпохе 1812 г.

На рубеже 50—60-х годов XIX в., отстраненный от государственной службы, скомпрометированный в обществе и правительственных кругах одновременно и слухами о ведомственных злоупотреблениях, и шумными обличениями Вольной печатью Герцена в полицейском рвении, Липранди решает обратиться к властям с «запиской о службе», надеясь реабилитировать себя в их глазах и добиться «новой должности» [40]. Записка эта — нечто среднее между развернутым послужным списком, автобиографическим жизнеописанием и оправдательным памфлетом, — настойчиво подчеркивающая заслуги Липранди в различных областях военной и административной деятельности, была сопровождена обширными приложениями также мемуарного характера, где Липранди поместил и обзор своих литературно-ученых трудов. Наряду с изданными он перечислил и «еще не видавшие света... которые он готов предъявить всем могущим сомневаться в том», а в конце обзора еще раз отметил: «Всё, что здесь исчислено, находится у Липранди налицо, и каждый может убедиться в этом». Вот в этом длинном списке среди сочинений на исторические, военно-научные, географические, хозяйственно-экономические, философские темы и значатся два особо интересных для нас пункта:

«10. Воспоминания о войне 1812 года вообще и в особенности подробное изложение действий 6-го корпуса Дохтурова.

11. Воспоминания о кампаниях 1813, 1814 и 1815 годов» [41].

---

[40] ГБЛ, ф. 18, № 2584 (Записка о службе д. с. с. Липранди с приложениями, 1860 года). Записка была подарена Румянцевскому музею вскоре после смерти И. П. Липранди историком Н. П. Барсуковым, к которому перешла часть его архива.

[41] Там же, л. 111 об., 112 об., 115.

Таким образом, «Записка о службе», в этой ее части еще не привлекавшая внимания исследователей, выявляет наличие двух самостоятельных мемуарных произведений Липранди, посвященных одно Отечественной войне, другое заграничным походам. Видимо, они вобрали в себя богатейший материал его неразысканного дневника, о котором подробно говорилось выше. Однако в отличие от дневника, факт существования которого давно установлен, об этих воспоминаниях в литературе какие-либо сведения до сих пор отсутствовали, хотя сообщения на этот счет проскальзывали в печатных трудах самого же Липранди, но также не были замечены историками.

В подзаголовке его историко-критических заметок 1861 г. («Бородинское сражение. Заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, соч. г.-м. Богдановича») было указано: «Из записок И. Липранди», а в подстрочном примечании, бесспорно авторском, отмечено: «В записках этих подробно изложено действие только 6-го корпуса генерала от инфантерии Дохтурова, занимавшего центр позиции» [42]. Нетрудно заметить, что это уточнение и по смыслу и даже текстуально совпадает с названием воспоминаний Липранди об Отечественной войне из его «Записки о службе» 1860 г. Видимо, те же самые записки имел в виду Липранди, когда в середине 60-х годов в другом своем критическом труде, рассказывая о беседах в 1833—1835 гг. в Тульчине с генералом С. Маевским на темы из истории 1812 г., писал: «Не проходило дня без воспоминаний былого. Мы давали друг другу свои записки, и я во многом с ним не соглашался, а он делал замечания на мои» [43]. Мысль о том, что здесь могла идти речь не о мемуарах Липранди, а об его дневнике, отпадает сама собой, так как, очень четко понимая различие между тем и другим, он в 50—60-х годах никогда не называл дневник записками, предпочитая употреблять этот термин для обозначения воспоминаний. К тому же о своих записках Липранди говорит как об однотипных с теми, что давал читать ему Маевский, т. е. с его мемуарно-автобиографическим повествованием, составленным еще в 1831 г. и в 1873 г. напечатанным в «Русской старине»; именно они и подразумевались в данном упоминании (II, № 22). Любопытно, что сам Маевский удостоверил факт общения с Липранди. 17 апреля 1835 г., пересылая Михайловскому-Данилевскому мемуарный очерк о действиях 13-го Егерского полка в 1814 г. и касаясь вообще своих воспоминаний о войнах того времени, Маевский писал: «Генерал Иван Петрович Липранди по просьбе моей сообщает Вам и свои сведения и указывает на те, кои еще больше удовлетворяют цели вашей» [44]. Михайлов-

---

[42] Материалы для истории Отечественной войны 1812 года: Собрание статей И. П. Липранди, с. 5.

[43] *Липранди И. П.* Война 1812 года..., ч. II. Замечания на второй том, с. 3.

[44] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 209 об.

ский-Данилевский составлял тогда описание кампании 1814 г., в связи с чем и запросил у Маевского (письмом от 26 марта 1835 г.) его воспоминания [45]. «Сведения» о кампании 1814 г., которые Липранди собирался отправить Михайловскому-Данилевскому, и есть, скорее всего, отрывки из тех самых «записок» о наполеоновских войнах, которые он давал читать незадолго до того Маевскому.

Не выявлены до сих пор и записки А. Ф. Воейкова — известного поэта, критика, журналиста. В 1812 г. Воейков находился в действующей армии, участвовал в партизанских боях и был связан с кружком литераторов и военных при походной типографии кутузовского штаба.

О его воспоминаниях мы знали до сих пор по мемуарному очерку «Генерал граф Беннигсен», не без участия автора расходившемуся списками в разных редакциях, а в 1868 г. опубликованному П. Бартеневым (II, № 29), но с изъятием описания дворцового заговора 1801 г., которое еще в 1861 г. вошло в состав второй книжки «Исторического сборника» А. Герцена. В этом очерке были страницы и о 1812 г.[46], освещавшие малопривлекательные стороны деятельности Беннигсена в Главной квартире, его интриги против Кутузова и обстоятельства высылки из армии. Однако в литературе не было известно о другом, более крупном мемуарном произведении Воейкова, существование которого выясняется прежде всего из его писем Михайловскому-Данилевскому. 24 сентября 1836 г. он сообщил ему, что собирается удалиться с «журналистского поприща» «для занятия в тишине записками о жизни моей и современных происшествиях» [47]. И. П. Быстров, известный в 30—40-х годах библиограф, лично знавший А. Ф. Воейкова, вспоминая о том, как посетил его в 1838 г. в связи с публикацией в «Русском инвалиде» исторических примечаний к басне И. А. Крылова «Волк на псарне», писал: «А. Ф. Воейков был в это время болен, никуда не выходил и занимался приведением в порядок Современных записок. Они весьма любопытны, судя по тем отрывкам, которые А. Ф. прочел мне из своего сборника» [48].

Своеобразие и особую привлекательность запискам Воейкова придавало включение в них, помимо его собственных воспоминаний, устных рассказов многих современников — государственных деятелей, военных, придворных, литераторов. В упомянутом очерке Воейков то и дело ссылался на П. П. Коновницына, П. А. Кикина, Е. Ф. Комаровского, С. Н. Марина, А. Д. Балашова, сопровождая их сообщения такого рода пояснениями: «Слышал от генерала Кноринга, который жил в Дерпте в то время, когда автор статьи был там профессором. Ему обязан он зна-

---

[45] Русская старина, 1873, № 9, с. 280—281.
[46] ИС, кн. II, с. 117, 132; кн. III, с. 122—127.
[47] ИРЛИ, ф. 527, д. 59, л. 3.
[48] *Быстров И.* Отрывок из записок моих об Иване Андреевиче Крылове. — Северная пчела, 1846, 20 марта.

комством с Барклаем, Сакеном, графом Остерманом-Толстым»

был найден автограф записки о капитуляции Парижа в 1814 г. (М. Ф. Орлов был участником этого исторического акта, завершившего собой многолетнюю эпоху наполеоновских войн). По предложению А. Х. Бенкендорфа, одобренному Николаем I, записка была передана связанному с жандармским ведомством журналисту В. А. Владиславлеву и напечатана с некоторыми цензурными сокращениями в его альманахе «Утренняя заря на 1843 год». Впоследствии, как уже отмечалось, записка в полном виде была опубликована еще два раза: в 1864 г. — «Военном сборнике» и в 1877 г. — в «Русской старине» (I, № 108).

При публикации ее в «Русской старине» М. И. Семевский, располагавший копией записки из семейного архива Орловых, отметил, что ныне печатаемый рассказ, «по отзыву сына покойного —Н. М. Орлова, есть единственное письменное воспоминание его родителя. Записок после себя он не оставил». Действительно, по смерти Орлова в его бумагах никаких иных воспоминаний не находилось — они не значатся в подписанной А. Х. Бенкендорфом и Л. В. Дубельтом описи оставшихся после М. Орлова рукописей (I, № 108 г., с. 633; 108 д, с. 262—263). Нет их и в сохранившемся до нашего времени личном архиве М. Орлова[53]. И тем не менее приведенное выше указание Н. М. Орлова неверно. Сын покойного декабриста или не был осведомлен о мемуарном наследии своего отца, или вводил в заблуждение М. Семевского, ибо имеются бесспорные свидетельства о существовании в свое время и других «письменных воспоминаний» М. Орлова.

Особенно важны в данном отношении библиографические материалы С. Д. Полторацкого, не раз служившие надежным источником для атрибуции тех или иных произведений деятелей русской культуры XIX в., в том числе и самого М. Орлова[54]. С. Д. Полторацкий, примыкавший к передовому общественному движению своей эпохи, в 30-х годах был близок с опальным декабристом, собирая сведения о его военно-политической биографии и литературных трудах. В одной из библиографических заметок о сочинениях М. Орлова им было записано: «Есть у Пушкарева записки Орлова о 12 марта 1801; на трех листах рукопись. Очень любоп. (От Ив. Павл. Быстр. С.-Петербург. воскрес. 13/25 апрель 1847)». Пушкарев, видимо, петербургский коллекционер; Быстров же, библиограф, сотрудник имп. Публичной библиотеки, сообщивший Полторацкому эти данные, принимал участие в его библиографических разысканиях. В несколько более позднем примечании Быстрова к этой заметке Полторацкого сказано: «По кончине его не досталось ли все полиции? Наследники не являются по

---

[53] ЦГАОР СССР, ф. 1711; ИРЛИ, ф. 255; ОР Гос. Литературного музея, ф. 1.

[54] *Лотман Ю. М.* «Два слова постороннего» — неизвестная статья П. А. Вяземского. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958; *Тартаковский А. Г.* Новые данные о листовке-памфлете на 29-й Бюллетень французской армии. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, 1960, вып. 23.

сиё время. См. мою рукопись. И. Б. 4 ноября 1848»[55]. Не касаясь сейчас судьбы самой рукописи записок М. Орлова, ее содержания и смысла данного примечания (неясно, в частности, чью кончину и чьих наследников имел в виду Быстров — М. Орлова или Пушкарева, вероятно все же последнего), отметим только, что перед нами вполне достоверное свидетельство о принадлежности М. Орлову записок об убийстве Павла I и восшествии на престол Александра I — факт, в истории русской мемуаристики доселе неизвестный, могущий послужить темой самостоятельного исследования.

Существование неразысканных мемуаров М. Орлова подтверждается и самим текстом записки о капитуляции Парижа. В личном фонде М. Орлова сохранился автограф его перевода записки на французский язык (первоначально она была написана по-русски), озаглавленный: «*Отрывки, извлеченные из неизданных мемуаров Михаила Орлова...*»[56]. То же название было воспроизведено и в публикации «Утренней зари», основанной на русском подлиннике записки. На извлечение этого отрывка из каких-то более обширных воспоминаний М. Орлова указывает и начальная фраза записки: «Не трудно было заключить из положения военных действий, что Наполеон, отраженный попеременно при Лаоне и при Арсисе, был решительно слабее каждой из союзных армий, идущих концентрически на Париж...» (I, № 108д, с. 5). Она явно вырвана из общего контекста и продолжает предшествовавшую, но искусственно оборванную часть повествования о развитии военных событий до кануна вступления союзных войск в Париж. Любопытно, что в подлиннике перед этой начальной фразой следовало многоточие, наглядно обозначающее фрагментарный характер данной записки[57]; оно, однако, было опущено во всех ее публикациях, в том числе и в последней, академической, вышедшей в 1963 г.

Рассказывая о своих усилиях прекратить огонь с русской и французской стороны, с тем чтобы обеспечить условия для переговоров о сдаче Парижа, Орлов в скобках замечает: «Здесь пропущено все, что в записках относится к движению обеих сторон, и в извлечении сохранена только дипломатическая часть рассказа» (I, № 108д, с. 7)[58].

---

[55] ГПБ, Q, XVIII, 107, л. 78 об.—79.

[56] «Fragments extrait des Memoires inédits de Michel Orloff. — Traduit du Russe... par l'auteur». (Отточие в подлиннике. ЦГАОР СССР, ф. 1711, д. 49. Курсив мой. — *А. Т.*) Рукопись сброшюрована в твердую коленкоровую обложку, на которой золотыми буквами вытеснено: «Capitulation de Paris en 1814. Fragment inédit de mémoires du Gal Michel Orloff».

[57] Там же, л. 1.

[58] В копии французского перевода, хранящейся в коллекции А. И. Михайловского-Данилевского, это замечание дано в несколько иной редакции: «Здесь пропущены частные изображения о всем том, что в *мемуарах* относится к движению двух армий, и в этом *извлечении* сохранена только анекдотическая и дипломатическая часть рассказа» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4134, л. 9) (Курсив мой. — *А. Т.*).

Нет, таким образом, никаких сомнений в том, что «Капитуляция Парижа в 1814 году» была лишь частью, «фрагментом» более значительных по размерам записок Орлова, которые он называл «мемуарами» в отличие от «Капитуляции», последовательно именуемой им «извлечением». Во французском переводе оно было переслано Орловым Михайловскому-Данилевскому с письмом от 8 ноября 1835 г., а 28 февраля 1836 г., запрашивая о судьбе рукописи, он писал ему: «Уже более двух месяцев, как, удовлетворяя Ваши пожелания, я имел честь послать Вам отрывок из моих мемуаров, относящийся к первой капитуляции Парижа», еще раз удостоверив тем самым наличие более пространного текста своих воспоминаний [59].

Освещались ли в них послевоенные события и деятельность М. Орлова в декабристский период, — сказать трудно, но что они отразили участие в наполеоновских войнах — яркое и героическое время его жизни, которое не смогли затмить последующие репрессии и опала, — представляется бесспорным. «Извлечение» о капитуляции Парижа и явилось, видимо, как раз последней частью этих воспоминаний.

Если же учесть, что М. Орлов, начавший войну поручиком, а завершивший — всего в 26 лет — генерал-майором, начальником штаба корпуса, был человеком необычайно разностороннего боевого и политического опыта, что он прошел все важнейшие сражения кампаний 1812—1814 гг., предводительствовал партизанскими отрядами и, пользуясь особым расположением М. Барклая-де-Толли, М. Кутузова, П. Волконского, Александра I, посвященный во многие военные тайны, не раз проникал с разведывательными поручениями в Главную квартиру Наполеона, выполнял ответственные дипломатические задания, наконец, выступал в годы войны с острыми антинаполеоновскими памфлетами, оставившими след в военно-общественной мысли эпохи, — если учесть все это, то станет ясным, какие ценнейшие сведения могли быть запечатлены в недошедших до нас его воспоминаниях. Современники догадывались об этом.

Далеко не случайно, что когда в начале 1836 г. А. Михайловский-Данилевский, приступив к подготовке истории Отечественной войны, стал собирать воспоминания ее участников, то одним из первых, к кому он обратился, был не кто иной, как М. Орлов (см. с. 219 данной книги). Ясно, что А. Михайловский-Данилевский был достаточно осведомлен в существовании его мемуаров не только о капитуляции Парижа, но и об эпохе 1812 г. в целом. М. Орлов ответил письмом, где изложил свой взгляд на то, какой видится ему история «нашей священной войны», но самих мемуаров не прислал. Тогда А. Михайловский-Данилевский прибегнул к посредничеству его друга Д. Давыдова и тот сообщил: «Я писал к Орлову о твоих вопросах, но еще не видел его лично. Я уверен,

[59] Там же, л. 81—82, 83. (Подлинник на фр. яз.)

что он не откажется удовлетворить твое желание»[60]. В какой-то мере оно было, видимо, удовлетворено.

В «Описании Отечественной войны в 1812 году» (1839, т. III, с. 100), повествуя об организации Д. Давыдовым армейского партизанского отряда, А. Михайловский-Данилевский писал, что поводом к этому послужило следующее обстоятельство. «Поручик Орлов, отправленный в Смоленск для получения сведений о пленном генерале Тучкове, возвратясь, рассказывал о беспорядках, совершавшихся в тылу французской армии», и далее воспроизвел собственные слова М. Орлова: «Она походит на Ксерксовы толпы, и с сотнею казаков можно нанести неприятелю много бед». Этот же текст А. Михайловский-Данилевский точно привел в биографии Д. Давыдова в известном издании «Военная галерея Зимнего дворца», добавив при этом, что Давыдов просил Багратиона ходатайствовать перед Кутузовым о выделении отряда казаков для партизанских действий в тылу французов, «воспламененный сею мыслью» М. Орлова (т. III, СПб., 1846, с. 6). Данное сообщение представляется весьма правдоподобным. М. Орлов, посланный в штаб Наполеона вскоре после сражения при Лубине, где и был взят в плен П. А. Тучков, и, действительно, глубоко проникший в тылы французов, вернулся в Главную квартиру 18 августа, доставив только что прибывшему к армии Кутузову чрезвычайно важные и подробные сведения о численности, дислокации и общем состоянии неприятельских войск (они нашли отражение в рапорте последнего Александру I от 19 августа 1812 г. См.: М. М. Кутузов. Сб. док. М., 1954, т. IV, ч. 1, с. 98—99). Давыдов же, как сказано в «Дневнике партизанских действий», впервые обратился к Багратиону со своим предложением только 21 августа (I, № 41л, с. 196). Но в том же «Дневнике» Давыдов, ревниво оберегавший свой приоритет инициатора партизанской войны в 1812 г., это обращение к Багратиону представил как результат личных размышлений о военной обстановке, как возникшее спонтанно, без чьих-либо советов, и эпизод с М. Орловым, о котором он, возможно, и просто запамятовал, никак не упомянул. Естественно, что у Д. Давыдова о роли М. Орлова, видимо, первым подсказавшего идею развертывания партизанского движения, А. Михайловский-Данилевский узнать никак не мог. Кто действительно мог сообщить об этом, так это скорее всего сам М. Орлов, и, вероятно приведенный выше текст с дословным воспроизведением его слов был почерпнут из собственных и впоследствии затерянных записок опального декабриста, которые он — полностью или в отрывках — представил в распоряжение историка. Во всяком случае, дважды опубликованное Михайловским-Данилевским и, кстати, совершенно не замеченное в литературе, это свидетельство — единственно дошедший до нас пока текст о 1812 г. из мемуаров М. Орлова — имеет уникальное значение.

Кроме упомянутых выше «Записок о походах 1812 и 1813 го-

---

60 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 12—13; ГПБ, ф. 488, № 54, л. 16.

дов» декабриста В. С. Норова, изданных в 1834 г. и дошедших до нас в трех редакциях, им были написаны еще два самостоя-

хотный полк принца Вильгельма. Таким образом, составление этих, вторых по счету, записок В. Норова об эпохе 1812 г. приходится на 1821—1823 гг., хотя возможно, что оно продолжалось вплоть до исхода 1825 г. Надо принять во внимание, что эти записки создавались в декабристскую пору, когда В. Норов, бывший член Союза Благоденствия, летом 1823 г. примыкает к Южному обществу и участвует в выработке планов государственного переворота [66]. Все это каким-то образом могло сказаться на идейном содержании его труда.

Судьба этих записок оказалась плачевной. После ареста в январе 1826 г., как свидетельствовал сам В. С. Норов, «все труды мои пропали, все карты и бумаги растеряны» [67]. Те же рукописи записок, которые он еще в начале 20-х годов отослал брату, в обширнейшем архиве Норовых не содержатся, хотя многие другие материалы В. С. Норова здесь сохранились [68]. Утеряны и его ранние записки, составленные еще в 1813—1815 гг. на французском языке.

Разбирая описание М. И. Богдановичем сражения под Красным, Липранди как бы вскользь заметил: «Я видел в 1816 году рукопись, составленную Иваном Александровичем фон-Визиным, бывшим дивизионным квартирмейстером 27-й дивизии. В довольно пространной рукописи этой, написанной мастером и участником в этом деле, находились мельчайшие подробности. Не знаю участи этого любопытного памятника» [69]. Речь идет здесь об И. А. Фонвизине — члене Союза Благоденствия и участнике его московского съезда 1821 г., брате виднейшего декабриста М. А. Фонвизина. Привлеченный к следствию над членами тайных организаций, но вскоре освобожденный из-под ареста, И. А. Фонвизин тем не менее около 20 лет находился под полицейским надзором и всю жизнь оставался, в сущности, единомышленником декабристов, поддерживая со многими из них самые тесные отношения. Однако о декабристском периоде его деятельности, и особенно об участии в наполеоновских войнах, в литературе сохранились самые скудные сведения. О том же, что он был автором мемуаров, ничего вообще известно не было.

Оказались затеряны и мемуары о 1812 г. Ф. Н. Глинки — деятельнейшего участника Союза Спасения и Союза Благоденствия, впоследствии отошедшего от тайных обществ и после подавления восстания жившего до середины 30-х годов на положении ссыльного. Автор знаменитых «Писем русского офицера» Глинка много выступал в печати как историк Отечественной войны и популяризатор ее опыта. Из его же воспоминаний об этой эпохе были известны до сих пор лишь изданные в обстановке юбилейных торжеств 1839 г. «Очерки Бородинского сражения» — яркое

---

[66] Восстание декабристов. М., 1969, т. XII, с. 209—222.
[67] ГПБ, ф. 531, д. 477, л. 69.
[68] ГПБ, ф. 531; ГБЛ, ф. 231; ЦГАЛИ СССР, ф. 349.
[69] *Липранди И. П.* Война 1812 года..., ч. I, с. 23.

мемуарно-историческое сочинение, получившее громкий общественно-политический резонанс (I, № 148). Но, как выясняется, «Очерки» явились отрывком из более пространных мемуаров о 1812 г.

Еще в 1834 г., ходатайствуя перед А. X. Бенкендорфом об отставке, Глинка мотивировал свою просьбу тем, что свободное время собирается употребить «на приведение в порядок записок о незабвенной войне 1812 года»[70] (отметим, речь шла здесь об Отечественной войне в целом, а не об одном только Бородинском сражении). Летом 1839 г., предприняв хлопоты об издании «Очерков», Глинка не раз подчеркивал, что они составляют лишь часть его обширного мемуарного повествования. В письме Бенкендорфу от 1 августа 1839 г. он прямо писал: «В общий состав воспоминаний моих о 1812 годе вошла статья под названием „Очерки Бородинского сражения“», тут же выразив желание «напечатать отдельно эту статью». О том, что «собрал мои воспоминания о 1812 годе и, отделив от них статью „Очерки Бородинского сражения“, хотел напечатать ее особо», Глинка сообщал тогда и В. А. Жуковскому[71]. Между тем, кроме «Очерков», ничего из этих воспоминаний Глинки о 1812 г. до нас не дошло.

Еще одни неразысканные мемуары об эпохе 1812 г., вышедшие из декабристской среды, связаны с именем А. Я. Мирковича — офицера гвардии, проделавшего с ней походы 1812—1814 гг., а после войны — полковника и старшего адъютанта штаба гвардейского корпуса. Имя Мирковича редко упоминается в декабристоведческих трудах и еще реже в литературе об Отечественной войне, тем не менее оно заслуживает более пристального внимания, в плане нашей темы во всяком случае.

Принятый еще в июле 1818 г. А. Н. Муравьевым в Союз Благоденствия, Миркович (по следственным показаниям С. П. Трубецкого, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, А. Ф. Бриггена, братьев Калошиных) основал управу союза в Конногвардейском полку[72] и тогда же составлял записки о прошедших войнах. Один отрывок из них о походе 1814 г., проникнутый критикой наполеоновского деспотизма и русских общественных порядков, был в свое время напечатан (I, № 73). Публикаторы, сыновья брата А. Я. Мирковича — Ф. Я. Мирковича, тоже участника войн с Наполеоном, — располагали более полным текстом записок. Это явствует как из названия, которое они дали им («Выдержки из записок А. Я. Мирковича. . .»), так и из приведенного в примечании к дневнику Ф. Я. Мирковича пространного мемуарного текста

---

[70] *Иезуитова Р. В.* К истории ссылки Ф. Н. Глинки (1826—1834). — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 345.

[71] *Дубровин Н. Ф.* В. А. Жуковский и его отношения с декабристами. — Русская старина, 1902, № 4, с. 112, 113.

[72] *Базанов В. Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, с. 16—19; Восстание декабристов. Л., 1925, т. VIII, с. 125—126, 351; М.; Л., 1925, т. I, с. 86, 132, 252—253, 316; М.; Л., 1927, т. III, с. 31; М., 1976, т. XIV, с. 426, 428, 437.

А. Мирковича, посвященного уже событиям 1812 г. — Бородину и оставлению Москвы (I, № 73, с. 59—60). Кроме того, А. Миркович, рассказывая о боях под Фер-Шампенуазом в марте 1814 г., отметил в скобках: «Сражение описано в отделах VII и VIII» (Там же. Приложение, с. 4), что указывает на существование какого-то обширного мемуарно-исторического повествования со своей продуманной структурой.

Мы должны сказать еще о двух неразысканных мемуарных памятниках об эпохе 1812 г., принадлежавших, однако, не военным, как все разобранные выше, а гражданским лицам.

В первую очередь это записки А. Д. Бестужева-Рюмина — члена Вотчинного департамента Сената, остававшегося в Москве при французах и привлеченного затем к следствию по подозрению в сотрудничестве с наполеоновскими властями[73]. В целях оправдания в феврале 1813 г. им была составлена в форме донесения министру юстиции И. И. Дмитриеву мемуарная записка о всех злоключениях, случившихся с ним в 1812 г. Несколько позднее, между 1815 и 1817 гг., Бестужев-Рюмин написал воспоминания «Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году. Отделение I», посвященное жизни в столице до вступления в нее французской армии (I, № 25, 44). После публикации этих записок в 1859 г. они служили нескольким поколениям русских историков ценнейшим источником для воссоздания истории Москвы в Отечественной войне.

Еще первый исследователь записок Бестужева-Рюмина А. Н. Попов предположил, что за «Отделением I» должно было идти «второе — о пребывании неприятеля в Москве»[74], основываясь на указании самого автора в конце «Отделения I»: «Второе отделение будет заключать в себе ужасные происшествия в Москве в шестинедельное пребывание в ней неприятеля» (I, № 44а, с. 89). В его переписке сохранились, однако, сведения о существовании не только второго «Отделения», действительно повествовавшего о французской оккупации, но и «Отделения» третьего — о положении Москвы уже после ухода наполеоновской армии. В недавно обнаруженном нами письме Михайловскому-Данилевскому (датируется концом 1836—началом 1837 г.) Бестужев-Рюмин с предельной ясностью раскрыл общий состав своих записок. Обещая в ответ на просьбу историка прислать выписки из них, он указывал: «Я разделил сии записки 1812 года на 3 отделения: в 1-м Отделении записывал я происшествия в столице Москве незадолго до вторжения неприятеля в сию столицу. Во 2-м Отделении я описываю происшествия в столице Москве во время пребывания в оной неприятеля, и, наконец, 3-е Отделение заключает в себе происшествия в столице Москве по выходе из оной неприятеля»[75].

---

[73] *Тартаковский А. Г.* Население Москвы в период французской оккупации 1812 года. — Исторические записки, 1973, № 92.
[74] *Попов А. Н.* Москва в 1812 году. М., 1875, с. 8.
[75] ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 1.

Однако в коллекции Михайловского-Данилевского сохранилась только авторская копия «Отделения I» [76].

В 1891 г. в «Русском архиве» были напечатаны любопытные в историко-бытовом отношении «Воспоминания о Москве в 1812 году» А. Г. Хомутовой (I, № 106) — представительницы просвещенной дворянской интеллигенции 10—30-х годов, близкой знакомой П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. П. Ермолова. «Воспоминания» охватывали вторую половину 1812 г. Но еще в 1867 г. бывшая воспитанница Хомутовой Е. Розе указывала, что после ее смерти среди других литературных трудов осталось «несколько лет журнала, интересного описанием славной эпохи французской войны и знакомящего нас с жизнью высшего общества того времени» [77]. Местонахождение этого «журнала» неизвестно, хотя есть сведения, что рукописи из фамильного архива Хомутовых сохранились в частном собрании ныне живущих их потомков.

Подытожим сказанное.

Представленный выше обзор может служить дополнением к установленному выше корпусу мемуарных памятников, отраженному в Перечнях. Вместе с тем сводка данных о затерянных мемуарах полезна и как отправной ориентир для новых разысканий в этой области, а перспектива обнаружения некоторых выпавших в свое время из поля зрения историков произведений вполне вероятна.

Разумеется, далеко не все неразысканные мемуары мы можем расценивать как специально посвященные эпохе 1812 г. Уже отсутствие самих текстов позволяет высказывать по поводу содержания и состава ряда не дошедших до нас произведений лишь гипотетические суждения, подлежащие уточнению по мере накопления новых данных. Следует, однако, подчеркнуть, что из имеющихся в источниках сведений о неразысканных воспоминаниях с обширными хронологическими рамками в настоящий обзор включены только те, относительно которых было достаточно оснований считать, что описание наполеоновских войн занимает в них значительное, если не преобладающее, место.

Среди затерянного или вовсе утраченного были, видимо, памятники высокого исторического значения. Прежде всего это относится к запискам об эпохе 1812 г. крупных русских военачальников — Коновницына, Толя, Вистицкого, партизана Сеславина, а также к воспоминаниям разносторонне осведомленных в военно-политических событиях того времени и близких к Главной квартире лиц — Михайловского-Данилевского, Липранди, отчасти Воейкова. Совершенно особый интерес имеют сведения о затерянных мемуарах об эпохе 1812 г. декабристов М. Орлова, В. Норова, И. Фонвизина, Ф. Глинки, А. Мирковича.

---

[76] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. I, л. 90—106.

[77] Русский архив, 1867, ст. 1052.

Из общего количества 37 неразысканных или утраченных мемуаров, упоминания о которых в разных источниках были разобраны выше, только 24 произведения не дошли до нас в полном своем составе и не были известны в литературе. Это записки Коновницына, Маевского, Тучкова, Никитина, Арнольди, Иловайского, Кузнецова, Карпенко, И. Богдановича, Маркуса, Сухозанета, Лермонтова, Лодыгина, Рославлева, Маркова, Петрова, Лесли, Михайловского-Данилевского, И. Фонвизина, Липранди, Воейкова, Норова. Остальные 13 — воспоминания Толя, Вистицкого, К. Полторацкого, Сеславина, Душенкевича, Стороженко, В. Перовского, Орлова, Мирковича, Глинки, Бестужева-Рюмина, Хомутовой — представляют собой, видимо, лишь частично (иногда, правда, в очень большом объеме) затерянные мемуарные тексты, отдельные фрагменты которых дошли до нас в рукописях или в виде публикаций и потому учтены в Перечнях.

Наконец, из сказанного выше вытекает еще один и, быть может, самый важный в источниковедческом плане вывод. 24 неразысканных воспоминания, факт существования которых впервые нами установлен, составляют всего 7% общей численности сохранившегося корпуса мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г. В известной мере это может служить доводом в пользу того, что данный корпус мемуаров заключает в себе бóльшую часть всех когда-либо созданных мемуарных источников об эпохе 1812 г.

ДАТИРОВКА МЕМУАРОВ [78]

Датировка мемуарных памятников об эпохе 1812 г. — весьма сложная источниковедческая проблема. Надо подчеркнуть, что эта сторона дела, составляющая основу любой историко-источниковедческой работы, для нашей темы имеет особое значение, ибо без относительно точной хронологии создания каждого мемуарного произведения в масштабе всего их корпуса невозможно по-

---

[78] Мы оставляем в стороне вопрос об атрибуции мемуаров, как не представляющий особых затруднений источниковедческого порядка. Для культуры нового времени характерны, как уже указывалось выше, высокоразвитые представления об индивидуально-личностном начале, авторском праве и литературной собственности. Естественно, что мемуаристика как составная часть духовной культуры развивалась в русле этих представлений и в данном смысле мало чем отличалась от других родов литературного творчества (если не считать отдельных случаев бытования в анонимной форме мемуаров, вышедших из-под пера лиц, чьи имена не подлежали огласке ввиду правительственно-цензурных гонений, как, скажем, некоторых мемуаристов — участников революционного движения). Не случайно большинство воспоминаний об эпохе 1812 г. имеют точные указания на авторов. Число анонимных мемуаров крайне невелико: из 457 произведений — немногим более двух десятков. Авторство ряда произведений было установлено еще дореволюционными библиографами и публикаторами. Некоторые мемуары атрибутированы при подготовке настоящего исследования. Однако обоснования этих атрибуций за недостатком места здесь не приводятся — их итоги отражены в Перечнях.

строить периодизацию мемуаристики 1812 г., что само по себе является методическим стержнем дальнейшего исследования.

Сложность данной задачи вызвана прежде всего тем, что авторские датировки не являются непременным свойством мемуаров. Это, кстати, сближает их с рядом произведений художественного творчества, которые также редко датируются авторами[79] (мы имеем в виду мемуаристику XIX в., главным образом первой его половины, не касаясь ситуации, характерной в этом отношении для XX в.).

Здесь мы сталкиваемся с более общей проблемой времени как изменчивой социально-психологической категорией, неодинаково проявляющейся в различные исторические эпохи и в разных типах духовной культуры[80]. Естественно, что по-особому она преломляется и в мемуарном творчестве. Однако вопрос о временных представлениях в мемуарах, о специфике «хронологического» мышления мемуариста не разработан в источниковедении. Не беря на себя даже постановку этого вопроса, отметим только одно существенное обстоятельство. В отличие от средневековых исторических повествований с их непрерывно-замкнутым, однолинейным, однонаправленным течением от прошлого к настоящему, не допускающим возвращений назад и забеганий вперед, в мемуарах, как и в ряде других повествований нового времени, реально присутствуют и совмещаются два хронологических плана — тот, о котором повествуется, и тот, в котором это повествование возникает. Мемуарист часто прерывает рассказ о минувшем и возвращается к современности, он всегда смотрит на прошлое из настоящего, соотнося с ним когда-то случившееся, обращаясь к прошлому для объяснения настоящего[81]. Однако, как бы объективно ни был предопределен современностью взгляд мемуариста на прошедшее, субъективно он ориентирован преимущественно на первый временной план, иначе вообще невозможно было бы создание мемуаров. Поэтому, погружаясь в минувшее, стремясь доступными ему средствами воссоздать хронологическую канву и последовательность описываемых событий, мемуарист редко сосредоточен на времени создания самих мемуаров и еще реже фиксирует его в их тексте. Это, конечно, не значит, что вовсе не существует датированных мемуаров[82]. Однако указание на время составления — не-

---

[79] *Рейсер С. А.* Палеография и текстология нового времени. М., 1970, с. 201.

[80] *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 26—37.

[81] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979, с. 209—334; *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974, с. 382—383.

[82] Некоторые мемуаристы не только указывают начало и конец работы над воспоминаниями, но и с поразительной точностью отмечают время написания отдельных их частей, датируя фактически весь процесс создания мемуарного текста. Мы уже отмечали, что по месяцам и даже числам было расписано Н. Н. Муравьевым время составления им записок о 1811—1816 гг. — с осени 1815 по январь 1819 г. С такой же скрупулезностью датированы все структурные части записок И. И. Дмитриева (II, № 11, с. 94, 104, 165, 248, 254) и воспоминания А. П. Буте-

обязательный, факультативный их признак, следствие индивидуальных склонностей мемуариста, много занимавшегося литературным трудом и привыкшего делать хронологические отметки на своих рукописях, но не нечто такое, что жестко детерминировано социальной функцией мемуаров как вида источников. От того, будут они датированы или нет, никак не зависит реализация стоящей перед мемуаристом цели — закрепление для современников и потомства памяти о прошлом времени. Даже в тех случаях, когда мемуары пишутся с расчетом на прижизненную публикацию, они очень часто не бывают датированы.

Это обстоятельство отличает мемуары от некоторых других видов источников как делопроизводственного, так и частного происхождения, в которых наличие точной даты есть имманентное качество, обусловленное их практическим назначением. В самом деле, всякого рода ведомственные документы без обозначения времени составления теряют свою официально-служебную роль; недатированное частное письмо рискует быть не понятым адресатом; точные хронологические отметки — неотъемлемый элемент любого дневника, также вытекающий из его назначения и из анналистической структуры поденных записей.

Однако, по мнению специалистов, даже датировка писем, немыслимых, казалось бы, без строго определенной даты, — «одна из серьезнейших проблем, встающих перед исследователем» [83]. С еще бóльшим основанием следует отнести сказанное к датировке мемуаров.

Вместе с тем в общеисторическом и историко-литературном источниковедении не выявлены особенности датировки мемуарных памятников и не накоплен какой-либо опыт систематического датирования крупных массивов мемуарных источников — здесь мы можем отталкиваться только от методико-текстологических наблюдений, относящихся к иным группам повествовательных источников [84].

Трудности этого порядка станут яснее, если мы обратимся к нашему материалу. Большинство мемуаров об эпохе 1812 г. в дошедших до нас их текстах — а это, напомним, главным образом публикации — не датировано. Из 293 опубликованных мемуаров, специально посвященных этой эпохе, не имеет датировок около 200 произведений, а из 118 мемуаров с обширными хроно-

---

нева (Русский архив, 1881, № 5, с. 5, 47; 1883, № 1, с. 12, 45, 61). Участник войн начала XIX в. М. П. Леонтьев разбил свои воспоминания на 3 части и в названии каждой указал, когда именно она была написана (Там же, 1913, № 9, с. 298; № 10, с. 504; № 11, с. 599). Аналогичные хронологические отметки мы находим в записках П. Х. Граббе, Д. Н. Свербеева и других, но подобные случаи в русской мемуаристике XIX в. в целом немногочисленны.

[83] *Прохоров Е. И.* Издание эпистолярного наследия. — В кн.: Вопросы текстологии. М., 1964, вып. 3, с. 67.

[84] *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962, с. 268—280; *Прохоров Е. И.* Текстология. М., 1966, с. 126—133; *Рейсер С. А.* Указ. соч., с. 201—211.

логическими рамками соответственно — около 70 произведений. Из всех же 411 опубликованных мемуаров, составляющих основной предмет нашего изучения, не датировано, таким образом, около 270 произведений, т. е. две трети их общего числа.

Подобное положение явилось результатом не только отсутствия авторских дат, но и недостаточного внимания к датировке мемуаров со стороны их публикаторов в разного рода изданиях XIX—начала XX в. Нет ничего удивительного в том, что столь специальному вопросу не придавалось должного значения при печатании мемуаров об эпохе 1812 г. в общественно-политической, литературной, официально-ведомственной прессе. Но мемуары редко датировались и в органах исторической периодики второй половины XIX—начала XX в. Публикаторы (обычно сами же редакторы исторических журналов и сборников), не занимавшиеся, как правило, изысканиями в области происхождения публикуемых памятников, не задавались целью выяснения и времени их создания. В своих вступительных статьях и примечаниях они в лучшем случае приводили хронологические указания, почерпнутые из самих мемуарных текстов, или ограничивались весьма приблизительными суждениями на этот счет. Исключением здесь был разве только П. И. Бартенев, сообщавший иногда точные данные о времени составления печатавшихся в «Русском архиве» воспоминаний о 1812 г., что было, однако, результатом не специальных источниковедческих разысканий, а его необъятных личных познаний в общественно-бытовой истории России XVIII—XIX вв.

Дело также усугубляется тем, что по значительной части опубликованных мемуаров мы не располагаем их рукописными оригиналами, а обращение к ним (в частности, учет палеографических признаков рукописей) могло бы, бесспорно, пролить свет на время их создания. Речь идет именно об оригиналах, автографах, подлинниках, а не о рукописных текстах вообще. Многие воспоминания об эпохе 1812 г. расходились в позднейших копиях и списках, отложившихся в архивах, но они мало что дают для датировки самих мемуаров.

Она усложняется, кроме того, массовым характером мемуаротворчества на темы 1812 г. Большинство недатированных мемуаров — это не крупные произведения, принадлежащие знаменитым деятелям этой эпохи (их датирование само по себе не потребовало бы особых усилий), а сравнительно мелкие очерки, заметки, статьи, написанные множеством малоизвестных, рядовых участников событий, о жизни и трудах которых не дошло до нас почти никаких сведений. Поэтому возможность датировки этих мемуаров посредством биографических данных, как это обычно делается в других случаях, сведена здесь к минимуму.

Следует, наконец, иметь в виду, что даже при наличии прямых авторских указаний на время составления мемуаров, мы далеко не во всем можем на них полагаться. Часто стоящая в конце мемуарного текста дата обозначает лишь момент завершения работы над рукописью, а отнюдь не весь период ее создания.

В литературе не раз отмечались случаи умышленных или непреднамеренных неточностей в датировке авторами всякого рода творческих рукописей [85]. Характерно это и для мемуаров. Некоторые мемуаристы по самым разным причинам относили составление своих воспоминаний в глубь времени, к периоду, близкому к описываемым событиям или даже совпадающему с ними. Например, уже из самого названия записок А. С. Шишкова «Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре I в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну» как будто бы следовало, что они возникли еще в ходе кампаний 1812—1814 гг. То же повторил Шишков и в своем «Предуведомлении» к запискам (I, № 94). В действительности же они были написаны лишь на рубеже 20—30-х годов XIX в.

В цитировавшемся выше письме к Михайловскому-Данилевскому конца 1836—начала 1837 г. А. Бестужев-Рюмин утверждал, что все три «Отделения» его «Краткого описания происшествиям в Москве в 1812 году» составлены им в том же, 1812 г. На самом же деле записки свои А. Бестужев-Рюмин писал после 1815 г. А. Рязанцев, автор других любопытных воспоминаний о Москве в 1812 г., выпуская их в свет в 1862 г., в заключение своего рассказа отметил, что «скоро исполнится полстолетия и этим запискам, составленным мною в тяжкое время описываемых выше происшествий», и что «с тех пор они оставались неизданными». Но, как выясняется из самого их текста, они были написаны не ранее конца 50-х годов XIX в. (I, № 215, с. VII, 332).

Стало быть, мемуары с такого рода неточными авторскими датами, вводившими порой в заблуждение современных читателей и будущих исследователей, нуждаются в этом смысле в тщательной проверке и во многих случаях должны быть датированы заново.

Условия преодоления указанных трудностей заключены между тем в некоторых особенностях самого мемуарного жанра.

В отличие от ряда иных источников, скажем тех же официальных документов, деловых и личных писем, создание которых (или отсылка их к служебному или частному адресату) строго привязано к какому-то сжатому во времени сроку, мемуары (даже сравнительно небольшие по объему) не возникают, как правило, в результате одномоментного, единовременного акта. Восстановление по памяти событий прошлого — такое сложное интеллектуально-психологическое состояние, которое требует для своего воплощения более значительного отрезка времени, от чего и проистекает объективная возможность относительно растяжимой датировки мемуаров. Определение времени их составления с точностью до одного или нескольких дней — явление настолько редкое, что не может быть возведено в норму. Гораздо более соответствуют существу мемуарного жанра датировки в интервале до месяцев, года и целого ряда лет, например в пределах начала, середины или

85 *Прохоров Е. И.* Текстология, с. 128—129; *Рейсер С. А.* Указ. соч., с. 203.

конца какого-то десятилетия, его первой или второй половины. Естественно, чем более обширен мемуарный памятник, тем большее время необходимо для его создания и тем больший хронологический диапазон допусти́м для его датирования. Надо, кроме того, учитывать, что мемуары — большей частью литературные произведения, которые переписываются, существуют в разновременных редакциях, а это также влечет за собой хронологически протяженные датировки. Допустимость же их заметно упрощает нашу задачу.

Напомним в этой связи, что некоторые мемуарные памятники об эпохе 1812 г. в совокупности всех своих вариантов и редакций создавались вообще в течение очень долгого времени. «Походные записки» И. Т. Радожицкого писались на протяжении 11 лет; «Дневник партизанских действий» Д. В. Давыдова был делом всей его жизни после окончания наполеоновских войн — автор упорно работал над его текстом с 1814 по 1838 г., т. е. почти до самой смерти (I, № 41 л., с. 437). Тоже и записки об Отечественной войне А. П. Ермолова, время создания которых растянулось с 1818 по 1861 г. В течение 25 лет записывал мемуарные рассказы современников событий 1812 г. А. А. Лесли (I, № 182).

Другая особенность мемуаров, облегчающая их датировку, связана с самим ретроспективным характером мемуарного повествования. В отличие от синхронных источников, естественно замкнутых на времени своего создания и потому не содержащих в себе никаких реалий, которые бы выходили за его пределы, кругозор мемуариста наполнен знанием то́го, что́ произошло после описываемой им эпохи, вплоть до момента составления мемуаров, и знание это в том или ином виде неизбежно проникает в их текст, будь то непроизвольные и случайные «проговорки» или достаточно осознанные упоминания отдельных событий и биографических фактов, время совершения которых известно или вполне может быть установлено.

О каких же конкретно приемах датировки может идти в данном отношении речь?

Первейший из них — обнаружение в самом мемуарном тексте датирующих признаков, среди которых мы выделяем прямые и косвенные.

Прямыми датирующими признаками следует полагать, например, хронологические указания мемуариста на то, что после описываемых событий и составлением воспоминаний прошло то или иное время. Так, в своих воспоминаниях о 1812—1813 гг. театральный деятель и литератор Р. М. Зотов отмечал: «24 года прошло с незабвенной сей эпохи». Это позволяет совершенно точно датировать их 1836 г., учитывая, что в том же году они и вышли в свет (I, № 122, с. 3). Это, конечно, наиболее простой и безошибочный способ датировки, но, к сожалению, такие прямые датирующие признаки встречаются в мемуарах редко.

Гораздо чаще присутствуют в них *косвенные датирующие признаки* — упоминания всякого рода последовавших после описы-

ваемых событий исторических реалий, хронологические рамки которых прямо в мемуарах не обозначены, но так или иначе поддаются определению. Чем больше таких реалий выявлено в мемуарном тексте, тем более точно устанавливается время его создания. На основе косвенных признаков было датировано значительнейшее число мемуарных памятников эпохи 1812 г. Укажем здесь только некоторые, наиболее характерные примеры таких датировок.

В 1905 г. историк и археограф А. А. Титов напечатал мемуарный рассказ о французской оккупации Москвы «Замечания действий французов, вошедших в Москву, узнанные во время двадцатидвухдневного в них полону бригадирным князем Петром Алексеевым сыном Волконским». «Замечания» не имеют каких-либо датирующих обозначений (автор пишет только, что выйдя 24 сентября из Москвы, он добрался до Ярославля). Однако из этого старинного громоздкого названия (а оно, безусловно, принадлежало автору) и архаичного слога самого текста без труда можно было заключить, что он возник в очень давние времена, близкие к тем событиям, о которых здесь повествовалось. Из текста «Замечаний» ясно, что они написаны в тот момент, когда французы, по мнению автора, находились еще в Москве и ее окрестностях («Теперь же русские принуждены на французов возить обозы. . .», «по Костромской дороге французских пикетов вовсе нет, поелику тут стоят наши казаки»). Говоря о том, что неприятель начал свозить в Кремль «разного сорта лес», кн. Волконский поясняет: «Полагать надобно. . . для того, чтобы в неизбежном случае Кремль поднять на воздух» (I, № 1, с. 354—359). Значит, о том, что, выступая из Москвы 11 октября, французы по приказу Наполеона, действительно, попытаются взорвать кремлевские здания, автор еще ничего не знает. Все это дает основание считать, что «Замечания» П. А. Волконского были составлены в течение первой декады октября 1812 г.

В 1866 г., через несколько месяцев после смерти К. И. Арсеньева, известного русского экономиста и историка, был напечатан отрывок из его записок с интересными сведениями об откликах в Петербурге на события 1812 г. и эвакуации Педагогического института в Петрозаводск (II, № 33). Никаких данных о времени составления этот отрывок не содержал. Поскольку же Арсеньев прожил после Отечественной войны более 50 лет, вопрос о датировке отрывка не мог быть решен без привлечения дополнительных материалов и прежде всего остальной части записок, полностью, однако, не опубликованных и поныне. По кончине Арсеньева его бумаги были переданы П. П. Пекарскому, который в статье «О жизни и ученых трудах академика К. И. Арсеньева» воспроизвел фрагменты из этих записок за последующие годы[86]. В них-то мы и находим косвенные датирующие признаки. Воздавая должное кодификационным трудам М. М. Сперанского (к ко-

---

[86] Сборник ОРЯС. СПб., 1872, т. 9.

торым он и сам был прикосновенен), Арсеньев отмечал: «Оба эти великие, можно сказать, подвиги совершены в короткий семилетний срок от 1826 до 1832 года». В то же время о Сперанском, скончавшемся в 1839 г., он пишет в настоящем времени, как о еще живущем современнике: «Сперанский по необыкновенному уму... принадлежит к небольшому числу таких людей, которые родятся веками» [87]. Отсюда нетрудно заключить, что записки Арсеньева с мемуарным текстом о 1812 г. были написаны в промежуток времени между 1832 и началом 1839 г.

Если датирующие признаки в мемуарном тексте отсутствовали, то датировка осуществлялась прежде всего путем привлечения документальных данных из истории создания мемуаров.

«Записки кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой не были датированы в их отдельном двухтомном издании 1836 г. и во II томе «Современника» за тот же год, где был напечатан отрывок из них о 1812 г. Не коснулся вопроса о времени создания «Записок» и А. С. Пушкин в предисловии к ним в своем журнале и в краткой рецензии на I том отдельного издания [88]. Сам текст «Записок» содержит в себе весьма противоречивые данные относительно того, когда они возникли. В одних случаях Дурова дает понять, что составляла записки еще в ходе кампаний 1812—1814 гг., в других — намекает на более позднее их происхождение, и основываться на этих ее показаниях никак не возможно. Рукопись же «Записок» утрачена.

Между тем А. С. Пушкин был не первым, к кому обращалась Дурова с просьбой о содействии в публикации «Записок». Из ее писем от 30 сентября 1835 г. к Пушкину и от 23 сентября 1835 г. чиновнику и литератору Н. Р. Мамышеву (обещавшему, видимо, продвинуть «Записки» в печать) выясняется, что рукопись их в «трех тетрадях» была переслана к нему еще 4 апреля 1835 г.[89] Уточняя дату создания «Записок», надо помнить, что этот громадный по объему — около 600 страниц печатного текста, — и литературно законченный труд Дурова не могла написать в сколько-нибудь сжатые сроки. Кроме того, требовалось время и на его переписку, поскольку Мамышеву была послана копия, подлинник же оставался у Дуровой [90]. Найденная недавно ее «Автобиография» проливает дополнительный свет на обстоятельства создания «Записок». Повествуя о своей жизни до 1835 г. в Елабуге, в семье брата местного городничего Дурова вспоминает: «От неча делать вздумалось мне пересмотреть и прочитать разные лоскутки моих записок, уцелевших от различных переворотов не всегда покойной жизни. Это занятие, воскресивши и в памяти, и в душе моей былое, дало мне мысль собрать эти лоскутки и составить из них что-нибудь целое, напечатать». Работа эта, пишет далее Ду-

---

[87] Там же, с. 42, 43.
[88] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949, т. XII, с. 65, 135.
[89] *Дурова Н.* Записки кавалерист-девицы. Казань, 1960, с. 186—187; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. XVI, с. 52.
[90] Там же, с. 52.

рова, была завершена *«в несколько месяцев»*, сразу же после чего она предприняла хлопоты об издании своего труда [91]. Сопоставляя данное свидетельство с письмом Дуровой к Мамышеву от 23 сентября 1835 г., можно без всякого риска датировать ее «Записки» 1834—первыми месяцами 1835 г. (не позднее апреля, когда они были уже отосланы к Мамышеву).

Существенные коррективы в датировку целой группы мемуаров были внесены посредством обращения к их рукописным оригиналам (I, №№ 45, 104, 114, 119, 141, 153) [92].

Важный источник датировки опубликованных мемуаров — материалы их цензурной истории. Разумеется, речь идет не о дате цензурного разрешения, проставленной на выпускавшихся в свет изданиях (кроме тех, что печатались по «высочайшему повелению», именно так были изданы, например, «Краткие записки» А. С. Шишкова). Эти официальные цензурные отметки указывают только на последнюю стадию прохождения рукописей через цензуру (оно бывало иногда весьма длительным) и потому мало что дают для наших целей. Мы имеем в виду архивные материалы цензурных учреждений, в которых сохраняются обычно сведения о времени представления этих рукописей в цензурное ведомство в составе прошений самих авторов и издателей, журналов заседаний цензурных комитетов, «реестров» поступивших произведений и иных документов. Строго говоря, эти сведения указывают не на весь период создания мемуарного текста, а лишь на момент его окончания, но в данном отношении они вполне достоверны, ибо в ту эпоху, если какое-либо произведение, в том числе и мемуарное, предназначалось к печати, то подготовленная рукопись обычно сразу же представлялась в цензуру. При помощи цензурных материалов были датированы, например, записки А. С. Шишкова, Н. Б. Голицына, А. Зайцева (I, № 94, 111, 181) [93].

Наиболее точно время создания мемуаров (при отсутствии датирующих признаков в их собственных текстах) устанавливается сочетанием документально-биографических материалов, цензурных источников и рукописных подлинников. Именно так были датированы записки В. С. Норова и И. Т. Радожицкого (I, № 80, 95).

Из практики датировок этих произведений, в частности, видно, что завершение работы над мемуарным текстом и его издание очень близки во времени. Данное обстоятельство подтверждается и более широким кругом наблюдений над нашим материалом. Они относятся, конечно, только к прижизненным изданиям и особенно характерны для публикаций воспоминаний в прессе — в журналах и газетах. Если мемуары на темы 1812 г. появлялись в органах газетной периодики (чаще всего в «Русском инвалиде», «Московских ведомостях», «Северной пчеле»), то в подавляющем боль-

---

[91] Неделя, 1962, № 26, с. 7.

[92] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. I, л. 203—204, 283; ч. III, л. 4 об.; д. 3859, л. 2; д. 4117, л. 1—316 об.; ОПИ ГИМ, ф. 160, д. 308.

[93] ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 258, л. 1; д. 2714, л. 1; ф. 777, оп. 27, д. 29, л. 7 об.

шинстве случаев они специально предназначались авторами (или теми, кто записывал их устные воспоминания) для напечатания именно в данной газете, а значит, совсем незадолго перед тем и были написаны.

Часто опубликованные в газетах и журналах мемуарные очерки и заметки рождались как злободневные отклики на изданные воспоминания других участников событий 1812 г. или исторические материалы о той эпохе, и время написания таких мемуарных откликов точно определялось простым арифметическим вычислением.

Короче говоря, когда в нашем распоряжении нет никаких иных источников и средств датировки, время первой публикации мемуарного текста служит надежным методическим ориентиром для его датирования. Обоснованность этого подхода к хронологии мемуарных памятников признана и в источниковедческой литературе [94]. Таким образом были датированы многие мемуары, опубликованные в прессе в первые десятилетия после 1812 г., в ту пору, когда было живо и активно участвовало в общественно-литературной жизни поколение современников эпохи наполеоновских войн.

Что касается мемуарных текстов об этой эпохе в составе воспоминаний с более обширными хронологическими рамками, то они датируются не временем писания этих последних в целом, а по возможности моментом составления данных текстов. Например, рассказ И. И. Дмитриева о событиях 1812 г. в его записках, охватывавших период от конца XVIII до 20-х годов XIX в., датируется не общими хронологическими рамками их создания, т. е. июлем 1823—январем 1826 г., а апрелем 1825 г., которым помечена часть III записок, содержащая этот рассказ (II, № 11, с. 248, 254). Описание 1812—1814 гг. в начальных главах записок Д. Н. Свербеева (в целом посвященных периоду с 1799 по 1826 г.) датируется не 1869—1872 гг., в течение которых они были составлены, а лишь сентябрем—декабрем 1869 г., когда Свербеев диктовал своей дочери именно эти главы (II, № 86, т. I, с. 6; т. II, с. 1, 111, 432).

Должны быть отмечены и случаи пересмотра сложившихся в историографии взглядов о времени составления некоторых широко известных мемуарных памятников об эпохе 1812 г.

Дореволюционные историки, как уже указывалось, источниковедческому исследованию мемуаров не уделяли внимания. Немногие из работ такого рода принадлежат упомянутому выше русскому историку Александру Николаевичу Попову — автору целой серии талантливых монографий об Отечественной войне, не получивших, к сожалению, должного признания в нашей литературе. В отличие от своих предшественников, занимавшихся главным образом собственно военной стороной событий того времени, Попов сосредоточился на военно-общественных и политических аспектах

---

[94] *Дмитриев С. С.* Воспоминания, дневники, частная переписка [эпохи капитализма]. — В кн.: Источниковедение истории СССР. М., 1973, с. 394.

истории 1812 г. и, естественно, свои труды основывал преимущественно на мемуарно-эпистолярных материалах (никто из историков ни до, ни после Попова не привлек такого значительного числа этого рода источников), положив, в сущности, начало их научно-критической разработке. Однако некоторые мемуары об эпохе 1812 г. были датированы им неверно. Это относится, в частности, к запискам Ф. В. Ростопчина — одной из главных фигур эпохи 1812 г., с именем которого современники связывали ее наиболее волнующие события. Написанные в свойственной литературному стилю Ростопчина памфлетно-саркастической манере, особенно ярко сказавшейся в желчных портретах военачальников, государственных деятелей, представителей дворянской аристократии и чиновников московской администрации, записки эти при всей своей тенденциозности откровенно и во многом по-новому осветили скрытые до того стороны политической жизни 1812 г. — общественные настроения в Москве, разностороннюю деятельность Ростопчина на посту столичного генерал-губернатора, его взаимоотношения с Александром I, М. И. Кутузовым и т. д. И поныне они не утратили незаурядного исторического интереса и не случайно привлекли пристальное внимание Попова, послужив едва ли не важнейшим источником его книги «Москва в 1812 году».

Подлинная рукопись записок, обнаруженная А. Н. Поповым в одном из государственных архивов, никак не была датирована. Попов полагал, что записки были составлены летом 1823 г. по возвращении Ростопчина с семьей из-за границы, куда он вынужденно удалился после 1814 г.[95] Попов опирался на сообщение младшего сына Ростопчина, А. Ф. Ростопчина, в изданном им в 1864 г. в Брюсселе громадном собрании писем, воспоминаний и литературно-публицистических сочинений своего отца [96]. В 1872 г. это сообщение было воспроизведено Бартеневым во вступительной заметке и двум отрывкам из записок Ф. Ростопчина (I, № 82а, с. 114). В 1889 г. А. Ф. Ростопчин в предисловии к предполагаемой тогда публикации записок снова отметил: «Покойный отец мой написал свои записки о 1812 годе в бытность в 1823 году в родовом имении своем селе Козьмо-Демианском, Орловской губернии, Ливенского уезда. Писание этих записок продолжалось не более трех недель...» [97]. В том же 1889 г. это указание было повторено (вслед за Поповым) и в «Русской старине», где был напечатан, наконец, полный текст записок Ф. Ростопчина (I, 82б, с. 725).

Однако датировка их летними месяцами 1823 г. неточна. А. Ф. Ростопчину было тогда всего 10 лет; вскоре по возвраще-

---

[95] *Попов А. Н.* Указ. соч., с. 6. В настоящее время этот автограф записок Ф. В. Ростопчина на французском языке находится в ЦГВИА (ф. ВУА, д. 3648, л. 84—125 об.).

[96] Materiaux en grande partie inédits pour la biographie, futur de comte Théodore Rostoptchine rassamblée par son fils: Tire à douze exemplaires. Bruxelles, 1864, p. 272.

[97] ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 2, д. 75, л. 3.

нии в Россию он был отдан в Пажеский корпус и спустя 40 лет, в 1864 г., когда впервые сообщил об этой дате, основывался лишь на смутных впечатлениях детства и семейных преданиях. Летом 1823 г. в Орловском имении записки Ростопчина не могли быть написаны уже хотя бы потому, что он вернулся в Москву из-за границы только 14 сентября [98] и до конца года никуда не выезжал. Это устанавливается по переписке А. Я. Булгакова — одного из ближайших друзей Ф. Ростопчина, его единомышленника и доверенного лица [99]. В 1812 г. он ведал секретными делами и дипломатическими сношениями Ростопчина и, после того как тот в 1823 г. появился в Москве, чуть ли не ежедневно виделся с ним; письма А. Я. Булгакова к брату, К. Я. Булгакову, сохранили массу подробностей о жизни Ростопчина в этот период. А. Я. Булгаков с живейшим интересом слушал его занимательные рассказы о всем виденном им на протяжении трех царствований, в том числе и об эпохе 1812 г. («проболтали до 7 часов вечера и все о кампании 12-го, 13-го и 14-го годов», — пишет он, например, в письме от 8 октября 1823 г.) [100], и не раз убеждал Ростопчина записать эти воспоминания. «Куда бы желательно, чтобы граф написал свои записки. Есть множество любопытных и весьма важных обстоятельств, кои сокроются навсегда от потомства со смертью графа и кои, право, клонятся к славе его. Я очень его просил заняться этим, ему стоило бы очень мало труда», — пишет Булгаков брату 20 декабря 1823 г. и тут же добавляет, что Ростопчин шутливо дал понять, что писать записки пока не собирается [101]. Ясно, что «важные обстоятельства» жизни Ростопчина, клонящиеся «к славе его», — это, конечно, события 1812 г., когда энергичные административные и пропагандистские усилия московского генерал-губернатора снискали ему шумную популярность и были возведены дворянской общественностью (в том числе и самим Булгаковым) в ранг высокого государственно-патриотического подвига.

По прошествии полутора лет в письме к К. Я. Булгакову от 19 июня 1825 г. он опять возвращается к этой теме и снова сетует на то, что Ростопчин так и не приступил к запискам: «Теперь у него много времени (как раз тогда Ростопчин и отправился в Козьмодемьянское [102]. — *А. Т.*), я его уговариваю писать свои Mémoires. Они, верно, не увидят света, покуда он жив, да ненадобно бы ему их и издавать» [103]. Таким образом, записки Ростопчина об Отечественной войне к середине июня 1825 г. еще не были составлены, датировать их надо скорее всего второй половиной того же года, так как уже 19 января 1826 г. Ростопчин скончался.

---

[98] Архив князя Воронцова. М., 1876, кн. 8, с. 453—454.
[99] Русский архив, 1901, № 4, с. 572, 576—593, 600, 601, 605—606.
[100] Там же, с. 587.
[101] Там же, с. 606.
[102] Архив князя Воронцова, кн. 8, с. 511—512.
[103] Русский архив, 1901, № 6, с. 190.

Еще один пример передатировки связан с упомянутыми выше записками М. Ф. Орлова «Капитуляция Парижа в 1814 году». Напомним, что они состоят из основного текста воспоминаний и трех развернутых примечаний (о национальном характере французов, Талейране и восстановлении Польши в 1815 г.). Публикаторы записок в академической серии «Литературные памятники» С. Я. Боровой и М. И. Гиллельсон, верно датируя примечания 1835 г., полагали, что сам текст воспоминаний был написан М. Орловым еще «по горячим следам событий в середине 10-х годов XIX в.». Одним из главных доводов в пользу этой датировки послужила, по мнению публикаторов, «почти протокольная точность в записи слов не только важнейших исторических лиц. . ., но и второстепенных участников событий» и вообще наличие в воспоминаниях таких подробностей, которые могли быть зафиксированы Орловым лишь в близкое к событиям время, «когда он хорошо помнил все детали военного характера». Кроме того, публикаторы считали, что разбросанные в «Капитуляции» отзывы об Александре I как о «великодушном и благородном государе» были типичны для взглядов М. Орлова «в середине 10-х годов», но никак не соответствовали его идейной эволюции «во второй половине 10-х годов» и в последующее время, когда он оказался «в лагере декабристов» (I, № 108д, с. 317).

Доводы эти представляются весьма спорными. Точная передача слов участников событий, иногда даже в форме прямой речи и диалогов, воспроизведение деталей военной обстановки сами по себе не свидетельствуют еще о возникновении воспоминаний в близкое к описываемой эпохе время. М. Ф. Орлов мог составлять их и много позднее, опираясь на поденные записи или какие-либо иные синхронные источники. Такая возможность вовсе не рассмотрена публикаторами, а до тех пор, пока она не будет исключена, этот их аргумент не получит доказательной силы. Ведь существует множество воспоминаний, написанных значительное время спустя после событий и тем не менее почти дословно излагающих сказанное их участниками.

Далее. Разделение идейно-политической биографии Орлова на «середину» и «вторую половину» 10-х годов совершенно искусственно. Понятие «середина 10-х годов» включает в себя, очевидно, 1815—1816 гг., но как раз в это время Орлов был поглощен революционно-конспиративными планами, направленными против самодержавного строя (уже 1814 г. датируется основание им первого в истории декабризма тайного политического объединения — Ордена русских рыцарей), и именно в «середине 10-х годов» в кругах военной молодежи, вернувшейся из заграничных походов, наступает разочарование в Александре I. Поэтому вряд ли тогда Орлов мог восхищаться в своих мемуарах его «великодушием и благородством». В этом отношении «середина» и «вторая половина» 10-х годов существенно между собой не различаются. Вместе с тем элементы такого отношения к Александру I в 30-х годах были более естественны для изменившихся после краха де-

кабристского движения воззрений самого Орлова (хотя справедливости ради надо признать, что в тексте «Капитуляции» встречаются и весьма критические высказывания в адрес царя), и для общей идеологической атмосферы этого времени с повышенным интересом к роли Александра I на завершающем этапе наполеоновских войн.

Обратившись же к тексту записок, мы без труда обнаружим признаки того, что они были написаны отнюдь не в «середине 10-х годов». Так, рассказывая о переговорах о сдаче Парижа с представителями французской стороны, Орлов прямо пишет, что забыл имя того или иного офицера, не раз оговаривает, что восстанавливает события по памяти (мне «помнится», «не приходит на память» и т. д.), а повествуя о приказе Наполеона взорвать Гренельский пороховой погреб, вспоминает: «*Впоследствии* я был коротко знаком с полковником Лескуром», которому было поручено выполнить этот приказ. Передавая подробности пребывания в штабе маршала Мармона вечером 18 марта 1814 г., Орлов как бы вскользь замечает: «В это время и *долго после того* русские пользовались у французов гораздо большей благосклонностью, чем другие нации» (I, № 108д, с. 6, 11, 13, 17—21. Курсив мой. — *А. Т.*). Ясно, что в такой манере писать о событиях 1814 г. Орлов мог лишь по прошествии длительного срока.

Думается, сказанного достаточно, чтобы признать более позднее происхождение записок Орлова. Над их текстом в целом он, видимо, работал еще во второй половине 20-х годов. В письме П. А. Вяземскому от 23 сентября 1828 г. из калужского имения Милятино, куда он был сослан после процесса над декабристами, Орлов писал, что перед ним «десяток разных сочинений, печатных и неоконченных... Тут соединены исторические, драматические, литературные предметы с наукою и экономиею политическою...» (I, № 108д, с. 242). Совсем не исключено, что под «историческими» предметами Орлов подразумевал именно свои мемуары о поистине исторических событиях первой четверти века, в которых он столь деятельно участвовал, ибо, насколько известно, никакими трудами на исторические темы он в то время не занимался. Оформление же фрагмента этих мемуаров, посвященного завершающей стадии наполеоновских войн, причем не только примечаний (как полагали Боровой и Гиллельсон), но и основного текста воспоминаний, относится к осени 1835 г. Помимо приведенных выше писем Орлова к А. Михайловскому-Данилевскому, это подтверждается косвенно письмом А. Я. Булгакова к брату от 7 октября 1835 г., где он сообщает, что на днях в одном из московских салонов Орлов «прочел отрывок из своего описания Капитуляции Парижа, которую он заключил с маршалом Мармоном по приказанию императора Александра» [104].

Резюмируем сказанное. Результаты датирования опубликованных мемуаров отражены в Перечнях I и II. С помощью охарактеризованных выше приемов было установлено время создания

[104] Там же, 1906, № 9, с. 128.

около 270 произведений — такой комплекс мемуарных источников не подвергался еще в нашей литературе сплошной датировке. Большая их часть датирована вообще впервые, хронология составления ряда мемуаров была уточнена, датировка некоторых памятников, ранее определенная в литературе, пересмотрена в свете более внимательного прочтения мемуарных текстов и привлечения ранее неизвестных историко-биографических данных, но так или иначе все это потребовало, как мы видим, специальных источниковедческих разысканий.

Следует подчеркнуть, что степень точности датирования мемуаров неодинакова. В одних случаях оно производилось в достаточно сжатых и совершенно адекватых времени их создания хронологических рамках, в других — в более протяженных интервалах, но с обозначением начальной и конечной дат с точностью до года, в ряде случаев датировка оказывалась возможной лишь в приблизительных величинах, например в пределах одного десятилетия или рубежа двух десятилетий. Но и это вполне допустимо, если принять во внимание, что целью настоящей работы является не абсолютно точная датировка каждого мемуарного памятника, а построение общей хронологии выявленного корпуса мемуаров, с тем чтобы раскрыть процесс развития русской мемуаристики 1812 г. в течение ряда десятилетий.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКОЙ МЕМУАРИСТИКИ 1812 ГОДА

Мы уже указывали, что русская мемуаристика 1812 г. представлена главным образом опубликованными произведениями, т. е наиболее заметной, активно включавшейся в общественную жизнь частью мемуарной литературы. Соприкасаясь с обыденными историческими представлениями, научно-исторической мыслью, исторической публицистикой, она постоянно взаимодействовала с литературно-эстетическими течениями, книгоиздательством, журналистикой, остро реагировала на отклики критики и читательской аудитории. Целостная картина столь многогранного и динамичного явления духовной культуры может быть выражена, на наш взгляд, не простой суммой многих, но частных признаков, как бы ни был важен каждый из них в отдельности, а небольшим числом показателей, концентрирующих в себе ведущие тенденции этого развития, его детерминированность в конечном счете общественно-идейной жизнью эпохи. Такими показателями мы считаем, во-первых, хронологию самого процесса мемуаротворчества и, во-вторых, хронологию движения мемуарных публикаций. Вряд ли можно оспаривать, что построение этих двух хронологических рядов составляет необходимую предпосылку и фундамент изучения всякого изменяющегося на протяжении длительного времени множества мемуарных произведений, а их совмещение позволяет получить наиболее объективные данные о различных

сторонах развития мемуарной литературы и прежде всего источниковедчески обоснованную его периодизацию.

Заметим, что это представляет интерес не только с точки зрения задач настоящей работы, но и в более широком методическом плане, ибо при наличии определенного массива мемуарных источников, относящихся к какому-то крупному историческому явлению, нам обычно не известны ни общие хронологические параметры данного массива, ни его распределение по различным периодам, что далеко не маловажно для познания самих этих источников и характера отражения в них событий прошлого.

Выше уже отмечалось, что преимущественный интерес для нашей темы имеют мемуары, специально посвященные эпохе 1812 г. Поэтому хронологии возникновения и публикаций данного круга источников мы и уделим основное внимание, не пренебрегая в случае надобности соответствующими сведениями и по группе мемуаров с более обширным временным охватом.

Обратимся к анализу первого хронологического ряда. Зафиксированные в Перечнях I и II итоги датирования корпуса мемуаров сгруппированы по десятилетиям и сведены в таблицу (см. с. 139) с раздельным обозначением группы мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., и группы мемуаров с более обширным временным охватом. Причем, если мемуарный памятник создавался на протяжении двух или более десятилетий (например, записки А. П. Ермолова, «Дневник партизанских действий» Д. В. Давыдова), в таблице он отмечался только один раз — в пределах того десятилетия, на которое приходится начало работы над ним. Мы исходим при этом из той посылки, что в самом моменте возникновения воспоминаний, в начальных импульсах мемуаротворчества и проявлялась ярче всего его зависимость от общественно-идейных условий эпохи. Правда, при таком подходе в таблице не учитывается реальная история создания отдельных мемуаров, но, во-первых, их последующая судьба получит отражение в историко-источниковедческой характеристике состояния мемуарной литературы по периодам и, во-вторых, число подобных случаев в нашем материале вообще невелико — 13 произведений (I, № 41, 66, 67, 80, 153, 158, 159, 182; II, № 7, 9, 37, 69, 92). Главное же, указанный подход позволяет охватить в целом русскую мемуаристику 1812 г., представив ее развитие в точных формализованно-количественных показателях.

При рассмотрении этих показателей надо, однако, учитывать, что они не поддаются столь же однозначному толкованию, как сведенные в статистические ряды цифровые данные по массово-однородным документам, которые непосредственно и «сиюминутно» фиксируют порождающие их процессы. Такое качественно сложное явление духовной жизни, как мемуары, специфически реагирует на внутреннюю и внешнюю конъюнктуру. Например, возникший в определенном году интерес в обществе к событиям прошлого, как правило, не влечет за собой автоматически появления в том же году посвященных этим событиям

воспоминаний. Их создание, а тем более публикация опосредованы множеством идейно-психологических и общественно-политических обстоятельств долговременного действия. Поэтому цифровые показатели хронологии создания и публикации мемуаров адекватно могут быть объяснены в масштабе более протяженных отрезков времени.

Годы	Мемуары, специально посвященные эпохе 1812 г.		Мемуары с обширными временными рамками	
	в абсол. числах	в %	в абсол. числах	в %
1812—1819	76	26	9	8
1820—1829	21	7	12	10
1830—1839	62	21	16	14
1840—1849	20	7	7	6
1850—1859	31	11	25	21
1860—1869	24	8	23	19
1870—1879	40	14	18	15
1880—1889	16	5	5	4
1890—1899	2	0,7	2	2
1900—1909	1	0,3	1	1
Итого	293	100	118	100

Очертим сперва общие хронологические рамки, в которые укладывается корпус мемуаров об эпохе 1812 г.

Первые мемуары возникли, как видно из таблицы, в самом 1812 г. Это были изданные еще в первой декаде октября описания французской оккупации Москвы очевидцами событий. Речь идет об упомянутых выше «Замечаниях действий французов» П. А. Волконского и «Обстоятельном известии о чудесном спасении вдовы генерал-майорши Н. М. при нашествии в Москву французов в 1812 году». Двумя этими произведениями и открывается история русской мемуаристики 1812 г. Ее конечные грани падают, естественно, на то время, когда умирают последние современники наполеоновских войн. Проблема ухода из жизни людей этого поколения с середины XIX в. привлекает, как мы видели, пристальное общественное внимание в России.

Что касается самих участников событий той эпохи, то надо иметь в виду максимальную продолжительность жизни этого поколения. Попасть в ряды армии и вообще сознательно воспринимать все, что пришлось тогда увидеть и пережить, могли лишь люди, которым в 1812 г. исполнилось не менее 17—18 лет, т. е. родившиеся не позднее середины 90-х годов XVIII в. Предельный срок их жизни падает на 80-е годы XIX в. (здесь речь идет, конечно, о единичных остатках поколения 1812 г.: в подавляющем большинстве оно сошло в могилу еще в предшествующие десятилетия), ведь тому, кто появился на свет, скажем, в 1795 г., в 1885 г. было уже 90 лет.

И действительно, в 1880 г. умирает 90-летний И. П. Липранди и 94-летний Ф. Н. Глинка, в феврале 1886 г. — 93-летний М. И. Муравьев-Апостол. В июне 1888 г. на 97-м году жизни окончил свои дни в Калуге и был с воинскими почестями похоронен генерал-майор А. Я. Миркович, встретивший войну 20-летним конногвардейским офицером (видимо, последний ветеран войны 1812 г., о чем тогда же сообщалось в русской военной прессе[105]).

Таблица отчетливо показывает, что именно в 80-х годах (точнее, к середине десятилетия) иссякают воспоминания участников Отечественной войны и заграничных походов, специально им посвященные. Из 16 созданных в эти годы произведений только три принадлежат непосредственным участникам событий, причем это не собственноручные авторские повествования, а лишь записи их устных воспоминаний. Последние из них — краткие мемуарные заметки о Бородинском сражении, продиктованные в конце 1885 г. М. И. Муравьевым-Апостолом в виде отклика на напечатанные в октябрьской книжке «Русского архива» за тот же год «Записки» его родственника и боевого товарища Н. Н. Муравьева-Карского (I, № 290). Близко знавший М. И. Муравьева-Апостола В. Е. Якушкин, указывая на то, что еще накануне смерти он «поражал свежестью своей памяти на прошлое», сослался в виде примера именно на эти заметки, по поводу которых престарелый декабрист, по словам Якушкина, объяснялся затем с «лично приехавшим для того к нему г. Бартеневым»[106].

Несколько более поздним временем датируются последние воспоминания о 1812 г. лиц, которых война застала в детском или отроческом возрасте; некоторые из них дожили даже до 90-х годов. Например, в 1892 г. умирает 88-летний декабрист Д. И. Завалишин, в 1893 г. — 86-летняя поэтесса и переводчица К. К. Павлова, пережившие детьми наполеоновское вторжение. В 1899 г. в возрасте 91-го года скончалась дочь управляющего шереметевскими имениями П. Н. Татлина, незадолго до смерти составившая автобиографические записки с описанием детских впечатлений от пожара Москвы и возвращения в разоренный город в 1812 г. («С этим годом соединяются первые воспоминания в моей жизни», — так начинается ее рассказ). Вероятно, это хронологически последний мемуарный труд современника той эпохи (II, № 116).

Определяя конечные хронологические рамки русской мемуаристики 1812 г., мы должны учитывать, однако, мемуары не только самих его современников, но и представителей следующих за ними поколений — их воспоминания, содержащие записи рассказов старших по возрасту свидетелей событий того вре-

---

[105] *Ярхо К.* Из Калужской старины: Ветеран войны 1812 года в Калуге. — В кн.: На берегах Оки. Литературно-художественный сб. Тула, 1971, с. 15.

[106] Русская старина, 1886, № 7, с. 168.

мени, неотъемлемой частью входят в состав источников по нашей теме.

Отдельные произведения этого рода, специально посвященные эпохе 1812 г., создавались также еще в конце XIX в. Так, чиновник Московского архива Министерства юстиции Н. И. Тихомиров, родившийся в 1819 г., только во второй половине 90-х годов записывает услышанные им в 20—30-х годах от своих родных, испытавших невзгоды неприятельского нашествия, воспоминания о жизни и быте московского духовенства в 1812 г. (I, № 292). Сходный по тематике и происхождению характер имеют и воспоминания А. Н. Лебедева, составленные по семейным преданиям в 1898 г. (главным образом по рассказам деда автора — в 1812 г. священника церкви Николы в Зарядье) (I, № 291). 1900 г. датируется запись Д. В. Губерти рассказа случайно встреченного им еще в 80-х годах «древнего старика» — послушника Голутвинского монастыря — о том, как он, будучи в 1812 г. дворовым, отыскивал на Бородинском поле тяжело раненных в сражении отца Д. Губерти и двух его братьев (I, № 293).

Весьма любопытны в том же плане воспоминания видного представителя московской буржуазии второй половины XIX в. Н. А. Найденова. Автор, родившийся в 1834 г., по сообщениям старших членов семьи и фамильным документам воссоздал историю купеческого рода Найденовых с середины XVIII до 70-х годов XIX в., включив в это повествование и неоднократно слышанные им рассказы о 1812 г. своего отца (и даже его собственные записи), в частности о зловещей расправе Ф. Ростопчина с М. Н. Верещагиным, о полицейско-административном рвении московского губернатора и его крикливых афишах, о патриотических настроениях москвичей, откликах на пожар и т. д. (II, № 118, т. I, с. 58—63).

Знаменательно, что эти воспоминания, ярко передававшие живую атмосферу 1812 г., были записаны 91 год спустя, в 1903 г., в канун величайших социальных потрясений нового века, явившись вообще последними в ряду опубликованных русских мемуаров об эпохе 1812 г. После 1903 г. произведения этого рода в отечественной мемуаристике более не прослеживаются[107].

В свете приведенных данных мемуаротворчество на темы 1812 г. предстает перед нами как длительный культурно-исторический процесс, как стойкая мемуарная традиция, уходящая своими корнями в 1812 г. и не прерывающаяся в течение трех

---

[107] Из русских мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., самым последним следует, видимо, считать оставшееся в рукописи «Мое воспоминание. Из рассказов дедушки Сергея Яковлевича Богданчикова». Рассказы эти, услышанные внуком упомянутого в заглавии участника наполеоновских войн М. А. Богданчиковым еще в детстве (в 1860 г.), были записаны им только в 1911 г. в возрасте 63 лет. Накануне 100-летнего юбилея Отечественной войны М. А. Богданчиков прислал их в Особый комитет по устройству Музея 1812 г. в надежде, как он сам писал, получить «какое-либо хотя вознаграждение... за заслуги дедушки моего» (ОПИ ГИМ, ф. 160, д. 339, л. 34—44).

четвертей века, если ограничиться воспоминаниями непосредственных участников событий, и целого столетия, если иметь в виду все позднейшие формы существования этой традиции. Видимо, ни одно другое явление русской истории XIX в. не оставило после себя такого протяженного во времени потока мемуарной литературы, как эпоха 1812 г.

Далее. Таблица наглядно выявляет хронологическое распределение массива мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., внутри этого почти столетнего периода. Расчленим его сначала на две примерно равные исторические эпохи, рубежом между которыми является падение крепостного права. Первая (1812—1859 гг.) включает 210 произведений, или 72% их общего числа, вторая (1860—1903 гг.) — всего 83 произведения, или 28%, т. е. три четверти мемуаров было создано еще в дореформенную эпоху.

Распределим теперь наш массив по 30-летиям:

На 1812—1839 гг.	приходится	159	произведений	(54%)
На 1840—1869 гг.	»	75	»	(26%)
На 1870—1903 гг.	»	59	»	(20%)

Следовательно, более половины мемуаров возникло в первые 25—30 лет после Отечественной войны. До 70-х же годов было создано 80% всех мемуаров.

Но всего существеннее дифференцированные данные по десятилетиям. Они позволяют выявить реальную динамику процесса мемуаротворчества, приблизив ее к конкретно-историческим условиям эпохи.

Как видно из таблицы, уже 1812—1819 гг. дают высокий подъем: в это время было создано (или начато) 76 произведений, что составляет 26% всех мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г. Причем наиболее продуктивны в этом отношении годы самой войны: на 4-летие (с 1812 по 1815 г.) приходится 45 произведений, или 15% общего их числа. В 20-е годы наблюдается резкий спад — более чем в 3 раза (21 произведение, или 7%). 30-е годы отмечены новым подъемом — 62 произведения, или 21%. 40-е годы дают опять существенное понижение — до тех же 7%. В 50-е годы соответствующие показатели несколько повышаются, но в 60-е годы как будто бы снова падают. Однако средние данные по этим двум десятилетиям затушевывают действительную картину движения мемуаристики: оно относительно замедлено в первой половине 50-х годов и, как увидим далее, более активно во второй половине 50-х—начале 60-х годов. Поэтому в пределах названных десятилетий целесообразно выделить 1855—1864 гг., когда возникло 32 произведения, или 11% общего их числа. С 70-ми годами связано новое повышение: количество мемуаров достигает 40 названий (14%), после чего в 80-х годах мемуаротворчество, как уже отмечалось, почти совсем затухает.

Таким образом, наблюдения над таблицей рельефно обрисовывают на протяжении XIX в. четыре периода наиболее интенсивного мемуаротворчества: период самой войны и близкое к ней время — 1812—1819 гг; 30-е годы; вторая половина 50-х—первая половина 60-х годов; 70-е годы XIX в.

Рассмотрим теперь второй хронологический ряд. Общее представление о нем дают таблицы погодной динамики движения публикации за весь дореволюционный период (1812—1916 гг.), построенные по материалам Перечней I и II также раздельно для мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., и для мемуаров с более обширными временными рамками (Приложения, табл. 1 и 2).

Надо, однако, заметить, что в анализе погодной динамики движения публикаций различие между двумя этими группами с практической точки зрения не является столь жестким, как в тех случаях, когда речь идет о самом процессе возникновения мемуаров. Дело не только в том, что во многих опубликованных в XIX—начале XX в. воспоминаниях описание событий 1812—1815 гг. занимало главенствующее место, и поэтому они могли восприниматься читательской средой как преимущественно им и посвященные. Ввиду особого интереса широких общественных и научных кругов к эпохе 1812 г. в публикации мемуаров начиная примерно с 60-х годов стал складываться обычай, когда из более пространного текста записок того или иного мемуариста вычленялись тексты об этой эпохе, которые именно в таком урезанном виде и печатались в газетах, журналах и даже отдельными изданиями. Так, из упомянутых выше автобиографических записок К. И. Арсеньева, охватывавших несколько десятилетий его жизни, был извлечен небольшой отрывок об откликах в Петербурге и Петрозаводске на войну 1812 г. и напечатан в 1866 г. в одной из провинциальных газет (II, № 33). В 1903 г. в «Бумагах Щукина» — издании, исключительно рассчитанном на публикацию исторических материалов об Отечественной войне, — был помещен мемуарный очерк А. Ф. Воейкова о взаимоотношениях Кутузова и Беннигсена в 1812 г., но и это лишь фрагмент из гораздо больших по объему и напечатанных еще в 1868 г. записок А. Воейкова о военно-политических событиях конца XVIII—начала XIX в. (II, № 29). Еще более показательна судьба публикаций «Воспоминаний о моем времени» А. П. Бутенева, известного дипломата, ведавшего в 1812 г. дипломатической канцелярией штаба Багратиона. Рукопись воспоминаний, состоящая из 4 частей, с описанием жизни автора с 1795 по 1814 г. в начале 80-х годов была передана его сыном, К. А. Бутеневым, П. И. Бартеневу и тогда же целиком опубликована в «Русском архиве». В 1911 г., в преддверии 100-летнего юбилея Отечественной войны, К. Бутенев выделил из них лишь тексты, касавшиеся 1812 г., и выпустил их отдельной книгой под названием, создававшим совершенно неверное представление о составе мемуаров его отца: «Воспоминания А. П. Бутенева о 1812 годе»

(II, № 73). Но даже и тогда, когда принадлежность подобных отрывков к целостным мемуарным повествованиям точно оговаривалась при их публикации, реально они функционировали и в общественно-историческом обиходе наравне с воспоминаниями, действительно посвященными только эпохе 1812 г., и не искушенному в археографических тонкостях читателю трудно было провести четкую грань между теми и другими. Поэтому, если мы хотим дать исторически достоверное представление о движении публикаций мемуаров об эпохе 1812 г., следует принять во внимание обе указанные их группы.

Рассмотрим начальную колонку таблицы по первой группе мемуаров (см. Приложения, табл. 1). В ней зафиксирована погодная динамика общего числа публикаций. Выясняется, что с 1812 по 1916 г., т. е. в течение 105 лет, только 5 лет (1827, 1833, 1851, 1893, 1915 гг.) не отмечены публикациями мемуаров об эпохе 1812 г. Если наложить на это соответствующие данные таблицы по второй группе мемуаров (Там же, табл. 2), то и здесь оказываются незаполненными в общей сложности 5 лет (1850, 1852, 1853, 1895 и 1916 гг.), но это уже другой временной ряд, не совпадающий с тем, который характерен для первой группы. Значит, в те годы, когда не публиковались мемуары, специально посвященные эпохе Отечественной войны, выходили в свет мемуарные тексты о ней в составе обширных по хронологическому охвату воспоминаний.

Проследим далее динамику движения первичных публикаций. По первой группе они не зарегистрированы только в 1841, 1876 и 1892 гг. По второй группе первичные публикации не значатся в 1861, 1869, 1882, 1888, 1905, 1906 и 1915 гг., но и в этом случае мы имеем не совпадающие между собой, а поэтому и взаимонейтрализующие временные ряды.

Эти сопоставления убедительно свидетельствуют о чрезвычайно высокой насыщенности в печати дореволюционной России мемуарных публикаций об эпохе 1812 г. На протяжении более чем 100-летнего периода не было ни одного года, когда не печатались бы мемуары, так или иначе освещавшие эту эпоху, и ежегодно вводились в общественно-историографический оборот новые мемуарные тексты — уже само по себе это является фактом большого культурно-исторического значения.

На основе таблицы погодной динамики движения публикаций по первой группе возможно выявить их распределение по крупным историческим периодам (Приложения, табл. 4). В отличие от хронологии возникновения мемуаров этой группы, преобладающая часть которых (72%) была создана еще в дореформенную эпоху, хронология их публикаций дает прямо противоположное соотношение: на дореформенный период приходится всего 35% публикаций, на пореформенный — 65%, т. е. две трети. Если в первые 25—30 лет после 1812 г. возникло более половины всех мемуаров (54%), то в этот же период количество публикаций составило всего 20%. То обстоятельство, что большинство

публикаций мемуаров, посвященных эпохе 1812 г., падает на вторую половину XIX—начало XX в., в общих чертах представляется вполне объяснимым. Здесь имели значение и замедленные вообще темпы введения в оборот мемуаров как источников личного происхождения, и необычайно стойкий в России на протяжении всего дореволюционного периода интерес к эпохе 1812 г.

Большего внимания требуют к себе дифференцированные показатели о распределении мемуарных публикаций этой группы по десятилетиям (Там же, табл. 3). В известной мере они совпадают с изложенными выше наблюдениями относительно динамики процесса мемуаротворчества. В самом деле, на 1812—1819 гг. приходится 41 публикация, из них более половины — 23 названия — падает на военное 4-летие. 20-е годы отмечены значительным спадом: число публикаций — 16 названий — понижается в 2,5 раза. В 30-е годы наступает новый подъем: число публикаций — 46 названий; в 40-е годы их число понижается до 40, вторая половина 50-х—первая половина 60-х годов дают в свою очередь высокие показатели — 51 публикация; наибольшее же их повышение — 76 названий — приходится на 70-е годы XIX в.

Напомним, что для шкалы хронологии возникновения мемуаров характерен аналогичный ритм и те же самые периоды подъема и спада.

Не менее наглядные результаты (хотя в пределах только первой половины XIX в.) дает сопоставление с хронологией возникновения мемуаров данных о распределении по десятилетиям численности отдельных изданий мемуаров в виде книг и брошюр (Приложения, табл. 1, 3). Отдельными изданиями выпускались крупные не только по размерам, но и по исторической значимости и литературным достоинствам воспоминания, с которыми чаще всего и связаны наибольшие достижения в развитии мемуаристики. Ясно, что этот специфический показатель является более точным индикатором степени целеустремленности публикаторских усилий в области мемуаристики, равно как и общественного интереса к ней, нежели суммарное число всех мемуарных публикаций, растворенных во множестве газет, журналов, сборников и т. д.

В 1812—1819 гг. зарегистрировано 11 отдельных изданий мемуаров, специально посвященных эпохе Отечественной войны (причем они целиком приходятся на военное 4-летие — это составляет 50% всех мемуарных публикаций за данные годы). В 20-е годы было выпущено всего одно отдельное издание. В 30-е годы опять существеннейшее увеличение: число отдельных изданий мемуаров повышается до 19 — тоже около половины публикаций, выпущенных в этот период, и 30% вообще всех отдельных изданий мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г. Наконец, в 40-е годы мы наблюдаем новое понижение — до 3 отдельных изданий.

Таким образом, можно констатировать одинаковые в целом периоды подъема и спада, своего рода синхронность колебаний динамики движения публикаций и процесса мемуаротворчества — вывод, имеющий для нас принципиальное значение, ибо само совпадение этих двух хронологических рядов, характеризующих наиболее существенные стороны развития мемуаристики, убедительно и надежно обосновывает его периодизацию.

Как же вписывается эта периодизация в общие рамки развития русской мемуарной литературы XIX в., главным образом первой его половины? Наиболее полно и убедительно ответить на этот вопрос можно было бы на основе построения и для всей мемуарной литературы указанного периода двух хронологических рядов — хронологии создания мемуаров и хронологии движения их публикаций.

Однако при нынешнем уровне изученности этой литературы, до тех пор, в частности, пока не датирован сплошь весь массив ее памятников, единственным способом выявления в количественных показателях места в ней мемуаристики 1812 г. остается сопоставление данных о движении публикаций мемуаров, вышедших в пределах первой же половины XIX в. Мы полагаем при этом, что общее состояние мемуарной литературы того или иного периода выражается суммарным числом *всех* появившихся на его протяжении публикаций мемуаров независимо от хронологии отраженных в них событий. Поэтому непременно должны быть приняты во внимание публикации мемуаров и о XVIII в., которые в первой половине XIX в. и начинают постепенно вводиться в общественно-исторический оборот. Только таким путем можно составить исторически конкретное представление о месте мемуаристики 1812 г. в реально существовавшем тогда репертуаре мемуарных памятников, о том, какую роль она играла в общем круге мемуарного чтения современников, в формировании их исторических интересов и т. д.

Публикации мемуаров о XVIII и первой половине XIX в. (до 1859 г.) учтены по упомянутому выше библиографическому справочнику, подготовленному под руководством П. А. Зайончковского[108]. В результате составлена (подобно тому как это было сделано в отношении мемуаров об эпохе 1812 г.) таблица погодной динамики движения мемуарных публикаций, относящихся к XVIII и к первой половине XIX в. — по каждому из этих периодов раздельно (не воспроизводя здесь этой таблицы, используем далее интересующие нас ее показатели). Сведения

---

[108] ИДРДВ. М., 1976, т. I (XV—XVIII в.); М., 1977, т. II (1801—1856 гг.), ч. 1; М., 1978, т. II, ч. 2. По своему составу справочник не совпадает с предметом нашего изучения — собственно русскими мемуарами; с одной стороны, уже его, поскольку не фиксирует газетных публикаций, с другой — шире, ибо регистрирует дневники русских деятелей, воспоминания и дневники о России иностранцев, многочисленные описания путешествий и т. д. Для выделения мемуаров русского происхождения пришлось поэтому данные справочника подвергнуть пересчету.

о мемуарных публикациях за тот же период по самой эпохе 1812 г. (за вычетом газетных публикаций) почерпнуты из указанной выше таблицы погодной динамики публикаций мемуаров, специально посвященных этой эпохе.

В дореформенный период — с 1812 г. (мы принимаем этот год за исходную точку отсчета) до 1859 г., т. е. в течение 48 лет, — не отмечено мемуарными публикациями: по XVIII в. — 6 лет (1812, 1813, 1814, 1816, 1832, 1854 гг.); по первой половине XIX в. — 8 лет (1812, 1813, 1814, 1815, 1825, 1826, 1827, 1832 гг.). Поскольку в этих временных рядах некоторые годы совпадают, всего по обеим группам не отмечено публикациями 10 лет, тогда как по эпохе 1812 г. публикации в рамках того же дореформенного периода не зафиксированы всего 3 раза — в 1827, 1833, 1851 гг. Следовательно, по степени насыщенности публикациями мемуаристика 1812 г. превосходила остальную русскую мемуарную литературу первой половины XIX в.

Сведем далее показатели общего количества публикаций из таблицы их погодной динамики в следующую сводную таблицу по десятилетиям:

Годы	Всего по XVIII—1-й пол. XIX в.		По XVIII в.		По 1-й пол. XIX в.		По эпохе 1812 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1800—1809	1	—	1	—	—	—	—	—
1810—1819	62	100	14	23	9	14	39	63
1820—1829	45	100	21	47	8	18	16	35
1830—1839	78	100	14	18	29	37	35	45
1840—1849	140	100	48	34	61	44	31	22
1850—1859	191	100	25	14	139	67	27	19
Итого	517	100	123	24	246	47	148	29

Из суммарного числа публикаций всех русских мемуаров (517 названий) мемуарные публикации по эпохе 1812 г. (148 названий) составляют 29%. Это значит, что более четверти всех мемуарных публикаций, появлявшихся в России на протяжении первой половины XIX в., было посвящено эпохе 1812 г. По отношению к численности мемуарных публикаций по первой половине XIX в. (246 названий) эта величина составляет 60%, количество же публикаций по XVIII в. (123 названия) даже превосходит на 20%.

Рассмотрим теперь показатели сводной таблицы в хронологической динамике.

По XVIII в. на 1800-е годы приходится всего одна, а на период с 1810 по 1819 г. — 14 публикаций, из которых 5 вышли в 1810 и 1811 гг., а остальные 9 — после 1815 г. В 20-х годах XIX в. число публикаций увеличивается до 21 названия, в 30-е годы падает до 14, находясь в эти два десятилетия на относительно

невысоком уровне. Положение меняется в 40-е и 50-е годы, когда выходит соответственно 48 и 25 публикаций.

По началу XIX в., на 1810—1819 гг., приходится лишь 9 публикаций, причем все они относятся ко второй половине десятилетия; вплоть же до 1815 г. — и это надо подчеркнуть особо — не появилось ни одной публикации мемуаров, посвященных событиям недавно начавшегося столетия (исключая, конечно, в этих подсчетах мемуарные публикации по эпохе 1812 г. — о них речь далее). В 20-е годы насчитывается лишь 8 публикаций, и в целом в эти два десятилетия их количество сравнительно с тем же периодом по XVIII в. остается на еще более низком уровне, но в 30-е годы заметно повышается — до 29 названий. Однако наиболее ощутимый скачок дают опять же 40-е и 50-е годы — 61 и 139 публикаций.

Таким образом, в XIX в. развитие русской мемуарной литературы, если судить о нем по такому важному признаку, как движение мемуарных публикаций, начинается фактически только по завершении наполеоновских войн, в последующую четверть века идет замедленными темпами (особенно это характерно для 1815—1829 гг.), но в 40-х и более всего в 50-х годах переживает высокий подъем. Бурный рост в этот период мемуаристики, выразившийся в громадном увеличении мемуарных публикаций, объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, общественным подъемом 50-х годов — оживлением печати, смягчением цензурных стеснений, обострением интереса к прошлому, открывшейся возможностью публичного освещения многих его ранее запретных сторон и т. д. Во-вторых, Крымской войной — крупнейшим после 1812 г. военно-политическим событием национального значения, уже во второй половине 50-х годов породившим целый поток воспоминаний его современников: только на эти годы приходится 97 мемуарных публикаций из 139 за все десятилетие.

Как же выглядит на этом фоне мемуаристика 1812 г.?

Из абсолютных показателей приведенной выше сводной таблицы нетрудно заметить, что в динамике движения мемуарных публикаций по эпохе 1812 г. обнаруживается тенденция, противоположная той, которая была характерна для остальной русской мемуарной литературы дореформенного периода. Она обнажится еще отчетливее, если проследить изменение удельного веса мемуарных публикаций по эпохе 1812 г. в общей сумме публикаций всех русских мемуаров за те же десятилетия.

Самые высокие показатели (63 и 45%) падают на 10-е и 30-е годы, отмеченные, как уже указывалось, наивысшим в дореформенной России подъемом мемуаристики 1812 г. Некоторое понижение относительной доли публикаций в 20-е годы (35%) произошло, во-первых, вследствие приходящегося как раз на данный период спада в ее развитии и, во-вторых, благодаря более интенсивной, чем в 10-е и 30-е годы, публикации мемуаров по XVIII в., главным образом в «Отечественных записках», где

появилась половина всех вышедших в 20-е годы публикаций этой группы (11 из 21). Тем не менее и в 20-е годы удельный вес мемуарных публикаций по 1812 г. достаточно внушителен, особенно в сравнении со значительным его падением в 40—50-е годы (22 и 19%), но даже и тогда публикации по эпохе 1812 г. не утрачивают своих позиций, составляя пятую часть публикаций всех русских мемуаров, вышедших в эти десятилетия.

Сгруппируем теперь данные об удельном весе укрупненно по 1810—1839 и по 1840—1859 гг. По отношению к общему количеству публикаций всех русских мемуаров, вышедших в 10—30-е годы XIX в., удельный вес публикаций по эпохе 1812 г. за эти же десятилетия составлял почти 50% (90 из 185), а к общему количеству публикаций всех русских мемуаров, вышедших в 40—50-е годы, — только 17% (57 из 330).

Итак, до 40-х годов XIX в. мемуарные публикации по эпохе 1812 г. явно превалировали над публикациями остальных русских мемуаров, и в этом отношении послевоенное 30-летие заслуживает более пристального рассмотрения.

В 10-е годы численность мемуарных публикаций по эпохе 1812 г. превосходит тот же показатель по началу XIX в. более чем в 4 раза (39 против 9), что еще не вскрывает подлинного их места в это десятилетие. Дело в том, что, как уже отмечалось, до 1815 г. включительно не появилось вообще ни одной публикации мемуаров о событиях начала XIX в., по эпохе же 1812 г. до 1815 г. вышло в свет уже более 20 мемуарных публикаций — факт исключительного для нашей темы значения. В 20-е годы мемуарные публикации по этой эпохе превышают публикации остальных мемуаров по XIX в. в 2 раза (16 против 8), в 30-е годы — на 18% (35 против 29). Весьма солидным было превышение этого показателя и над соответствующими данными по XVIII в., например, в 10-х (39 публикаций против 14) и в 30-х годах (35 против 14) — в два с половиной и более раза.

Столь же выразительны и показатели удельного веса мемуарных публикаций об эпохе 1812 г. по таким качественно дифференцированным признакам, как отдельные издания мемуаров и повторные публикации. В пределах рассматриваемого 30-летия в общей массе тех и других показатели по 1812 г. намного превышали аналогичные данные по XVIII и первой половине XIX в. Отдельные издания составляли в первом случае 74%, во втором — 12, в третьем — 14; повторные публикации соответственно — 50; 12; 38%.

Исходя из сказанного можно считать твердо установленным господствующее положение мемуаристики 1812 г. в русской мемуарной литературе первых четырех десятилетий XIX в., разумеется постольку, поскольку она была представлена тогда в печати. Более того, мы видим, что в 30-летие, последовавшее за Отечественной войной, эта литература в значительной (а в первые послевоенные годы в абсолютно преобладающей) мере развивалась за счет мемуаристики 1812 г.

Глава IV

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ МЕМУАРИСТИКИ 1812 ГОДА

Сменяющие друг друга подъемы и спады в движении мемуаристики 1812 г. ни сами по себе ни тем более в общем контексте русской мемуарной литературы не могут быть истолкованы как результат сугубо спонтанного развития или некой исторической случайности. Намеченную выше периодизацию следует рассматривать прежде всего как производное от эволюции общественных интересов в России к эпохе 1812 г., проявлявшихся в сфере официальной идеологии, общественной мысли, историографии и исторических представлений вообще. Иными словами, речь идет о том, чтобы объяснить развитие мемуаристики через призму осмысления различными идейными течениями опыта и наследия 1812 г., его влияния на исторические судьбы страны.

Однако это связано с существенными трудностями, ибо вопрос о том, как стояла проблема 1812 г. в общественно-исторической мысли России XIX в., какую роль играла она на различных стадиях духовной жизни, не только не изучен в нашей историографии, но и не выдвинут как самостоятельная исследовательская задача. Эта большая тема должна явиться предметом монографического изучения, что, разумеется, выходит за пределы настоящей работы. И все же нам придется специально коснуться некоторых аспектов этой темы в той мере, в какой это необходимо для понимания общих условий развития русской мемуарной литературы об эпохе 1812 г. в отдельные исторические периоды.

Поскольку основная ее часть была создана, как уже указывалось, в течение примерно первых 60 лет после Отечественной войны, на периодах подъема мемуаристики в пределах этого 60-летия мы и сосредоточим преимущественно внимание.

1812—1819 ГОДЫ

Русская мемуарная литература этого времени, если подходить к ней как к факту духовной жизни русского общества, не будет верно понята вне тех глубинных социально-психологических сдвигов, которые принес с собой 1812 год. Небывалый до того подъем национального самосознания и политическое пробуждение, впервые затронувшие народную массу [1], способство-

вали, по словам В. Г. Белинского, «зарождению публичности как началу общественного мнения» в России[2], в центре которого, естественно, оказались наиболее актуальные для той поры события самой Отечественной войны и заграничных походов. Непосредственным выражением этого «общественного мнения» явилась чрезвычайно обширная, разнообразная по тематике и жанрам, неоднородная в идейном отношении публицистическая литература, посвященная наполеоновским войнам, и масштабы ее вряд ли имеют прецеденты в предшествующей книгоиздательской практике страны[3].

В атмосфере разбуженной национальным подъемом военно-общественной мысли, по мере того как растет осознание эпохального значения только что совершившихся событий, их поистине великой роли в судьбах России и целой Европы, возникают и первые попытки дать целостное представление об Отечественной войне, разобраться в ее причинах, ходе и возможных в будущем следствиях. Особое место в формировании этих представлений принадлежало походной типографии русского штаба. Выпускавшиеся ею с осени 1812 г. летучие издания, хотя и распространялись как документы военной пропаганды и собственно историографических целей, естественно, не преследовали, содержали в себе тем не менее исторически точные описания и оценки Отечественной войны, оказавшие заметное влияние на современную историко-публицистическую литературу и последующую историографию[4].

В недрах действующей армии зреют замыслы создания и значительной по масштабу истории 1812 г.

Едва ли не самый крупный из них — программная по своему характеру статья Ф. Н. Глинки «Рассуждение о необходимости иметь Историю Отечественной войны 1812 года», ярко отразившая патриотические устремления прогрессивной военной интеллигенции и сыгравшая немалую роль в становлении исторических и литературно-эстетических воззрений декабристов[5].

Обычно появление этой статьи относят к 1815—1816 гг., когда она была обнародована[6] (причем трижды на протяжении не-

---

[1] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1955, т. VI, с. 213, 234; М., 1956, т. VII, с. 175; М., 1956, т. IX, с. 136; М., 1959, т. XVI, с. 68; М., 1960, т. XX, ч. 1, с. 227.

[2] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955, т. VII, с. 447.

[3] *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967, с. 7—8; *Предтеченский А. В.* Отражение войн 1812—1814 гг. в сознании современников. — Исторические записки, 1951, № 31.

[4] *Тартаковский А. Г.* Русская армейская публицистика 1812 г.: Опыт источниковедческого изучения. — В кн.: АЕ за 1963 год. М., 1964, с. 184.

[5] *Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы. М., 1953, с. 110, 111, 113; *Он же.* Ученая республика. М.; Л., 1964, с. 50—51; *Фризман Л. Г.* Литературная критика декабристов. — В кн.: Литературно-критические работы декабристов. М., 1978, с. 13—15.

[6] *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958, с. 423; *Он же.* На путях исторического познания. — В кн.: Декабристы и русская культура. М., 1975, с. 77.

многим более года[7]), — уже само по себе это достаточно показательно. Однако работать над ней Глинка стал намного раньше, с весны 1813 г.: «Начало отрывка сего написано было еще в Силезии до перемирия, окончание же в Москве после всеобщего мира», а позднее вспоминал, что статья была завершена им по возвращении из военных походов на родину летом 1814 г.[8] Важно отметить, что она сложилась в ходе оживленных обсуждений итогов кампании в дружеской среде гвардейских и штабных офицеров, к которой Ф. Глинка примыкал и благодаря своим старым знакомствам и как адъютант М. А. Милорадовича.

Частично состав собеседников Глинки восстанавливается по его собственным показаниям в «Письмах русского офицера». В записи за 25 мая 1813 г., рассказывая о своем времяпрепровождении после заключенного за несколько дней до того перемирия, Глинка пишет: «Спешу также пользоваться близким соседством, в котором случай поместил на время людей различных чинами, состоянием, дарованиями и свойствами. Мы все здесь один подле другого» — и далее упоминаются: начальник канцелярии кутузовского штаба, в прошлом сподвижник А. В. Суворова Е. Б. Фукс, А. И. Михайловский-Данилевский (о нем Ф. Глинка отзывается с особой теплотой: «В таких молодых летах, как он, нельзя соединять вместе более ума, опытности, учености и любезности»), квартирмейстерские офицеры А. А. Щербинин (адъютант К. Ф. Толя), его брат, М. А. Щербинин, братья П. А. и М. А. Габбе (оба они к тому же и участники партизанского движения), состоявший при М. И. Платове А. Г. Краснокутский, некто Н. В. Сазонов и, наконец, давнишний друг Ф. Глинки капитан лейб-гвардии Егерского полка и ближайший помощник П. П. Коновницына Д. И. Ахшарумов[9]. Кроме того, Ф. Глинка в самых дружеских тонах упоминается в письмах А. А. Щербинина к Михайловскому-Данилевскому за июнь—июль 1813 г.[10], а имена братьев Габбе и Щербининых как единомышленников и добрых приятелей встречаются в письмах самого Ф. Глинки к Михайловскому-Данилевскому[11] и в недавно разысканной нами переписке последнего с Д. И. Ахшарумовым за 1813 г.[12]

Перечисленными здесь лицами не исчерпываются, конечно, все те, кто вместе с Ф. Глинкой мог обсуждать итоги войны и принципы составления ее истории. Не случайно, однако, что уже в этой группе мы видим людей, известных своими военно-историческими трудами, как, скажем, Е. Б. Фукс, выпустивший перед войной «Историю генералиссимуса Суворов-Рымникского»

---

[7] Русский вестник, 1815, № 4, с. 25—49; Сын Отечества, 1816, № 4, с. 138—162; *Глинка Ф.* Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах... СПб., 1816, ч. 1, с. 3—37.
[8] Русский вестник, 1815, № 4, с. 25; ОПИ ГИМ, ф. 212, д. 1, л. 5 об.
[9] *Глинка Ф.* Письма русского офицера. М., 1815, ч. V, с. 152—155.
[10] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 144—145, 147, 150.
[11] Русская старина, 1901, № 3, с. 718—719.
[12] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 384—409.

(СПб., 1811), Д. И. Ахшарумов — автор «Описания войны 1812 года», сам А. И. Михайловский-Данилевский. Обращают на себя также внимание в этой группе имена офицеров, которые в 1812—1813 гг. примыкали к кружку военных литераторов при походной типографии А. С. Кайсарова. Занимая вольнолюбиво-просветительские позиции в освещении кардинальных вопросов войны, в конце 10-х—первой половине 20-х годов XIX в. они принимали участие в передовом литературно-общественном движении и находились в той или иной мере в орбите декабристского влияния; это все тот же Михайловский-Данилевский, М. А. Щербинин, братья М. А. и П. А. Габбе [13].

Вот в этом кругу и велись «частые разговоры о *войне Отечественной*, о славе имени и оружия Русского, о духе народа, о мужестве войск», неизбежно подводившие к вопросу о том, «долго ль существует *слава дел*, не запечатленная на *скрижалях истории*». Сама мысль об историческом труде о 1812 г. родилась, как настойчиво подчеркивает Ф. Глинка, «при общем согласии» «просвещенных товарищей», тут же указывая, что «были, однако, разные толки, как писать» эту историю. И все, что было сказано тогда, в том числе и его собственные суждения «о важном предмете сем», он заносил на бумагу «в часы трудных переходов и при кратковременном отдыхе у полевых огней» — «вот каким образом составлялось Рассуждение» [14].

Ф. Глинка убежден, что «потомки» потребуют истории той эпохи, когда «повсюду гремело оружие», «тряслись престолы и трепетали цари», и что только современник 1812 г. может быть ее автором. Говоря далее о том, каким видится ему этот труд (его объем, манера повествования, источники) и какие требования следует предъявить к самому «сочинителю», Глинка решительно формулирует итоги своих размышлений: «Так! Нам необходима *История Отечественной войны*. Чем более о сем думаю, тем более утверждаюсь в мысли моей. Но сочинитель Истории сей должен иметь все способности и все способы, приличные великому предприятию, изобразить потомству столь беспримерную борьбу свободы с насилием...». Замечательно просветительно-демократическое по своему существу понимание Глинкой движущих сил войны и общественного назначения ее истории, не ограниченной узковоенными рамками профессиональной аудитории. Обращенная ко всем сословиям и прославляющая их героизм, она призвана содействовать нравственно-патриотическому просвещению народа и послужить наглядным уроком для военачальников и правителей. Пусть история эта пишется «не для одних ученых, не для одних военных людей, но для людей всякого

---

[13] *Лотман Ю. М.* Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность. — В кн.: 1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962; *Он же.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1963, вып. 39.

[14] *Глинка Ф.* Письма к другу..., ч. 1, с. 1—2.

состояния, ибо все состояния участвовали в славе войны и в свободе Отечества. Война 1812 года неоспоримо назваться может *священною*. В ней заключаются примеры всех гражданских и всех военных добродетелей. Итак, да будет История сей войны... лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народов и царей» [15]. В этом выразились вообще характерные для будущих декабристов взгляды на задачи отечественной истории, призванной служить мощным средством гражданского воспитания масс, «развития народных способностей» и национального самосознания, быть, по словам М. С. Лунина, своего рода путеводителем «в высокой области политики». Установки Глинки в данном отношении вполне созвучны мыслям Н. И. Тургенева, почти в то же время записавшего в дневнике: «История 1812 и 1813 годов — какой представляет источник для мыслящего политика» [16].

Статья Ф. Глинки нашла живой отклик у современников и привлекла к нему внимание в литературно-общественных кругах [17]. Генерал-майор А. А. Писарев, популярный тогда военный писатель, отмечал в 1817 г., что широко и убедительно начертанная Глинкой программа явится верным залогом того, «что мы будем иметь отечественного повествователя, который передаст нам со всею точностию военной науки и с пламенеющим даром красноречия... собывшееся в войне Отечественной», и этот труд по его познавательному и культурно-общественному значению может быть поставлен вровень лишь «с появлением Русской истории г-на Карамзина» (а выход ее в свет с живейшим интересом ожидался в те годы просвещенным русским обществом), «и тогда, — восклицал А. Писарев, — похвалимся своим Тацитом и своим Полибием» [18].

Первые «Тациты» и «Полибии» вышли из той же военно-общественной среды, в которой возник и сам замысел создания истории 1812 г.

Одним из них был упомянутый выше Д. И. Ахшарумов. По словам Михайловского-Данилевского, как адъютант П. Коновницына, он «в продолжение большей части похода находился в центре военных действий и в 1813 году начал описывать оные по воле князя Кутузова, на каковой предмет и пользовался многими документами, которые не для всех известны...» [19]. Весьма осведомленный сотрудник кутузовского штаба Н. И. Старынке-

---

[15] Сын Отечества, 1816, № 4, с. 139—140, 161—164.

[16] Записка Никиты Муравьева «Мысли об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина». — В кн.: Литературное наследство. М., 1954, т. 59, с. 570; *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов, с. 45—46; Дневники и письма Н. И. Тургенева. СПб., 1913, т. III, с. 238.

[17] Так, именно эта статья, как свидетельствовал впоследствии сам Глинка, «познакомила и сблизила меня с А. С. Шишковым» (ОПИ ГИМ, ф. 212, д. 1, л. 5 об.).

[18] *Писарев А. А.* Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим. М., 1817, ч. 1, с. 4—5.

[19] Отечественные записки, 1820, № 8, с. 251.

вич также указывал, что именно «по воле князя Кутузова» Ахшарумову после прибытия русской армии в Вильно в декабре 1812 г. было поручено составить описание «действий 1-й армии»[20]. Важные сведения об этом находим в его письмах к Михайловскому-Данилевскому в Главную квартиру за апрель—май 1813 г. (Ахшарумов был тогда в отъезде близ Вены при тяжело раненном П. Коновницыне). Письма раскрывают ход работы над этим сочинением и разнообразие привлеченных источников: Д. И. Ахшарумов стремится получить документы из Военного министерства, текущую переписку из Главного штаба, журналы боевых действий, известия из армии, бумаги Барклая-де-Толли, убеждает А. П. Ермолова и К. Толя прислать имевшиеся у них сведения[21] и во всех хлопотах пользуется поддержкой Коновницына, а по поводу трудностей в получении материалов жалуется Михайловскому-Данилевскому: «...без материалов сочинение остановится» и «от упущений сего... будут после многие жалеть. Нужно и должно покровительствовать все, что раздает славу и предает потомству деяния тех, кои посвящают свою жизнь снискать уважение потомства»[22]. Высокое понимание задач подготовляемого им труда Ахшарумов подкрепляет суждением о том, как вообще «должно писать всякую историю» о военных событиях. Оно поразительно перекликается с разобранными выше суждениями Глинки об общественном назначении истории 1812 г., воспринимаясь как отголосок их общих бесед и разговоров. История эта, замечает Ахшарумов, «не есть военное сочинение, то есть книга для военного искусства только, а *направление мнения публики* — нашу историю хотя не можно писать pour et contre, но все можно избежать сухости и сделать ее занимательною для всякого»[23].

Именно так и было написано его сочинение, переросшее, видимо, первоначально намеченные рамки. Оно вылилось в публицистически яркий и доступный каждому военно-политический очерк важнейших событий кампании. Одобренное командованием и прошедшее через цензуру, сочинение Ахшарумова было анонимно издано императорской типографией в Петербурге под названием «Историческое описание войны 1812 года»[24]. Понимая, что это лишь один из первых опытов изображения событий 1812 г., Ахшарумов в заключительных строках указывал, что «Описание» «сделано в походе, среди военного шума, в минуты малых досугов от занятий службы», и обратился с взволнованным призывом к современникам продолжить его труд: «Но есть ли бы кто из соотечественников, измерясь в великих каче-

---

[20] ЦГАДА, Госархив, разряд XI, д. 1170, л. 51 и об.
[21] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 386—405.
[22] Там же, л. 393, 399.
[23] Там же, л. 403 об.—404. (Курсив мой. — *А. Т.*). Pour et contre (фр.) — за и против.
[24] Поход русской армии против Наполеона и освобождение Германии в 1813 году. М., 1964, с. 231, 465—466. (Далее: Поход русской армии...).

ствах и званиях, для историка нужных, мог принять на себя важное дело предать потомству подробную историю всей нынешней войны, какую бы чувствительную услугу оказал он Отечеству и какую бы честь стяжал себе!» [25].

Тем не менее значение этой книги никак нельзя недооценивать. Ведь она явилась первым в России сочинением об Отечественной войне, написанным по заданию командования со специально историческими целями. Отсюда и ее заглавие, заключавшее в себе этот принципиально важный смысл: не просто «описание», «обозрение», как назывались тогда многие историко-публицистические произведения о 1812 г., а именно «*Историческое* описание». Более того, по историко-политической концепции и общему подходу к освещению событий эта книга Ахшарумова легла в основу изданного им в 1819 г. и широко известного историкам «Описания войны 1812 года» [26].

Наряду с Ахшарумовым ответственный военно-исторический труд возлагается на Н. И. Старынкевича. Его мемуарные записки, составленные, как уже указывалось, в связи с привлечением к следствию по делу декабристов, содержат на этот счет чрезвычайно ценные сведения.

В 1812 г. Старынкевич пользовался неограниченным доверием П. И. Багратиона как директор канцелярии его штаба. «Особенные обстоятельства налагали на него обязанность представить государю императору оправдание свое на счет действий 2-й армии с начатия войны», — осторожно пишет Старынкевич, явно намекая на порицание царем всей стратегической линии Багратиона, отказавшегося выполнять его некомпетентные в военном отношении приказы по поводу направления отвода 2-й армии в глубь страны. Следующий далее текст записки не оставляет сомнения в глубине расхождений между ними и в той атмосфере царского недовольства, которая сгущалась тогда над Багратионом. В декабре 1812 г., по приезде в Вильну, пишет Старынкевич, Александром I с резким «негодованием» были отмечены «отступления князя Багратиона от предначертанного в начале войны плана и неприятные от того последствия».

Вот, для того чтобы снять с себя «высочайшие» обвинения и представить в истинном свете отступление 2-й армии, Багратион и решил подготовить свое «оправдание». «Он располагался изложить оное, — свидетельствует Старынкевич, — во время лечения раны, которая первоначально не представляла никакой опасности, и, имев намерение занять меня сею работою, хотел, чтобы я оставался при нем и провожал его в селение Симы, куда он отправлялся». Таким образом, из записок Старынкевича выясняется,

---

[25] Историческое описание войны 1812 года. СПб., 1813, с. 131—132.

[26] Сам Д. И. Ахшарумов трактовал тексты «Исторического описания» как части и «отрывки» «Описания» (1819 г.), а последнее рассматривал как «начатое еще в 1813 году» (ЦГВИА, ф. 35, оп. 1/242, св. 16, д. 10, л. 1, 4). Подробнее см.: *Тартаковский А. Г.* У истоков русской историографии 1812 года. Рукопись.

что почин в составлении описания военных действий 2-й армии принадлежал Багратиону, которого в первые дни после его трагического ранения при Бородине не оставляла мысль об этом труде, —факт в литературе доселе неизвестный.

То, что не успел сделать при своей жизни Багратион, довершил Старынкевич, благоговевший перед памятью покойного полководца и рассматривавший подготовку «Отчета о действиях 2-й армии» как выполнение его духовного завещания. К концу 1812 г. «Отчет» был им уже написан и, надо полагать, по первоначально задуманному Багратионом плану и в духе его военно-стратегических соображений, ибо, когда «Отчет» был представлен в Вильне «государю императору», тот решительно забраковал его и повелел составить новое «подробное историческое объяснение всех действий главнокомандующего 2-й армиею». С согласия Кутузова и оно было доверено опять же Старынкевичу. Именно тогда-то, подчеркивает он в своих записках, Ахшарумов получил от М. И. Кутузова задание описать соответственно действия 1-й армии. Отметим, что Старынкевич, еще с осени 1812 г. входивший в круг близких к Глинке офицеров Главной квартиры, занимался «историческим объяснением» до окончания Рейхенбахского перемирия, т. е. в то самое время, когда в этом же офицерском кругу оживленно обсуждались замыслы создания истории Отечественной войны[27]. Впоследствии, однако, рукописи военно-исторических трудов Старынкевича были затеряны[28].

К военному же времени относятся и первые историографические опыты А. И. Михайловского-Данилевского. Еще в Тарутине, будучи адъютантом Кутузова, он вел его секретную переписку и начал составлять журнал военных действий за период после оставления Москвы. П. Коновницын как-то назвал его «историографом армии», на что Михайловский-Данилевский ответил, что, «желая заслужить сие название..., хотел бы также описать происшествия, предшествовавшие сдаче Москвы» (I, № 88, с. 157). И это намерение некоторое время спустя было им осуществлено. В письме к Ф. Глинке от 29 июня 1814 г. (который как раз в то время заканчивал свое «Рассуждение о необходимости иметь Историю Отечественной войны») Михайловский-Данилевский, как бы откликаясь на их общие мысли по этому поводу, сообщает, что начал составлять «историю похода от прибытия к[н] Смоленского до Тарутинского сражения», и просит доставить ему для этого сведения об «арьергардных делах» Милорадовича[29], а через его брата, С. Н. Глинку, стремится получить материалы о московских событиях 1812 г.[30]

---

[27] ЦГАДА, Госархив, разряд XI, д. 1170, л. 9, 49—51 об.; Русский вестник, 1814, № 6, с. 76—80.
[28] ЦГАДА, Госархив, разряд XI, д. 1170, л. 1—6; Журнал ИРВИО, 1911, кн. 6, отд. 3, с. 5—6.
[29] ЦГАЛИ СССР, ф. 141, оп. 1, д. 240, л. 1 и об.
[30] ГПБ, ф. 488, д. 30, № 32.

Предпринятый А. И. Михайловским-Данилевским труд уже тогда получил широкую огласку. Как пишет он в своих записках, осенью 1814 г. на Венском конгрессе принц Де Линь, «узнав от генерала Жомини, что я писал историю прошедшей войны, просил... позволения перевести ее на французский язык» — «это лучшее средство прославить мое сочинение», добавляет он далее (1, № 101г, с. 99). В ноябре 1814 г. в «Сыне Отечества» появляется сообщение о том, что Михайловский-Данилевский, «бывший адъютантом при [кн.] Смоленском, описывает его подвиги в 1812 году», а в письме к издателям из Вены от 11 января 1815 г. сам автор, извещая о сооружении в Бунцлау памятника Кутузову, уведомляет публику: «С каким нетерпением ожидаю времени, когда опять предамся наукам и окончу историю похода его» [31].

Окончил ее Михайловский-Данилевский только по приезде в Россию в начале 1816 г. Позднее он вспоминал, что употребил тогда «два месяца на описание важнейшей эпохи войны 1812-го года, т. е. со времени прибытия к армии князя Кутузова до начатия русскими войсками наступательных действий, или до сражения при Тарутине. Я ничего не писывал с такою легкостью, с таким удовольствием и с жаром, как сие сочинение, кажется, мысли сами изливались на бумагу...». Знаменательно, что эта одна из первых историй Отечественной войны была посвящена автором ближайшему своему другу еще со времен Геттингенского университета и виднейшему в будущем декабристу Н. И. Тургеневу, посвящена «по той причине, — объясняет Михайловский-Данилевский, — что после первого Парижского мира я возвращался с ним вместе из Франции, и дорогою, разумеется, мы единственно говорили о тех чрезвычайных происшествиях, которых мы были свидетелями, тогда я приводил, как одну из главных причин торжества России, всё то, что было сделано со времени прибытия к армии князя Кутузова до Тарутинского дела, и обещал по возвращении моем в Отечество изложить пространнее заключения мои о сем предмете» (II, № 14, с. 145). Как видим, само это сочинение явилось ответом на их совместные размышления о роли Кутузова в событиях 1812 г., о том переломе в ходе кампании, который был совершен в тяжкие дни Бородина, оставлении Москвы и Тарутинского лагеря. Именно эти размышления, хронологически предшествующие приезду Михайловского-Данилевского в Россию (в 20-х числах июня 1814 г. — I, № 102а, с. 85), и послужили, таким образом, прямым толчком к созданию «Истории кампании 1812 года».

Рукопись «Истории» на французском языке, сохранившаяся в архиве Михайловского-Данилевского (III, № 21), полностью никогда не публиковалась и не привлекала внимания ученых. Между тем из этой ранней исторической работы Михайловского-Да-

---

[31] Сын Отечества, 1814, № 47, с. 68; 1815, № 4, с. 163.

нилевского произросли, по сути дела, все последующие его труды об Отечественной войне и Кутузове — и множество публиковавшихся в первые послевоенные годы очерков, и военно-исторические сочинения 30-х годов официального назначения. От последних «История», возникшая в 1814—1816 гг., выгодно отличается непредвзятым истолкованием событий в духе воззрений на Отечественную войну передовой дворянской интеллигенции.

В период войны в армии рождаются и другие историографические инициативы. Так, Е. Б. Фукс, зарекомендовавший себя ранее на военно-историческом поприще, после Лейпцигского сражения намеревается составить «подробное описание... незабвенных побед» русских войск, одержанных под предводительством Барклая-де-Толли[32], который с февраля 1813 г. заменил П. В. Чичагова на посту командующего 3-й Западной армией, а с мая стал главнокомандующим объединенными русско-прусскими войсками. Видимо, из его окружения вышло и «Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов в 1812 году» (СПб., 1813) — военно-стратегический очерк боевых действий, написанный с тенденцией оправдать отступательную стратегию Барклая на начальном периоде войны[33]. Несколько позднее о своих планах написать «военную историю Отечественной войны» объявляет в печати и А. А. Писарев[34].

Он же выступает в 1814 г. с развернутой программой создания жизнеописаний русских полководцев Отечественной войны и заграничных походов. Надо сказать, что в условиях развившегося после 1812 г. национально-исторического самосознания интерес к биографиям деятелей русской истории получил вообще заметное распространение в России, особенно среди литераторов и ученых, группировавшихся вокруг Вольного общества любителей российской словесности — литературного филиала декабристских организаций. В 1817 г. здесь возникает не без участия Ф. Глинки проект издания «Словаря о великих мужах России» или «Жизнеописания многих великих людей Отечества». (В 1819 г. проект его издания возобновляется в Зеленой лампе — «побочной управе» Союза Благоденствия при поддержке Ф. Глинки, С. П. Трубецкого и Я. Н. Толстого[35].) По своим исходным идеологическим посылкам «Словарь» имел много общего с «Рассуждением» того же Глинки о необходимости истории Отечественной войны. Опираясь на традиции античной гражданственности, «Словарь» должен был прославить «людей Отечества» в духе высокой народной героики и общественных добродетелей[36]. Этими установками частично была затронута и про-

---

[32] ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 141, д. 31, ч. 1, л. 23.
[33] Подробнее см.: *Тартаковский А. Г.* У истоков русской историографии 1812 года. Рукопись.
[34] *Писарев А. А.* Указ. соч., ч. 1, с. 4.
[35] *Томашевский Б.* Пушкин. М.; Л., 1956, кн. 1, с. 267—282.
[36] *Базанов В.* Ученая республика, с. 90—91, 101—104.

грамма Писарева, даже фразеологически близкая к терминологии «Словаря».

Полагая, что жизнеописаниями военачальников следует заняться прежде всего их боевым сподвижникам, сотрудникам штабов и адъютантам, одаренным «познаниями, благородством души, сведениями в самих делах», Писарев пишет: «Сколько бы одолжены были военные люди трудами сих чиновников и сколько бы нашлось соревнователей Плутархам, Квинтам-Курциям», и затем поименно называет будущих «деeписателей» «великих мужей». Так, «при князе Смоленском фельдмаршале Кутузове находился некоторое время в прошедшую войну отличный своими дарованиями г. Старынкевич»; доктор медицины Говоров «имеет многие бумаги князя Багратиона. Какое предстоит ему блестящее жизнеописание сего спутника Русского Алкида — Суворова-Рымникского!» — с восторгом отмечает Писарев. Военные подвиги Н. П. Коновницына «могут быть описаны... Ахшарумовым», Н. Н. Раевского — его адъютантом К. Н. Батюшковым, А. П. Ермолова — состоявшим при нем А. А. Вельяминовым, П. Х. Витгенштейна — полковником Горчаковым, наконец, М. А. Милорадовича — «сочинителем Писем русского офицера» Ф. Глинкой [37].

Мысль о таких жизнеописаниях словно носилась в воздухе. Еще в мае 1813 г. Ахшарумов писал Михайловскому-Данилевскому, что «адъютанты издадут прекрасные истории о своих генералах», которые «доставят им известность в Европе и в самой России» [38]. На протяжении военных и послевоенных лет выходит в свет целое собрание историко-биографических сочинений о русских военачальниках 1812—1814 гг., и прежде всего, конечно, о М. И. Кутузове [39], многие из которых были написаны и «адъютантами». Более существенно, однако, что среди них (равно как и лиц, поименованных в программе Писарева) мы встречаем тех самых военных литераторов, которые в 1812—1813 гг. в общем дружеском кругу вынашивали идею широкого по общественному звучанию исторического труда об Отечественной войне и, видимо, работу над жизнеописаниями военачальников ставили в прямую связь с его подготовкой.

Так, Ахшарумов одновременно с «Историческим описанием войны 1812 года» пишет биографическую статью о Коновницыне, анонимно опубликованную в «Сыне Отечества» [40], Ф. Глинка параллельно с «Рассуждением» об истории Отечественной войны готовит описание военной деятельности М. А. Милорадовича, вы-

---

[37] Сын Отечества, 1814, № 47, с. 68—69; *Писарев А. А.* Указ. соч., ч. 1, с. 431—442.

[38] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 386 об., 501 об.

[39] См.: М. И. Кутузов. Сб. документов. М., 1956, т. V, с. 754—755.

[40] Известия о службе и подвигах генерала Коновницына. — Сын Отечества, 1813, № 27, с. 21—29. Об авторстве Д. Ахшарумова см.: Поход русской армии..., с. 465; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 384—385.

шедшее в 1814—1818 гг. тремя изданиями[41], причем одно из них («Краткое обозрение...») специально предназначалось для задуманного Вольным обществом любителей российской словесности «Словаря великих мужей России». Наконец, А. И. Михайловский-Данилевский составляет биографию Д. С. Дохтурова, примыкающую к его историческим сочинениям того времени[42].

Среди историографических проектов, возникших в военные годы вне армии (и, как правило, неосуществленных), следует упомянуть о попытке гр. Ф. В. Ростопчина выпустить с участием А. Л. Витберга иллюстрированную историю 1812 г. (II, № 28, с. 13—22) и плане А. С. Шишкова составить описание пребывания французской армии в Москве.

В конце 1812—начале 1813 г., заручившись согласием Александра I, Шишков поручает этот труд литератору и переводчику религиозной литературы Я. И. Бардовскому, который вернулся в освобожденный от неприятеля город и мог на месте собрать нужные сведения. Сочинение это мыслилось как исполненное высокого духовного красноречия и нравоучительных сентенций «историческое и верное» повествование, имевшее целью обличить атеизм и просвещение революционной эпохи, противопоставив им патриархально-верноподданнические нравы «простого народа». На примере бедствий, постигших Москву от наполеоновского нашествия, надлежало показать, «какими злодействами... оскверняется народ, когда отступает от Бога и впадает в безверие». «Здесь не худо войти, — наставлял Бардовского Шишков в письме от 11 мая 1813 г., — в историческое рассмотрение нравственности» французов, «где откроется широкое поле говорить о ядовитых книгах их, о развратных правилах, о неистовых делах, породивших чудовищную революцию и тысячи старых и новых Маратов и Робеспьеров»[43]. Я. И. Бардовский откликнулся на предложение Шишкова и опубликовал в начале 1813 г. «Объявление», приглашавшее «всех любителей истории и славы отечественной» содействовать в его труде[44]. 18 февраля Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Ты знаешь Бардовского? Он публиковал в газетах, что император приказал ему описать бедствие Москвы»[45]. Но дальше этого дело, видимо, сильно не двинулось. Почему оно «не было исполнено, положительно неизвестно» — недоумевал в 70-х годах И. П. Липранди, предпринявший даже поиски следов труда Бардовского: «По-

---

[41] Подвиги графа М. А. Милорадовича в Отечественную войну 1812 года, с присовокуплением некоторых писем от разных особ: Из записок Ф. Глинки. М., 1814; Деяния графа М. А. Милорадовича в Италии, Швейцарии, Турции, в достопамятную Отечественную войну в России в 1812 г. СПб., 1816, ч. 1—3; Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича, сочиненное Федором Глинкою. СПб., 1818.
[42] О генерале Дохтурове. — Сын Отечества, 1817, № 2, с. 75—82.
[43] Двенадцать собственноручных писем адмирала А. С. Шишкова. СПб., 1841, с. 24, 26—32.
[44] Московские ведомости, 1813, № 8.
[45] Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 172.

следовала ли скоро смерть его, или какие другие обстоятельства ограничили возложенный на него труд одним лишь печатным заявлением?». «Имя Бардовского слышалось в 1814 г., а затем стушевалось», — вспоминал Ф. Глинка, как бы отвечая на вопросы Липранди[46]. Однако Бардовский прожил еще очень долго, и в 1841 г., издавая после смерти Шишкова свою переписку с ним, утверждал, что все собранное для этого труда и «доселе нигде не напечатанное» бережно хранит в своих бумагах[47].

Но самый значительный историографический замысел подобного рода принадлежит Н. М. Карамзину (до недавнего времени о нем было мало что известно в литературе). План зародился еще весной 1814 г. и развивался параллельно с работой Карамзина над «Историей государства Российского». Речь шла о монументальном историческом сочинении, в котором описание войны 1812—1814 гг. давалось бы на широком фоне политической и дипломатической истории Европы с кануна Французской революции вплоть до взятия союзными войсками Парижа. Автор мыслил свое сочинение как покоящееся на прочном основании критически выверенных источников — из тех, конечно, что были тогда доступны (в том числе и архивных), — и стоящее на уровне лучших достижений современной историографии. Относясь к созданию этого труда с необычайной ответственностью, Карамзин предназначал его главным образом для потомков[48]. Можно полагать, что историко-политическая концепция задуманной Карамзиным книги имела консервативно-монархическую, антиреволюционную направленность, отдавая, видимо, при этом известную дань идеям просвещенного абсолютизма, на которых зиждилось политическое мировоззрение Карамзина во все периоды его ученой и литературно-просветительской деятельности. Поэтому нет никаких оснований план его книги об Отечественной войне ставить на одну доску с попытками воинствующе-реакционной интерпретации наполеоновской эпохи, подобными рассмотренному выше проекту А. С. Шишкова «исторически и верно» описать московские события 1812 г. От наивно-доморощенных претензий «стародума» Шишкова, погрязшего в толковании жгучих проблем современной ему жизни текстами из священного писания, замысел Карамзина отличало то, что он принадлежал европейски образованному, философски мыслящему историку и писателю, обогащенному к тому же опытом создания гигантской по хронологическому охвату и обилию первоисточников «Истории государ-

---

[46] *Липранди И. П.* Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года. М., 1876, с. IV; ОПИ ГИМ, ф. 212, д. 1, л. 2 об.

[47] Двенадцать собственноручных писем адмирала А. С. Шишкова, обложка.

[48] Русская старина, 1898, № 10, с. 33—34; Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву, с. 170, 171, 180, 181; Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. СПб., 1862, ч. 1, с. 117, 118, 192—193; Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.; Л., 1966, с. 292—293.

ства Российского», вне связи с которой этот замысел вообще не может быть правильно понят [49].

С завершением наполеоновских войн крупные работы по их описанию сосредоточиваются в генерал-квартирмейстерском ведомстве, ответственном за военно-историческую службу в русской армии. Работы эти связаны с именем К. Ф. Толя, назначенного в декабре 1815 г. генерал-квартирмейстером только что учрежденного Главного штаба. На этом посту им была подготовлена «Военная история кампании 1812 года» — обстоятельное описание боевых действий, главным образом их стратегической стороны. В ноябре 1816 г. Александр I поручил А. Жомини — виднейшему военному теоретику и историку, перешедшему на русскую службу, составить на французском языке описание кампании 1812—1815 гг., с тем чтобы труд Толя влился в состав этой общей истории, предназначенной для зарубежного читателя. По мысли Александра I акцент делался не на Отечественной войне, а на заграничных походах, среди которых повествование о событиях 1812 г. теряло свой самостоятельный характер, как бы растворяясь в сводном обзоре всех четырех кампаний.

Само решение о таком труде с преимущественным освещением в нем роли России как освободительницы Европы было, несомненно, реакцией на наводнившие в те годы западноевропейский книжный рынок мемуарно-исторические сочинения иностранных военных писателей, тенденциозно излагавшие ход наполеоновских войн и полемически заостренные против России. Но, разумеется, в политической ситуации, сложившейся после Венского конгресса и заключения акта Священного союза, в первую очередь имелось в виду утвердить представление о спасительной миссии русского монарха как главы антинаполеоновской коалиции и вершителя судеб легитимной Европы. Вместе с тем данное решение явилось и первой попыткой правительства поставить под свой контроль растущий в разных слоях русского общества интерес к изучению истории Отечественной войны.

Подготовка истории наполеоновских войн намечалась как коллективное предприятие: помимо Толя, в качестве «способнейших офицеров в сотрудники» к Жомини прикомандировываются адъютант начальника Главного штаба П. М. Волконского Д. П. Бутурлин, уже известный своими военно-историческими сочинениями (еще в 1812 г. в Петербурге на французском языке вышло в свет его описание похода Суворова в Италии в 1799 г.), и подпоручик квартирмейстерской части Никита Муравьев. Таким образом, к историческим трудам об эпохе 1812 г. оказывается причастной еще одна яркая фигура декабристского движения, его виднейший в будущем идеолог и признанный авторитет в области истории и военного искусства. Занятия историей наполео-

---

[49] Подробнее об этом замысле Карамзина см.: *Тартаковский А. Г.* У истоков русской историографии 1812 года. Рукопись.

новских войн ведутся им параллельно с активной работой в Союзе Спасения, сначала в Петербурге, а затем в Москве, куда с конца августа 1817 г. на несколько месяцев переместилось основное ядро Союза и где с участием Н. М. Муравьева было образовано еще одно декабристское объединение — Военное общество. Именно в это время он всецело поглощен напряженными идейными исканиями и выработкой новой тактики революционных действий.

Что же до участия Д. П. Бутурлина в этих военно-исторических работах, то с ними и связано непосредственно происхождение его известной «Истории нашествия имп. Наполеона на Россию». Сперва Бутурлину была отведена роль переводчика и интерпретатора материалов Толя о 1812 г., но после отъезда Жомини в мае 1817 г. из России Бутурлину поручается довести (хотя бы частично) до конца задуманный труд. Он был завершен к началу 1820 г. и назван: «Военная история кампании 1812 года»[50] (т. е. точно так же, как и предшествовавшее ему описание Толя). Книга Бутурлина была издана в 1823—1824 гг., как и предполагалось вначале, на французском языке (и только затем переведена на русский), способствуя, по выражению современника, «распространению славы России во всех краях света», или, точнее говоря, официальных взглядов правительства на Отечественную войну[51].

Примерно к тому же времени, когда Александр I решил создать под руководством Жомини историю наполеоновских войн, относится еще одно чрезвычайно важное военно-ученое начинание, повлиявшее на оживление исторических работ в этой области.

Сравнительно молодой, необычайно энергичный и просвещенный генерал Н. М. Сипягин, став с 1814 г. начальником штаба Гвардейского корпуса, заводит ланкастерскую школу для нижних чинов, хорошо оснащенную типографию с литографией, а для развития военно-теоретических знаний и образования офицеров русской армии основывает при штабе Общество военных людей, ставившее своей целью издание «Военного журнала»[52].

Открытие Общества, приуроченное ко дню торжественного посещения Александром I дома штаба Гвардейского корпуса, состоялось 23 ноября 1816 г., и, хотя оно пользуется покровительством властей, в почетные члены избираются сам царь, великие князья, влиятельные сановники и генералы, деятельность Общества, возникшего в обстановке послевоенного подъема, с самых первых своих шагов приобретает не официально-правительственный, а общественно-просветительский характер. Бессменным же редактором «Военного журнала» (вплоть до лета 1819 г., когда он был закрыт) становится все тот же Ф. Глинка.

---

[50] ЦГВИА, ф. 35, оп. 1/242, св. 19, д. 161а, л. 1—2.

[51] Подробнее см.: *Тартаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года. — Исторические записки, 1970, № 85, с. 378—428.

[52] Русская старина, 1900, № 4, с. 102.

Поскольку основной задачей «Военного журнала» являлось обобщение и популяризация опыта наполеоновских войн, и в первую очередь войны Отечественной и заграничных походов русской армии, изучение истории этих последних занимает здесь едва ли не важнейшее место, а Глинка получает возможность претворить в жизнь свои взгляды на то, какой должна быть история Отечественной войны, развитые в его разобранном выше «Рассуждении». Если учесть при этом, что в том же, 1816 г. завершается печатание «Писем русского офицера» — выдающегося памятника военно-общественной мысли кануна образования декабристских обществ, то мы поймем, что тема Отечественной войны, действительно, стояла тогда в центре умственных интересов Ф. Глинки.

Изданное им «Краткое начертание „Военного журнала“» — историко-публицистическое вступление и конкретная программа нового печатного органа, проникнутое теми же идейно-просветительскими установками относительно назначения военной истории, — предусматривало широкую публикацию «исторических известий» и «достоверных сказаний» «о последних войнах в Европе» и заведение в журнале специального «Отделения»: «Обозрение разных обстоятельств Отечественной войны (1812 года) и заграничных (1813 и 1814 годов) походов», а в «Отделении», озаглавленном «Известия о военных добродетелях россиян», предполагалось обнародовать «анекдоты о храбрости офицеров и рядовых», прославивших себя в войнах с Наполеоном[53]. В этих «Отделениях» в 1817—1819 гг. и появляются описания кампаний 1812—1814 гг., в частности военно-исторические работы самого Ф. Глинки об отдельных сражениях, очерки о воинских заслугах генералов, офицеров, партизанской борьбе, народном героизме[54]. С первой же книжки «Военного журнала» под названием «Записки о военных действиях» печатаются и отрывки из истории войн 1812—1813 гг. самого Н. М. Сипягина, задуманной им вскоре по окончании заграничных походов[55].

Ф. Глинке при поддержке Сипягина удалось сплотить вокруг «Военного журнала» лучшие силы военной интеллигенции (преимущественно из гвардии и квартирмейстерской части), живо интересовавшейся военным делом вообще и историей войн 1812—1814 гг. в особенности. Не случайно в числе его сотрудников мы видим людей, которые были причастны к историографическим начинаниям в этой области, возникшим еще ранее и независимо

---

[53] Краткое начертание «Военного журнала», изданное действительным членом Общества, учрежденного при Главном Гвардейском штабе Ф. Глинкой. СПб., 1817, с. 2—3.

[54] Военный журнал 1817, кн. II, с. 21—30; кн. V, с. 44—59; кн. VII, с. 48—49; кн. X, с. 27—48, 52—53; 1818, кн. IX, с. 16—28; кн. X, с. 34—50; кн. XI, с. 33—42.

[55] Военный журнал, 1817, кн. I, с. 30—54; кн. II, с. 18—40; кн. VIII, с. 26—47; 1818, кн. III, с. 24—42; кн. IV, с. 21—38; кн. V, с. 23—40; кн. VI, с. 19—33; кн. VII, с. 24—42; кн. VIII, с. 25—42.

от «Военного журнала», например А. А. Писарева, Е. Б. Фукса. Среди авторов журнала и участники предпринятого по распоряжению Александра I описания наполеоновских войн, прежде всего сам Жомини, «чтением военных уроков» начавший занятия Общества военных людей [56], а своей теоретической статьей «Общие правила военного искусства» открывший первую книжку «Военного журнала». К. Ф. Толь печатает в нем «Описание сражения при Кульме» [57]. Выступает на страницах «Военного журнала» и Д. П. Бутурлин [58].

Но более всего бросается в этом смысле в глаза активнейшее участие в журнале лиц декабристского круга. Одного факта редакторства Глинки было бы достаточно, чтобы признать их руководящую роль в «Военном журнале». Но, помимо Глинки, в качестве авторов оригинальных работ и переводчиков в нем печатаются состоявшие членами тайных обществ Никита Муравьев, И. Г. Бурцов, В. Д. Вальховский, А. Ф. Бригген, М. К. Грибовский, близкий в те годы к декабристам Д. В. Давыдов [59], тесно связанный с ними по масонским ложам и Вольному обществу любителей российской словесности Андрей Никифорович Пушкин (14 декабря 1825 г. он выйдет с гвардейским экипажем на Сенатскую площадь) [60]. Наконец, среди них брат «первого декабриста» В. Ф. Раевского Андрей Федосеевич Раевский, друг Ф. Глинки [61] и И. Г. Бурцова, в 1815—1819 гг. адъютант Н. Сипягина, бывший, по свидетельству И. Липранди, «главным деятелем в издании Военного журнала» [62]. Он, действительно, особенно часто выступает в нем как толкователь классических трудов по военному искусству и истории войн революционной эпохи, а в 1818 г. Общество военных людей выпускает в его переводе «Правила стратегии эрц-герцога Карла», доставившие А. Раевскому известность в военно-литературных кругах [63].

Связь «Военного журнала» с декабристским движением, его идеологией и взглядами декабристов на военную историю отме-

---

[56] Из эпистолярного наследства декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975, т. I, с. 94.

[57] Военный журнал, 1818, кн. I, с. 19—32.

[58] *Соколовский М.* «Военный журнал» как периодическое издание, 1817—1819. — В кн.: Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом, 1906, вып. XVIII.

[59] Военный журнал, 1817, кн. V, с. 42—52; 1818, кн. IV, с. 1; кн. V, с. 42—52; 1817, кн. IX, с. 51; 1817, кн. VIII, с. 54—56; 1817, кн. V, с. 40—41.

[60] *Базанов В.* Ученая республика, с. 342—343.

[61] Сохранились письма А. Ф. Раевского к Ф. Глинке за 1816 г. — свидетельство их тесных дружеских отношений (ЦГАЛИ СССР, ф. 141, оп. 1, д. 378, л. 1—2).

[62] Русский архив, 1866, ст. 1430.

[63] Военный журнал, 1817, кн. I, с. 1; кн. IV, с. 1; кн. VIII, с. 1; кн. IX, с. 59; кн. X, с. 1; 1818, кн. VI, с. 32—42; кн. VIII, с. 13; кн. IX, с. 9.

чалась в литературе, но лишь в общих чертах[64], и характер этой связи конкретно раскрыт не был. Отчасти это объясняется тем, что мало изучено само Общество военных людей, не выяснены, в частности, его предыстория, практическая деятельность в 1817—1819 гг., обстоятельства, вследствие которых оно прекратило свое существование, наконец, не обследовался сколько-нибудь систематически и состав «Военного журнала». На это обратил внимание еще в 1934 г. Ю. Г. Оксман, но за прошедшие 40 с лишним лет положение почти не изменилось. Он же высказал тогда мысль о том, что Общество военных людей с его журналом явилось «одним из периферийных органов Союза Благоденствия и было использовано им для прикрытия своей революционной деятельности[65].

Не оспаривая этого предположения (оно кажется нам весьма плодотворным, хотя и нуждается в уточнении и фактической аргументации), хотелось бы только отметить, что Союз Благоденствия образовался в начале 1818 г., тогда как Общество военных людей возникло еще более чем за год до того, и с тех пор вышло в свет 12 книжек «Военного журнала». Наличие среди его организаторов и активных сотрудников по меньшей мере четырех членов Союза Спасения — самого Ф. Глинки (с лета 1816 г.), Никиты Муравьева — одного из основателей Союза, И. Бурцева (с начала 1817 г.) и В. Вальховского (с середины 1817 г.)[66], естественно, заставляет предполагать, что за «Военным журналом» стояло это первое декабристское общество.

Современное декабристоведение отвергло представления старой историографии о Союзе Спасения как замкнуто-заговорщической организации. В исследованиях последних десятилетий убедительно показано, что и Союзу Спасения не была чужда просветительская идея воздействия на общественное мнение (кстати, зафиксированная в его уставе) посредством активной работы в разного рода общественных объединениях, на поприще литературы и журналистики[67]. Однако конкретные формы инфильтрации Союза Спасения в окружающую литературно-общественную среду 1816—1817 гг. почти не выявлены. Единственной до сих пор установленной в литературе попыткой такого рода явилось внедрение Ф. Глинки в декабре 1816 г. в возобновившее свою деятельность Вольное общество любителей словесности, наук и художеств и в его негласный орган «Сын Отечества»[68].

---

[64] *Прокофьев Е. А.* Борьба декабристов за передовое военное искусство. М., 1953, с. 271—275; *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962, с. 70.

[65] *Рылеев К.* Полн. собр. стихотворений (Б-ка поэта. Большая серия). Л., 1943, с. XXIII; Литературное наследство. М., 1934, т. 16-18, с. 632—633.

[66] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 144—145, 167.

[67] Там же, с. 158, 159, 163, 181—182; *Базанов В.* Ученая республика, с. 41, 51.

[68] *Базанов В.* Ученая республика, с. 42—47; см. также: *Михайловская Н. М.* Журнал «Сын Отечества» в период Отечественной войны и становления декабризма (1812—1818 гг.). — Уч. зап. Удмуртского пед. ин-та. Ижевск, 1956, вып. 9,

(Характерно в этой связи, что именно «Сын Отечества» проявляет особенно пристальное внимание к Обществу военных людей. Здесь систематически помещаются извещения о деятельности Общества и основанной при нем библиотеки, отклики на отдельные номера «Военного журнала» с высокой оценкой его учено-просветительских начинаний. Здесь же было опубликовано и, — видимо, единственное во всей русской печати — сообщение о прекращении издания журнала[69].) Думается, что почти одновременное проникновение Ф. Глинки и его соратников по Союзу Спасения в Общество военных людей следует рассматривать в том же ряду[70]. «Военный журнал» был, видимо, использован как легальная арена деятельности Союза Спасения в целях идейного влияния на столичную офицерскую молодежь и более широкую военно-армейскую среду, подобно тому как несколько позднее, уже в период Союза Благоденствия, тот же самый Ф. Глинка успешно руководит целой сетью его «вольных» обществ и периферийных филиалов. Не следует при этом упускать из виду, что в эпоху декабризма, кроме «Полярной звезды» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, «Военный журнал» был единственным периодическим изданием, официально и фактически возглавлявшимся членом тайного общества, и то обстоятельство, что вопросы исторического осмысления опыта 1812 г. занимали в нем столь значительное место, представляется в плане нашей темы полным глубокого интереса.

Итак, мы рассмотрели почти не освещенный в нашей литературе вопрос о зарождении исторических представлений об Отечественной войне. Поражает прежде всего сама множественность усилий: замыслы посвященных ей исторических трудов независимо друг от друга возникают одновременно в разных слоях общества — в столицах и провинции, в дворянских кругах и чиновничьем мире, в самой России и за границей. К ним оказываются прикосновенны государственные сановники, учителя гимназий, губернаторы, видные деятели русской культуры, безвестные литераторы, журналисты и профессиональные историки. Существенно, что уже тогда эти многочисленные усилия не были политически однородны: в них отразился целый спектр идеологиче-

---

[69] Сын Отечества, 1817, № 6, с. 241—242; № 18, с. 233; № 26, с. 268—269; 1819, № 1, с. 37; № 26, с. 42.

[70] И. Г. Бурцов в письме от 25 октября 1816 г. на Кавказ своему сослуживцу и другу Н. Н. Муравьеву-Карскому, извещая об ожидавшемся в ноябре посещении Александром I штаба Гвардейского корпуса, писал: «С сего же время г. Сипягин хочет начать издание *Военного журнала*, коего, по его словам, имеет он уже на 8 месяцев» (Из эпистолярного наследства декабристов..., т. I, с. 94). Если к октябрю 1816 г. было собрано 8 книжек журнала, то ясно, что готовился он исподволь задолго до царского разрешения (в ноябре 1816 г.) и вряд ли силами одного только Сипягина. Возможно, что уже тогда к составлению журнала, равно как и к разработке программы Общества военных людей, был привлечен Ф. Глинка, с которым Сипягин тесно сблизился еще в заграничных походах, когда был начальником штаба при Милорадовиче, а Глинка — его адъютантом (Русский вестник, 1814, № 8, с. 95).

ских течений эпохи — и ретроградно-монархического, и умеренно-консервативного, и просветительского, и, наконец, зарождавшегося декабристского.

Особенно много по части создания истории 1812 г. было сделано в самой армии. У истоков посвященных ей исторических трудов стоят, как мы видели, крупные военачальники — К. Ф. Толь, П. П. Коновницын, Н. М. Сипягин, но в первую очередь, конечно, М. И. Кутузов, П. И. Багратион и М. Б. Барклай-де-Толли; по их заданию сотрудники штабов с конца 1812 г. принимаются за первые военно-исторические описания кампании. Интерес к ее истории захватывает в то же время наиболее образованных, мыслящих офицеров русской армии и вне зависимости от официальных предписаний командования. Проникаясь идеей создания обширного исторического повествования об Отечественной войне и жизнеописаний ее героев, они еще в 1813—1814 гг. по своему почину начинают составлять обзоры военных действий, военно-теоретические трактаты о 1812 г., биографии полководцев, и, таким образом, в рядах армии формируются кадры военных писателей и историков.

Красной нитью через все эти годы проходит неутомимая военно-общественная и публицистическая деятельность Ф. Н. Глинки. Надо еще раз подчеркнуть, что его «Рассуждение» — просветительская по своей сути программа освоения и популяризации опыта 1812 г. —явилось, как выясняется, не актом индивидуального творчества Глинки, а своего рода манифестом определенной группы прогрессивно настроенных офицеров. И эту программу он стремится воплотить и в собственных военно-исторических сочинениях и, будучи уже членом декабристских обществ, в руководимом им «Военном журнале».

Проблема создания истории Отечественной войны сильно занимает и прессу: на ее страницах печатаются разного рода проекты и размышления современников на эту тему, сообщения о готовящихся к изданию трудах. Наконец, немалый вклад в это дело вносит и правительство, по окончании войны предпринимающее первые шаги на пути подчинения своим политическим целям изучения наполеоновских войн и развертывающее крупные историографические предприятия по линии военного ведомства.

Словом, мы не ошибемся, если скажем, что столь остро проявившийся тогда интерес к истории Отечественной войны и попытки его воплощения обрели характер широкого общественного движения, явившись важным фактором идейной жизни того времени, и только в этом свете становится понятным приходящийся как раз на данный период подъем русской мемуаристики о 1812 г.

Естественно, что впечатления о нем именно в ту пору были наиболее свежи и злободневны в сознании современников, в общественном быту и частной жизни, что надолго запомнилось даже людям, бывшим тогда в детском и юношеском возрасте. Как писал почти 60 лет спустя в автобиографических записках литератор славянофильского толка В. В. Селиванов, «события 1812 и после-

дующих славных для русского оружия годов не только жили тогда в памяти и в изустных рассказах, но, кажется, и самый воздух был еще пропитан славою этих воспоминаний» (II, № 102б, с. 7). «Всюду в домах и на улицах иных разговоров не было, как о 12-м годе, у всех при встрече после первых приветствий разговор тотчас переходил к ненавистным французам», — свидетельствовал уже в 90-х годах Н. И. Тихомиров (I, № 292, с. 332). В 1836 г. Н. В. Гоголь в рецензии на «Походные записки» И. Т. Радожицкого отметил живейший интерес современников и к заграничным походам: «Когда возвратились наши войска из славного путешествия в Париж, каждый солдат принес запас воспоминаний. Их рассказы все без исключения были занимательны; всё наблюдаемо было свежими и любопытными чувствами; даже постой русского офицера на немецкой квартире составлял уже роман» [71].

Особенно примечательно в этом плане позднейшее свидетельство А. Я. Булгакова в его неопубликованных мемуарных заметках, сохранившихся в архиве С. Д. Полторацкого. Деятельный участник событий 1812 г., их вдумчивый наблюдатель и хроникер, остро ощущавший биение пульса общественной жизни, он также указывал на «нашествие Галлов» как главенствующую тему разговоров «в обществах». «Рассказы сии, — вспоминал А. Булгаков, — жадно всеми повторялись, передавались во всех письмах и печатались в журналах. *Всякий хотел быть историографом, всякий желал внести какое-нибудь событие или воспоминание в отечественные летописи*» [72]. В этих словах удивительно точно подмечена характернейшая черта общественных умонастроений того времени, когда повсеместно распространившийся интерес к истории 1812 г. («всякий хотел быть историографом») побуждал каждого мыслящего современника стать летописцем Отечественной войны, запечатлев о ней свои личные воспоминания.

К этому же побуждали и сами инициаторы исторических трудов о 1812 г. Надо сказать, что все сколько-нибудь заметные историографические проекты правительственного, общественного или даже частного характера, возникавшие тогда в России, неизменно сопровождались публичными призывами к современникам описывать известные им «случаи», «эпизоды», собирать и хранить воспоминания о неприятельском нашествии и заграничных походах, без их активного содействия в этом отношении вообще не мыслилось создание будущей истории Отечественной войны.

Уже Ф. Глинка в своем «Рассуждении» на эту тему обращал внимание на важность «изустных преданий» и «простых заметок» участников событий [73]. Издатели «Сына Отечества», говоря в 1813 г. о недостатке «материалов для составления истории сей достопамятной эпохи» и справедливо считая, что «реляции, со-

---

[71] Современник, 1836, т. I, с. 305.
[72] ГБЛ, ф. 233, карт. 17, № 17. (Курсив мой. — *А. Т.*)
[73] Сын Отечества, 1816, № 4, с. 139.

чиняемые немедленно после дела, иногда посреди новых и важнейших занятий, не могут служить достаточными материалами к сочинению истории какой-либо войны», высказывались за то, чтобы «сами действовавшие лица или приближенные к ним приняли на себя труд на досуге собрать и сообщить публике сии материалы» [74]. «Каждый военнослужащий, знающий грамоте, должен был записывать о происшествиях чудесного сего времени: войны Отечественной и заграничной 1812-го по 1815-й год», — писал в 1817 г. А. А. Писарев, полагая, что воспоминания их участников могут сильно способствовать установлению исторической истины об этой эпохе: «Есть ли бы у нас было больше частных записок и есть ли бы многие очевидцы и достоверные люди одни и те же происшествия описывали, тогда бы легче было составлять общую и полную историю» [75].

А. Писарев едва ли не впервые стал популяризировать тогда в журналах написанные, но еще не напечатанные и расходившиеся порою в списках мемуары участников войн начала века, положительно отозвавшись, например, о записках Л. Л. Беннигсена и И. Ф. Паскевича [76].

В 1820 г. П. П. Свиньин, предприняв в только что основанных им «Отечественных записках» публикацию отрывков из «Дневника партизанских действий» Д. В. Давыдова, сопроводил их своими размышлениями о значении записок участников войны 1812 г. и их соотношении с «Историей» — для последней, по его мнению, еще не настало время, но можно только порадоваться «за будущего повествователя, что материалы для него приготовлены Ермоловыми, Давыдовыми, Бутурлиными, Орловыми, Данилевскими, Глинками и другими лицами — писателями, бывшими страхом на кровавых полях сей единственной брани и служащими с мирною славою на поприще Словесности» [77]. И это сообщение мы должны расценить как акт популяризации неизданных мемуаров об Отечественной войне. Заметим, что перечисленных им генералов и офицеров, с успехом прошедших наполеоновские войны, П. Свиньин называет авторами уже составленных, «приготовленных» мемуаров, «писателями», зарекомендовавшими себя в этом смысле «на поприще Словесности». И, действительно, к началу 1820 г. в той или иной форме были уже написаны мемуарно-исторические сочинения о войнах 1812—1815 гг. А. И. Михайловского-Данилевского (I, № 51—55, 65, 71), Д. В. Давыдова (I, № 41), Д. Бутурлина (I, № 50). Тогда же начали составлять воспоминания А. П. Ермолов (I, № 67) и, видимо, М. Ф. Орлов. Однако в печати со своими записками выступили к этому времени только Михайловский-Данилевский, Давыдов и Глинка (если считать его «Письма русского офицера», которые, очевидно, и имел в виду Свиньин). Остальные в качестве мемуаристов пуб-

---

[74] Там же, 1813. № 42, с. 155.
[75] *Писарев А. А.* Указ. соч., ч. 1, с. VII, 281.
[76] Сын Отечества, 1814, № 47, с. 69.
[77] Отечественные записки, 1820, № 1, с. 65.

лично никак себя еще не проявили. Воспоминания Бутурлина увидели свет в 90-х годах XIX в., Ермолова — в 1863 г. По-видимому, Свиньин, располагавший обширными знакомствами в военно-литературной среде, знал о существовании рукописных и недавно только начатых мемуаров об эпохе 1812 г. и, так же как и Писарев, счел нужным привлечь к ним общественное внимание в прессе.

С широковещательной программой сбора воспоминаний современников наполеоновского нашествия выступил и Я. Бардовский, известивший о том в «Объявлении», обнародованном в январе 1813 г. в «Московских ведомостях». А. С. Шишков по этому поводу писал ему: «Вы хорошо сделали, что сперва начали просто собирать известия. Продолжайте и записывайте их со всеми подробностями, трудясь к любопытству осведомляться о них в Москве и, сколько можно, во всех окрестностях, по которым шатался неприятель. В иные города, как, например, Смоленск и проч., можете сами съездить, а в других отыскать людей, которые бы по деревням наведывались, вас о том уведомляли» [78].

В «Объявлении» Бардовский выражал надежду, что «жительствующие в сей столице» «духовенство, чиновники и граждане» сообщат «многое на бумаге или на словах», а для записи этих «изустных известий» приглашал желающих «удостаивать меня своим посещением». Живущих же «в окрестностях Москвы и, если можно, ... во всех прочих Российской империи местах» просил присылать «свои известия письменно, не заботясь о витиеватости слога, но только упоминая, сами ли они были свидетелями сообщаемого или слышали от самовидцев и от кого именно». Желательно также, добавлял Бардовский в полном согласии с советом Шишкова, «наведываться по деревням», чтобы «в известиях о подвигах наших добрых поселян были бы по приличию сохранены собственные их слова, которыми они выражают свою готовность карать дерзостного врага, свое к нему презрение, торжество над ним...» [79]. Но любопытно, что в своих пространных просьбах о присылке воспоминаний к дворянам Я. Бардовский ни разу не обратился.

Не следует, однако, обольщаться этим мнимо демократическим вниманием к свидетельствам «добрых поселян». Записи их устных воспоминаний в сколько-нибудь широких размерах были в тех условиях совершенно утопической затеей, скорее показной фразой, нежели реально осуществимым делом (напомним, что такие записи мемуарных рассказов о 1812 г. выходцев из простонародья появляются в России лишь в 50—60-х годах XIX в.). Главное же, сам этот демократизм проистекал из патриархально-крепостнических убеждений в том, что «добрыми поселянами» движет, как говорилось в том же «Объявлении», «примерная

---

[78] Двенадцать собственноручных писем адмирала А. С. Шишкова, с. 27.
[79] Московские ведомости, 1813, № 8.

верность к возлюбленному государю, непоколебимость в святой вере отцов». В основе демократизма призывов Бардовского лежала типичная для охранительно-идеологических построений Шишкова ставка на темную крестьянскую массу, низшие слои городского населения, способные составить надежный противовес французскому «вольнодумству», которым, по мнению Шишкова и его приверженцев, вконец были заражены высшие слои общества.

Вместе с тем, обратившись к населению «всех прочих Российской империи мест», Бардовский придал своему «Объявлению» значение общенационального призыва к сбору воспоминаний о 1812 г. и нельзя не признать, что это была первая попытка такого рода, особенно, если учесть, что «Московские ведомости» распространялись по всей стране, а возложенный на Бардовского труд был санкционирован Александром I. Характерно и то, что наибольший интерес привлекли при этом не просто всякие рассказы о случившемся в России в период Отечественной войны, а воспоминания «самовидцев» — предпочтительность последних Бардовский хорошо понимал, выделяя их в остальной массе «известий».

Несомненно, что в той обстановке, когда «самый воздух был пропитан» впечатлениями о войне, эти публично провозглашенные обращения к сохранению исторических сведений о 1812 г. в немалой мере содействовали оживлению мемуаротворчества, усиливая тяготение современников к записи их личных воспоминаний. Напомним, что в рассматриваемый период, заключающий в себе всего 8 послевоенных лет, мемуаров, специально посвященных эпохе 1812, было создано больше, чем в каждое из последующих десятилетий XIX в. — 76 произведений, или четвертая часть их совокупного числа. Но мы имеем здесь в виду опубликованные мемуары. При учете же того, что 1812—1819 гг. датируется не менее 7 рукописных воспоминаний (III, № 9, 10, 14, 21, 35, 40, 45), общее количество мемуаров этой группы будет исчисляться 83 названиями.

Если выделить в указанном периоде собственно военные годы (1812—1815), то сразу же бросается в глаза, что центральной темой возникших тогда воспоминаний были московские события 1812 г.: им посвящено 28 произведений из общего числа 45. Причем состав авторов, среди которых преобладают мирные жители-москвичи, вобрал в себя чуть ли не всю сословную структуру русского общества, исключая крепостных крестьян (дворяне, чиновники, купцы, духовенство, иностранцы, мещане, разночинцы и т. д.).

Сразу же по выходе французов из Москвы очевидцы событий начинают записывать свои впечатления о том, что случилось с ними лично и что довелось им тогда увидеть. Уже в эти годы в виде журнальных статей и отдельно изданных книг выходит целая группа мемуарно-публицистических повествований об Отечественной войне, и большинство их посвящено положению

Москвы в 1812 г.[80] Потребность зафиксировать воспоминания о французской оккупации так сильна, что проявляет себя не только в собственно мемуарных сочинениях, она прорывается и в частных письмах, деловых записях, донесениях, которые в общей сложности составляют треть всех написанных в 1812—1815 гг. мемуарных произведений (15 и 45). Ни один из последующих периодов развития русской мемуарной литературы о 1812 г. не знает столь большого числа воспоминаний в форме иных видов источников.

С общегражданской, общеполитической (а не узковоенной) точки зрения обрисованная ситуация вполне объяснима. Ведь судьба древней столицы — символа русской государственности и национального величия, — впервые за 200 лет захваченной противником и уничтоженной в течение нескольких дней в огне пожаров, именно в первое время после изгнания французов приковала к себе всеобщее внимание как наиболее впечатляющее событие Отечественной войны, сильнее, чем что-либо другое, затронувшее национальные чувства. Поэтому призыв, брошенный в начале 1813 г. на страницах «Московских ведомостей», к сбору воспоминаний очевидцев наполеоновского вторжения (а также и иные подобного рода обращения) пал на благодатную почву, дав, видимо, свои плоды.

Резко выраженный облик имеет и мемуаристика следующего четырехлетия (1816—1819 гг.): из 31 приходящегося на это время произведения 26 — абсолютное большинство — вышло из армейских кругов. Данное обстоятельство также представляется не случайным, поскольку именно в этих кругах в связи с зарождавшимися там проектами исторических описаний 1812 г. и заграничных походов более всего культивировалась идея создания военных мемуаров, и только после завершения наполеоновских войн офицеры и генералы русской армии получили возможность обобщить опыт своего участия в них и изложить на бумаге богатейшие личные впечатления военных лет.

Но, помимо общего и, на наш взгляд, совершенно бесспорного влияния общественно-исторических интересов к 1812 г. на развитие мемуаристики, мы можем нащупать более непосредственные связи ряда историографических начинаний этих лет с возникновением и публикацией мемуарных памятников.

В данном отношении надо прежде всего учесть исторические труды, развернутые во второй половине 10-х годов XIX в., в Главном штабе под руководством К. Ф. Толя, а затем и А. Жомини. Они получили широкую огласку в командном составе русской армии благодаря тому, что уже с декабря 1815 г. Толь и П. М. Волконский стали рассылать многочисленные обращения к генералам и офицерам о доставлении сведений о боевых операциях и

---

[80] *Тартаковский А. Г.* Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 г.: К методике источниковедческого анализа. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 264—273.

состояний вверенных им войск в 1812—1814 гг. Хотя при этом имелись в виду главным образом оперативные документы (журналы военных действий, планы сражений и т. д.) [81], но по ходу дела явилась необходимость восполнить отсутствующие материалы данными личного опыта запрашиваемых лиц, побуждая их прибегнуть к своим собственным воспоминаниям. О размахе, приданном этим обращениям с целью получения от русских военачальников их записок и замечаний о кампаниях 1812—1814 гг., свидетельствует факт размножения типографским способом текста письма на французском языке, которое за подписью Жомини рассылалось, видимо, всем генералам русской армии с просьбой «доставить... сведения о событиях, в которых вы приняли славное участие». Одно из таких писем, направленное Жомини Ермолову в октябре 1816 г., сохранилось в архиве последнего [82]. Трудно также предположить, чтобы все более возраставшее с осени 1816 г. участие Д. Бутурлина в составлении указанных выше трудов (в части, касающейся Отечественной войны) никак не было бы связано с его воспоминаниями о 1812 г., над которыми он усиленно работает в это же самое время (I, № 50).

Очагом, своего рода лабораторией военной мемуаристики явился руководимый Ф. Глинкой «Военный журнал». В этой ипостаси он предстает не только теоретиком и вдохновителем трудов по истории Отечественной войны, не только автором военно-исторических сочинений о кампаниях 1812—1813 гг., но и одним из первых в России собирателей и публикаторов мемуарного наследия их участников. Уже в «Кратком начертании „Военного журнала“» Глинка предусматривал помещать в нем «вернейшие записки о военных действиях Отечественной войны и последних заграничных походах, рассуждения и письма разных особ, участвовавших в успехах и славе оных» [83]. Под эту рубрику вполне подходили и собственно мемуарные записки участников наполеоновских войн.

В 1817 г. в «Военном журнале» печатается серия таких записок: А. Х. Бенкендорфа о боевых действиях отряда Винценгероде в 1812 г. в окрестностях Москвы и о борьбе за освобождение Голландии от французского владычества (I, № 56, 57), А. Ф. Ланжерона об участии его корпуса в походе 1813 г. (I, № 58, 59), Н. Б. Голицына о завершающих сражениях кампании 1814 г. (I, № 60).

Были ли эти записки написаны специально по заказу «Военного журнала», нам неизвестно, но, чтó они появились здесь благодаря активным стараниям его сотрудников, и прежде всего Глинки, об этом можно судить с большей определенностью. А. Х. Бенкендорф — в прошлом боевой генерал, храбро сражавшийся в войнах с Наполеоном, и еще не запятнавший своего имени жандармской деятельностью, — командует в Петербурге 2-й дра-

[81] ЦГВИА, ф. 37, оп. 191, св. 2, д. 12; св. 57, д. 3.
[82] ОПИ ГИМ, ф. 335, д. 1, л. 128.
[83] Краткое начертание «Военного журнала»..., с. 2—3.

гунской дивизией (в 1819 г. он заменит Н. Сипягина на посту начальника штаба гвардии, при котором издавался «Военный журнал»)[84]; Н. Б. Голицын тоже служит в столице, в гвардии, офицером Павловского полка[85], и получить их мемуары издателям журнала не составляло, видимо, особого труда. Записки А. Х. Бенкендорфа Ф. Глинка сопроводил ярким публицистическим предисловием, где, в частности, говорилось: «Необычайные события 1812 года достойны внимания современников и потомства. Мало видим примеров в летописях мира той редкой храбрости и пламенной любви к Отечеству, которыми отличился каждый воин и весь народ наш в священной для России войне... Все, что напоминает о сем важном времени, любопытно, а всякое повествование о нем неоцененно для каждого любителя Отечества»[86]. Ф. Глинка же перевел с французского языка текст этих записок, как и было указано при их публикации, а также и «Описание сражения при Кацбахе» А. Ланжерона, напечатанное в III и IV книжках «Военного журнала». Но еще во II книжке за 1817 г. появилось краткое сообщение о том, что издатели «получили от его сиятельства графа Ланжерона составленные им самим записки о военных действиях 1812 и 1813 годов» и что они «будут напечатаны в следующих книжках»[87]. Стало быть, кроме записок о 1813 г., редакция «Военного журнала» располагала еще и воспоминаниями Ланжерона об Отечественной войне, но тогда они здесь напечатаны не были, увидев свет много позднее.

Сведения о громадных по объему и исторической ценности мемуарах А. Ланжерона (он писал их на основе дневниковых записей), охватывавших более трети века его службы в России — с 1790 по 1826 г., еще при жизни автора стали проникать в русское общество. В 20—30-х годах ими живо интересовался А. С. Пушкин, однако по смерти Ланжерона в 1831 г. эти мемуары по его завещанию были переправлены в Парижский архив и с тех пор надолго оказались под спудом. Правда, извлеченное из них описание цареубийства 11 марта 1801 г. использовал еще А. Тьер в «Истории консульства и империи», в 70-х годах XIX в. П. Бартенев безуспешно пытался ознакомиться с рукописью мемуаров, но копия с них для имп. Публичной библиотеки была снята по указанию Александра III лишь после 1881 г., когда истек срок завещательного распоряжения Ланжерона, и только с 90-х годов XIX в. во Франции и России стали появляться, наконец, в печати обширные из них выдержки[88], в том числе посвященные и 1812 г. (I, № 81).

---

[84] Русский биографический словарь. СПб., 1900, т. Алексинский — Бестужев-Рюмин, с. 696; *Пыпин А.* Общественные движения в царствование Александра I. 3-е изд. СПб., 1900, с. 318.
[85] *Серчевский Е. И.* Записки о роде кн. Голицыных. СПб., 1853, с. 258—259.
[86] Военный журнал, 1817, кн. III, с. 25—26.
[87] Там же, кн. II, с. 67.
[88] История СССР в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный каталог рукописей. Конец XVIII в. — 1917 г. Л., 1975, вып. I, с. 123—124; Рус-

В этой перспективе вполне уясняется значение того, что еще в 1817 г. напечатал Глинка в «Военном журнале»: появившиеся здесь материалы, впервые известившие о существовании записок Ланжерона, были одной из первых публикаций их текста в России[89], кстати основательно забытой в исторической литературе.

Бесспорно, из окружения «Военного журнала» вышли и записки активнейшего его сотрудника А. Ф. Раевского, изданные, правда, уже в 1822 г. в Москве под названием «Воспоминания о походах 1813 и 1814 гг.». Два отрывка из них были напечатаны в начале 1818 г. в «Благонамеренном» (I, № 66). Из этого следует, что работать над записками А. Раевский начал, видимо, еще в 1817 г., как раз в период расцвета деятельности Общества военных людей.

Автор дважды подчеркнул связь записок с кругом «Военного журнала» — весьма теплым посвящением книги его основателю и своему бывшему начальнику Н. М. Сипягину и указанием на титульном листе после заголовка: «Сочинения Андрея Раевского, действительного члена Общества военных людей при Гвардейском штабе...». Последнее имело явно демонстративный характер, поскольку Общества военных людей не существовало уже почти три года, тем самым А. Раевский как бы давал понять, что «Воспоминания» возникли в бытность автора членом этого Общества.

Можно предположить, что и другие созданные тогда в офицерской (прежде всего гвардейской) среде записки о наполеоновских войнах (например, конногвардейца А. Я. Мирковича, о которых мы упоминали выше, офицера Измайловского полка И. М. Спиридова, А. И. Мартоса — I, № 68, 73; II, № 6) также возникли не без влияния той атмосферы оживленного интереса к военным мемуарам о 1812 г., которая сложилась вокруг «Военного журнала».

Явственно отразилась она на мемуарных замыслах А. П. Ермолова. Еще в конце 1817 г. Сипягин обратился к Ермолову с просьбой прислать «для помещения в „Военном журнале“» записки об его участии в Отечественной войне и заграничных походах (кстати, такие же просьбы Сипягин направил в 1817 г. и другим видным русским военачальникам, например М. С. Воронцову, Л. Л. Беннигсену). От писания записок для «Военного

ский архив, 1895, № 11, с. 118; *Брикнер А.* Записки графа А. Ланжерона о русском войске (1796—1824 гг.). — Русская мысль, 1896, № 9, с. 29—30; Военный сборник, 1907, № 5, с. 432; Русская старина, 1908, № 2, с. 477; *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. 5-е изд. М., 1969, с. 406—410.

[89] Самая первая публикация отрывков из военных мемуаров Ланжерона в России — «Действия в июле, августе и сентябре 1809 года» (в войне России с Турцией) — появилась еще в 1810 г. в «Военном журнале» П. А. Рахманова (*Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах: Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1845, т. II, А. Ф. Ланжерон, с. 12—13).

журнала» Ермолов тогда отказался[90]. Однако, живя в далеком Тифлисе, Ермолов, как видно из его писем к А. А. Закревскому, регулярно читает «Военный журнал», внимательно следит за публикациями о 1812 г., наталкивающими на размышления о том, что история Отечественной войны «не одного человека дело», что нужны для этого материалы, а Сипягин лишь собирает «от каждого частные дела». «Реляция» К. Толя о Кульмском сражении вызывает опасение Ермолова, что его собственное участие в войнах не получит должного освещения, и все это (наряду, конечно, с впечатлениями от других русских и иностранных сочинений о походах 1812—1814 гг.) подводит к мысли о том, что и ему самому придется все же заняться воспоминаниями. «Тогда появиться должны и мои записки», — пишет он Закревскому 17 августа 1818 г.[91]

С «Военным журналом» следует поставить в связь и мемуарные занятия тех лет Д. В. Давыдова. Подготовка первых вариантов «Дневника партизанских действий» приходится как раз на то время, когда он выступает в журнале с очерками о боевых эпизодах русско-шведской и русско-турецкой войн и активно сотрудничает в Обществе военных людей. В январе 1817 г. Давыдов не без гордости извещает П. А. Вяземского: «Я также назначен членом Военного общества, при Гвардейском штабе учрежденном. В нем членами — Жомини, Толь, Дибич, Бутурлин и множество отличных офицеров. На днях я для их журнала посылаю мое новое сочинение: „Опыт о партизанах“. Я им уже его читал, и они были довольны. . .» [92]. Члены Общества с сочувствием отнеслись и к самому «Дневнику партизанских действий», всячески популяризируя его на страницах «Военного журнала». Отмечая, что «обстоятельства 1812 года воскресили имя и в полном блеске открыли дарования партизан», Глинка писал, что подвиги их к «общему удовольствию. . . уже описываются прекрасным пером известного партизана писателя нашего Д. В. Давыдова». О том, что «действительный член Военного общества генерал-майор Давыдов. . . скоро издает в свет сие произведение пера своего», писал в «Военном журнале» и Сипягин [93]. Есть все основания предполагать, что и мемуарные записки о партизанах 1812 г. (а не только «Опыт теории партизанских действий») Давыдов также предназначал вначале для «Военного журнала».

Некоторое воздействие на мемуаристику вызвали обнародованные в 1814 г. в «Сыне Отечества» призывы А. А. Писарева к созданию жизнеописаний полководцев 1812 г., актуально прозвучавшие в условиях повышенного интереса в России после войны к их боевой деятельности и частной жизни. Так «доктор

---

90 ЦГВИА, ф. 209, д. 1, л. 1 и об.; д. 2, л. 1 и об.; д. 6, л. 1, 2.
91 Сборник РИО. СПб., 1890, т. 73, с. 307—308.
92 Старина и новизна, 1917, вып. 22, с. 22.
93 Военный журнал, 1817, кн. V, с. 58; 1818, кн. VI, с. 31.

медицины» Я. И. Говоров, которого Писарев назвал одним из возможных авторов биографии П. И. Багратиона (он состоял при нем личным врачом), собирался составить подробное жизнеописание трагически погибшего командующего 2-й армией. «Я имел намерение издать полную биографию сего героя», — свидетельствовал Говоров, но из-за потери «многих записок во время походов за границею» вынужден был ограничиться личными воспоминаниями о ранении и смерти Багратиона, выпустив их в 1815 г. в виде небольшой книжки (I, № 36).

Вообще, надо заметить, что роль «Сына Отечества» в публикации мемуаров об Отечественной войне и заграничных походах была весьма весомой. Представляется не случайным, что на страницах и этого журнала, также находившегося тогда в орбите декабристского влияния, часто печатаются в 1816—1817 гг. военно-мемуарные очерки прогрессивно настроенных офицеров, располагавших обширными знакомствами в среде членов тайной организации и прикосновенных к передовому литературно-общественному движению, например А. И. Мартоса (сына знаменитого скульптора) и А. И. Михайловского-Данилевского (I, № 46, 48, 51, 52, 55).

Воспоминания последнего являются, кроме того, и примером тесной связи мемуаристики с историческими трудами о 1812 г., которые велись тогда в России.

С 1816 г. Михайловский-Данилевский начинает печатать в разных периодических изданиях свои мемуарно-исторические записки о наполеоновских войнах, положительно встреченные читателями, особенно в литературно-журналистских и армейских кругах. Те, что касались кампаний 1813—1815 гг., представляли собой переработанные тексты «журналов»-дневников за эти годы. Но мемуарные очерки об Отечественной войне — «О сдаче Москвы» и «Два отрывка из истории 1812 года» (I, № 54, 65) — имели совсем иное происхождение. Как указывал Михайловский-Данилевский, «статьи из войны 1812 года взяты мною из истории моей сей эпохи, написанной мною по-французски» [94]. Речь идет о той самой «Истории кампании 1812 года», которую он посвятил Н. И. Тургеневу и завершил в 1816 г. Михайловский-Данилевский составлял ее не только по официальным источникам, но, как участник событий, и по своим богатейшим личным впечатлениям, наполняющим многие страницы «Истории». Именно эти «статьи» и были выделены им в качестве самостоятельных мемуарно-исторических очерков.

Завершая рассмотрение раннего периода русской мемуаристики 1812 г., мы должны помнить, что его значение не ограничивается кругом появившихся только в это время мемуарных памятников. В первые послевоенные годы был дан в этом смысле мощный импульс развитию мемуаротворчества, ощутимо и разносторонне сказавшийся в последующие десятилетия. Многие ме-

---

[94] Русская старина, 1897, № 6, с. 454.

муарные произведения об эпохе 1812 г., с которыми мы сталкиваемся уже в последующее время, так или иначе уходят своими корнями в послевоенный период. Именно тогда возникает немало мемуарных замыслов, реализовавшихся только в 20—50-х годах XIX в. Именно тогда были начаты записки об Отечественной войне (например, А. Ф. Раевского, Д. В. Давыдова, А. П. Ермолова), завершенные значительное время спустя. Весьма интенсивное во второй трети XIX в. и обретшее широкую популярность у современников мемуарное творчество на темы наполеоновских войн ряда их участников (например, Н. Б. Голицыным, А. Михайловским-Данилевским издаются в тот период десятки мемуарных книг и статей) берет свое начало также в послевоенные годы. Отдаленным отголоском некоторых воспоминаний об Отечественной войне, созданных в эти же годы, надо считать и мемуарные отклики на них, появившиеся уже в 30, 60 и даже 80-х годах (I, № 103, 212, 290).

Не могли пройти бесследно для будущих судеб мемуаристики о 1812 г. и историографические начинания первых послевоенных лет как в широком плане общественного и опосредованного воздействия, так и в более узком — в связи с созданием тех или иных произведений. Так, прямым следствием предпринятых во второй половине 10-х годов XIX в. при Главном штабе военно-исторических описаний следует, безусловно, считать составленные только в 1825 г. записки о 1812 г. Н. Н. Раевского, явившиеся, как уже указывалось, ответом на соответствующий запрос Жомини. Примечательно также и то, что причастные к названным историографическим начинаниям лица (скажем, Ф. Н. Глинка, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин) спустя много лет сами выступают в роли авторов получивших глубокий общественно-исторический резонанс мемуаров о 1812 г.

С рядом воспоминаний первых послевоенных лет (А. Ф. Раевского, частично Н. Н. Муравьева и др.) связано и зарождение традиции походных офицерских записок — важной разновидности мемуарной литературы об Отечественной войне, бурно развившейся уже в 20—30-х годах XIX в.

В этот же послевоенный период дает первые побеги декабристская ветвь русской мемуаристики 1812 г. Большинство посвященных ему записок членов тайных обществ относится уже к последекабристскому периоду — к 30—80-м годам. В эти десятилетия в общем русле мемуарного творчества декабристов пишутся и их наиболее значительные воспоминания об Отечественной войне и заграничных походах (и мемуарные тексты об этой эпохе в составе их более обширных хронологически мемуарных повествований). Однако в известной мере они основывались и на том опыте, который был накоплен еще в послевоенные годы. В первую очередь здесь должны быть названы 2-томные записки будущего члена Северного общества и участника восстания 14 декабря 1825 г. В. И. Штейнгеля о действиях Петербургского ополчения в Отечественной войне и кампании 1813 г. (I, № 35). Уже эти

записки («военным историком», подобным «Ксенофонту», называла автора современная критика), насыщенные наблюдениями военно-походной жизни и ярко осветившие тему народной войны, по справедливому мнению исследователя, отмечены чертами «преддекабристских настроений» и гражданского патриотизма, столь характерного для последующего художественно-публицистического творчества декабристов [95]. Напомним также, что в 1813—1815 гг. составляет свои первые записки о походах 1812 и 1813 гг. В. С. Норов; к 1816 г. были уже закончены мастерски написанные, по свидетельству И. П. Липранди, воспоминания об Отечественной войне И. А. Фонвизина; в конце 10-х годов готовит записки о кампаниях 1812—1814 гг. член Союза Благоденствия А. Я. Миркович, и можно предполагать, что примерно тогда же приступает к своему мемуарному труду (включавшему описание наполеоновских войн) и М. Ф. Орлов.

Нельзя, наконец, не отметить, что в послевоенный период в мемуаристике 1812 г. (и впервые в масштабе русской мемуарной литературы в целом) выявляется публицистическая тенденция, выражавшаяся в сближении мемуаров с текущей печатью и современной политической жизнью вообще [96]. Правда, мемуаристика, как и вся русская общественная мысль той эпохи, была охвачена пафосом борьбы с наполеоновским нашествием, и естественно, что на передний план выдвигались в ней национально-освободительные мотивы. В той части мемуарной литературы, которая проникала на страницы печати, преобладало, особенно к исходу наполеоновских войн, их истолкование с позиций охранительно-монархической идеологии. Однако уже тогда в мемуарах об Отечественной войне и заграничных походах звучат гражданственно-вольнолюбивые ноты, и само зарождение декабристской ветви мемуаристики 1812 г. явилось, бесспорно, симптомом начавшегося в ее недрах идейного размежевания.

30-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Прежде чем коснуться общественно-историографических предпосылок развития мемуаристики в 30-х годах, необходимо сделать несколько замечаний относительно предшествовавшего им десятилетия.

Еще на рубеже 10—20-х годов, по мере того как шло время, а внимание широких общественных кругов поглощалось событиями современной политической жизни (нарастанием реакции и последними вспышками правительственного либерализма, введением военных поселений, обострением крестьянского вопроса, конгрессами Священного союза, революциями в Европе и т. д.),

---

[95] *Писарев А. А.* Указ. соч., ч. 2, с. 200; *Базанов В.* Очерки декабристской литературы, с. 69.
[96] *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика XIX в. — История СССР, 1979, № 6, с. 91—94.

все более стало выявляться, что столь живые для первых послевоенных лет впечатления Отечественной войны начинают тускнеть и постепенно отходят в прошлое. «Всякое происшествие лишается от времени политической важности, которую оно имело в продолжение своего существования; тогда оно входит в состав истории, начинают его исследовать и подвергать суждению», — писал в 1819 г. Михайловский-Данилевский во вступительных строках к мемуарному очерку «О сдаче Москвы», и в подкрепление этой историко-философской сентенции указывал: «В сем положении находится Отечественная война; освободив Европу, *она принадлежит ныне к Истории почти во всех своих отношениях»* (I, № 65а, с. 5). Такое мнение было отнюдь не единственным. В том же, 1819 г. в рецензии на только что вышедшую книгу Д. И. Ахшарумова «Описание войны 1812 г.», с которой и тогда и впоследствии связывалось начало русской историографии Отечественной войны, в журнале «Сын Отечества» говорилось: «Чем более 1812 год, незабвенный своими ужасами и славою, отдаляется от нас в тумане времени, тем драгоценнее, важнее, достовернее становятся подробности и истинные сведения о его великих происшествиях. Голос страсти, волнующий современников, умолкает... и происшествия, недавно совершившиеся, мало-помалу вступают в область Истории...» [97].

Сам факт одновременного обнародования этих двух совпадающих не только по мысли, но даже и текстуально мнений, высказанных независимо друг от друга и по разным поводам, весьма симптоматичен: в нем отразился складывающийся в военной и литературно-ученой среде взгляд на судьбу наполеоновских войн в современном общественном сознании. Во второй половине 20-х годов он сформировался окончательно. В одной из брошюр при обозрении последних лет александровского царствования говорилось, например: «Россия забывала уже бурю брани, возникшую от гибельного властолюбия Наполеона...» [98].

Своеобразной декларацией этого взгляда явилась напечатанная в 1828 г. в «Московском телеграфе» Николая Полевого статья «Исторические известия о пожаре Московском 1812 года». «Влияние событий Отечественной войны 1812 года существует для нас совершенно в *историческом* только отношении, как грозный поход Карла XII в Россию в XVIII веке и обладание Москвы поляками в XVII столетии. Уже рука времени и благодетельное попечение правительства изгладили глубокие язвы, нанесенные войною 1812 года; уже давно нет того, кто замышлял тогда уничтожить Россию, и многие из тех, кто были орудиями спасения, уже перешли за пределы земной жизни. Всеобщий мир и дружба народов, бывших тогда врагами, истребили воспоминания вражды; исчезли

---

[97] Сын Отечества, 1819, № 46, с. 275.
[98] Таганрог, или подробное описание болезни и кончины императора Александра Первого, в Бозе почивающего, составленное Николаем Данилевским. М., 1828, с. V.

и переменились многие тогдашние царства; страсти, столь бурно кипевшие, смолкли, и все события, поступив в область истории, рассматриваются нами, как потомством, при свете совершенного беспристрастия»[99].

Теперь, таким образом, Отечественная война сближается не с современностью, как в первые послевоенные годы, а с крупнейшими вехами борьбы за национально-государственное существование ушедших в далекое прошлое времен, особенно с бурными событиями начала XVII в., после которых, собственно, и не было ничего равного 1812 г.

Впервые раздаются теперь и голоса в пользу «уважения к достоинству исторических истин» и применения оружия «строгой критики», которая позволила бы не только воздать должное «непреклонной храбрости наших воинов», но и объективно оценить действия противной стороны — ее «подвиги также важны для истории», а французов «мы не считаем уже... нашими неприятелями». Спокойному и непредвзятому рассмотрению подлежат ныне все сложные и запутанные обстоятельства того времени, в том числе и отступление русской армии в глубь страны, и причины пожара Москвы — вопросы, вызывавшие в 1812 г. самые жгучие споры[100].

Восприятию Отечественной войны в ретроспективном ракурсе, как отдаленной исторической эпохи, не имеющей живых созвучий с современностью, соответствовало вместе с тем стремление Александра I предать забвению некоторые важные стороны опыта 1812 г.

Не касаясь сейчас положения царя в военно-политической ситуации того времени — это особая тема, требующая специального изучения, — отметим лишь, что Александра I (который, по словам А. С. Пушкина, «в двенадцатом году дрожал» и был фактически отстранен от руководства армией) связывали с 1812 г. самые мрачные ассоциации — ослабление в чрезвычайных военных условиях режима неограниченной власти, падение личного авторитета и острая, разделяемая царской семьей критика в его адрес в разных слоях общества, угроза смещения с престола, еще более реальная, чем в послетильзитский период. Даже заграничные походы, в которых царь после смерти Кутузова играл главенствующую роль, особенно 1814—1815 гг., вознесшие его как победителя Наполеона, «освободителя» и миротворца Европы на вершину мировой славы, не могли сгладить тяжкие впечатления лета и осени 1812 г. На них накладывала, наконец, неизгладимую печать и сама атмосфера народной войны, пробудившая дух независимости и гражданских настроений, принципиально несовместимых с политической системой самодержавия и сословно-крепостным строем.

---

[99] Московский телеграф, 1828, № 24, с. 2.
[100] Там же, с. 2—3.

Как бы то ни было, но после окончательного сокрушения Наполеона Александр I проявлял тенденцию заслонить значение 1812 г. последующими событиями, представив великую народную войну лишь как одну из серий кампаний, имевших главным политическим итогом вступление русского царя в Париж и заключение под его эгидой Священного союза [101]. Этой тенденцией были проникнуты еще, как мы видели, и планы создания истории наполеоновских войн, порученной в 1816 г. А. Жомини. Конечно, свое пренебрежение к 1812 г. Александр I не мог всегда выражать открыто, но оно тем не менее явственно ощущалось в его окружении.

А. И. Михайловский-Данилевский, флигель-адъютант царя, сопровождавший его в Москву в августе 1816 г., когда там торжественно праздновалась Бородинская годовщина, был оскорблен в лучших патриотических чувствах при виде того, «как 26 августа государь не только не ездил в Бородино и не служил в Москве панихиды по убиенным, но даже в сей великий день, когда почти все дворянские семейства в России оплакивают кого-либо из родных, падших в бессмертной битве на берегах Колочи», предавался увеселениям на балу графини А. А. Орловой-Чесменской. Глубоко неодобрительно пишет далее Михайловский-Данилевский в дневнике, подытоживая наблюдения прежних лет над поступками Александра I: «Император не посетил ни одного классического места войны 1812 года: Бородина, Тарутина, Малого Ярославца и других, хотя из Вены ездил на Ваграмские и Асպернские поля, а из Брюсселя — в Ватерлоо. Достойно примечания, — заключает он свои размышления, — что государь не любит вспоминать об Отечественной войне и говорить о ней» (II, № 14, с. 159) [102]. В более поздних воспоминаниях, уже в конце 20-х годов, окидывая общим взором царствование Александра I, Михайловский-Данилевский с горечью отмечает, что при нем прославление подвигов Отечественной войны «у нас вовсе было пренебрежено», а в 1836 г. в письме к генералу А. П. Никитину снова жалуется на то, что Александр I не поощрял их описаний, от чего «начали мало-помалу наши войны предавать забвению» [103]. Вероятнее всего, придворные круги (если не самого Александра I)

---

[101] *Кока Г.* Пушкин о полководцах двенадцатого года. — В кн.: Прометей. М., 1969, вып. 7, с. 29—30.

[102] Демонстративное равнодушие Александра I к памяти 1812 г. на фоне его подчеркнутого внимания к местам, связанным с кампаниями 1814—1815 гг., бросалось в глаза и другим современникам. Н. Н. Муравьев, посетивший в том же, 1816 г., Бородинское поле, писал в своих записках: «Никакой памятник не сооружен в честь храбрых русских, погибших в сем сражении за Отечество. Окрестные селения в нищете и живут мирскими подаяниями, тогда как государь выдал 2 000 000 р. русских денег в Нидерландах жителям Ватерлоо, потерпевшим от сражения, бывшего в том месте в 1815 году» (Русский архив, 1885, № 11, с. 338).

[103] Русская старина, 1890, № 11, с. 510—511; ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 62.

имел в виду и Д. В. Давыдов, когда еще в 1820 г. писал А. А. Закревскому, что ныне «стараются предать забвению и события и людей, ознаменовавших сию великую эпоху, коей слава есть собственность России» [104].

«Давно пора перестать говорить о кампании 1812 года или, по крайней мере, быть скромнее. Если кто-либо сделал что хорошее, он должен быть доволен тем, что исполнил свой долг, как честный человек и достойный сын Отечества. . .», — писал 23 марта 1821 г. из Лайбаха находившийся там при Александре I П. М. Волконский командиру Гвардейского корпуса И. В. Васильчикову [105]. Письмо это порицает некоторых генералов за ссору, учиненную на обеде у имп. Елизаветы Алексеевны в связи с попытками оспорить друг у друга заслуги в войне, но в нем нельзя усматривать только личное мнение Волконского по столь, казалось бы, частному поводу. За этими словами таился более глубокий смысл, хорошо понятный в контексте политической ситуации конца 1820—начала 1821 г. — революций в Южной Европе и, главное, восстания Семеновского полка, воспринятого правящей верхушкой как прямое проявление «духа вольности и неповиновения», заразившего армию в походах 1812—1814 гг. Поэтому в данной фразе из письма Волконского, перекликающейся с приведенными выше свидетельствами современников, угадывается устойчивая и усиленная этими событиями неприязнь самого Александра I к памяти об Отечественной войне и порожденным ею освободительным устремлениям.

Правда, в обстановке всеобщего патриотического подъема послевоенных лет Александром I принимаются некоторые меры по увековечению победы над Наполеоном, в частности в 1817 г. закладывается храм Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве и начинаются работы по его сооружению, в 1818 г. издается рескрипт о постановке памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли в Петербурге [106]. Год спустя Д. Доу приступает к созданию грандиозной портретной галереи генералов 1812—1815 гг., но характерно, что ни одно из этих начинаний не было завершено при жизни Александра I.

Отдалению событий 1812 г. в прошлое способствовала и напряженная внутриполитическая обстановка середины 20-х годов, еще более заслонявшая воспоминания об Отечественной войне, и внешнеполитический курс царизма — его тесное сближение с династией Бурбонов во Франции, при котором официальная поддержка популяризации борьбы России с французским нашествием становилась явно неуместной.

В результате в 20-х годах заметно приглушается общественное звучание темы 1812 г.: историко-публицистические выступления и собственно исторические сочинения довольно редки, ранее

---

104 Сборник РИО. СПб., 1890, т. 73, с. 525.
105 Русский архив, 1875, № 5, с. 90.
106 Русская старина, 1901, № 10, с. 136.

начатые военно-исторические работы свертываются (единственный крупный труд на эту тему — вышедшая в 20-х годах книга Д. П. Бутурлина — по своему происхождению всецело принадлежит предшествующему десятилетию). Гораздо слабее освещается эпоха 1812 г. и в прессе, как специально военной, так и общеполитической и литературной. Газеты почти совсем перестают откликаться на события того времени, а полемика между «Северной пчелой» Ф. В. Булгарина и «Отечественными записками» П. П. Свиньина по поводу портретов Д. Доу для Военной галереи Зимнего дворца сосредотачивается в основном на обсуждении их художественных достоинств и правомерности поручения иностранцу столь важного патриотического дела, но никак не касается проблем самой Отечественной войны и деятельности ее полководцев [107].

Далеко не случайно, что снижению в 20-х годах общественного внимания к эпохе Отечественной войны соответствует и затухание интереса к мемуаристике. Вопросы ее развития, столь живо дискутировавшиеся в послевоенные годы, ныне отходят на задний план, в частности почти исчезают со страниц газет и журналов призывы к участникам событий той эпохи записывать свои воспоминания. Главное же, мы наблюдаем в 20-х годах спад самой мемуарной литературы сравнительно с прежним временем: по числу созданных или начатых произведений (21 название) — более чем в 3 раза, по числу мемуарных публикаций (16 названий) — в 2,5 раза. Кроме «Воспоминаний о походах 1813 и 1814 гг.» А. Ф. Раевского (I, № 66в), в большей части составленных еще в конце прошлого десятилетия, в 20-х годах не вышло в свет никаких других сколько-нибудь значительных мемуарных памятников об эпохе 1812 г., и то, что было напечатано тогда,— это отрывки, статьи, заметки. Из крупных по своему значению мемуаров, целиком написанных в 20-х годах, можно назвать лишь воспоминания о 1812 г. Ф. В. Ростопчина и А. Михайловского-Данилевского. Правда, начинают составлять записки И. Т. Радожицкий, В. С. Норов, А. С. Шишков, но завершение их относится уже к первой половине 30-х годов.

На фоне этого спада резким контрастом выделяется последующее десятилетие.

Перелом, наступивший в данном отношении в 30-х годах, был проницательно подмечен А. С. Пушкиным. В 1833 г. в черновом наброске письма к А. П. Ермолову он писал, что «шум 1812 года», «пожар Москвы и бегство Наполеона... затемняют и заглушают всё» [108]. С этого времени «шум 1812 года», действительно, «заглушает всё» — духовная жизнь русского общества наполняется его реминисценциями, и события наполеоновских войн выдвигаются

---

[107] Отечественные записки, 1827, № 90, с. 138—143; Северная пчела, 1827, № 149, 13 дек.; *Глинка В. М., Помарнацкий А. В.* Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1974, с. 15—21.

[108] *Пушкин А. С.* Письма. М.; Л., 1935, т. III, с. 96.

на одно из первых мест в исторических интересах современников. «Все, что рассказывается о незабвенном 1812-м годе, слушается с жадностью; все, что печатается о великих светозарных ее событиях, читается с жадностью», — патетически восклицали «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"» [109]. Пресса настойчиво указывала на далеко еще не удовлетворенное «и всегда подстрекаемое любопытство наших соотечественников узнать все подробности, общие и частные, незабвенной войны России с Франциею» [110].

Эти «жадность и любопытство», с которыми встречалось каждое устное или печатное слово о 1812 г., отнюдь не преувеличение восторженно настроенных журналистов. В отличие от 20-х годов, когда Отечественная война воспринималась как лишенная «политической важности», не подверженная «кипению страстей», ушедшая в прошлое и поучительная «в историческом только отношении», ныне она неожиданно обретает злободневный смысл и настолько сближается с современностью, что ставится под сомнение самая возможность подойти к ней исторически и верно оценить «происшествия» 1812 г. во всем их громадном объеме и значении: «Как современники дивных событий, мы не можем еще видеть все величие этой эпохи, подобно тому как не может человек, ставший лицом прямо к стене какой-нибудь огромной башни, окинуть одним взглядом всю общность величественных ее размеров. Пусть успокоятся, улягутся в душе впечатления, вызванные этою эпохою, пусть утихнут страсти, пусть время отдалит немного прошедшее, — и тогда мы увидим историю. . .» [111].

О животрепещущем характере восприятия «дивных событий» 1812 г. позволяет судить периодика: в 30-х годах они буквально не сходят со страниц множества изданий разной идейно-политической ориентации и освещаются здесь с такой остротой, с какой о них писалось разве только в период самой войны. Публицистические размышления, «военные анекдоты», заметки о ярких эпизодах боевой жизни 1812 г.[112], объявления о выходящих книгах, рецензии чуть ли не на все публикуемое в России о наполеоновских войнах — вот далеко не полный перечень откликов на них современной печати. Причем — и это особенно показательно — чаще всего трактуют эту эпоху самые популярные газеты, например «Северная пчела», «Русский инвалид», и наиболее читаемые журналы вроде «Московского телеграфа», «Телескопа», «Библиотеки для чтения», «Журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений». Пушкинский «Современник», проявлявший неизменный интерес к эпохе 1812 г., посвящает ей значительную часть II тома. В журналах печатаются и обращенные

109 Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1836, № 97; № 98, с. 778.
110 Северная пчела, 1832, № 80, 6 апр.
111 Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1838, № 31, с. 613.
112 См., например: Русский инвалид, 1834, № 79, 207; 1835, № 2, 222, 224, 226, 229, 235; 1837, № 144, 146.

к событиям Отечественной войны историко-публицистические и памфлетные статьи Д. В. Давыдова — яркое явление военно-общественной мысли 30-х годов [113]. В этом же плане важное значение имело переиздание пользовавшихся огромной популярностью еще в первое послевоенное десятилетие военно-публицистических сочинений Ф. Н. Глинки и И. И. Лажечникова — их знаменитых «Писем» и «Походных записок» [114].

Заметно расширяются публикации военно-исторических трудов; их авторами выступают в основном сами участники наполеоновских войн, что также придает этим трудам оттенок злободневности и живого ощущения эпохи. Выходит в свет 2-томный свод официальных документов о 1812—1813 гг. И. Похвиснева [115]. Впервые на русском языке издаются стратегический разбор кампании 1812 г. Н. Окунева [116] и очерки похода 1813 г. Д. Бутурлина [117]. Вторым изданием выпускается его история Отечественной войны [118]. Появляются и вновь написанные общие обзоры военных действий 1812 г.[119], исторические описания Березинской переправы и отступления французов [120], Бородинского сражения [121], очерки о партизанском движении [122] и участии представителей различных сословий в борьбе с нашествием [123]. Переводятся и со-

---

113 *Давыдов Д.* Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году? — Библиотека для чтения, 1835, ч. 7; *Он же.* О партизанской войне. — Современник, 1836, т. III.

114 *Глинка Ф.* Письма русского офицера. — ЖЧВВУЗ, 1836, т. 1, № 2; *Лажечников И. И.* Походные записки русского офицера. СПб., 1836. (Первое отдельное издание вышло еще в 1820 г. в Москве); *Он же.* Отрывки из походных записок русского офицера, 1814. — ЖЧВВУЗ, 1837, т. 9, № 35.

115 *Похвиснев И.* Журнал или записки войны, открытой французами в России 1812 года, июня 12 дня, а прекращенной россиянами в Париже 1814 года, марта 18 дня. М., 1830—1833, т. I—IV.

116 *Окунев Н.* Рассуждения о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 г. СПб., 1833.

117 *Бутурлин Д. П.* Картина осеннего похода 1813 г. в Германии после перемирия до обратного перехода французской армии через Рейн. СПб., 1830. Рецензии см.: Литературная газета, 1830, № 54; Московский телеграф, 1830, № 17, с. 105—107.

118 *Бутурлин Д. П.* История нашествия имп. Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1837—1838, ч. I—II.

119 *В. Б.* Взгляд на кампанию 1812 года. — Русский инвалид, 1831, № 87, 88, 95, 101, 106—112.

120 *В. Б.* Переправа через реку Березину в 1812 году. — Военный журнал, 1830, кн. IV, с. 1—50; Критическое положение Наполеона при переправе французской армии через Березину в 1812 г. СПб., 1833; *Глинка Ф.* Бегство французов через Смоленскую губернию. — Северная пчела, 1831, № 214.

121 *Свечин П.* Воспоминания: Бородино. — Русский инвалид, 1833, № 259; *Неелов.* Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839; *Хатов А. И.* Бой при редуте Шевардинском 24 августа 1812 г. — Военный журнал, 1839, № 3; Бородинская битва. — Русский инвалид, 1839, № 216.

122 *Неведомский Н.* Последнее сражение Фигнера: Отрывок из истории партизан. — Русский инвалид, 1838, № 91—99; *Броневский В. Б.* Участие казаков в Отечественной войне. — Телескоп, 1834, № 18, 19.

123 Московский телеграф, 1833, ч. XV, с. 441; Русский инвалид, 1834, № 79.

чинения иностранных историков о 1812 г. и Наполеоне[124]. Здесь прежде всего должен быть отмечен выход в свет многотомного труда Вальтера Скотта, вызвавшего шумные и разноречивые отклики[125]. Свою роль в распространении исторических знаний об Отечественной войне сыграли в 20-х годах и первые тома «Военно-энциклопедического лексикона» Н. И. Греча и «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшара, печатавшие статьи о крупных сражениях и военачальниках 1812 г.

Надо упомянуть и об отражении Отечественной войны в художественном творчестве 30-х годов. Это и облеченная в форму военных записок, дневников, путешествий беллетристика: рассказы и повести[126], исторические романы М. Н. Загоскина («Рославлев, или Русские в 1812 году»), Ф. В. Булгарина («П. И. Выжигин»), Р. М. Зотова («Леонид, или Черты из жизни Наполеона» и др.), выдержанные в казенно-патриотическом духе. Это, наконец, стихотворные отклики на 1812 г.[127]. Особое место место среди них занимают такие вершинные создания русской поэзии, как лермонтовское «Бородино» и «Полководец» Пушкина, которые нельзя рассматривать лишь в литературно-поэтическом ряду: они явились крупными вехами общественно-исторического сознания 30-х годов, наиболее глубоко и совершенно выразив отношение современников к традициям 1812 г. Что касается «Полководца», то развернувшаяся в связи с ним в конце 1836—начале 1837 г. журнальная полемика привлекла общественное внимание не только к оценке роли Барклая-де-Толли и Кутузова, но, как увидим далее, и к истолкованию важнейших социально-политических аспектов истории Отечественной войны в их тесной связи с современностью[128].

Столь бурное оживление интереса к 1812 г. объясняется иногда в литературе тем, что тогда отмечался его 25-летний юбилей[129].

---

[124] Война Наполеона против России в 1812 г.: Отрывок из Герена. — Сын Отечества, 1832, ч. 161, с. 153—171; Полная история семейственной и военной жизни Наполеона Бонапарте... Тушард Лафоса и Г. П. Коло. М., 1832, ч. 1—4; Полные анекдоты Наполеона Бонапарта, изображавшие как характер его, так и военные дарования... М., 1831, ч. 1—2.

[125] *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. СПб., 1831—1832, ч. I—XIV.

[126] См., например: Бивак. Отрывок из воспоминаний об отступлении французской армии в 1812 г. — Московский телеграф, 1831, № 11, с. 313—327; Русские сцены из Отечественной войны 1812 года: Записки корнета Бессмертного Гусарского полка. СПб., 1837, т. I—II; Путешествие в Смоленск, или Воспоминание 1812 года: Сочинение Н. Бороградского. М., 1839.

[127] *Бродский Н. Л.* Из литературных отражений Отечественной войны. — В кн.: Отечественная война и ее причины и следствия. М., 1912; *Покровский К. В.* 1812 год в русской повести и романе. — ЧОИДР. М., 1912, кн. 4 (243); отд. 1, с. 123—130.

[128] *Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б.* «Полководец» Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939, т. 4—5; *Кока Г. М.* Указ. соч., с. 17—77; *Петрунина Н. Н.* «Полководец». — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974, с. 278—305.

[129] *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. М., 1958, с. 225; *Еремин М.* Пушкин-

Однако это объяснение явно недостаточно. Ведь, строго говоря, 25-летие Отечественной войны приходится на 1837 г., между тем внимание к ней, захватившее все сферы общества, с неослабевающей силой проявляется в течение всего десятилетия — и до 1837 г., и после него (в этом отношении 30-е годы вообще могут быть признаны внутренне целостным и законченным периодом). Далее. Кроме 25-летней годовщины Отечественной войны, в XIX в. были и другие, не менее «круглые» и знаменательные юбилейные даты, например 50-летие в 1862 г. или 75-летие в 1887 г., но ни одна из них не вызвала такого прилива общественного интереса, какой мы наблюдаем в 30-х годах. Следовательно, дело здесь не в юбилее как таковом — он мог послужить лишь внешним поводом для проявления иных, более глубоких и существенных обстоятельств. Истоки этого интереса коренятся в особом сплетении общественных умонастроений и политических тенденций, которые обнаружили себя уже с самого начала 30-х годов.

Ключевым моментом явилось здесь польское восстание 1830—1831 гг., осложненное внешнеполитическими последствиями западноевропейских революций. Фактическое отделение в ходе восстания Польши от Российской империи, претензии на отторжение от нее украинских, белорусских, литовских земель и детронизация династии Романовых глубоко уязвили национальные чувства широких кругов русского общества и дворянства прежде всего, а призывы со стороны Франции к вооруженному вмешательству в русско-польский конфликт, который, казалось, мог перерасти во всеобщий поход западных держав против России, еще более эти чувства обострили. Угроза новой войны, поднимавшейся на волне революций, наподобие той, что пришлось пережить в начале века, с необычайной силой всколыхнула воспоминания о французском нашествии, стойко державшиеся в общественном сознании и в последующие годы.

Мотивы переклички двух эпох — непременная черта не только публицистики, но и исторических сочинений. «Возведенный на трон Франции философами революции, счастием и победами, Наполеон для поддержания себя на оном, подобно всем завоевателям, почитал необходимым вести войну беспрерывную. . .» [130] — эти начальные фразы описания Отечественной войны, напечатанного в 1831 г., почти буквально воспроизводили стиль антинаполеоновских памфлетов и брошюр 1812—1814 гг.

П. И. Бартенев записал рассказ Е. Е. Комаровского о его встрече с А. С. Пушкиным в Петербурге летом 1831 г., когда на вопрос, отчего он так встревожен, Пушкин ответил: «Разве вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году» [131]. А в ноябре 1833 г. поэт писал жене: «Мне сда-

---

публицист. М., 1963, с. 248; *Пушкин.* Письма последних лет, 1834—1837. Л., 1969, с. 317. (Комментарий В. Э. Вацуро).

130 *В. Б.* Взгляд на кампанию 1812 года. — Русский инвалид, 1831, № 87, 8 апр.

131 Русский архив, 1879, № 3, с. 385.

ется, что мы без европейской войны не обойдемся» [132]. Д. Давыдов даже считал, что война с Польшей в 1831 г. «едва ли не была... грознее войны 1812 года» [133]. Сближения с 1812 г. подогревались и неудачами в польской кампании, победный исход которой рассматривался тогда делом спасения России. Но покровительствуемые Николаем I военачальники не смогли обеспечить (до конца лета 1831 г.) успеха в военных действиях, что закономерно будило мысль об овеянных славой полководцах 1812 г. и первейшем из них — Кутузове, спасшем Отечество в войне с Наполеоном. Известный цикл стихотворений Пушкина 1831 г. — «Перед гробницею святой», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» — с точностью исторического документа выразил сложную гамму этих взывавших к памяти Отечественной войны патриотических настроений [134].

Аналогии с 1812 г. находили опору в общих условиях общественной жизни 30-х годов. На фоне все растущей реакции, пресечения любых ростков свободной мысли и гражданской самодеятельности, торжества полицейско-бюрократического всевластия в умах всех, кто так или иначе был затронут николаевским деспотизмом, и особенно молодого поколения (а круг их был достаточно обширен и не ограничивался лишь узкой прослойкой революционно настроенной интеллигенции), Отечественная война рисовалась легендарной, эпической порой русской истории, полной, по словам В. Г. Белинского, «дивных, почти мифических потрясений» [135], временем раскрытия ярких, независимых характеров, подъема духовных сил народа и нравственного раскрепощения общества. В хрестоматийно известных строках «Бородино» М. Ю. Лермонтова («Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри — не вы!»), воплотивших эти умонастроения в афористически-образной форме, Белинский верно почувствовал «тоску по жизни» и активному действию поколения 30-х годов, его «зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» [136], и, пожалуй, именно в этом таилась глубинная подоснова пристального интереса к Отечественной войне в 30-х годах XIX в.

С этим же связано и совершенно особое значение темы 1812 г. в общественной мысли 30-х годов. Истолкование причин победы над Наполеоном, характера, движущих сил, итогов войны и,

---

[132] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1948, т. XV, с. 93.
[133] *Давыдов Д.* Воспоминания о польской войне 1831 года. — В кн.: Сочинения Д. В. Давыдова. СПб., 1895, т. II, с. 967.
[134] *Беляев М. Д.* Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. — В кн.: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, 1827—1832. Л., 1927, с. 257—300; *Томашевский Б. В.* Пушкин и июльская революция 1830—1831 гг. — В кн.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961, кн. 2, с. 291—344; *Городецкий Б. П.* «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1960, т. III, с. 222—224.
[135] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1954, т. IV, с. 7.
[136] Там же, с. 503.

главное, роли, сыгранной в ней народом, служит опытным полем для постановки актуальных проблем современного состояния страны — взаимоотношения общества и самодержавного государства, крестьянства и дворянства, России и Запада. В преддверии зарождения славянофильства и западничества как самостоятельных течений общественной мысли эта последняя проблема скрестила в себе социальные, политические, религиозно-нравственные искания современников. Возбужденная же «Философическими письмами» П. Я. Чаадаева, она все более выдвигается на передний план и становится центром накаленных историко-философских споров. Обращение к бывшим у всех еще в памяти событиям Отечественной и последующих войн давало благодатную почву для размышлений о путях развития России и ее высоком предназначении в будущем, о национально-самобытных истоках ее исторической жизни, о роли в судьбах Европы и мировой цивилизации [137]. «1812 год, эпоха столкновения Запада и Востока, родил сознание народа русского; 1812 год есть начало самобытной национальной жизни России. В самом деле, какой великий переворот произвел в умах этот год нашествия галлов и двадесяти языков! Какой переворот произошел в полете русского гения, когда на полях отчизны он встретил чужеземца с оружием, готовым похитить святое достояние! Дотоле подражатель, русский сознал себя...» [138] — эти слова из напечатанной в «Телескопе» статьи участника студенческих кружков и литератора А. Д. Закревского чрезвычайно типичны для исторических воззрений людей 30-х годов.

Обострение проблемы 1812 г. в общественном сознании усугублялось и тем, что с начала 30-х годов она в большей степени, чем ранее, попадает в сферу правительственной политики.

Именно теперь, после страшных для царизма потрясений 1830—1831 гг., воспринятых им как воскрешение декабристских традиций, когда открытое выступление Польши и революции в Западной Европе, нашедшие сочувственный отзвук в общественном мнении самой России, в воззрениях демократически настроенного студенчества, сплелись в один узел с прокатившимися от Севастополя до Петербурга стихийными восстаниями против правительственной администрации и феодального угнетения, — именно теперь и складывается окончательно политическая система николаевского царствования [139], направленная на неукоснительное охранение устоев феодально-абсолютистского строя с присущими этой системе идеологическими принципами.

---

[137] *Окунь С. Б.* Русский народ и Отечественная война 1812 года. — История СССР, 1962, № 3, с. 52; *Бродский Н. Л.* Избранные труды. М., 1964, с. 126, 134—135; Развитие реализма в русской литературе. М., 1972, т. 1, с. 149.

[138] *Бродский Н. Л.* Указ. соч., с. 137.

[139] *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. II, с. 395—396; *Полиевктов М.* Николай I: Биография и обзор царствования. М., 1918, с. 113, 201.

30-е годы XIX в. — время оформления «теории» официальной народности как цельной идеологической доктрины самодержавия, ставшей с тех пор вплоть до 1917 г. его идейным знаменем. Однако в конкретно-историческом плане процесс становления в 30-х годах «теории» официальной народности освещен в нашей историографии далеко не полно, в частности почти совсем не прояснено, какую роль в генезисе этой «теории» играло обращение ее творцов и пропагандистов к опыту 1812 г.

Между тем апелляция к нему была использована для подкрепления краеугольного положения «теории» — тезиса о патриархальной природе российского самодержавия, покоящегося на безграничной преданности крестьян помещикам, а всего народа — верховной монархической власти, которая отечески печется о своих подданных. В сочетании с их врожденным благочестием это и составляет исконно самобытные основы государственной жизни России, ее исторического значения и первенствующего положения в современном мире в противовес раздираемому смутами Западу.

С этой точки зрения более всего привлек к себе уже сам отечественный характер событий 1812 г. Народная война не только не замалчивалась, а, наоборот, всячески поднималась на щит. Однако естественно пробудившиеся повсюду в ответ на иноземное вторжение национальные чувства, захватившие все сословия порывы патриотического самопожертвования, партизанская самодеятельность крестьянства — все это было превратно истолковано как исключительный результат царских призывов, как беспримерное дотоле в России по своему размаху проявление верноподданнических настроений, как одно из самых убедительных подтверждений жизненности идеи единения народа с монархией вообще и приверженности его правящей династии в особенности, наконец, как аргумент в пользу незыблемости социальных устоев государства. «Незабвенные события 1812 года убедительно доказывают», — писала в 1834 г. «Северная пчела», что в то время, как «дворянство явило преданность государю, Отечеству и оправдало надежды самодержца, по мановению которого оно собрало ополчение и принесло в жертву свое достояние и свою жизнь», «крестьяне» — это законное дворянское «достояние» — не видели «в своих помещиках притеснителей», и, хотя «враг стремился страхом принудить и лестию слов соблазнить сынов России к нарушению их обязанностей, он встретил в каждом семьянине защитника своей Родины» [140].

При этом и все успехи в борьбе с Наполеоном связываются преимущественно с именем Александра I, фигура которого прочно заслонила полководцев Отечественной войны. Если раньше царь был торжественно признан «освободителем Европы» в 1813—1814 гг., а относительно того, кому принадлежит честь сокрушения французского нашествия, допускались в какой-то мере и дру-

---

[140] Об обязанностях российских дворян в отношении к их имениям. — Северная пчела, 1834, № 170.

гие мнения, то теперь наряду с этим царь официально объявлялся и «спасителем России» в 1812 г.[141] И дело здесь было не в прославлении лично Александра I, а в том же стремлении утвердить приоритет самодержавия в достижении победы над врагом, показать, что в момент нависшей над Россией смертельной опасности только ему она была обязана своим спасением, и таким образом еще раз подчеркнуть значение монархического начала как единственно возможного условия ее государственного и национального существования.

Разумеется, эти идеи усиленно рекламировались и ранее правительственными документами и консервативно-дворянской публицистикой 1812 и последующих годов. Но ныне они обретают совершенно новое качество — и не потому лишь, что получают санкцию безраздельно господствующей установки, но главным образом в связи с тем, что в обстановке надвигающегося кризиса феодально-абсолютистской системы привлекаются для *исторического* обоснования охранительно-националистической доктрины.

Обращение к прецеденту 1812 г. явилось для деятелей правительственного лагеря реакцией на развившийся в результате войны дух социального и патриотического пробуждения[142]. Правительство стремилось, в сущности, узурпировать саму патриотическую идею, ревниво относясь к любым неофициозным, общественным проявлениям патриотических умонастроений. Предметом же особой заботы правительства было противодействие хорошо известной ему хотя бы по следственным материалам декабристской интерпретации роли 1812 г. в осознании народом своего «достоинства», своей «силы» и в генезисе самого движения дворянских революционеров. С этой точки зрения влечение идеологов николаевского царствования к историческим аналогиям с эпохой 1812 г. следует расценивать прежде всего как реакцию на декабризм.

Весьма симптоматичны в данном отношении соображения о способах пресечения декабристского влияния, высказанные еще в 1829 г. в воспоминаниях Михайловского-Данилевского, который к тому времени полностью отошел от оппозиционных увлечений послевоенных лет и отрекся от своих прежних друзей — участников восстания 14 декабря. Размышляя над его уроками, он полагает, что с «открытием сих бунтовщиков» еще не будет уничтожена «язва» либерально-конституционных понятий, наводнивших «Святую Русь» и пустивших «корни свои в потомство» вследствие заграничных походов и беспрепятственного чтения иностранных книг. Поэтому ныне неотложная задача правительства — «показать несоответственность применения сих либеральных понятий к России». И «для достижения сей цели» едва ли

---

[141] *Кока Г.* Указ. соч., с. 25.
[142] *Довнар-Запольский М. В.* Война 1812 года и современное ей русское общество. — В кн.: Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1912, с. 397.

не главное средство он видит в том (порицая, кстати, и Александра I за пренебрежение им), чтобы «возбудить в писателях и в художниках всякого рода желание *прославить подвиги Отечественной и заграничных войн*». «Воздвигая... памятники народной славе», «стихотворцы, прозаики, живописцы, ваятели, зодчие», в том числе «и сам Пушкин, сделавшийся корифеем мятежников», при поддержке «политических писателей» «возбудили бы гордость россиян всех сословий» и устыдили бы «заимствовать что-либо от иностранцев», употребив, таким образом, таланты «для прославления своего царя и своих единоземцев» [143].

В приведенных словах уже сформулированы, по сути дела, исходные мотивы обращения будущей «теории» официальной народности к опыту 1812 г. и даже намечена некоторая программа практических действий в данной области, полностью усвоенная, как будет видно из дальнейшего, правительственной идеологией.

О том, какое значение для нее имела опора на этот опыт, красноречиво свидетельствует отношение самого С. С. Уварова к опубликованной в 1833 г. в «Московском телеграфе» статье Ксенофонта Полевого о книге В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта» [144].

Подойдя к разбору описания русского похода Наполеона и упрекнув В. Скотта в том, что он «не сказал почти ничего о состоянии духа народного в России 1812 года», К. А. Полевой придает своей мысли неожиданный оборот — единственное проявление этого «духа» он видит в «неподвижности нашей при великих событиях», в полнейшей пассивности, апатии крестьян, купцов, дворян и иных сословий в вопросе о защите Отечества, в их безразличии к ходу военных действий и в итоге не признает сколько-нибудь эффективного участия народа в борьбе с французским нашествием: «Говорят об ожесточении крестьян, о народной войне, но ничего этого не было», разве только «несколько *десятков,* и едва ли *сотен,* мужичков оказали сопротивление фуражирам и мародерам, но разве это значит народная война?.. Из Москвы бежали, в Петербурге готовились к бегству, но сопротивления народа не было нигде, как же было не заметить такого необычайного явления...» — с удивительным простодушием то вопрошает, то утверждает К. Полевой, как будто ему было неизвестно, что «необычайное явление» народной войны, прогремевшее на всю Россию, и по сию пору продолжало жить в памяти современников. Тогда благодаря чему же удалось одержать победу над Наполеоном? И здесь, продолжает К. Полевой, нельзя «не отдать всей справедливости бессмертным мужам, спасителям России, Александру, мужественному, непоколебимому противнику западного исполина, и мудрому, великому полководцу Барклаю-де-

[143] Восшествие на престол императора Николая I в записках генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского. — Русская старина, 1890, № 11, с. 508—511. (Курсив мой. — *А. Т.*).

[144] *К. П.* Взгляд на историю Наполеона. — Московский телеграф, 1833, № 8, с. 541—561; № 9, с. 132, 151.

Толли». Что касается Александра I, то Полевой, казалось бы, солидарен с официальным мнением на его счет, хотя употребляет в отношении царя самые расхожие, трафаретные формулы. Но, говоря далее конкретно об Александре I в связи с войной, единственную его заслугу Полевой усматривал лишь в том, что он не заключил капитуляции с французами: «Кто мог остановить державную волю Александра, если бы он решился уступить Наполеону при начале кампании или в первые месяцы оной при виде страшной грозы, готовой упасть и потом упавшей на его империю?» [145]. При всей своей высокопарности это была слишком двусмысленная похвала: в ней явственно различались распространенные в самый критический период 1812 г. (до выхода французов из Москвы) в военных и общественных кругах слухи о готовности царя пойти на мир с французским императором, и, конечно, высокопоставленных читателей статьи это не могло не настораживать. Сокровенный же ее смысл в данном плане заключался в апологии Барклая, который не только поставлен наравне с царем и, так же как и он, назван «бессмертным мужем» и «спасителем России» (уже одно это было неприемлемо с правительственной точки зрения), но всей логикой рассуждений выдвинут на передний план. Кажется, что Александр I только для того и упомянут, чтобы возвеличить Барклая. «Мудрый», «великий полководец» (заметим, что эти высокие эпитеты к Александру вообще не применяются), сумев «спасти армию», он и явился подлинным «хранителем России», человеком, совершившим ради нее «великий подвиг» [146].

Здесь было крамольным все — и компрометирующие Александра I намеки, и достаточно прозрачные указания на его далеко не первенствующую роль в борьбе с Наполеоном, и нарочито голословное отрицание участия в ней народных масс, полемически заостренное против казенного патриотизма и монархической концепции народной войны: раз ее не было, то повисал в воздухе и сам тезис о сплочении вокруг престола воспламененных патриотическими воззваниями царя подданных. Всем этим Полевой метил в наиболее чувствительные нервы официальной идеологической доктрины, ставя под сомнение саму суть трактовки ею опыта 1812 г. Понятно, что С. С. Уваров, незадолго перед тем впервые провозгласивший основные постулаты этой доктрины, не мог пройти мимо столь вызывающего выпада, тем более что он появился в журнале буржуазно-просветительской, антидворянской ориентации, уже давно находившемся под цензурно-полицейским надзором. В докладе Николаю I от 24 сентября 1833 г.

---

145 Еще в 1831 г. в рецензии на «Краткие записки» А. С. Шишкова «Московский телеграф» почти в тех же выражениях оценивал роль Александра I в Отечественной войне: «Кто мог остановить самодержавную десницу от подписания мира с врагом могущественным?» (Московский телеграф, 1831, № 17, с. 91).

146 Московский телеграф, 1833, № 9, с. 138—139.

С. Уваров потребовал запрещения «Московского телеграфа» за помещение статьи К. Полевого, поскольку, повествуя «о происшествии столь важном и столь нам близком», она заключает в себе «самые неосновательные и для чести русских и нашего правительства оскорбительные толки и злонамеренные иронические намеки». Хотя в позитивной форме собственного мнения по затронутым Полевым проблемам Уваров и не высказал, оно отчетливо угадывалось из всей суммы его критических замечаний, ясно указывавших на политически злободневную подоплеку статьи и ее резкое расхождение с принятым правительством идеологическим курсом. Мотивируя предлагаемую им меру, он писал, что «в настоящем положении умов» считает ее «необходимой для некоторого обуздания так называемого духа времени» [147] — фразеология, употреблявшаяся в 30-х годах всякий раз, когда дело касалось коренных начал «теории» официальной народности [148].

В конце 1836 г. «злонамеренные намеки» вновь всплыли на поверхность общественной жизни в связи с публикацией в III томе «Современника» «Полководца» А. С. Пушкина. Изображая в возвышенно-трагической манере Барклая-де-Толли, не понятого и осужденного современниками, Пушкин, как и ранее К. Полевой, назвал его здесь «вождем», спасшим Отечество в 1812 г. («народ, таинственно спасаемый тобою») [149]. В ответ последовала изданная отдельной брошюрой «Критическая заметка» Л. И. Голенищева-Кутузова — племянника фельдмаршала, усмотревшего в стихотворении умаление исторических заслуг М. И. Кутузова: «Нет причины к заключению, что Россия избавлена от нашествия или, как говорят, спасена действиями армии до взятия Смоленска, а разве, может быть, действиями после оставления Москвы... После кончины князя Голенищева-Кутузова многие разного рода писатели и в прозе и в стихах называли его избавителем России» [150]. Пушкин откликнулся в IV томе «Современника» «Объяснением». Уточнив свое понимание роли полководцев в 1812 г., отметив «превосходство военного гения» Кутузова («Его титло: спаситель России»), он по-прежнему настаивал на признании великих заслуг в Отечественной войне и Барклая-де-Толли — одного из «замечательнейших в нашей истории» лиц,

---

[147] ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 588, л. 1—5; *Сухомлинов М.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1885, т. II, с. 402—403.

[148] Эту первую попытку С. Уварова закрыть «Московский телеграф» Николай I отклонил, найдя «статью сию более глупой своими противоречиями, чем неблагонамеренностию», и распорядился объявить автору, «чтобы впредь не писал подобного вздора» (ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 588, л. 2). Но через полгода опять же по настоянию Уварова «Московский телеграф» был, как известно, запрещен, и совсем не последнюю роль в этом сыграла прошлогодняя история со статьей К. Полевого. См.: *Орлов Вл.* Пути и судьбы. Л., 1971, с. 435—442.

[149] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1948, т. III, с. 378—380, с. 329—331.

[150] *Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б.* Указ. соч., с. 158.

как отозвался о нем поэт в незадолго до того написанном письме к Н. И. Гречу [151].

И вот тогда-то в «Северной пчеле» появилась статья Ф. В. Булгарина «Правда о 1812-м годе, служащая к исправлению ошибки, вкравшейся в мнение современников», где официальные взгляды на возникшую в ходе полемики проблему «спасителя России» были изложены уже совершенно открыто и с не допускающей никаких разноречий определенностью [152].

«Кто спас Россию в 1812 году?» — обнажает суть спора Булгарин. В попытках ответить на этот вопрос указанием на того или иного полководца и таится «историческая ошибка»: «Прозаики и поэты запутали дело своими возгласами, восторгами, неправильными употреблениями эпитетов и даже искажениями самих событий». Ф. В. Булгарин в явно доносительных тонах намекает на то, что «прозаики и поэты» допустили при этом грубую политическую бестактность, и далее дает великолепный пример того, как надо «правильно употреблять эпитеты». Ссылаясь на «историческую аксиому», согласно которой «великие мужи могут совершать великие подвиги только при великих государях», Булгарин утверждает: «Земные спасители России суть: император Александр и верный ему народ русский. Кутузов и Барклай-де-Толли велики величием царя и русского народа; они первые сыны России, знаменитые полководцы, но *не спасители России*! Россия спасла сама себя упованием на бога, верностью и доверенностью к своему царю» [153].

Освещение в официально-монархическом духе 1812 г. и провозглашение версии об Александре I как «спасителе» народов в войнах с Наполеоном соответствовали и легитимистско-охранительной направленности внешней политики самодержавия, пытавшегося в 30-х годах гальванизировать Священный союз и крайне заинтересованного в укреплении своего престижа, сильно поколебленного революционными событиями начала десятилетия. Выдвижение этой версии имело целью напомнить антирусски настроенному зарубежному общественному мнению и враждебным России западным державам о спасительной для Европы миссии русского царизма в 1813—1815 гг., о его военной мощи и исключительной роли в восстановлении старых династий и феодальных порядков, что должно было послужить грозным предостережением в случае новой вспышки революционной опасности. В этом смысле Отечественная война рассматривалась вообще как историческая веха, положившая начало воинствующе-реакционному курсу царизма в международных отношениях. «Историю новую с 1812 года не должно ли назвать историею возвеличения, возвышения России, спасительницы Европы, усмирительницы чуждых народов» —

---

[151] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949, т. XII, с. 133—134; М.; Л., 1949, т. XVI, с. 164.

[152] *Кока Г.* Указ. соч., с. 27—28; *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1972, с. 261—263.

[153] Северная пчела, 1837, № 7, 11 янв.

четко формулировал эту мысль в 1838 г. «Сын Отечества»[154]. Ощущению прочности позиций самодержавия и усилению его воинственного пыла в международных и внутренних делах в немалой мере способствовали и громкие, всячески раздувавшиеся официозной прессой победы в войне с Турцией в самый канун 30-х годов, завершившиеся чрезвычайно выгодными для царизма внешнеполитическими акциями (Адрианопольский и Ункияр-Искелесийский договоры), которые еще более обострили противоречия с западными державами.

Охранительно-националистическое истолкование истории Отечественной войны и заграничных походов как составная часть доктрины официальной народности не замкнулось в области чисто теоретических построений. В 30-х годах оно было воплощено в целой серии государственных по своему значению, чрезвычайно эффектных и следующих друг за другом пропагандистских и военно-демонстративных акций, за которыми угадывается хорошо продуманная идеологическая программа. Николай I и его приближенные проявили здесь инициативу, идущую вразрез с индифферентизмом Александра I в отношении Отечественной войны и, действительно, очень умело воспользовались ее 25-летием как поводом для проведения военно-патриотических празднеств, призванных в угодном правительству духе канонизировать память об эпохе 1812 г.[155]. И влияние этого затянувшегося чуть ли не на все десятилетие юбилея на общественное сознание и массовые исторические представления никак нельзя недооценивать.

Далеко не случайно в свете сказанного выше, что первые крупные меры в этом направлении были предприняты вскоре после того, как миновала кризисная ситуация начала 30-х годов.

В 1832 г. по инициативе Николая I возобновляются прерванные в последние годы царствования Александра I из-за казнокрадства, происков влиятельных недоброжелателей А. Л. Витберга и самого А. А. Аракчеева работы по сооружению храма Христа Спасителя — наиболее грандиозного памятника в ознаменование победы над Наполеоном. Николай I сам составляет рескрипт по этому поводу, сам выбирает новое место для храма — напротив Кремля, что оттеняло национально-монархическую идею будущего сооружения, и заказывает подобающий этой идее проект[156].

30 августа 1834 г., в день тезоименитства Александра I, на Дворцовой площади в Петербурге в пышной обстановке при во-

---

[154] *Пятковский А.* Из истории нашего литературного и общественного развития. СПб., 1898, ч. II, с. 225.

[155] *Полиевктов М.* Николай I: Биография и обзор царствования, с. 189; *Он же.* Первая Отечественная война («1812 год») в воспоминаниях и письмах современников. — В кн.: Труды Тбилисского гос. ун-та, 1942, вып. XXIII, с. 66—67; *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962, с. 23.

[156] Воспоминания В. И. Панаева. — Русская старина, 1892, № 12, с. 470—471; *Мостовский М.* История храма Христа Спасителя в Москве. М., 1882, с. 6.

енном параде, предводительствуемым лично царем, и огромном стечении народа открывается знаменитая Александровская колонна. Характерно, что она была воздвигнута не просто в честь царствования покойного императора, а именно с тем, чтобы отметить его роль в войнах с Наполеоном, и прежде всего в войне Отечественной. Тем самым намерения официальной пропаганды все усилия народа, армии и полководцев приписать Александру I, олицетворить в нем одном исторические победы эпохи 1812 г. как бы навечно закреплялись в форме монументального и необыкновенно впечатляющего архитектурного сооружения, сам замысел которого, заметим, принадлежал Николаю I. Раскрывая впоследствии политическое значение этого замысла, А. Х. Бенкендорф прямо указывал, что постановкой Александровской колонны имелось в виду показать, что в кампаниях 1812—1814 гг. «Россия и Европа стяжали столь блестящий успех благодаря лишь непоколебимой твердости покойного Александра I» [157].

В том же, 1834 г. в Петербурге и Москве возводятся Триумфальные арки в честь успехов русских армий в Отечественной войне, а в 1837 г. перед Казанским собором устанавливаются памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли, открытие которых в присутствии войск столичного гарнизона происходит, однако, уже менее помпезно и без участия Николая I и его свиты. В 1835 г. пресса извещает о «высочайшем повелении» «воздвигнуть монументы на главнейших полях сражения вечно достопамятного 1812 года» и с этой целью объявляется публичный конкурс [158].

Свидание в августе—сентябре 1835 г. в Калише Николая I с австрийским императором и прусским королем, демонстрировавшее решимость противостоять попыткам «ниспровергнуть троны», также сопровождалось, по словам Бенкендорфа, «блеском военных торжеств, достойных воспоминаний совокупных побед 1813 и 1814 годов», [159] — маневрами русских и прусских войск, символизировавшими их единство в борьбе с наполеоновской Францией, и закладкой памятника русской гвардии, участвовавшей в Кульмском сражении.

В августе 1837 г. уже непосредственно по случаю 25-летия Отечественной войны, которое более всего связывалось с памятью о днях Бородинского сражения, на юге России, близ Вознесенска, при скоплении колоссальных масс войск, в присутствии царской семьи, высшего генералитета, дипломатов проводятся

---

[157] *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование, т. II, с. 685; *Панаев В. И.* Памятники императору Александру I. — Русская старина, 1892, № 11, с. 289—290; *Бутовский И.* Об открытии памятника императору Александру I. СПб., 1834.

[158] *Шурыгин Я. И.* Б. И. Орловский. М., 1962, с. 38; Московские ведомости, 1834, 24 нояб.; 1835, 7 дек.; *Витберг Ф.* О памятниках Отечественной войны. — Русская старина, 1912, № 12, с. 611—630.

[159] Из записок графа А. Х. Бенкендорфа. — Исторический вестник, 1903, № 1, с. 41; *Полиевктов М.* Николай I: Биография и обзор царствования, с. 161.

столь же демонстративные маневры, долженствовавшие напомнить Европе о русских военных традициях эпохи 1812 г.[160].

Наконец, завершающим актом этих торжеств явились грандиозные празднества 1839 г., также приуроченные к Бородинской годовщине и более года тщательно готовившиеся под личным наблюдением Николая I. Они включали в себя комплекс юбилейных мероприятий с участием царствующих особ, военачальников, духовенства: военные сборы, по количеству войск превосходившие даже Вознесенские маневры, открытие в честь подвигов русской армии монумента на Бородинском поле, учение войск на нем, имитировавшее ход сражения, перенесение праха П. И. Багратиона в Бородино, закладка храма Христа Спасителя в Москве, награждение ветеранов 1812 г., прибывших на празднества, и т. д. Для воинственных настроений царя характерен эпизод, рассказанный очевидцем торжеств 1839 г. А. И. Веригиным. Во время маневров на Бородинском поле Николай I был до того упоен зрелищем слаженного и эффектного движения громадных масс кавалерии и пехоты, что, «не довольствуясь одной обороной, как было в 1812 г.», приказал «перейти в общее наступление». Собрав после этого видных генералов, среди которых были А. П. Ермолов, К. Ф. Толь и другие прославленные ветераны 1812 г., он с истинно царской самонадеянностью спросил: «Не находите ли вы, что если бы фельдмаршал Кутузов действовал так, как мы сегодня, то последствия сражения были бы иные?», выразив тем самым пренебрежение к полководческому авторитету Кутузова. «Общее молчание было ответом на слова государя», — свидетельствует далее Веригин, но у одного из присутствующих невольно все же вырвался саркастический возглас: «Да государь забывает, что сегодня не было ни ядер, ни пуль и, главное, что не было против него Наполеона»[161].

Правительство сделало все, чтобы привлечь к этим празднествам общественное внимание: с редкой для того времени подробностью писали о них газеты, журналы, брошюры, в связи с ними же были выпущены многочисленные историко-публицистические и художественно-исторические сочинения, среди которых выделялись стихотворения В. А. Жуковского «Бородинская годовщина» и посвященные ей статьи В. Г. Белинского, отразившие, как известно, кратковременное «примирение» критика с николаевской действительностью и идейную атмосферу самих празднеств. Юбилейные торжества 1839 г. явились одновременно и торжеством «теории» официальной народности. Именно в их ходе прецедент 1812 г. с невиданным до того размахом и пафосом был использован для пропаганды идеи о патриархальных истоках русского самодержавия. Как утверждали тогда журналы, «Отечественная война была эпохою развития врожденных

---

160 *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование, т. II, с. 743—744.

161 Открытие памятника на Бородинском поле: Из записок А. И. В. — Русская старина, 1885, № 4, с. 125—136.

качеств русского народа, благоговения к вере, беспредельной преданности царю и Отечеству». Более того, война наглядно показала, что «наша народность» «вполне исчерпывается словом „царь“, в отношении к которому „Отечество“ есть понятие подчиненное»[162]. Борьба с нашествием изображалась как всецело освященная гением и волей Александра I, прославление его преемника на престоле и преуспеяния при нем России достигло своего апогея, сам же юбилей, «вдохновленный мыслию царя», был объявлен великим явлением в жизни народа, формирующим его «национальное самосознание»[163].

В ряду юбилейных акций 30-х годов особое значение придавалось созданию фундаментальных трудов об эпохе Отечественной войны, призванных с учено-исторической точки зрения обосновать коренные постулаты официальной идеологии в ее попытках опереться на опыт 1812 г. Это совпадало и с принципиальными установками ее глашатаев, вообще всячески поощрявших занятия отечественной историей, с тем чтобы, перенеся центр тяжести всех исторических изучений «на узнание нашей народности», обуздать «бурные порывы к чужеземному» и ослабить «влияние так называемых европейских идей, грозящих нам опасностью»[164].

Подготовка указанных трудов была возложена на А. И. Михайловского-Данилевского, который, проделав к этому времени сложную идейную эволюцию, занял, как указывалось выше, позицию безоговорочной поддержки нового царствования. Уже в первой половине 30-х годов живым интересом к истории наполеоновских войн, своими историческими разысканиями и военно-мемуарными сочинениями он сумел завоевать авторитет знатока кампаний 1812—1815 гг.

В общем плане связь с правительственной инициативой исторических трудов Михайловского-Данилевского об эпохе 1812 г., написанных во второй половине 30-х годов, отмечалась в литературе[165]. Однако большей частью речь шла при этом только об одном, хотя и самом крупном, труде Михайловского-Данилевского, посвященном войне 1812 г. Вопрос же о происхождении этих трудов в целом и их преемственности специально не исследовался, и на этот счет бытуют иногда неверные взгляды. Совершенно необоснованно указывалось, например, что лишь названный выше труд о кампании 1812 г., вышедший в 1839 г., явился «первым

---

162 Отечественные записки, 1839, ч. V, № 10, отд. VI, с. 1; отд. VII, с. 10.

163 Московские ведомости, 1839, № 8, 9, 36, 50, 59, 61, 65, 60—78; *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский: Жизнь и творчество, 1836—1841. М., 1961, с. 261—264.

164 Отчет С. С. Уварова о ревизии Московского университета от 4 декабря 1832 г. — В кн.: *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература, 1826—1855 гг. СПб., 1908, с. 84; см. также: *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Исторические очерки. 3-е изд. СПб., 1906, с. 135—136.

165 *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России, с. 131—132; *Он же.* Отечественная война 1812 г., с. 23—25.

сочинением, обратившим на себя общее внимание и доставившим автору известность в царском окружении»[166].

В действительности же первым таким трудом было «Описание похода во Францию в 1814 году».

13 февраля 1836 г., направляя военному министру Чернышеву уже готовый его текст, Михайловский-Данилевский напоминал, что он составлен «согласно высочайшему повелению, которое Ваше сиятельство изволили мне объявить». Сочинение это, подчеркивал далее Михайловский-Данилевский, «назначалось» не для «огласки и печати», а только для того, чтобы «повергнуть к стопам е. и. в. по возможности справедливое и беспристрастное изображение последней борьбы императора Александра с Наполеоном»[167]. 5 апреля 1836 г. он сообщал генералу П. С. Кайсарову, своему старинному приятелю еще со времен Отечественной войны, что «более года по поручению государя занимался изображением похода 1814 года»[168].

Отсюда ясно, это поручение было дано еще в начале 1835 г. и, видимо, рассматривалось тогда как пробный камень, как своего рода первый опыт, от удачного исхода которого зависело дальнейшее участие Михайловского-Данилевского в официальных исторических трудах. Именно поэтому царское повеление было объявлено ему Чернышевым в устной форме, а само «Описание» предназначалось сперва для личного сведения Николая I, который — и это ясно следует из письма Михайловского-Данилевского Чернышеву — поставил перед автором задачу «изобразить» поход 1814 г. под углом зрения решающей роли в нем Александра I, как его «последнюю борьбу... с Наполеоном». И с этой задачей Михайловский-Данилевский успешно справился. Подготовленное им сочинение, содержавшее подробное описание хода боевых действий и внешнеполитических обстоятельств кампании 1814 г., было заострено против западноевропейской мемуарно-исторической традиции: «Французы представили поход в самом превратном виде...», чужеземцы и враги «до сих пор не могут забыть торжества России и унижения, с которым мы их видели. Вопит их оскорбленное самолюбие...». В основе всего труда лежала мысль о «великости блаженной памяти императора Александра Павловича», благодаря которому «восстановлены наследственные престолы и политическое равновесие...»[169]. «Давно признано, что Европа спасена его твердостию, — пояснял Михайловский-Данилевский суть своего замысла, — но мне кажется, что теперь, по прошествии более 20-ти лет, настало время эту истину обратить в исторический факт, скрепив его неопровержимыми доказатель-

---

166 *Затворницкий Н. А.* А. И. Михайловский-Данилевский. — В кн.: Столетие Военного министерства, 1802—1902. СПб., 1907, т. III, отд. IV, с. 191.

167 ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 4, д. 10857, л. 1—3.

168 ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 20 об.

169 *Михайловский-Данилевский А.* Описание похода во Францию в 1814 г. СПб., 1836, ч. I, с. 1, III—VI.

ствами, подобными тем, которые я привел в представленном здесь описании похода...»[170]

Это и было как раз то, что хотели от Михайловского-Данилевского. По ознакомлении с рукописью («наш великий, прямо русский царь удостоил прочесть манускрипт от начала до конца и даже сделал несколько отметок», — восторженно писал автор П. С. Кайсарову[171]) Николай I распорядился отпечатать ее на казенный счет с указанием, что издание предпринято по «высочайшему соизволению»[172], а уже по выходе книги в свет в октябре 1836 г. в правительственной и частной прессе официозного толка последовали самые похвальные отзывы вроде того, например, что подвиги Александра I, «в ту эпоху совершенные..., до сих пор... были еще сокрыты в тесном кругу его сподвижников тогдашнего времени, и мы, ближайшее его потомство..., может быть, не имели бы счастия видеть его деяния в полном блеске и величии», если бы не эта книга Михайловского-Данилевского[173].

«Высочайшее» одобрение ее и послужило исходным моментом для поручения Михайловскому-Данилевскому составить описание самой Отечественной войны.

В рескрипте на имя Михайловского-Данилевского от 24 февраля 1836 г. по поводу завершения «Описания похода во Францию», отметив, что его главным достоинством и отличием «от всех доселе известных трудов о сей эпохе» является передача потомству «бессмертных подвигов императора Александра, ко благу Европы предпринятых», Николай I указывал: «Важным и любопытным дополнением к описанию походов 1813 и 1814 гг.[174] составила бы история собственно Отечественной войны 1812 года. Я желаю, чтобы вы занялись начертанием оной...»[175]. Здесь неприкрыто выразилась специфика правительственного подхода к оценке значения 1812 г., не всегда уловимая в торжественно-патетическом многословии правительственных деклараций 30-х годов. Если для идейно различных, но не смыкавшихся с официальной линией течений русской общественной мысли того времени Отечественная война — эпоха высшего напряжения национальных сил — представляла самостоятельный интерес, вне зависимости от последующих кампаний, то для Николая I при всем внешнем внимании к 1812 г. его история была важна всего лишь как не-

---

170 ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 4, д. 10857, л. 2 об.

171 ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 21.

172 ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 4, д. 10857, л. 12, 15. В 1841 и 1845 гг. «Описание похода во Францию в 1814 г.» было дважды переиздано.

173 Русский инвалид, 1837, № 9, 13 февр.; см. также: Северная пчела, 1836, № 248, 29 окт.; Русский инвалид, 1836, № 276, 31 окт.; Библиотека для чтения, 1837, ч. 20, отд. VI, с. 18.

174 В первоначальном варианте рескрипта на имя А. Михайловского-Данилевского ему предписывалось дополнить «Описание похода во Францию в 1814 г.» материалами о кампании 1813 г. (ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 4, д. 10857, л. 6 об.).

175 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 170 и об.; Русский инвалид, 1836, № 52, 27 февр.

достающее звено в общем описании походов, приведших к политической гегемонии царизма в Европе, как одно из «любопытных дополнений» к ним, но не более [176].

Забегая несколько вперед, отметим, что подчинение проблемы 1812 г. политико-идеологическим акциям царизма наглядно обнаруживается из переписки Михайловского-Данилевского по поводу описания кампании 1815 г. 27 октября 1840 г. он обратился к А. И. Чернышеву с просьбой разрешить в официальном порядке заняться историей похода 1815 г., предполагая составить ее столь же подробно и по тому же типу, как и «Описания» предшествующих кампаний. Вместе с тем Михайловский-Данилевский ходатайствовал о позволении напечатать «в одном прекрасном изящном издании» все свои «Описания» войн с Наполеоном — «от 1812 до 1815 годов», которые послужили бы «на многие годы... благоговейною данью и великой памяти Александра». Резолюция Николая I (в записи А. И. Чернышева) гласила: «Государь император крайне бы желал, чтобы г.-л. Данилевский описал поход во Францию в 1815 году *весьма кратко и тем закончил Отечественную войну, дабы сколь можно скоро* приступить к изображению войны с Турцией с 1806 по 1812 год. Это описание, по мнению его величества, крайне будет любопытно, и оного у нас вовсе недостает» [177].

Отечественная война опять, как видим, полностью сливается с последующими походами, находя, по понятиям царя, свое подлинное завершение в кампании 1815 г. и лишаясь тем самым самостоятельного значения. Весьма показательно в этом смысле признание Михайловского-Данилевского в одной из его докладных записок Чернышеву о том, что Николай I повелел ему «соединить в один состав, слить в одно целое Отечественную войну с заграничными походами, которые кончились в 1815 г., включив туда же Венский конгресс, без которого не может быть полно и ясно изображение эпохи, когда благословенный Александр совершил освобождение Европы» [178]. В данном отношении позиция Николая I оказывалась, как видим, тождественной точке зрения на 1812 г. Александра I, о которой подробно было сказано выше. Но главное даже не в этом. После юбилейных празднеств 1839 г., сыгравших громадную роль в утверждении официальной идеологии, тема истории наполеоновских войн как объект правительственной пропаганды была, по сути дела, исчерпана и, видимо, утратила для Николая I злободневный смысл. Поэтому-то ныне и не стоило сколько-нибудь долго задерживаться на их дальнейшей популяризации, и мысль Михайловского-Данилевского о парадном издании описаний кампаний 1812—1815 гг. не была поддержана царем. Но к 40-м годам надвигалось новое обострение восточного вопроса, и в этих условиях гораздо более актуальный

---

[176] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. 1, с. 385.

[177] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 5, д. 11984, ч. 1, л. 90 и об. (Курсив мой. — *А. Т.*).

[178] Там же, л. 18 и об.

характер для политико-дипломатических расчетов царизма приобретала история русско-турецких войн начала века, к «изображению» которых «сколь можно скоро» и призывал Михайловского-Данилевского Николай I.

То обстоятельство, что его интерес к 1812 г. был опосредован завершающими актами борьбы с Наполеоном, выявляется не только резолюцией на просьбу Михайловского-Данилевского и не только «высочайшим» рескриптом на его имя от 24 февраля 1836 г., который, кстати, явился программным документом для всех последующих юбилейных мероприятий 30-х годов, но и в самом порядке их проведения. Далеко не случайно в данной связи и то, что первым среди исторических трудов о войнах этой эпохи было решено издать, как выясняется из сказанного, именно описание кампании 1814 г. и то, что центральное юбилейное торжество 30-х годов, посвященное, казалось бы, Бородинской годовщине, было проведено в год 25-летия не Отечественной войны, а все той же кампании 1814 г., ознаменованной сокрушением наполеоновской империи и торжеством феодально-легитимных принципов. Да и выход самого «Описания» Отечественной войны Михайловского-Данилевского был явно приурочен именно к этой дате.

24-м февраля 1836 г. датирован царский рескрипт, а уже 29 января 1838 г. Михайловский-Данилевский переслал Чернышеву для представления Николаю I свое «Описание Отечественной войны в 1812 году» — колоссальную рукопись в 5 томах общим объемом более 3 тыс. листов [179], сумев за этот невероятно короткий срок не только составить текст, но и предварительно разработать собранный им необъятный архивный и печатный материал.

Николай I менее чем за месяц внимательнейшим образом прочел рукопись и в рескрипте от 26 февраля 1838 г.[180], казалось бы, одобрил ее, назвав при личном свидании с автором, как сказано в его дневнике, «монументальным сочинением во славу императора Александра» [181]. И, действительно, имя его мелькало чуть ли не на каждой странице рукописи, пронизанной тенденцией представить Александра I «верховным двигателем» событий 1812 г., подкрепить выдвинутый официозной публицистикой тезис о том, что только ему принадлежит «земная слава избавителя Отечества», и весь рассказ об Отечественной войне построить как развернутую иллюстрацию идеи об общем «воспламенении» всех сословий вокруг престола [182].

И все же представленный вариант «Описания» далеко не полностью удовлетворил Николая I. Речь шла не только о частностях, но и о вопросах общего, концепционного порядка. Один из серьез-

---

[179] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 83—88.
[180] Русский инвалид, 1838, № 51, 27 февр.
[181] Русская старина, 1900, № 6, с. 588.
[182] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 86; *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г., с. 24—25.

ных упреков в адрес Михайловского-Данилевского состоял, например, в том, что он «часто хвалит Кутузова там, где надобно было его критиковать». Поначалу даже Михайловский-Данилевский (это записано в его дневнике) считал, что, поскольку «государь изволит встретить много предметов, которые не будут приятны», «можно положить книгу в архив и напечатать ее по прошествии многих лет»[183]. Николай I выступил в роли ее цензора и редактора, и если по тексту «Описания похода во Францию» он сделал лишь «несколько отметок», то данный труд сплошь испещрил своими придирчивыми ремарками, а затем передал его на просмотр и А. И. Чернышеву и И. Ф. Паскевичу. Смысл всех их замечаний сводился к тому, чтобы еще более возвеличить Александра I на поприще дипломатии и руководства страной накануне и в период кампании, оттенить верноподданнический характер народного движения 1812 г., устранив некоторые не подлежащие огласке сведения внутри- и внешнеполитического характера[184].

В свете этого Михайловский-Данилевский переработал рукопись, сняв слишком похвальные оценки полководческих усилий Кутузова, тексты о настроениях в армии и отражении войны в народном сознании, сгладив наиболее острые места и критические высказывания в адрес отдельных генералов, царских администраторов и т. д.[185]

Только по внесении всех исправлений — а на это ушел почти год — существенно сокращенная (до 4 томов вместо прежних 5) и обретшая новые акценты рукопись была 7 января 1839 г. опять представлена царю[186] и после этого стала уже в спешном порядке готовиться к изданию, причем Николай I проявил личную заинтересованность в ее своевременном выходе в свет, запрашивая, например, автора через Чернышева, «скоро ли будет окончено печатание „Описания кампании 1812 года“»[187]. Тираж книги как раз и подоспел к началу августа 1839 г.[188] — к юбилейным тор-

---

[183] Русская старина, 1900, № 6, с. 587.

[184] *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России, с. 132; Русская старина, 1900, № 6, с. 586—588; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 94—95, 98; ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 9, д. 117, л. 5—7.

[185] *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России, с. 132; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 94 и об., 95 об. Еще Н. К. Шильдер, хорошо знакомый с рукописным наследием А. И. Михайловского-Данилевского, указывал, что в результате вмешательства царя и его приближенных «Описание» претерпело существенные изменения и изданный текст не отражает подлинных взглядов автора (Русский вестник, 1889, № 2, с. 161—162; Русская старина, 1889, № 1, с. 20). Это же отметил и Л. Г. Бескровный, писавший, что «теперь трудно сказать, в какой мере труд А. И. Михайловского-Данилевского выражает точку зрения самого автора» (*Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г., с. 25). Однако она вполне может быть восстановлена на основании сохранившегося экземпляра первоначального варианта «Описания» с пометами царя и других читавших его лиц (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3470, ч. 1—5).

[186] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, д. 140—141.

[187] Там же, л. 114.

[188] Русская старина, 1900, № 6, с. 590.

жествам на Бородинском поле [189], а по распоряжению царя из нее был извлечен текст о Бородинском сражении и отпечатан на русском и французском языках отдельной брошюрой как весьма полезный, по его мнению, «для всех тех лиц, которые при сем военном торжестве находиться будут» [190].

Но еще до того, как эта книга увидела свет, Николай I, желая, «чтобы Отечество наше имело полную картину событий и дел, сопровождавших борьбу России с Западом Европы», повелел Михайловскому-Данилевскому по тому же образу и подобию составить «Описание похода 1813 года» [191], вышедшее в свет в 1840 г.[192] Более того, еще в 1838 г. Николай I, по свидетельству Михайловского-Данилевского, велел ему «описать историю всех войн царствования Александра» [193], и значительная часть этой программы была им выполнена в 40-х годах [194]. А 13 сентября 1847 г. П. Х. Граббе, посетивший в тот день Михайловского-Данилевского, записал со слов историка о данном ему поручении составить и «историю войн настоящего царствования» [195].

Возвращаясь к «Описанию Отечественной войны», надо сказать, что его значение даже в изданном варианте не может быть сведено ни к официозно-монархической концепции, ни к чисто царедворческому стремлению автора неоправданно возвеличить роль в 1812 г. влиятельных при Николае I лиц вроде Чернышева и Паскевича и в то же время замолчать действительно крупные заслуги тех, кто в 30-х годах не пользовался особым почетом, как, скажем, опального А. П. Ермолова, что уже тогда вызвало в адрес Михайловского-Данилевского суровые нарекания современников. Как писал близко знавший историка В. Р. Марченко, «он чересчур уже льстит некоторым вельможам, играющим теперь важные роли» [196]. В этом и во многом другом (например, в умалении роли в Отечественной войне Барклая-де-Толли) «Описание» далеко от беспристрастия. Сам Михайловский-Данилевский признавался, что обходил в нем «молчанием темные пятна, коими, к сожалению, изобразится всякое великое событие, умалчивая также о под-

---

189 *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году по высочайшему повелению. СПб., 1839, ч. 1—4. Оно также было дважды переиздано (в 1840 и в 1843 гг.).

190 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 115 и об.; *Михайловский-Данилевский А. И.* Бородинская битва 26 августа 1812 г. с присовокуплением описания дела, происходившего 24 августа при Шевардине. СПб., 1839; см. также: Русский инвалид, 1839, № 215—219.

191 ЦГВИА, ф. 241, д. 5, л. 1; ф. 1, оп. 1, ч. 5, д. 11984, ч. 1, л. 42—43.

192 *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание войны 1813 года по высочайшему повелению. СПб., 1840, ч. 1—2.

193 Русская старина, 1900, № 6, с. 588.

194 Речь идет об изданных А. И. Михайловским-Данилевским описаниях кампаний 1805 и 1806—1807 гг., русско-шведской войны 1808—1809 гг., русско-турецкой войны 1806—1812 гг. См.: *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России, с. 129—130.

195 Записные книжки П. Х. Граббе. М., 1888, с. 193; см.: *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России, с. 133.

196 Русская старина, 1896, № 3, с. 499.

робностях, коих невозможно было мне высказать по разным обстоятельствам»[197]. И тем не менее реальное содержание книги оказалось заметно шире этих преднамеренных или вынужденных авторских установок.

По богатству и новизне привлеченных источников, постановке самых существенных вопросов истории 1812 г., по обстоятельности освещения стратегических замыслов и боевых операций противоборствующих сторон на всем протяжении театра военных действий, по раскрытию многих аспектов «внутренней истории России в 1812 году», политики правительства и дипломатического фона — по всему этому труд Михайловского-Данилевского, поражавший эпическим размахом нарисованной картины, превосходил все печатавшееся до того об Отечественной войне. Личное же участие в ней автора сообщало этой картине живое дыхание эпохи. Привлекали, наконец, и чисто литературные достоинства повествования, соразмерного во всех своих частях, написанного в добрых традициях русской военно-исторической прозы.

Неудивительно, что среди читающей публики оно пользовалось тогда громадным успехом. «Вся Россия читала его книгу», — уже много позднее писал об «Описании Отечественной войны» М. И. Богданович[198]. В 1869 г. Л. Н. Толстой в статье «Несколько слов по поводу книги „Война и мир“» оценил «Описание» наряду с «Историей консульства и империи» А. Тьера «главным историческим произведением» о той эпохе, имевшим «миллионы читателей» (кстати, Л. Н. Толстой широко использовал книгу Михайловского-Данилевского при работе над романом и в черновых набросках называл ее еще и «даровитым произведением»)[199]. Некоторые современники всерьез ставили автора «Описания» вровень с Н. М. Карамзиным, полагая, что «в военном отношении История А. И. Михайловского то же, что в отношении государственном Н. М. Карамзина История России»[200]. После «Истории государства Российского» еще не являлось в русской литературе ни одной книги, «которой ждали бы так нетерпеливо, которая возбуждала бы столько надежд и желаний», — говорилось в одной из рецензий на это «Описание»[201]. Я. К. Грот писал в 1844 г. П. А. Плетневу, что читает в Гельсингфорсском университете «древнюю историю по Карамзину, а новую по Михайловскому-Данилевскому»[202]. В 1857 г. Н. А. Добролюбов, вспоминая о том, на каких образцах обучалось в гимназические годы истории его поколение, писал: «У вас был тогда благоразумный учитель, который предлагал вам

---

197 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. IV, л. 380—380 об.

198 *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1860, т. III, с. 537.

199 *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1955, т. 15, с. 88; т. 16, с. 12.

200 *Бутовский И.* Третья достославная эпоха великой борьбы Александра с Наполеоном, 1812 год. — Русский инвалид, 1858, № 277, 19 дек.; см. также: Материалы для Отечественной войны 1812 года: Собрание статей И. П. Липранди. СПб., 1867, с. 125.

201 Сын Отечества, 1839, ч. 10, отд. IV, с. 43.

202 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. II, с. 201.

описать осаду Казани по Карамзину или Бородинскую битву по Михайловскому-Данилевскому»[203].

Не в меру восторженные его почитатели считали, что с появлением «Описания Отечественной войны» Россия «имеет своего Гомера». За эту книгу Михайловского-Данилевского называли «первым военным писателем нашего века»[204]. До нее «не было на русском языке по части военной истории столь важного и поучительного сочинения», которое может быть поставлено «наряду с творениями генерала Жомини»[205]. «Творение генерала Данилевского, несомненно, будет причислено в нашей литературе к разряду немногих книг классических[206]. Даже В. Г. Белинский в одной из своих статей назвал Михайловского-Данилевского «знаменитым нашим военным историком»[207].

Можно смело сказать, что 8 томов фундаментальных описаний войн 1812—1814 гг. явились в 30-х годах в России самыми крупными трудами не только военно-исторического, но и общеисториографического характера. Благодаря участию в них Михайловский-Данилевский был осыпан всякого рода наградами и почестями: в 1835 г. после поручения ему описания похода 1814 г. он сразу производится в генерал-лейтенанты, назначается председателем Военно-цензурного комитета и сенатором, а несколько позднее становится членом Военного совета и даже академиком по отделению российского языка и словесности. Совершив столь блистательную карьеру, он был фактически признан официальным историографом. «Величайшую важность всех военно-исторических сочинений А. И. Михайловского-Данилевского составляет их официальность», — писал Булгарин[208]. Не случайно, как мы видели, его сравнивали с Карамзиным — «государственным историографом» предшествующего царствования.

Но даже Карамзин не пользовался такой действенной поддержкой правительства. Историческим трудам Михайловского-Данилевского постоянно покровительствовал не только сам царь, но и Чернышев, и Бенкендорф, в сборе нужных ему материалов было предписано оказывать содействие всем должностным чинам империи, вплоть до губернаторов. Михайловскому-Данилевскому, как никому до того, были открыты двери в государственные архивы, которые в таком объеме оставались даже десятилетия спустя недоступными историкам. Помимо всех военных архивов, в том числе канцелярии военного министра, Главного штаба, генерал-квартирмейстерской части, он был допущен к материалам Комитета министров, Сената, Министерства иностран-

---

[203] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1962, т. II, с. 53.
[204] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 10 об., 135.
[205] Отечественные записки, 1839, ч. VI, № 10, с. 30.
[206] Библиотека для чтения, 1839, ч. 37, отд. V, с. 34; см. также: Отечественные записки, 1845, т. 42, отд. V, с. 12.
[207] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955, т. VIII, с. 93.
[208] Северная пчела, 1848, № 254.

ных дел[209], к державшимся в величайшей тайне делам III Отделения с. е. и. в. канцелярии и Министерства внутренних дел[210], к сугубо секретному архиву А. А. Аракчеева, поступившему после его смерти на государственное хранение и включавшему в себя личные бумаги Александра I за период наполеоновских войн[211], не говоря уже о том, что Михайловскому-Данилевскому были открыты архивы местных учреждений[212] и духовного ведомства[213]. К его услугам по указанию правительства были предоставлены богатейшие фонды имп. Публичной библиотеки; сам ее директор А. Н. Оленин руководил подбором исторических трудов, редких изданий, журналов и газет военного времени[214]. Наконец, Михайловский-Данилевский удостоился привилегии, которая в 30—40-х годах почти никому не была оказана: по личному распоряжению Николая I ему разрешалось пользоваться строго запрещенными в России мемуарно-историческими сочинениями иностранных авторов о войнах 1812—1815 гг.[215]

Ввиду публикации царских рескриптов на имя Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны» и последующие его труды делались достоянием общественности, едва только он начинал работу над ними. «Грех теперь всякому отрывать вас от ваших священных занятий на что другое, кроме 1812 года», — писал автору в июне 1836 г. Д. В. Давыдов[216], а в 1837 г. С. Н. Глинка печатно провозглашал: «Ему предстоит теперь великий труд: история 1812 года» (I, № 127, с. 69). По выходе же этих трудов в свет (кроме русских изданий, они в переводе на иностранные языки печатались за границей) не было недостатка в панегирических откликах.

На протяжении всего царствования Николая I труды Михайловского-Данилевского были вне всякой критики, занимая монопольное положение в исторической литературе об эпохе 1812 г. Когда в 1848 г. Булгарин в некрологе историка позволил робкие, выдержанные в самых благонамеренно-почтительных тонах критические высказывания в адрес «Описания Отечественной войны», военная цензура чуть было не запретила весь некролог, а военный министр недвусмысленно заметил, что критические соображения об этом сочинении «неуместны», поскольку оно «вполне почерпнуто из официальных актов и вполне удостоилось в свое

---

209 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 130, 298, 303, 417; д. 3464, ч. III, л. 86—87; ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 32—32 об.
210 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 334.
211 Там же, л. 34; д. 3672, л. 164—165.
212 Сборник РИО. СПб.. 1912, т. 139, с. XVII.
213 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. X, л. 1, 15.
214 Там же, д. 3379, л. 136, 263—264. Подбором книг для А. И. Михайловского-Данилевского занимался, в частности, служивший в библиотеке И. А. Крылов. См.: *Бабинцев С. М.* И. А. Крылов. М., 1955, с. 89—90.
215 ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 882.
216 ГПБ, ф. 488, № 54, л. 5.

время высочайшего одобрения»[217], т. е. любая критика «Описания» расценивалась как посягательство на мнение и волю царя.

В 1858 г. редакция периодического издания «Кавказцы» писала, что Михайловский-Данилевский «уже почти двадцать лет до последнего времени не встречал печатных возражений»[218], а в том же году даже такой верноподданнически настроенный человек, как И. П. Липранди, с явным неудовольствием указывал, что «А. Михайловскому-Данилевскому все верили на слово и его повествования без дальнейших хлопот вводятся во все позднейшие сочинения» (I, № 202, с. 904).

Благодаря возрождению внимания к эпохе 1812 г. в общественно-идейной жизни и правительственной политике 30-х годов, а также тому исключительному резонансу, который обрели официально поддержанные труды, естественно, выдвигается на передний план и мемуаристика об этой эпохе, снова ставшая предметом широкого обсуждения в обществе.

В газетах и журналах оживленно дебатируется вопрос о ее роли и в постижении современниками событий той эпохи, и в познании их будущими поколениями, и в общем плане развития русской мемуарной литературы. Вновь возникает интерес и к самой фигуре участника наполеоновских кампаний, ветерана 1812 г., его боевому и житейскому опыту, высоким нравственным достоинствам, к красноречивым рассказам о знаменитых сражениях и походах. «Доныне, — писал в 1836 г. Н. В. Гоголь, — если бывший в Париже офицер, уже ветеран, уже во фраке, уже с проседью в голове, станет рассказывать о прошедших походах, то около него собирается любопытный кружок. Но ни один из наших офицеров до сих пор не вздумал записать свои рассказы в той истине и простоте, в какой они изливаются устно. То, что случилось с ними, как с людьми частными, почитают они слишком не важным и очень ошибаются. Их простые рассказы иногда вносят такую черту в Историю, какой нигде не дороешься»[219]. Конечно, это было преувеличением — к тому времени офицерские «рассказы» о войнах с Наполеоном и записывались, и уже в немалом числе печатались. Однако процитированные слова Гоголя ценны для нас в том отношении, что, отражая общий интерес к мемуарам об эпохе 1812 г., объективно звучали тогда призывом к ее современникам писать свои военные записки. На обязанность последних «передать потомству драгоценные воспоминания о грозных временах» указывали и другие издания 30-х годов[220], например «Библиотека для чтения» (1835 г.): «Полная бедствиями и горестью, но еще пол-

[217] ЦГВИА, ф. 494, д. 25, л. 1—4.
[218] Библиографический указатель сочинений, журнальных статей и заметок об А. П. Ермолове. — Русский библиофил, 1911, № 4. Приложение, с. 9.
[219] Современник, 1836, т. I, с. 305.
[220] Северная пчела, 1831, № 180, 13 авг.

нейшая торжеством и славою, война 1812 и 1813 годов вызывает ныне всех участников величественного события приносить отечественной истории дань своих воспоминаний, в которых новое поколение начинает уже ощущать недостаток»[221]. «Взгляните на возрастающее поколение: оно требует пищи уму своему в преданиях грозных лет, в славе Отечества», — отмечала еще в 1831 г. «Северная пчела»[222].

Только в собственных свидетельствах участников событий того времени могут быть сохранены «важные и любопытные анекдоты, частные, но блистательные действия, примечательные случаи, характеры лиц и изречения — все то, что придает особенную физиономию происшествию» и что, ускользая от «ученой», официальной истории, «мало-помалу истребляется из общественной памяти и, по несчастию, гибнет в забвении». Ведь «многие очевидцы дела уже переселились в вечность», и хотя «пожилые еще помнят, но те, которые помоложе, знают» о борьбе России с Наполеоном лишь «по изустным преданиям или, что всего хуже, по чужеземным источникам». Поэтому-то «теперь именно пора воскресить частные воспоминания» об эпохе 1812 г., «и всяк, кому дорога слава России, вправе желать, чтобы те, кто защищал Отечество, вооружились, наконец, пером» и рассказали бы то, чему «сами были свидетелями или что им хорошо известно», ибо от этого зависит «существенная польза новейшей Русской Истории»[223]. «Пусть в счастливый час являются записки участников. Каждый из нас смотрел на происшествия своими глазами и мог заметить то, что другой упустил из вида», — отмечал в предисловии к своим «Походным запискам» И. Т. Радожицкий (I, № 80д, ч. 1, с. III).

Подобными призывами и размышлениями заполнена в 30-х годах пресса; она, как видим, всячески популяризирует мемуарное творчество современников эпохи 1812 г. и откликается на все выходившие тогда в России мемуарные сочинения на эту тему. Одни только отдельные их издания вызвали целый поток таких откликов — не менее 50 рецензий, перераставших порой в развернутые критико-публицистические статьи. Писание и обнародование воспоминаний об эпохе 1812 г. признается, таким образом, актуальным, общественно назревшим делом, поддерживающим национально-исторические традиции и патриотическую преемственность поколений.

Охарактеризованные выше обстоятельства вполне проясняют то, почему 30-е годы отмечены, как уже указывалось, новым взлетом русской мемуаристики об эпохе 1812 г. Без всякой боязни впасть в преувеличение мы можем сказать, что 30-е годы, подобно первому послевоенному десятилетию, были временем расцвета мемуарной литературы об этой эпохе.

В свое время П. И. Бартенев в примечаниях к составленным

[221] Библиотека для чтения, 1835, ч. 8, отд. V, с. 39.
[222] Северная пчела, 1831, № 180, 13 авг.
[223] Библиотека для чтения, 1835, ч. 8, отд. V, с. 39—40.

в 30-х годах запискам об Отечественной войне А. Г. Хомутовой и А. А. Шаховского писал: «В тридцатых годах, вскоре после Польского мятежа, в нашем образованном обществе оживилось народное сознание. Возникла мысль о памятнике на Бородинском поле», «уже воздвигнута была перед Зимним дворцом Александровская колонна... Молодость государя Николая Павловича протекала под обаянием „грозы двенадцатого года“, ее предварительных раскатов и последующей славы. Воцарившись, он деятельно озаботился увековечением этой всемирно-исторической эпохи, притом не одним воздвижением вещественных памятников, но и собиранием всякого рода повествований. По его воле приступлено было А. И. Данилевским к написанию истории Отечественной войны, для которой и доставлялись со всех сторон... памятные записки». «Многие в то время стали записывать свои воспоминания о 1812 годе»[224].

Что касается роли Николая I в собирании «всякого рода повествований» об Отечественной войне и заграничных походах, то Бартенев явно грешил против истины, ибо каких-либо усилий Николай I в данном отношении не прилагал и в источниках не сохранилось ни одного свидетельства о том, что от него исходили бы указания о розыске «повествований» об этой эпохе вообще и воспоминаний ее современников в частности. Здесь Бартенев почти буквально воспроизвел фразу из верноподданнического посвящения Михайловского-Данилевского «Описания Отечественной войны» Николаю I, где в обращении к царю было сказано: «Вашему императорскому величеству угодно, чтобы великие сказания о 1812 годе собраны и сохранены были для грядущего потомства. Воздвигая на полях русской славы вековые памятники в прославлении Отечественной войны, ваше императорское величество соблаговолили повелеть составить описание сей достопамятной эпохи...». Из контекста этой фразы ясно следует, что под «великими сказаниями» о 1812 г., которые Николай I повелел сохранить для потомства, придворный и не лишенный честолюбия историк имел в виду прежде всего порученное ему «Описание».

Однако во всем остальном Бартенев очень точно уловил обусловленность возникновения мемуаров об эпохе Отечественной войны («многие в то время стали записывать свои воспоминания...») необычайно возросшим в 30-х годах интересом к этой эпохе, указав на наиболее существенные его проявления — пробуждение в результате событий 1830—1831 гг. «народного сознания» в просвещенных слоях общества, особую заинтересованность Николая I в «прославлении» войн 1812—1814 гг. и его попытки монументальными средствами увековечить их память, наконец, развернутые тогда же историографические предприятия. Свидетельство Бартенева тем достовернее, что в нем

---

[224] Русский архив, 1886, № 11, с. 372; 1891, № 11, с. 328.

отразилась, как и в других его «примечаниях», богатейшая личная осведомленность издателя «Русского архива», восходящая к устным рассказам самих современников.

Теперь нам остается бросить общий взгляд на состояние в этот период русской мемуаристики 1812 г. Уместно здесь напомнить, что на него приходится 62 опубликованных мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г. и, кроме того, не менее 16 рукописных (III, № 2, 5, 7, 12, 13, 15—18, 20, 25, 26, 28, 33, 36, 39), т. е. в общей сложности 78 мемуарных произведений — это составляет почти четвертую часть всех мемуаров данной группы. Сильно увеличилось теперь и количество мемуарных публикаций (по сравнению с 20-ми годами — почти в 3 раза) и, что особенно показательно, достигло наивысшей величины число отдельных изданий мемуаров — 19 названий, или 30% их общей суммы по данной группе (Приложения, табл. 3).

Среди них выделяются весьма значительные в историческом и литературном отношении мемуарные памятники, не только ярко запечатлевшие эпоху 1812 г., но и воплотившие некоторые характерные тенденции развития русской мемуаристики первой половины XIX в., например записки Н. А. Дуровой (I, № 107), две книги записок С. Н. Глинки (I, № 121, 127), «Очерки Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки (I, № 148). В этом же ряду должно упомянуть написанные именно в это время воспоминания самого А. И. Михайловского-Данилевского о кампаниях 1813, 1814 и 1815 гг. (I, № 101, 102, 104), а также завершенные тогда такие крупные мемуарные произведения, как «Походные записки артиллериста» И. Т. Радожицкого (I, № 80), «Дневник партизанских действий» Д. В. Давыдова (I, № 41), записки В. С. Норова и А. С. Шишкова (I, № 94, 95).

Примечательная черта мемуарной литературы этого десятилетия об эпохе 1812 г. — усиление в ней публицистических тенденций. Именно теперь, в 30-х годах, все чаще проникая на страницы печати, она становится заметным фактором общественно-политической жизни. Некоторые мемуары приверженцев николаевского абсолютизма обретают важное значение в утверждении официальной идеологической доктрины. Среди них прежде всего должны быть названы «Краткие записки» Шишкова, явившиеся, как уже отмечалось, мемуарным откликом одного из столпов феодально-монархической реакции на революционные события начала 30-х годов. Подобную направленность имели изданные также под непосредственным влиянием кризисной ситуации 1830—1831 гг. записки о походах 1814 и 1815 гг. Михайловского-Данилевского, всячески прославлявшие Александра I за восстановление легитимных порядков в Европе. Записки Шишкова и Михайловского-Данилевского (мы отвлекаемся здесь от весьма существенных, но в интересующем нас плане второстепенных различий между ними) были первыми в России мемуарными книгами видных участников кампаний 1812—1815 гг., в которых народно-освободительные начала войн

с Наполеоном получили развернутую трактовку в духе верноподданнических и охранительно-националистических установок.

Благодаря сказанному эти записки, неоднократно переиздававшиеся в 30-х годах и восторженно встреченные официальной прессой, сыграли вполне самостоятельную роль в историческом обосновании на примере эпохи 1812 г. «теории» официальной народности, несколько опередив в данном отношении даже усилия самого правительства. Во второй половине 30-х годов те же идеи популяризировались военно-мемуарными книгами Р. М. Зотова (I, № 122), Н. Любенкова (I, № 139), частично Н. Б. Голицына (I, № 111б). Но наиболее видное место в их распространении принадлежало упомянутым выше запискам С. Глинки. Воспоминания об Отечественной войне и заграничных походах именно в этих записках, как ни в одном другом мемуарно-историческом произведении того времени, были пронизаны чувством искреннего, но окрашенного в патриархально-самобытнические тона патриотизма, а для подкрепления «теории» официальной народности данное обстоятельство имело особенно злободневный смысл.

Надо, однако, заметить, что эти покровительствуемые властью и поддерживавшие ее идеологические акции мемуары не занимали в 30-х годах монопольного положения. Им противостояла другая струя военно-мемуарной литературы, представленная походными записками рядовых русских офицеров, например четырехтомной книгой И. Радожицкого, «Дневником партизанских действий» Давыдова и главным образом декабристской мемуарной традицией, не затухавшей и в эти тяжелые для нее годы, но, конечно, с трудом пробивавшей себе дорогу в печать. Так, в 1836 г. опальный декабрист М. Орлов тщетно стремился провести через цензуру свои записки о капитуляции Парижа в 1814 г., надеясь, видимо, опубликовать их в России[225]. Замечательным памятником этой традиции явились и «Записки о походах 1812 и 1813 годов» заточенного в Бобруйскую крепость, а затем сосланного на Кавказ декабриста В. Норова. Всем своим содержанием они были полемически заострены против официозной мемуарно-исторической литературы о наполеоновских войнах. Сама судьба этих «Записок» (мы уже касались ее выше), в частности упорные, но безуспешные попытки автора преодолеть сопротивление цензуры, добиться полного их издания под своим именем, служит красноречивым свидетельством того, в какой мере обострилась в 30-х годах идейная борьба на поприще мемуаристики 1812 г.

В отличие от первых послевоенных лет, когда более трети мемуаристов вышли из различных сословий гражданского населения, в 30-х годах в числе авторов решительно преобладают военные (генералы, офицеры) — из 62 опубликованных мемуаров им принадлежит 48 произведений. Да и «гражданская» те-

---

[225] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4134, л. 83.

матика явно тускнеет, например столь популярным в мемуарной литературе первых послевоенных лет московским событиям 1812 г. посвящено теперь всего несколько произведений — записки С. Н. Глинки, Н. И. Распопова, А. Г. Хомутовой, И. А. Яковлева (I, № 105, 106, 115) и т. д.

Выдвижение на передний план в мемуаристике чисто военных сюжетов (главным образом Бородинского сражения) отчасти может быть объяснено тем, что именно военная сторона эпохи 1812 г. привлекла в 30-х годах по указанным выше причинам наибольшее внимание и неизменно находилась в центре историографических трудов, а под флагом Бородинской годовщины проходили все юбилейные торжества этого времени. Но крайне показательно вместе с тем, что подавляющая часть всех мемуаров, датируемых 30-ми годами, посвящена самой Отечественной войне. Если из общего числа 62 опубликованных мемуаров вычесть 5 произведений, трактующих эпоху 1812 г. в целом (I, № 107, 111, 122, 127, 153), то из 57 оставшихся 48 освещают исключительно события 1812 г. и только 9 — кампании 1813, 1814, 1815 гг. В этом, бесспорно, сказался устойчивый и самостоятельный интерес русской общественности 30-х годов именно к Отечественной войне, что мы уже отмечали ранее.

Другая существенная причина преобладания среди мемуарных памятников, созданных в 30-х годах, военной тематики состоит в том, что в значительной своей части они были порождены военно-историческими трудами Михайловского-Данилевского.

Из 62 опубликованных мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., 26 возникло как раз в связи с подготовкой этих трудов (I, № 108, 113—120, 124—126, 129—138, 140—142, 147). Если же учесть здесь 16 указанных выше рукописных мемуаров — а почти все они также явились результатом собирательской деятельности Михайловского-Данилевского, — то окажется, что из общего числа всех датируемых 30-ми годами мемуаров более 40 произведений (т. е. свыше половины) создано благодаря его усилиям в этой области.

Выше мы упоминали неоднократно по тем или иным поводам о корпусе мемуарных источников об эпохе 1812 г. отложившихся в коллекции А. И. Михайловского-Данилевского. Теперь следует остановиться на их происхождении и составе в целом[226].

---

[226] Коллекция исторических материалов, в которой они хранятся, была создана А. И. Михайловским-Данилевским при подготовке описаний войны 1812—1815 гг. в виде громадного числа копий архивных документов и специально собранных источников частного происхождения. Основная ее часть сконцентрирована в двух делах фонда Военно-ученого архива (ЦГВИА). Материалы о кампании 1812 г., состоявшие из 224 объемистых папок («Материалы, служащие к описанию войны против французов и союзников их в царствование имп. Александра I в 1812 году»), были сведены позднее в 13 томов (д. 3465), причем очень часто сгруппированы не в той последовательности, в какой они поступали к Михайловскому-Данилевскому, а разрозненно (например,

Собирать мемуары участников наполеоновских войн Михайловский-Данилевский начал задолго до второй половины 30-х годов. Так, еще в 1819 г. по его настояниям генерал-майор А. Мишо, привезший в 1812 г. в Петербург донесение из Главной квартиры о сдаче Москвы, составил в форме письма на его имя воспоминания о своих встречах и беседах на эту тему с Александром I, и с тех пор они хранились в бумагах Михайловского-Данилевского (I, № 70). В 1820 г. он скопировал, как было сказано ранее, текст мемуарных заметок П. П. Коновницына о 1812 г., в 1831 г. запрашивал у А. И. Чернышева его воспоминания о кампаниях 1814 и 1815 гг.[227], в 1832 г. получил от К. Ф. Толя «отрывки» из его записок о 1813 и 1814 гг.

Выше мы указывали, что в 1835 г. Михайловскому-Данилевскому по его просьбе были пересланы С. И. Маевским и М. Ф. Орловым их записки о кампании 1814 г. В том же году он получил воспоминания о походе во Францию генералов Я. С. Храповицкого и К. М. Полторацкого (III, № 33; I, № 113), но только в связи с поручением составить «Описание Отечественной войны» (а затем, в 1838 г., и «Описание» похода 1813 г.) его усилия в этом отношении приобретают целеустремленный характер.

Приступив к его подготовке, Михайловский-Данилевский не ограничился предоставленными ему архивными и печатными материалами, отдавая себе отчет в том, что для воссоздания всесторонней картины эпохи, заполнения ее пробелов, разъяснения запутанных вопросов, освещения роли полководцев и т. д. необходимо преодолеть односторонность официальных «реляций» и пропущенных сквозь сито цензуры изданных материалов. Нового подхода к освещению темы требовали сам характер и масштабы возложенного на него труда. «По прошествии четверти века, — писал он 29 марта 1836 г. А. П. Ермолову, — не стоит приниматься за перо иначе, как с намерением обнаружить истинный ход и происшествия во всей наготе их», а несколько дней спустя делился с И. Н. Скобелевым соображениями о будущем труде: «Не переписывать же того только, что иными словами уже на всех европейских языках описано. Надобно дополнить сказанное, пояснить темное, опровергнуть несправедливое... Происшествия описаны, но что они без изображения дей-

---

препроводительные письма к тем или иным документам, в том числе и к мемуарным запискам, искусственно отделялись от текста последних и помещались не только в различных папках, но даже и в разных томах). В результате внутренняя связь между отдельными частями коллекции оказалась нарушенной, что не всегда учитывается историками, пользующимися ею. Для реконструкции первоначального состава и структуры коллекции важное значение имеет опись к ней, переплетенная почему-то не с 1-м, а с 7-м томом. Материалы о последующих кампаниях, состоявшие из 95 папок («Материалы, служащие к описанию войны против французов и союзников их, в 1813—15 гг.»), сведены в три тома (д. 3376).

[227] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3678; ГПБ, ф. 488, д. 32, л. 255—255 об.

ствующих лиц, что война 1812 года без Кутузова, Раевского и других...»[228].

Как человек, побывавший в гуще событий 1812 г., знавший цену живому рассказу очевидца и сам искушенный в писании мемуаров на военные темы, он прекрасно понимал, сколь много могут дать ему свежие, не искаженные привходящими мотивами личные свидетельства участников Отечественной войны. Между тем их напечатанные к середине 30-х годов воспоминания были малопригодны для его целей, и Михайловский-Данилевский решает принципиально расширить круг источников. Прежде всего он прилагает старания к мобилизации материалов из личных архивов деятелей того времени и их написанных, но неопубликованных воспоминаний. Бывший, видимо, в курсе его планов С. Н. Глинка в 1837 г. публично обратился к участникам Отечественной войны: «Усердно желаю, чтобы все любители славы отечественной более и более сообщали историку 1812 года сказания о сем дивном годе: усердие о таком подвиге будет общею жертвою Отечеству» (I, № 127, с. 69). Вместе с тем Михайловский-Данилевский стал активно побуждать современников 1812 г. к записи их еще нигде не зафиксированных воспоминаний о той эпохе; благодаря этому главным образом и была составлена его коллекция.

С соответствующими запросами Михайловский-Данилевский, как указывал он в предисловии к «Описанию Отечественной войны» (т. I, с. XIV), вошел «в переписку с начальствами от Архангельска до Крыма, от Гродно до Иркутска, спрашивал духовных и мирян, тех, кто был прикосновенен к делам, близок к императору Александру или призыван к Наполеону. Словом, я старался не упустить ни одного источника...»[229]. О размахе предполагавшегося сбора воспоминаний свидетельствуют нижеследующие строки из его письма от 29 марта 1836 г. Л. А. Нарышкину: «Первая мысль моя обратилась на то, чтобы на не-

---

[228] ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 17, 22—23.

[229] В фонде Н. К. Шильдера среди остатков архива А. И. Михайловского-Данилевского (ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5) нами обнаружен «Реестр исходящих бумаг по сочинению Истории 1812 года», содержащий в себе более 120 отпусков его официальных и личных писем в связи со сбором материалов для «Описания Отечественной войны». Значительная часть писем — просьбы о присылке воспоминаний. Рескрипт Николая I с поручением Михайловскому-Данилевскому составить это «Описание» был опубликован в газетах 26—27 февраля 1836 г., а уже 1 марта датирован первый документ «Реестра» — письмо московскому генерал-губернатору Д. В. Голицыну (на французском языке), вторым номером значится упомянутое выше письмо к М. Ф. Орлову (тоже на французском языке), но в «Реестр» они не внесены. Тексты остальных документов записаны по-русски. Всего за 1836 г. зафиксировано 115 писем, за 1837 г. — 8 и за 1839 г. — 2 письма. В своей совокупности они проливают новый свет на процесс подготовки «Описания», на круг привлеченных источников и на понимание А. И. Михайловским-Данилевским задач своего труда. Кроме того, его ценнейшая переписка по этому вопросу хранится в д. 3379 фонда ВУА, а также в указанных выше томах коллекции Михайловского-Данилевского в том же фонде.

объятном пространстве нашего Отечества отыскать тех, кого по прошествии четверть века судьба еще сохранила и которые были близкими свидетелями огромных происшествий, тогда случившихся. Вот причина, почему приемлю смелость к вам писать и усерднейше просить вас о сообщении мне того, что о 1812 годе таится в ваших бумагах и в вашей памяти. Один за другим исчезают очевидцы и участники, нельзя довольно не торопиться, чтоб собирать сведения, которых время еще не свеяло в памяти»[230]. «Но сколько забыто и уже безвозвратно погибло бесценных случаев, которые послужили бы к увековечению наших войск, если б были описаны», — с горечью писал он в том же году участнику войны Л. Ф. Ярошевицкому[231].

Однако Михайловский-Данилевский не довольствовался просьбами общего характера. Хорошо зная положение запрашиваемых лиц в событиях 1812 г. и пределы их личной осведомленности, в своих письмах он ставил перед каждым из них совершенно конкретные вопросы, формулируя своего рода программу их будущих воспоминаний. Так, того же Л. А. Нарышкина, захваченного вместе с Ф. Ф. Винценгероде французами в плен, когда они выступили из Москвы, и присутствовавшего при беседе последнего с Наполеоном, Михайловский-Данилевский просит описать, «каким образом очутились вы в плену в Москве и в чем именно состоялся ваш разговор, который по сих пор столь отлично изображают». Знаменитого партизана А. Н. Сеславина он спрашивает: «Когда получили вы партию, в чем она заключалась, хронологическое обозрение ваших действий, подробности, как узнали вы о движении Наполеона на Калугу, ваши поиски от Малоярославца до занятия вами Вильны. . .». Генерала П. А. Тучкова, командовавшего под Смоленском бригадой и 7 августа 1812 г. попавшего в плен, Михайловский-Данилевский просит сообщить: «Как вы были взяты в плен, видели ли вы Наполеона, в чем состоял ваш разговор с ним, как поступили с вами французы, что видели в Смоленске, куда были отправлены? . .». П. С. Кайсарова, одного из ближайших сподвижников Кутузова в 1812 г. (до Тарутина состоявшего при нем дежурным генералом), Михайловский-Данилевский уговаривает «описать, хотя бы в коротких чертах, некоторые из любопытных случаев, анекдотов, выражений фельдмаршала. Драгоценною почту каждую строчку о том, как выехали из Петербурга в армию, какие были разговоры, суждения, как прибыли в Царево Займище, Бородино, время отступления из Москвы и далее до Красной Пахры, пока вы не оставили Главной квартиры. Решительно без вашей помощи всё, что ни напишу, будет неудовлетворительно». С таким же предложением обратился Михайловский-Данилевский и к тесно связанному с Кутузовым во время войны И. Н. Скобелеву. «По особенной доверенности

---

[230] ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 8 об.—9.
[231] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 420—420 об.

к вам князя Михаила Богдановича, — писал историк в марте 1836 г. бывшему сотруднику штаба Барклая-де-Толли А. А. Закревскому, — знали множество случаев, которые для прочих оставались в тайне; вам ближе других известен был настоящий ход дел. Все это сохранилось в счастливой памяти вашей. . .»[232]

При этом предусматривалось собирать воспоминания не только крупных военачальников, прославленных героев 1812 г., но и гражданских лиц, чиновников, провинциальных дворян, горожан и т. д. В разосланном Михайловским-Данилевским циркулярном письме со специально разработанной анкетой из 10 пунктов по разысканию всякого рода сведений об Отечественной войне особое место отводилось показаниям живших в губерниях очевидцев «незабвенного 1812 года»[233]. Поясняя, что ему важно было бы получить, Михайловский-Данилевский 26 марта 1836 г. писал калужскому губернатору И. М. Бибикову, что, «кроме официальных сведений, хранящихся в делах, должны быть изустные предания, еще свежие между жителями. Статься может, что которые-либо из помещиков или городских обывателей записывали то, что тогда вокруг них делалось. Если есть такие записи, нельзя ли их иметь или ознакомить меня с сочинителями. . .»[234].

Из попытки привлечь «массовый» мемуарный материал о 1812 г., вызвать к жизни воспоминания рядовых свидетелей событий, видимо, ничего не получилось, во всяком случае в коллекции Михайловского-Данилевского почти не обнаружено текстов записанных тогда воспоминаний этого рода лиц или их ранее составленных записок[235]. Но стремление выявить мемуары о кампаниях 1812—1814 гг. их военных участников, в прошлом видных генералов, офицеров, партизан, увенчалось успехом.

Правда, надо сразу сказать, что не все те, к кому обратился Михайловский-Данилевский, откликнулись на его призывы. Не прислали своих воспоминаний П. С. Кайсаров, И. Н. Скобелев, А. А. Закревский, М. М. Кузнецов, у которого Михайловский-Данилевский запрашивал его записки об участии донских казаков в борьбе с нашествием[236]. Не отозвался на просьбу историка А. Н. Сеславин, хотя уже тогда составлял записки о наполеоновских войнах, до нас, как отмечалось выше, не дошедшие (правда, после выхода книги Михайловского-Данилевского он написал на нее мемуарно-критические заметки — I, № 150). М. Ф. Орлов, ранее доставивший Михайловскому-Данилевскому записки о капитуляции Парижа в 1814 г., на его просьбу поделиться воспо-

---

232 ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 8, 8 об., 16, 19—23, 25, 60 об.

233 Сборник РИО. СПб., 1912, т. 139, с. XVII.

234 ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 11.

235 Исключение составляют мемуарные показания чиновников московской полиции Вороненко, Мережковского и Пожарского, представленные ими в Московскую управу благочиния в 1836 г. в ответ на запросы А. И. Михайловского-Данилевского московским губернским властям (III, № 7, 20, 28).

236 ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 30.

минаниями и об Отечественной войне, ответил письмом, где изложил свой взгляд на то, какой видится ему история «нашей священной войны», но самих воспоминаний, вероятно, тогда не прислал[237]. А. И. Михайловский-Данилевский попробовал было прибегнуть к посредничеству его друга Д. В. Давыдова, и тот сообщал: «Я писал к Орлову о твоих вопросах, но еще не видел его лично. Я уверен, что он не откажется удовлетворить твое желание»[238]. Однако «ответы» М. Орлова на вопросы Михайловского-Данилевского в его архивных материалах не сохранились. Отказался писать воспоминания Д. В. Голицын[239], не удостоил никаким ответом обращенной к нему просьбы Михайловского-Данилевского и опальный А. П. Ермолов[240].

И тем не менее специально по его запросам было составлено в разных видах значительное число воспоминаний о войнах 1812—1814 гг. — не менее 44 произведений, из них 30 ныне опубликованы[241] и 14 — еще в рукописи. Их авторы — или крупные русские военачальники, командовавшие бригадами, дивизиями, корпусами (М. С. Воронцов, А. И. Горчаков, В. В. Орлов-Денисов, П. А. Тучков, А. Г. Щербатов, К. О. Ламберт), или офицеры, хорошо ориентированные в делах русского штаба и боевой обстановке тех лет (например, А. Б. Голицын, Д. Н. Бологовский, Ф. В. Акинфов, Л. А. Нарышкин). Этими воспоминаниями запечатлено множество неизвестных дотоле подробностей хода сражений и маневров, выработки стратегических планов, деятельности Кутузова и Барклая-де-Толли, действий армейских партизан и т. д. Несколько особняком по своей тематике и облику авторов стоят записки видного сановника александровского царствования, министра полиции А. Д. Балашова об его знаменитой поездке в начале войны 1812 г. в штаб Наполеона, командира Тверского ополчения кн. А. А. Шаховского об освобождении Москвы от французов и отца А. И. Герцена, И. А. Яковлева, о московском пожаре, свидании с Наполеоном и его поручении передать Александру I предложение о мире (I, № 115, 119, 140). В этих записках содержатся уникальные исторические сведения военно-политического характера, которые никем другим, кроме их авторов, вообще не могли бы быть рассказаны.

Особую ценность всем названным мемуарам придает то обстоятельство, что, явившись непосредственным откликом на запросы Михайловского-Данилевского, они предназначались боль-

---

237 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 12—13. (Подлинник на фр. яз.).

238 ГПБ, ф. 488, № 54, л. 16.

239 Там же, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 76 об.; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. II, л. 299.

240 ГПБ, ф. 859, карт 2, л. 17—17 об.

241 I, № 108, 113—120, 124—126, 129—138, 140—142, 147, 160, 165, 175 (последние три номера датируются уже 40-ми годами XIX в.). Кроме того, в числе собранных им мемуаров следует считать и упомянутые выше воспоминания А. Мишо, написанные еще в 1819 г. (I, № 70).

шей частью для его личного сведения, но никак не для того, чтобы быть тогда обнародованными. Поэтому события освещались в них в более откровенных тонах, нежели это было бы допустимо при их иной целевой установке. Показательно в этом смысле признание А. А. Шаховского в заключении его записок: «Я отдаю совершенно в вашу волю данную рукопись, выберете из нее, что вы найдете нужным, и бросьте остальное, если покажется вам ни к чему не годным»[242]. Некоторые авторы, причем весьма высокопоставленные, просили вообще не разглашать самого факта существования своих записок и их доставления Михайловскому-Данилевскому. Например, И. Ф. Паскевич уведомлял его в июне 1837 г.: «Я писал свои записки не для печати, но рад буду, если они для Вас смогут быть полезны как материал в тех случаях, где дело идет не обо мне, а вообще о происшествиях той эпохи. Во всяком случае, Вы меня обяжете, если будете содержать в тайне, что два эти отрывка получены Вами от меня»[243].

Впервые введенный в оборот в военно-исторических работах Михайловского-Данилевского 30-х годов, этот свод мемуарных источников (особенно в его опубликованной части) прочно вошел в русскую историографию XIX—XX вв., и ныне ни один серьезный исторический труд об этой эпохе немыслим без их использования. Между тем принадлежность рассмотренных выше мемуаров к коллекции Михайловского-Данилевского, то обстоятельство, что все они возникли благодаря осуществлению специально разработанной им программы сбора воспоминаний, не было выяснено в исторической литературе. Даже М. И. Богданович, привлекший для исторических трудов о войнах 1812, 1813 и 1814 гг. почти все мемуары этой коллекции, в своих развернутых источниковедческих пояснениях ни разу не указал на их происхождение. Оно не было прояснено и при публикации некоторых мемуарных памятников из этой коллекции (например, записок Тучкова, Балашова, А. Б. Голицына) и при последующем обращении к ним историков. Остался скрытым от них и факт оформления именно по просьбе Михайловского-Данилевского записок М. Ф. Орлова о капитуляции Парижа, а также упомянутой выше записки И. А. Яковлева о 1812 г. И Д. Д. Голохвастов, опубликовавший ее в 1874 г., и Т. П. Пассек, откликнувшаяся на нее в своих собственных воспоминаниях[244], хотя и сообщили некоторые сведения о происхождении записки, но ни словом не обмолвились о том, что сам ее текст, написанный летом 1836 г., появился лишь как ответ на настойчивые уговоры Михайловского-Данилевского — это видно из обнаруженной нами переписки его с И. А. Яковлевым. Причем возникновение записки неожиданным образом оказывается связано с судьбой со-

---

[242] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3566, л. 55. Ни в одной из трех публикаций записок А. А. Шаховского эти строки не воспроизведены.

[243] Там же, д. 3496, л. 1.

[244] *Пассек Т. П.* Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963, т. 1, с. 83, 86.

сланного в Вятку А. И. Герцена. Дело в том, что Яковлев, избегавший по ряду причин широкой огласки и обстоятельств своего пребывания при французах в Москве и встречи с Наполеоном, только потому согласился составить записку об этом эпизоде своей жизни для Михайловского-Данилевского, что тот заверял его, что будет ходатайствовать перед А. Х. Бенкендорфом и Д. Н. Блудовым об освобождении Герцена из ссылки. Однако, получив записку, Михайловский-Данилевский потерял всякий интерес к просьбам Яковлева и своего обещания так и не выполнил [245].

Кроме рассмотренного корпуса мемуаров, Михайловскому-Данилевскому было предоставлено в распоряжение еще не менее 15 рукописей воспоминаний о войнах 1812—1814 гг. (главным образом в отрывках), составленных независимо от его запросов и в 30-х годах еще не напечатанных [246]. Таким образом, общая численность его мемуарной коллекции составила не менее 59 произведений, что для тех лет было величиной весьма весомой.

Памятуя об официозном назначении исторических трудов, в связи с которыми была образована эта коллекция, нельзя не отдать должного самим усилиям Михайловского-Данилевского по ее сбору, тем более что ранее побуждение современников к созданию их собственноручных мемуаров и вообще собирательская деятельность в области мемуаристики были развиты в России еще очень слабо (здесь имеется в виду эта деятельность в самом широком смысле слова, а не такая частная ее форма, как записи другими лицами устных рассказов очевидцев, о чем уже было сказано выше).

Для XVIII в., кроме мер по собиранию воспоминаний об эпохе Петра I, в том числе и предпринятых им самим по мобилизации памятных записок современников для «Гистории Свейской войны» [247], вряд ли можно назвать сколько-нибудь крупные начинания подобного рода. То же положение наблюдалось и в начале XIX в. (если исключить рассмотренные выше призывы первых послевоенных лет к сбору мемуаров о событиях 1812—1815 гг.). Лишь с 20-х годов по мере растущего понимания роли мемуаров в духовной жизни русского общества, в познании его истории и знакомства с европейской мемуарной традицией вопрос о собирании воспоминаний современников привлекает к себе внимание людей, стоявших во главе умственного и литературного движения эпохи.

Пионерами в этом отношении выступают А. С. Пушкин и П. А. Вяземский — ревностные поборники «документальной сло-

---

245 ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 5, л. 18—19, 33—34, 35 об.—36; ф. 527, д. 121, л. 1, 3—4 об.; д. 34; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. IV, л. 61—62; Русская старина, 1892, № 10, с. 218—219.

246 I, № 4, 41, 44, 45, 77, 83, 85, 98; III, № 2, 18, 30, 31; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. III, л. 232а—291; 596—602; ч. IV, л. 116—275.

247 *Подъяпольская Е. П.* Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги Петра Великого». — В кн.: АЕ за 1972 год. М., 1974, с. 57.

весности» вообще и мемуарного жанра в особенности. «Я всех вербую писать записки, биографии. Это наше дело: мы можем собирать материалы, а выводить результаты еще рано», — признавался в 1830 г. Вяземский[248]. И, действительно, еще в 1827 г. он «вербует» А. И. Тургенева, В. А. Жуковского, Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова писать воспоминания о Н. М. Карамзине, а самого Вяземского подталкивает к тому же Пушкин. В конце 20-х—первой половине 30-х годов они оба просят Д. В. Давыдова подготовить жизнеописание мемуарного типа о Н. Н. Раевском. Вяземский уговаривает А. Я. Булгакова написать воспоминания об его отце — известном дипломате конца XVIII в. Я. И. Булгакове, а В. А. Жуковского — записки о своей жизни. А. С. Пушкин склоняет близких к нему литераторов к писанию воспоминаний об А. А. Дельвиге, побуждает к созданию автобиографических записок своих приятелей П. В. Нащокина и Н. С. Алексеева, А. О. Смирнову-Россет, М. С. Щепкина, наконец, незадолго до смерти завещает П. А. Плетневу писать «свои мемуары», а по кончине поэта Вяземский носится с мыслью, чтобы каждый из приятелей Пушкина составил о нем воспоминания. Еще в начале 20-х годов В. Жуковский советует А. И. Тургеневу приняться за «Записки»; тогда же, как мы помним, А. Булгаков настойчиво уговаривает Ф. В. Ростопчина составить свои мемуары и, кроме того, выражает пожелание, чтобы тем же занялись А. Н. Голицын и П. М. Волконский[249]. Спустя 20 с лишним лет А. Булгакову удается убедить И. М. Муравьева-Апостола (отца трех декабристов) написать автобиографические записки, названные автором «Моей исповедью»[250]. Об этом уникальном источнике, рукопись которого находилась в руках А. Булгакова, готовившего ео к зарубежному изданию, до последнего времени не было никаких сведений в литературе, и ныне он, видимо, затерян.

Перечисленными случаями, пожалуй, исчерпывается все то, что нам известно о предпринимавшихся в 20—30-х годах усилиях по привлечению современников к активному мемуаротворчеству. Нетрудно заметить, что перед нами разрозненные и единичные попытки — ими охвачен очень узкий, культурно замкнутый круг наиболее просвещенных, исторически мыслящих представителей дворянской интеллигенции, связанных между собой дружескими и литературными отношениями. Даже взятые

---

[248] *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 205.

[249] Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, вып. 6, с. 54; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937, т. XIII, с. 286; М.; Л., 1941, т. XIV, с. 140, 148—149; Старина и новизна, 1917, кн. 22, с. 39—40; Русский архив, 1879, № 5, с. 105; 1900, № 3, с. 368; Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. II, с. 256, 420; Записки актера Щепкина, М., 1933, с. 12—13; Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 723; Остафьевский архив. СПб., 1899, т. III, с. 65; *Эйдельман Н.* Пушкин и декабристы. М., 1979, с. 55.

[250] ИРЛИ, ф. 187, д. 1.

в целом (а многие из предполагавшихся воспоминаний так и не были написаны), эти усилия не идут ни в какое сравнение с тем размахом и с той целеустремленностью, с которыми создавалась Михайловским-Данилевским коллекция мемуаров об эпохе 1812 г. То, что удалось собрать всего лишь за несколько лет, решительно превосходило имевшие место ранее опыты мобилизации мемуарных источников. Речь шла о стимулировании мемуаротворчества значительного числа активных участников событий, и, не будь этого, их богатейшие личные впечатления об эпохе 1812 г. никогда, возможно, и не были бы зафиксированы.

Должен быть учтен также и сам замысел Михайловского-Данилевского в поисках мемуаров обратиться ко всем жившим тогда «на необъятном пространстве нашего Отечества» современникам той эпохи — демократическая в известном смысле ориентация на рядовых свидетелей событий. Замысел этот не был реализован (так же как и схожие призывы Я. Бардовского, провозглашенные еще в 1813 г., о которых мы упоминали выше), но он, бесспорно, представляет интерес в историко-культурном плане.

В более широкой исторической перспективе усилия Михайловского-Данилевского по созданию коллекции воспоминаний участников наполеоновских войн могут быть поставлены в один ряд, например, с успешными попытками Е. И. Якушкина побудить в 50—60-х годах многих декабристов записать свои воспоминания[251], с мобилизацией в конце 50—начале 70-х годов мемуаров участников Крымской войны[252], наконец, с неутомимой деятельностью М. И. Семевского, по почину, а иногда и при прямом участии которого было составлено множество автобиографий и памятных записок о самых разных сторонах жизни русского общества XIX в.[253] Но все эти «коллективные» предприятия в области мемуаротворчества последующего времени были предвосхищены охарактеризованной выше деятельностью А. И. Михайловского-Данилевского еще в 30-х годах XIX в.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 50-х— ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА

В 40-х—начале 50-х годов тема истории наполеоновских войн опять теряет свое актуальное значение и прежде всего в сфере официального политического курса. Дело здесь не только в том, что, как отмечалось выше, она вытесняется новым осложнением восточного вопроса в условиях постепенной утраты Россией преобладающих внешнеполитических позиций. Не менее важным

---

[251] *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 53, 169, 235, 238—242.

[252] Сборник рукописей, представленных о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб., 1872—1873, т. 1—3.

[253] *Тимощук В. В.* М. И. Семевский, основатель исторического журнала «Русская старина»: Его жизнь и деятельность, 1837—1892. СПб., 1895, с. 131—133.

было известное понижение в 40-х годах военно-политического престижа царизма, роли армии, военного дела в связи с отсутствием (до 1849 г.) сколько-нибудь значительных и могущих быть помпезно разрекламированными военных успехов вне страны. Эта существенно изменившаяся сравнительно с 30-ми годами ситуация, естественно, не благоприятствовала выдвижению на передний план правительственной пропагандой опыта военно-дипломатических побед 1812—1815 гг.

О том, насколько мало само правительство было заинтересовано в этом, свидетельствует его отношение к составленной под руководством Михайловского-Данилевского серии биографий русских генералов — участников войн с Наполеоном, чьи портреты были помещены в Зимнем дворце (*Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах: Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1845—1849, т. I—VI). Это монументальное и богато иллюстрированное издание — запоздалый отголосок оживленного интереса к 1812 г. в предыдущее десятилетие — явилось единственным крупным в 40-х годах историческим трудом о той эпохе, и Михайловский-Данилевский стремился представить его как санкционированное высшей властью и имеющее официальный характер, тем более что уже само его название достаточно характеризовало политический замысел книги, призванной прославить в первую очередь «незабвенного» Александра I. В действительности же правительство устранилось от участия в его подготовке и выпуске в свет. После смерти Михайловского-Данилевского специально учрежденная комиссия для разбора его архива обратила внимание военного министра А. И. Чернышева на судьбу найденных там материалов к данному труду. А. И. Чернышев распорядился считать их «частной собственностью» Михайловского-Данилевского и в отличие от многих других его бумаг, переданных на государственное хранение, вернуть наследникам на том основании, что «материалы эти собраны неофициальным образом и труд этот предпринят был покойным генералом Данилевским по частной сделке с издателем его сочинений» [254].

Тема 1812 г. гораздо менее заметна и на поверхности общественной жизни 40-х годов. Истоки данного явления надо, видимо, усматривать в глубинных идеологических процессах того времени, недостаточно изученных в исторической литературе. Не вдаваясь сейчас в их рассмотрение, ибо это слишком далеко увело бы от основного предмета настоящего исследования, отметим только одно немаловажное в этом плане обстоятельство.

В условиях сильно развившегося в 40-х годах общественного сознания, роста оппозиционных настроений, критики самодержавно-крепостнических порядков, зарождения либеральных и революционно-демократических идей в широких слоях общества углубилось неприятие николаевского деспотизма. Между тем, до-

---

[254] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, л. 157 об.

стигнув апогея к концу 30-х годов, официальная канонизация 1812 г. неразрывно связывалась с прославлением Николая I. Неудивительно, что в такой патриархально-монархической, казенно-благополучной окраске тема 1812 г. не воспринималась различными течениями общественной мысли, искавшими перспектив социально-политического обновления страны, и была, в сущности, скомпрометирована в их глазах.

Вспомним саркастически обрисованную в уцелевших главах последней редакции «Мертвых душ» (1849—1851 гг.) фигуру отставного военного, доживавшего свой век в деревне барина Бетрищева, по иронической характеристике Н. В. Гоголя, одного «из тех картинных генералов, которыми так богат был знаменитый 12-й год». Именно в беседе с этим «картинным генералом», как бы подлаживаясь к нему, плутоватый, догадливый, но не очень-то сведущий в тонкостях современной ему историографии Чичиков приписывает Тентетникову мысль сочинить некую «историю». Под напором же недоуменных и наводящих вопросов Бетрищева эта нелепая выдумка постепенно обрастает вполне конкретными очертаниями, отвечающими умственным интересам отставного ветерана наполеоновских войн, но малопонятными самому Чичикову: поначалу это «история о генералах» «в общности», затем история чуть ли не о всех «отечественных генералах» и, наконец, история о генералах, «только участвовавших в 12-м году» [254a].

В первую очередь Гоголь тонко высмеивал здесь завершенную изданием как раз к концу 40-х годов «Военную галерею Зимнего дворца» Михайловского-Данилевского — это не подлежит сомнению. Но не только. Пародийное обыгрывание «истории отечественных генералов 12-го года», низведенной, сниженной до обывательского уровня провинциальной чиновничье-помещичьей среды, явилось актом осмеяния и всей фальши парадно-официозного изображения эпохи 1812 г.

Как бы то ни было, но для 40-х годов мы можем констатировать падение интереса к этой эпохе в общественно-исторической мысли России в той мере, в какой он проявлял себя открыто прежде всего в повременной печати. Историко-публицистические отклики на войны 1812—1814 гг., столь обильные и разнообразные в 30-х годах, почти совсем исчезают из газетной периодики и неизмеримо меньше, чем ранее, присутствуют на страницах журналов 40-х годов — общеполитических, литературных и даже военных. Исторические книги и статьи на эту тему, выходившие в 40-х годах, представляли собой преимущественно компилятивные и популярные сочинения, да и количество их, если сравнить с тем, что издавалось в 30-х годах, было просто-таки ничтожным.

На этом фоне понятно и общее понижение интереса к мемуаристике 1812 г., который мы наблюдаем в 40-х—начале 50-х годов XIX в. Оно выразилось в ослаблении внимания к ней критики и публицистики, но, главное, в значительном сокращении числа со-

---

[254a] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1951, т. 7, с. 39—40.

зданных в этот период мемуарных произведений — относительно предшествовавшего в 3 раза, хотя количество публикаций понижается незначительно (Приложения, табл. 3).

Положение кардинально меняется с началом Крымской войны, явившейся мощным возбудителем общественного интереса к эпохе 1812 г., который не угасал в России в течение нескольких лет и был снова возбужден рядом событий начала 60-х годов.

В первый период Крымской войны, когда экспансионистские устремления правительства Николая I, маскируемые православно-патриотическими лозунгами, нашли сочувственный отклик в консервативных кругах — дворянско-помещичьих, чиновничьих, купеческих, в славянофильски настроенной части общества, напоминания о 1812 г. и последующих кампаниях вселяли уверенность в успешном исходе начатой борьбы, служили целям морально-исторического обоснования того, что и на сей раз победа окажется на стороне России[255]. «Все громче говорили: „Шапками закидаем" и поминали 12-й год», — отмечала позднее наблюдательная современница[256]. В декабре 1853 г. С. П. Шевырев сообщал М. П. Погодину из Петербурга о циркулировавших здесь толках после поражения турецкого флота под Синопом: «Государь весел. Победы его развеселили. Ото всей России войне сочувствие. Флигель-адъютанты доносят, что таких дивных и единодушных наборов еще никогда не было... Русского тотчас отличишь от западника. Есть движения, напоминающие 12-й год»[257]. «А крепко начинает попахивать двенадцатым годом», — писал в январе 1854 г. П. А. Вяземский[258].

Жившие тогда современники войн с Наполеоном вновь почувствовали себя «ветеранами» 1812 г. Под влиянием Крымской войны это словосочетание стало в 50-х годах своего рода патриотическим паролем, употреблялось в частной переписке, в быту, не сходило со страниц прессы. Например, именно так называл тогда П. А. Вяземский отличившихся в сражениях 1812—1814 гг. крупных сановников николаевского царствования А. Ф. Орлова и Д. Г. Бибикова; это же наименование применял он к самому себе; наконец, «Письмами русского ветерана о восточном вопросе» озаглавил серию изданных им в 1855 г. в Лозанне памфлетов, в которых под монархическим углом зрения осмысливалось значение событий 1812—1815 гг. применительно к задачам царизма в Крымской войне. Так, в 6-м «письме», датируемом февралем 1854 г., Вяземский в весьма угрожающих тонах писал: «Я убежден, что в случае необходимости, если бы народному достоинству

---

255 *Левин Ш. М.* Герцен и Крымская война. — Исторические записки, 1949, № 29, с. 165, 167; *Дружинин Н. М.* Москва в годы Крымской войны. — В кн.: История Москвы. М., 1954, т. III, с. 738.

256 *Цебрикова М.* Пятидесятые годы. — Вестник всемирной иллюстрации, 1901, № 10, с. 7.

257 *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1899, кн. 13, с. 18—19.

258 *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1886, т. X, с. 102.

предстояло уступить или бороться до конца, то пример императора Александра не будет забыт императором Николаем, и Россия покажет, чтó можно ожидать от нее, коль скоро она вызвана на смертный бой»[259]. Несколько позднее, уже на исходе войны, это же официозно-националистическое обращение к памяти 1812 г. в прямолинейно-воинствующей форме воспроизвела «Северная пчела»: «И потребуй только наш царь... все пойдем, и старый, и малый, и все наше имущество повергнем на алтарь Отечества! Грозите вы нам, западные завистники, грозите, потому что забыли о 1812 годе!»[260].

Параллели с ним находили тем большее созвучие, поскольку еще накануне и на начальных этапах Крымской войны определилась особая агрессивность по отношению к России Наполеона III, неустанно подчеркивавшего свое родство с Наполеоном I и преемственность Второй империи с Первой, что воспринималось как попытка Франции взять реванш за 1812 г.[261] и, подобно тому как это было в начале века, установить гегемонию на Европейском континенте. «В сущности, ведь это для России возобновление 1812 года, — писал в ноябре 1853 г. Ф. И. Тютчев, — и нападение, на нее направленное, будет, может быть, также грозно, даром, что оно не воплощается в одном человеке, и таком великом человеке, каков был первый Наполеон»[262].

Но тональность этих параллелей стала заметно иной, а почва для их распространения существенно расширилась после вступления в войну в марте 1854 г. европейских союзников Турции, когда Россия оказалась одна перед лицом коалиции держав, блокировавших ее морские границы на юге, севере, Дальнем Востоке и стремившихся отторгнуть Крым, Кавказ, Финляндию, Польшу с западными губерниями, особенно же после высадки союзных войск в Крыму и в период Севастопольской обороны. В этой обстановке возникла угроза продвижения их в глубь страны, и речь шла уже не о захвате чужих земель, а о защите собственной территории, «о спасении целости государства», как писал тогда А. И. Герцен[263].

Сам ход военно-политических событий этого времени неизбежно наталкивал на непосредственные сближения с 1812 г.

В январе 1855 г. Николай I в поисках массовой поддержки в пользу сильно затянувшейся и принимавшей столь грозный оборот войны объявил по примеру 1812 г. созыв всероссийского ополчения. В связи с этим была издана (уже после смерти царя) брошюра, в которой перепечатывались манифесты Александра I, призывавшие народ подняться во главе с дворянством на защиту Отечества, и подробно излагалась история ополченческого движе-

---

[259] Там же, с. 99, 102; СПб., 1881, т. VI, с. 217; см.: Несколько слов ветерана 1812 года. — Северная пчела, 1854, № 28.
[260] Северная пчела, 1855, № 278.
[261] *Тарле Е. В.* Крымская война. — Сочинения. М., 1959, т. VIII, с. 20.
[262] *Аксаков И. С.* Тютчев Ф. И.: Биографический очерк. М., 1874.
[263] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1957, т. XII, с. 268.

ния 1812 г. Уже одно название этой брошюры выразительно свидетельствовало о том, сколь остро ощущалась правящими кругами преемственность нынешнего положения вещей с опытом Отечественной войны: «Всеобщее ополчение России за веру, царя и Отечество, или Русские ратники во время имп. Александра I и ныне царствующего Александра II» (М., 1855) [264].

Демонстративное избрание вопреки воле военно-бюрократической верхушки и самого Николая I начальником ополчения семи губерний (в том числе Московской и Петербургской) необычайно популярного и почти 30 лет пребывавшего в опале А. П. Ермолова [265] снова поразительным образом напомнило ситуацию 1812 г., когда в сходных обстоятельствах нарастающей национальной опасности на пост предводителя столичных ополчений был выдвинут дворянской общественностью не пользовавшийся расположением Александра I М. И. Кутузов.

Ассоциации с Отечественной войной, захватывавшие все более широкие слои общества, обретали не только злободневное, но и крайне тревожное звучание. «Когда подумаешь о том, что́ деется на театре войны, — отмечал в мае 1854 г. А. Ф. Писемский, — так невольно сердце замрет, вряд ли Россия не в более трудном подвиге, чем была она в двенадцатом году» [266]. «Умилительно всегда бывает для русских воспоминание о незабвенном 1812 годе. . . но никогда, кажется, не могло оно возбуждать такого живого, сердечного участия. . . как ныне, когда враги с полной уверенностью грозятся разорить, унизить, ослабить, раздробить нашу Святую Русь! . .» — писал в конце того же года М. П. Погодин [267]. «Что может быть очевиднее, как связь этих двух событий», — указывал в одном из своих писем в сентябре 1855 г. Ф. И. Тютчев и, повторив уже ранее высказанную мысль о том, что Крымская война есть «возобновление двенадцатого года», добавлял: «Это вторая Пуническая война Запада против нас. . .» [268].

Даже в оппозиционных, в том числе и либерально-западнических, кругах, с самого начала войны относившихся к ней отрицательно, а в иных случаях и пораженчески, и по мере военных и дипломатических неудач царизма подвергавших его все более резкой критике, не были заглушены патриотические настроения, питавшие ассоциации с 1812 г. Хотя, как вспоминал позднее С. М. Соловьев, «мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительнейший переворот, остановить дальнейшее гниение. . . что успех войны окончательно утвердил бы казарменную систему», когда надвинулся «непривычный позор военных неудач. . . наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России» [269].

---

264 *Дружинин Н. М.* Указ. соч., с. 758.
265 *Кавтарадзе А. Г.* Генерал А. П. Ермолов. Тула, 1977, с. 108—112.
266 *Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936, с. 68.
267 *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 13, с. 202.
268 Русский архив, 1893, № 3, с. 518.
269 *Соловьев С. М.* Записки. Б. м. и г., с. 150.

С этим перекликаются и некоторые суждения об общественных умонастроениях 1854—1856 гг. А. И. Герцена, прочно связывавшего их с переживаниями Отечественной войны: «Воздух 1612 и 1812 годов повеял в России при вести о неприятельском нашествии. . .», а после смерти Николая I он считал даже, что «война становится народной»[270], довольно скоро отказавшись, впрочем, от этой неверной оценки. Коренное различие в данном плане между 1812 г. и Крымской войной было подчеркнуто в статье Н. П. Огарева «Разбор манифеста 26 августа 1856 г.» (по случаю коронации Александра II): «Да и как ни натягивай значение последней войны для России в уровень со значением войны 1812 г.: не натянешь! Одно было вторжение неприятеля неправое, незаслуженное, никем не накликанное, и отстоять Отечество было святым делом для всякого русского. Последняя же война, начатая из-за поповского спора о Иерусалимских ключах по капризу незабвенного, так мало затрагивала русские интересы, так была чужда русским помыслам, что никто не думал видеть в ней священной войны. . .»[271]. В подцензурной печати ту же точку зрения высказал в 1857 г. в «Современнике» Н. А. Добролюбов: «Тогда была война народная: враг был внутри страны. . . Последняя война имела, конечно, другой характер: она решена была политическими соображениями и дипломатическими переговорами, которые не могли быть известны всему народу, во всем своем ходе она имела характер более местный. . . Самая цель врагов — уничтожить наше преобладание на Востоке — не могла быть для народа столь осязательной в своей неприязненности, как ближайшая цель врагов 1812 года, опустошавших нашу страну, забравшихся в самое сердце России»[272].

Если в период Крымской войны правительство и близкие к нему сферы искали в патриотическом подъеме 1812 г. историческое подтверждение незыблемости социальных устоев самодержавия и его военного могущества, то А. И. Герцен и его единомышленники в аналогии с той эпохой вкладывали освободительный смысл, полагая более всего важным в опыте Отечественной войны ее революционные последствия и надеясь, что Крымская война приведет к падению режима царской власти.

«Братья!

Итак, царь накликал, наконец, войну на Русь. . . Пусть же она падет на его голову. Пусть она окончит печальный застой наш. . .

За 1812 годом шло 14 декабря. . .* Что-то придет за 1854?. . .* Неужели мы пропустим случай, какого долго-долго не представится? Неужели не сумеем воспользоваться бурей, вызванной царем на себя? Мы надеемся, мы уповаем», — пророчески предрекал

---

270 *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т., т. XII, с. 269, 308.
271 Полярная звезда, 1857, кн. III, с. 4.
272 *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9-ти т., т. II, с. 410—411.
* Отточие в тексте.

Герцен еще в марте 1854 г., при первом же известии об объявлении западными державами войны России[273].

В первые годы после поражения в Крымской войне боль уязвленного национального чувства продолжала жить в общественном сознании, возбуждая воспоминания о 1812 г., которые в 1862 г. вспыхнули снова в связи с 50-летним юбилеем Отечественной войны.

Правда, на сей раз царизм, ослабленный крестьянскими восстаниями, демократическим и революционным движением и поглощенный проведением в жизнь «Положения» 19 февраля 1861 г., не мог развернуть столь же грандиозные, как в 30-е годы, юбилейные торжества. Но тем не менее во второй половине 1862 г., в условиях поправения либеральной общественности, нарастания реакционного курса, преодоления правительством кризиса «верхов», оно попыталось воспользоваться и приближающейся годовщиной 1812 г. для упрочения своих идейных позиций. Эти попытки отразились в либерально-монархической прессе, в частности в историко-публицистической статье М. Н. Лонгинова «Одиннадцатое октября», напечатанной в связи с 50-летием освобождения Москвы от французов в «Московских ведомостях», а потом и отдельной брошюрой.

Вопреки утверждениям адептов славянофильской школы реформы Петра I, которые «отделили у нас высшие классы от низших», сыграли в жизни русского общества не отрицательную, а глубоко благотворную роль. В конечном счете только благодаря им дворянство настолько осознало свое национально-политическое значение, настолько окрепло на военно-административном поприще, что в 1812 г., когда «следовало охранить порядок в огромной стране» и «бороться с ополчениями целой Европы», сумело сплотить вокруг себя народную массу, предотвратив проявление социальных антагонизмов. «Между ними существовала полная гармония», и, поскольку дело шло «о коренных условиях единства и величия» государства, все слои населения дружно «слились тогда через посредство высшего класса», а «высшее правительство было воплощением мысли и чувств всей России», — вот что было доказано 1812 г.[274]

Нетрудно убедиться, что в несколько подновленном в западническом духе варианте здесь воскрешалась коренная идея доктрины официальной народности о единении сословий вокруг престола. Не случайно 50-летнюю годовщину 1812 г. правительство вплело в целую серию неожиданно извлеченных из небытия монархических юбилеев.

В той же самой статье Лонгинов писал: «Нынешний 1862 год богат годовщинами. Россия отпраздновала в нем тысячелетие своего исторического бытия. Марта 17-го исполнилось 400 лет со дня

[273] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т., т. XII, с. 201—202.
[274] *Лонгинов М. Н.* Одиннадцатое октября: 50-летний юбилей освобождения Москвы от войск Наполеона, 1812—1862. М., 1862, с. 3—6.

воцарения Иоанна III Васильевича... 28-го июня исполнилось столетие со дня, в который совершилось одно из величайших событий нашей послепетровской истории — восшествие на престол Екатерины II... В нынешнем году совершаются полувековые поминки по гигантской брани 1812 года...»[275]. Даже действительно перекликавшееся с его юбилеем 250-летие национально-освободительной борьбы против польской интервенции праздновалось как событие, в результате которого «вступил на престол России благословенный дом Романовых»[276].

Особенно тесно юбилей 1812 г. правительство увязало с тысячелетием России, вылившимся не в празднование ее «исторического бытия», а в безудержное прославление самодержавия и православия. «Потомство не должно и не может пройти забвением заслуг своих самодержцев, ознаменовавших себя мудростью и великими подвигами и при помощи божией, чрез тяжкие пути испытаний доведших Россию до настоящего ее самобытного могущества и величия», — говорилось в программном для будущих юбилейных торжеств документе, и Александр II специально наложил на нем резолюцию, согласно которой воплощавший эту идею известный памятник в Новгороде должен был быть открыт не в первой половине 1862 г., как предполагалось вначале, а именно 26 августа, в день Бородинской годовщины[277], игравший в правительственных мероприятиях той эпохи роль некой сакраментальной даты: и свою коронацию в 1856 г. Александр II также приурочил ко дню 26 августа.

Стремление Александра II символически соединить в этой дате столь отдаленные во времени и совершенно разнородные исторические события было с одобрением встречено монархически настроенной общественностью. И. П. Липранди, ревниво следивший за тем, что делалось тогда по увековечению Отечественной войны, с удовлетворением отмечал в 1861 г. в «Русском инвалиде»: «Ныне благополучно царствующий государь уважает память этой кровавой купели: Священное коронование происходило 26-го августа; торжество тысячелетия России в 1862 году, говорят, назначено также на 26 августа. День этот будет пятидесятилетним юбилеем и Бородинского побоища»[278].

Но не успел успокоиться шум вокруг этого юбилея, как в ходе развязанной реакционной журналистикой кампании против военно-дипломатических демаршей Англии, Франции и Австрии

---

275 Там же, с. 1.

276 *Липранди И. П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня... — ЧОИДР, 1866, кн. 1, с. VIII.

277 *Быстрова Т. П.* Русская общественность и тысячелетие России в 1862 году. М., 1969. Дипломная работа. Истфак МГУ/ Научный руководитель С. С. Дмитриев, с. 32—34. Приношу глубокую благодарность проф. С. С. Дмитриеву, давшему мне возможность ознакомиться с этой работой

278 Материалы для истории Отечественной войны 1812 года: Собрание статей И. П. Липранди. СПб., 1867, с. 165.

в связи с польским восстанием 1863 г. с новой силой вспыхнули воспоминания об Отечественной войне. Близкий к реакционно-монархическим кругам, много печатавшийся в 60-х годах в катковских изданиях С. А. Маслов писал по этому поводу: «Никогда это воспоминание не было торжественнее, как в прошлом 1863 году. Восстание в Польше и дипломатическое нашествие трех могущественнейших держав Европы вызвали тогда живое патриотическое чувство на защиту Отечества от угрожавшего ему позора; Бородино вспомянулось тогда в многочисленных адресах к царю из всех краев земли русской, и все готовы были принести в жертву Отечества и достояние, и кровь, и жизнь с теми же святыми чувствами любви к родной земле, с какими Россия в ужасной Бородинской битве сразилась со своими врагами» [279]. «Иностранным державам очень хочется унизить Россию, потому что боятся они могущества нашего великого государя. Не забыли французы и с ними двадесять язык, как в 1812 году они бежали из России и как потом русский государь Александр Павлович Париж взял и Наполеона с французского царства свел», — грозно напоминала одна из официозных брошюр 1863 г.[280]

А. И. Герцен сурово заклеймил эти охранительно-националистические попытки оправдать разгул реакции в Польше, направленные одновременно и против русского революционно-демократического движения, ссылками на патриотические традиции 1812 г. «То, что было величественно в 1812 году, теперь не только пóшло, но и отвратительно», — откликался он в «Колоколе» в мае 1863 г. на выступления проправительственной прессы, а год спустя в «Письмах к противнику» отмечал: «На-

---

[279] *Маслов С. А.* Воспоминание о Бородинской битве в 1864 г. — Современная летопись «Русского вестника», 1864, № 34. Современник событий той эпохи, коренной москвич, Маслов в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. выступает как активный поборник мер по сохранению памяти о 1812 г., привлекает к ним общественное внимание, завязывает тесные отношения с жившими тогда участниками Отечественной войны и публикует посвященные ей историко-публицистические сочинения. С 1863 г. Маслов носится с идеей установления на Красной площади рядом со скульптурными фигурами Минина и Пожарского памятника в честь Бородинской битвы в виде небольшого храма, религиозно-охранительное назначение которого он сам определил с исчерпывающей ясностью: «Сооружение такого памятника, блестящего не наружным величием, но внутреннею силою воспоминаний, будет новою грозою врагам России и крамольникам, им сочувствующим, которые, скрываясь и коварствуя под вымышленными именами, хотят обморочить Европу и даже нас самих уверениями, что в народе русском нет патриотического чувства. Нет, это чувство есть, оно живо так же, как было живо в 1812 году, когда оно сказалось на Бородинском поле и в самосожжении Москвы, в годину испытаний оно выскажется вновь и безбоязненно обличит крамольников» (*Маслов С. А.* Воспоминание о Бородинской битве в 1864 г.; см. также: *Маслов С. А.* Воспоминание Бородинской битвы в 1865 году. — Современная летопись «Русского вестника», 1865, № 37; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1907, кн. 21, с. 449—450).

[280] О русской правде и польской критике. М., 1863, с. 33.

прасно хотят покрыть это темное время одним патриотическим взрывом и возбужденным чувством национального достоинства. Одна непомерная спутанность понятий и наглость языка может ставить год *казней* наряду с годом *побед*, год великой и малой полиции с великим 1812 годом» [281].

Столь остро проявившаяся в период общественного и демократического подъема второй половины 50-х—начала 60-х годов борьба различных идейных течений вокруг оценки эпохи 1812 г. была, естественно, перенесена и в сферу собственно-исторических ее изучений, принявших тогда значительный размах.

Само правительство посредством обращения к истории 1812—1814 гг. — времени военной славы и политического преобладания России в Европе — решает поддержать сильно павший под влиянием крымской катастрофы престиж самодержавного государства. В обстановке углубляющихся массовых движений и назревания революционного кризиса предпринимается издание ряда исторических трудов, призванных возродить старые постулаты официальной доктрины об Александре I как сокрушителе наполеоновской Франции, о сплочении народа вокруг престола и первостепенных заслуг дворянства в отражении неприятельского нашествия. Создание этих трудов поручается уже завоевавшему репутацию консервативно-верноподданного историка генералу М. И. Богдановичу [282], который по повелению Александра II составил и выпустил в свет в 1856—1860 гг. «Историю Отечественной войны», в 1860—1863 г. — «Историю войны 1813 г.» и в 1864—1865 гг.— «Историю войны 1814 г.» [283], причем появление двух последних в момент крайнего осложнения отношений с западными державами из-за польского вопроса было, с точки зрения правительства, особенно своевременным как указание на главенствующую роль в судьбах Европы русского царизма.

Военно-исторические труды Богдановича заняли тогда центральное место в работах по истории эпохи 1812 г., определив собой их общий уровень, проблематику, круг вводимых в оборот источников и сконцентрировав на себе полемику в общественно-исторической и военно-научной печати, — одна только «История Отечественной войны» породила обильный поток рецензий и откликов [284]. Так же как и Михайловский-Данилевский в 30—

---

[281] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1959, т. XVII, с. 139; т. XVIII, с. 294.

[282] *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России, с. 192—193.

[283] История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859—1860, т. I—III; История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. СПб., 1863, т. I—II; История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I по достоверным источникам. СПб., 1865, т. I—II.

[284] Русский инвалид, 1859, № 249; Северная пчела, 1860, № 15, 28; Московские ведомости, 1860, № 51, 54, 58, 64; Отечественные записки, 1860, № 1, отд. 3, с. 18—37; № 2, с. 91—117; Военный сборник, 1860, № 4, с. 428—532; № 6, с. 451—458; Артиллерийский журнал, 1860, № 5, отд. IV, с. 141—169; Там же, 1861, № 6, отд. IV, с. 255—325; 30-е при-

40-х годах, Богданович приобрел статус официального историографа, пользующегося неограниченной поддержкой правительства.

Теми же идеями, что его труды, была проникнута и вышедшая еще в 1855 г. в Петербурге книга И. П. Липранди «Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источников, о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в 1812 году». «Ныне Западная Европа в безумии, усиливаемом коварством ее двигателей, забыв все, чем она неоднократно обязана была великодушию наших монархов, снова устремилась на могущество России. Напав на все оконечности нашего Отечества с баснословными армадами, она встретила то же могущество и начинает уже относить свои неудачи к подводным камням, мелям и опять к морозу, снегам и грязи», — писал автор в посвящении Александру II, подчеркивая глубокую связь избранной им темы с современностью. Главную задачу книги он видел в опровержении антирусских выпадов зарубежной публицистики и мемуарно-исторических сочинений участников наполеоновского похода, имея в виду напомнить, что «не стихии побеждали и победили врага, но что преданность к царю, постоянное мужество и строгая дисциплина» занимали «первое место в ряду причин, сокрушивших врага России в ту великую эпоху». Любопытно, что и эта книга увидела свет благодаря инициативе Александра II, который, по позднейшему свидетельству И. П. Липранди, едва только вступив на престол, пожелал прочесть ее в рукописи, всецело одобрил, способствовал продвижению в печать и разрешил «посвящение оной его имени» [285]. (Отметим, что процитированное выше посвящение датировано уже 1 марта 1855 г., тогда как Николай I умер всего за 12 дней до того — 18 февраля).

С И. П. Липранди связан замысел еще одного охранительного по своему назначению труда об эпохе 1812 г. До последнего времени о нем было мало что известно в литературе и контуры его восстанавливаются по не привлекавшим внимания историков материалам личного архива Липранди. Сам замысел принадлежал министру уделов (до того долгие годы — министру внутренних дел) графу Л. А. Перовскому, а после его смерти был активно поддержан П. Д. Киселевым и Я. И. Ростовцевым.

Накануне коронации Александра II, когда поползли слухи об ожидавшихся в Москве массовых волнениях с требованием отмены крепостного права («будто бы народ во время священного торжества нарушит оное криками о даровании свободы»), Перовский «крепко ухватился за мысль» собрать воедино из русских журналов и газет все статьи о 1812 г. вообще и народной

суждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1861, с. 39—48; Голос, 1865, № 183. Надо также учесть упомянутые ниже критические разборы И. П. Липранди.

[285] ГБЛ, ф. 18, № 2484, л. 121 об.—122.

войне в особенности и, напечатав их «в возможно большем количестве», распространить повсюду как общедоступное издание, имея в виду парализовать прежде всего влияние оппозиционной исторической публицистики. Этим изданием Перовский предполагал, с одной стороны, напомнить обществу о «великих свойствах» народа «во время тяжелого испытания Отечественной войны», а с другой — «передать и самому народу то одушевление и самоотвержение на защиту Отечества, которое проявили деды и отцы их». Главная цель, какую преследовал при этом Перовский, состояла в том, чтобы «подготовить для народа, начавшего высказывать желание свое к грамотности, здоровую для ума и нравственности пищу, которая способствовала бы ему утвердиться в обязанностях своих и богу, государю и отечеству».

Таким образом, в популяризации с позиций «теории» официальной народности исторических традиций 1812 г. правящие круги и в новой политической обстановке, в пору только еще нараставшего общественного подъема, усматривали реальное средство противодействия освободительным устремлениям. Характерно, что Липранди, которому был поручен этот труд, мыслил его как прямое продолжение занятий Я. Бардовского историей французского нашествия, вдохновленных еще в 1813 г. Шишковым и санкционированных Александром I, в русле тех же ретроградно-монархических принципов [286].

Труд этот — «Собрание статей об Отечественной войне, рассеянных по разным русским периодическим изданиям» — должен был состоять из 16 «отделений» (или томов), включавших в себя не только почерпнутые из прессы всякого рода исторические повествования, но и стихотворные произведения, кроме того, перечень всей иконографии и библиографию отдельно изданных сочинений об эпохе 1812 г., а также и исторические пояснения самого Липранди. Столь обширный труд, потребовавший кропотливых и длительных разысканий, был завершен Липранди лишь полтора десятилетия спустя. На рубеже 50—60-х годов никаких публикаций из него не появилось [287].

Зато в эти годы Липранди печатает ряд историко-критических и полемических работ, посвященных главным образом разбору

---

[286] ОПИ ГИМ, ф. 212, д. 1, л. 2—4, 5 об.—6 об., 12 об.

[287] «Собрание статей...» в основном было подготовлено в 1871—1872 гг., но, несмотря на все издательские усилия Липранди, опубликовано не было. Единственная часть «Собрания», увидевшая свет, — это широко известная историкам библиография о 1812 г. (Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года. М., 1876). Первоначально она составляла его последнее, 16-е «отделение», однако никогда не воспринималась в литературе в качестве остатка этого грандиозного замысла. Материалы «Собрания статей...» сохранились в ОПИ ГИМ (ф. 212, д. 1—3) и в ЦГИА СССР (ф. 673, д. 3—136). Развернутое предисловие к «Собранию статей...» с программой всего издания Липранди отправил в 1872 г. на отзыв Ф. Н. Глинке, который сопроводил этот текст своими сочувственными заметками и припоминаниями (ОПИ ГИМ, ф. 212, д. 1, л. 1—26; ГБЛ, М. 8553. 44а, л. 1).

сочинений Михайловского-Данилевского и Богдановича. Справедливости ради надо сказать, что эти его работы, не раз переиздававшиеся тогда, сыграли важную роль в привлечении внимания русской образованной публики к Отечественной войне и внесли немало нового в освещение спорных вопросов ее истории[288].

Показателем общественного интереса к ней в эти годы явилась и публикация Богдановичем (еще до выхода отдельными изданиями его монументальных «Историй» войн 1812—1814 гг.) статей на эту же тему в периодической печати, причем некоторые из них имели характер самостоятельных исторических исследований, не сливавшихся с текстом позднее напечатанных трудов[289].

Обостряется интерес и к полководцам 1812 г., вновь возникает антитеза «Кутузов — Барклай», печатаются книги и статьи об их участии в наполеоновских кампаниях[290]. Особое внимание в период общественного подъема привлекает исполненная глубокого обаяния для современников фигура А. П. Ермолова — патриарха Отечественной войны и ее живого осколка, как бы реабилитированного всем ходом событий после смерти Николая I и переживавшего новый взлет своей популярности. Его московский дом на Пречистенке становится местом паломничества всех, кому дорога память о 1812 г. Еще при жизни Ермолова его письма и воспоминания о нем декабриста Н. Р. Цебрикова публикуются Герценом в «Историческом сборнике» в Лондоне, а после смерти знаменитого генерала в самой России появляется о нем немало исторических статей, заметок, мемуаров[291]. Военный историк

---

[288] Напечатанные в 1858—1861 гг. в «Северной пчеле» и «Русском инвалиде», критико-полемические сочинения И. П. Липранди были изданы в 1867 г. в упомянутой выше его книге «Материалы для истории Отечественной войны 1812 г.».

[289] См., например: Сражение при Лубине. — Русский вестник, 1857, кн. 24 (перепечатано: ЖЧВВУЗ, 1858, т. 131); Следует ли называть укрепление, находившееся в центре Бородинской позиции, батареей Раевского? — Военный сборник, 1858, № 1; Народная война 1812 г. — Библиотека для чтения, 1858, кн. 2 (перепечатано: ЖЧВВУЗ, 1859, т. 137); Последнее время перед войной 1812 года. — Библиотека для чтения, 1858, кн. 3 (перепечатано: ЖЧВВУЗ, 1859, т. 136); Назначение Кутузова главнокомандующим. — Военный сборник, 1859, № 5; Занятие Вильны русскими войсками в 1812 году. — Русский инвалид, 1860, № 40; Народные вооружения в Пруссии в 1813 году. — Русский вестник, 1860, кн. 21; Дело при Рейхенбахе. — Русский инвалид, 1861, № 1; Союзные полководцы во вторую кампанию 1813 года. — Русский вестник, 1861, кн. 9 (перепечатано: ЖЧВВУЗ, 1862, т. 154).

[290] Фельдмаршал князь Кутузов Смоленский при конце и начале своего боевого поприща. — Русский инвалид, 1858, № 64; *Проценко Н. Ф.* Светлейший князь М. Л. Голенищев-Кутузов Смоленский — спаситель Отечества от полчищ Наполеона и с ним двадцати народов. М., 1864; *Глебов П.* Слово о Барклае-де-Толли. — Современник, 1858, № 2.

[291] ИС. М., 1971, кн. II, с. 153—157, 239—247; М., 1971, кн. III, с. 138—143, 160—163; *Богданович М.* Воспоминания об А. П. Ермолове. — Русский инвалид, 1861, № 92; *Глиноецкий В.* Краткая биография генерала от артиллерии Ермолова. — Военный сборник, 1861, № 5; *Лонгинов М. Н.*

В. Ф. Ратч издает свод материалов о жизни и боевой деятельности Ермолова[292]. В 1863—1864 гг. М. П. Погодин печатает в «Русском вестнике» его обширно документированную биографию, вышедшую затем отдельной книгой; краткую биографию А. П. Ермолова издает за границей политический эмигрант П. В. Долгоруков[293].

Тогда же в связи с выдвинутым С. А. Масловым проектом установления бородинского памятника на Красной площади он же предложил силами членов двух научно-просветительских обществ при Московском университете — истории и древностей российских и любителей российской словесности — издать жизнеописания «военачальников и героев Бородинской битвы»[294].

Оживление общественного интереса к эпохе 1812 г. сказалось и в острой реакции на труды иностранных авторов о войнах с Наполеоном. По поводу напечатанного еще задолго до того во Франции XIV тома «Истории консульства и империи» А. Тьера (о наполеоновском походе 1812 г.) официозный публицист А. Горяйнов выпускает брошюру «Что такое А. Тьер и нашествие его на Россию» (СПб., 1858), вызвавшую резкий отзыв Н. А. Добролюбова в «Современнике»[295]. М. Богданович и Ю. Толстой выступают с развернутыми разборами «Описания нашествия на Россию Наполеона Бонапарта» бывшего в 1812 г. английским эмиссаром при русском штабе Р. Вильсона[296]. Весьма болезненно затронуло военно-ученую общественность выпущенное Т. Бернгарди в Лейпциге во второй половине 50-х годов жизнеописание К. Ф. Толя, посвященное преимущественно войнам 1812—1814 гг. и представленное автором как собственные записки Толя. Появляются пространные выдержки из этого труда, сопровождаемые критическими комментариями, а также и обстоятельные рецензии военных историков[297].

Устойчивое внимание к эпохе Отечественной войны выразилось, как мы видим, не только в выходе фундаментальных исто-

---

В память А. П. Ермолова. — Современная летопись «Русского вестника», 1861, № 16; Памятник А. П. Ермолову. — Военный сборник, 1864, № 10; А. П. Ермолов в своих сказаниях. — Там же, № 5.

292 *Ратч В.* Сведения об А. П. Ермолове. — Артиллерийский журнал, 1861, № 7, с. 345—362; № 11, с. 635—652.

293 *Погодин М. П.* А. П. Ермолов: Материалы для его биографии. — Русский вестник, 1863, № 8—12; 1864, № 5. (Отдельное издание — М., 1864); Le général Yermoloff. Bruxelles-Paris, 1862.

294 *Маслов С. А.* Воспоминание Бородинской битвы в 1865 году.

295 Современник, 1858, № 5, отд. II, с. 58—63.

296 *Богданович М.* Критический разбор сочинения сэра Роберта Вильсона «Описание нашествия на Россию Наполеона Бонапарта». — Инженерный журнал, 1862, кн. 1; *Толстой Ю.* Записки сэра Роберта Вильсона о нашествии Наполеона на Россию и об отступлении его армии. — Русский вестник, 1862, кн. 1.

297 Из записок генерала от инфантерии генерал-адъютанта графа К. Ф. Толя. — Русский инвалид, 1858, № 231, 232; Война 1812 года: Из записок графа К. Ф. Толя, изданных на немецком языке Бернгарди. — Русский инвалид, 1859, № 61, 62, 70—73, 129, 130; Военный журнал, 1859, № 1, с. 1—11; № 2, с. 69—78; 141—223.

рических сочинений, но и в крайне живом восприятии ее современной прессой, как специально военной и исторической, так и, что весьма характерно, общеполитической и литературной.

Издания самых разных идейных направлений — официозная «Северная пчела», все более правеющий «Русский вестник» М. Н. Каткова, либеральная «Библиотека для чтения», редактируемые Н. Г. Чернышевским «Современник» и «Военный сборник» (в 1858 г.) щедро предоставляют свои страницы для всякого рода материалов о 1812 г. Особо яркий признак современного звучания этой темы — отношение к ней газетной периодики, которая, помимо многих иных публикаций, систематически, из номера в номер, печатает и научно-исторические труды об Отечественной войне, что для исторической литературы XIX в. было явлением вообще крайне редким и почти не имело до того прецедентов в историографии 1812 г.

В свете итогов Крымской войны и начавшегося общественного пробуждения наряду с правительством стремятся извлечь свои уроки из опыта 1812 г. и оппозиционные общественные силы, представители либеральной и демократической историографии, ищущие исторические аргументы в пользу радикальных общественных перемен. Их интерес к этой эпохе был обусловлен, в частности, крахом военно-гегемонистских притязаний царизма в Европе; поскольку же начало им было положено в период образования Священного союза, то история войн, из которых вырос последний, и представляется ныне весьма поучительной. Глубокая мотивировка этого подхода была дана в рецензии либерально настроенного в ту пору историка К. Н. Бестужева-Рюмина на книгу М. Богдановича об Отечественной войне: «Все знают, как позднейшие обстоятельства показали вред такой самонадеянности, как Россия вышла на новую дорогу, как глубоко она сознала преимущество внутренних завоеваний над внешними, необходимость коренных реформ во всем, между прочим и в самой армии, несмотря на справедливость и вполне заслуженную славу, которая сопровождала ее в самые черные дни. Теперь, когда русская мысль пошла в другую сторону, история прошлого, близкое знакомство с тем, что и как было, может принести значительную, осязаемую пользу. ...Война 1812 г., тот пункт, с которого начинается высшее развитие военного могущества России, заслуживает во многих отношениях внимательного изучения историка...»[298].

Естественно, что с этих позиций решительно пересматриваются многие частные положения и общие результаты изучения эпохи 1812 г. в предшествующей историографии.

В статье о вышедшем тогда Собрании сочинений Д. В. Давыдова, имея в виду его пронизанную духом личной независимости и «военной оппозиции» мемуарную прозу о 1812 г., А. В. Дружинин отмечал, что должно «чтить Дениса Давыдова как раз-

---

[298] Отечественные записки, 1860, № 1, отд. 3, с. 19.

рушителя и оппонента нашей старой военной литературы с ее хвастливой и официальной бесцветностью», и далее предъявлял суровый, публицистически заостренный счет людей своего поколения к казенно-патриотической, парадно-благополучной историографии николаевского царствования: «Вред, нанесенный ею, был чрезвычайно велик и до сих пор еще не оценен достаточно. Благодаря панегирикам, унижению врага, скрытию своих неудач и ошибок, придирчивости лиц и корпораций славнейшие периоды нашей военной истории улетучились без следа и величайший из них, кампания 1812 года, не передан потомству во всей его характеристичности», но «теперь», многозначительно добавлял он, «настало иное время» [299].

То, что «настало иное время» и необходимо отрешиться «от топорной прямолинейности» старой военной историографии в освещении эпохи 1812 г., отчетливо представлял себе уже Богданович. Понятно, что его «История», написанная в 1856—1859 гг., в пору открыто провозглашенного либерального курса, при всей своей официальной заданности и приверженности в целом верноподданническим принципам не могла не учитывать изменившегося уровня исторической науки и требований общественности. В ряде вопросов он попытался сказать новое слово: и в уделении большего внимания народной войне, ополченческим формированиям, партизанским отрядам, и в относительно объективной характеристике действий противника, и в определенной переоценке — в духе веяний 50-х годов — роли военачальников, и в более всестороннем использовании и критическом анализе источников. Под пером Богдановича официозная трактовка истории Отечественной войны претерпела, таким образом, известную трансформацию, что явилось, конечно, уступкой либерализму [300]. Но даже это не привело в восторг рецензентов книги из самого же либерального лагеря, которые, признав ее некоторые достоинства, вместе с тем отрицательно отозвались о многих спорных и просто ошибочных положениях как конкретного, так и концепционного характера. Надо сказать, что это был первый случай, когда официально санкционированный царем исторический труд подвергся критической оценке, порой весьма строгой и нелицеприятной.

Смерть Николая I снимает запрет с критики исторических сочинений Михайловского-Данилевского. Впервые она прозвучала в изданных еще в 1855 г. «Некоторых замечаниях» Липранди и в его последующих историко-критических разборах. Но Липранди не пошел дальше хотя и весьма язвительных, но част-

---

[299] Библиотека для чтения, 1860, № 5, Литературная летопись, с. 10. О том, что на фоне официальных исторических трудов об эпохе 1812 г. «Давыдов первый дал тон правды», писал в черновых набросках к «Войне и миру» Л. Н. Толстой. См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 240.

[300] *Дьяков В. А.* Об особенностях развития русской военно-исторической мысли в предреформенное тридцатилетие. — В кн.: Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX века. М., 1969, с. 81—82.

ных суждений по поводу фактических неточностей и противоречий в описании Михайловским-Данилевским военных действий. К концу же 50-х годов, особенно в рецензиях на «Историю» Богдановича [301], критика Михайловского-Данилевского принимает непримиримо резкий, иногда даже уничтожающий, характер и его труды, как явно устаревшие в научно-историографическом и общественно-политическом отношении, отвергаются уже в целом. Упреки в его адрес идут, в частности, по той линии, что он, как никто другой, был повинен в официальной канонизации облика Кутузова за счет принижения заслуг Барклая-де-Толли. «Величавая личность» и полководческие усилия последнего подвергаются в литературе 50—60-х годов пересмотру в традициях пушкинского истолкования образа Барклая, с именем которого, как писали «Московские ведомости», «справедливо соединяется понятие о герое в истинном смысле этого слова»: им по праву «может гордиться наше Отечество» [302]. Устранение его в 1812 г. с высших военных постов расценивается как следствие происков дворянско-аристократической оппозиции в армии и в этом смысле сравнивается с судьбой, постигшей накануне Отечественной войны М. М. Сперанского, либерально-реформаторская деятельность которого привлекает к себе на рубеже 50—60-х годов пристальное внимание [303]: оба события порождены одними и теми же общественными корнями. «Удаление Барклая от звания главнокомандующего русскими армиями и военного министра имеет и в главных основаниях много общего с падением Сперанского» [304]. «Современник» публикует специальную работу с обоснованием целесообразности проводимой Барклаем отступательной стратегии [305]; из архивов извлекаются и впервые попадают в печать ранее бывшие под спудом его оправдательные записки 1812—1813 гг.[306] и другие документы, освещающие военно-административную деятельность Барклая [307].

Но сильнее всего переоценка ценностей коснулась самого предмета общественных интересов к 1812 г., существенно изменив тематику посвященных ему исторических сочинений и публикаций, что было связано также и с некоторыми общими тенденциями развития исторической мысли в эпоху падения крепостного права в России.

В конце 50-х—начале 60-х годов XIX в., в пору бурного обновления идейно-политической атмосферы и смягчения «цензурного тер-

---

301 Русский инвалид, 1859, № 249; Северная пчела, 1860, № 15; Московские ведомости, 1860, № 51.

302 Московские ведомости, 1860, № 54.

303 *Сладкевич Н. Г.* Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х—начале 60-х годов XIX века. Л., 1962, с. 196—269.

304 Военный сборник, 1860, № 4, с. 525.

305 *Глебов П.* Указ. соч.

306 Изображение военных действий Первой западной армии в 1812 г. — ЧОИДР. 1858, кн. IV; Военный журнал, 1859, № 1.

307 Записка Барклая-де-Толли о военных поселениях. — Военный сборник, 1861, № 6.

роризма», под напором растущего стремления познать недавнее прошлое, наиболее тесно связанное с современностью, совершается открытие для широкого читателя и для самой науки «нового» (по понятиям того времени), начинающегося с петровских преобразований периода русской истории, дотоле вовсе запретного или искажаемого официальной историографией [308]. Несколько позднее, в 1877 г., А. Н. Пыпин писал, что для исторической литературы «в первой половине нынешнего столетия... относительно прошлого и нынешнего века оставалась несколько открытой лишь внешнеполитическая сторона событий, — поприще военных подвигов, полная свобода была только для панегирика» [309]. «Теперь изучение русской истории в ее приложении к живым современным интересам должно быть насущной потребностью», — отмечалось в 1865 г. в одной из статей «Библиотеки для чтения».— Что же может быть важнее для нас, чем полуторастолетний период европейской жизни после Петра I, — продолжал далее автор статьи, — чем «обработка нашей истории XVIII и XIX века, — бесспорно, важнейшее знание, которое более всякого другого должно возбуждать сочувствие читающего общества» [310]. При этом распространение знаний о XVIII — первой половине XIX в. было отмечено пафосом утверждения исторической истины, высвобождения ее от официальной лжи. «Всякое правдивое сказание, всякое живое слово, всякое современное свидетельство, относящееся к нашей истории за последние сто лет, чрезвычайно важно, — указывал в 1860 г. А. И. Герцен. — Время это едва теперь начинает быть известным. Времена татарского ига и московских царей нам несравненно знакомее царствования Екатерины, Павла. История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамб побед и на риторику подобострастия» [311].

Понятно, что Отечественная война — одна из главнейших вех этого периода русской истории — имела в данном аспекте особое значение. Если даже «выданный недавно г. Устряловым VI том „Истории Петра Великого“» (с впервые обнародованными материалами по делу царевича Алексея. — *А. Т.*) «прочитан был с жадностью всей образованной публикой», хотя речь шла в нем об эпохе «отдаленной... почти полутора столетиями и о которой давно было бы пора, не страшась, говорить истину», то «какую же цену должно получить изображение на основе достоверных источников того времени, которое еще живо в памяти людей, не сошедших в могилу» — так оценивал выход в свет «Истории Оте-

---

308 ИС. М., 1971, кн. III, с. 5—20; *Желвакова И. А.* «Исторические сборники» А. И. Герцена: Опыт источниковедческого и историографического анализа. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1972.

309 Вестник Европы, 1877, № 7, с. 246.

310 Издание памятников по русской истории последнего полутора века и об основании комиссии или общества для собирания их. — Библиотека для чтения, 1865, т. 2, кн. 1, с. 68.

311 *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1958, т. XIV, с. 296.

чественной войны» М. Богдановича один из первых ее рецензентов [312].

Освоение «императорского» периода русской истории (этому в немалой мере способствовало оживление старых периодических изданий, например «Чтений в ЧОИДР», основание новых историко-литературных журналов типа «Библиографических записок», проникновение в Россию исторических публикаций Вольной русской типографии А. И. Герцена и т. д.) сосредоточивается преимущественно на «рассекречивании» внутренних сторон жизни русского общества. Историки проявляют интерес к массовым движениям, социальным конфликтам, состоянию общества и его взаимоотношениям с государственной властью, правительственной политике с ее придворно-династическими пружинами — к проблематике, вообще весьма типичной для нарождающегося буржуазно-оппозиционного течения в исторической науке.

Примерно этот круг явлений, который применительно к эпохе 1812 г. наиболее тщательно скрывался и фальсифицировался официальной историографией первой половины XIX в., теперь стремительно выдвигается на передний план в ущерб традиционным для нее чисто военным и дипломатическим аспектам истории Отечественной войны. Ее изучение «никак не должно останавливаться на одной стратегической стороне дела: обсуждению с точки зрения военного искусства война эта подлежит гораздо менее, чем какая-либо другая война», — прокламировал эту прогрессивную историографическую позицию К. Н. Бестужев-Рюмин. «Пора перестать смотреть на историю войны, — продолжал он далее, — как на историю фланговых движений, маршей, контрмаршей, кавалерийских атак, удачных и неудачных диспозиций и дислокаций. В военной истории есть другая сторона, интересная и для людей, не посвященных в таинства военного искусства. Сюда относим мы... характер лиц, стоявших во главе армии, политические обстоятельства, побуждавшие к войне, отношение к ней народонаселения, наконец, степень проявления народного духа в самом ведении войны и в характере и направлении армии» [313]. «В описании Отечественной войны самыми главными, по нашему мнению, вопросами являются влияние политического нашего устройства и народного духа на характер и ход войны и следствие ее для государства и русской жизни: изображение военных действий составляет важную, но не исключительную задачу» — сжато формулировал тот же взгляд «Военный сборник» [314].

Принципиальное значение для историографии середины XIX в. имел в этом плане цикл статей только еще вступавшего тогда на поприще науки Н. Ф. Дубровина о русском обществе в период борьбы с Наполеоном. Своим содержанием (статьи были напи-

---

312 Московские ведомости, 1860, № 51.
313 Отечественные записки, 1860, № 1, с. 19—20.
314 Военный сборник, 1860, № 4, с. 489.

саны на основе неофициальных источников — эпистолярных, мемуарных, публицистических) и даже специально выделенным, «серийным», необычным для прежней историографии названием работа Н. Ф. Дубровина демонстративно заявляла право на жизнь новой тематики: «Материалы *для внутренней стороны 1812 года.* Князь Кутузов-Смоленский в 1812 году»[315], «Москва и граф Ростопчин в 1812 году (Материалы *для внутренней стороны 1812 года*)»[316]. Исходные установки автора, зиждившиеся на новом понимании задач изучения Отечественной войны, несут на себе печать демократических воззрений эпохи: «История в обширном значении этого слова должна быть совершенно законченным и полным отражением жизни народа в данную эпоху, со всеми его страстями и побуждениями». Между тем старые историки 1812 г. «на народ не обращали никакого внимания, не признавали за ним никакого права голоса, никакой самостоятельности и даже не допускали возможности его влияния на самый ход событий»[317]. Статьи Дубровина с их попыткой (хотя, разумеется, реализованной весьма неполно) преодолеть ограниченность такого подхода во многом наметили направленность исторических изысканий ученых последующего времени, например А. Н. Попова — автора монографий о Москве в 1812 г. и военно-общественных настроениях того времени, в том числе и позднейшие труды самого Дубровина («Русская жизнь в начале XIX в.», «После Отечественной войны»), напечатанные уже в конце XIX—начале XX в. в «Русской старине».

Далеко не случайно также, что такой большой удельный вес в исторической литературе на рубеже 50—60-х годов занимают московские события 1812 г. — центральный узел общественной жизни той эпохи, в котором наиболее резко преломились и «политические обстоятельства», и «характеры» действующих лиц, и «отношение к войне народонаселения». Внимание историков сосредоточено теперь на положении низших слоев столичных жителей, общественных настроениях в связи с войной, пожаре Москвы, французской оккупации и отражении этих событий в ходе военных действий и в судьбах мирного населения. В основном на московских событиях 1812 г. концентрируется и внимание общественности во время празднования 50-летнего юбилея Отечественной войны[318]. В «Чтениях в ОИДР», «Библиографических записках», в общелитературной и военной прессе публикуются посвященные этим сюжетам исторические документы, расходившиеся до того в списках или вовсе не бывшие в употреблении, — ведомственные донесения, письма, дневники и т. д.[319]

---

[315] Артиллерийский журнал, 1862, № 9; 1863, № 3, 5, 7. (Курсив мой. — *А. Т.*).

[316] Военный сборник, 1863, № 7, 8. (Курсив мой. — *А. Т.*).

[317] Артиллерийский журнал, 1862, № 9, с. 531—532.

[318] *Снегирев И. М.* Пятидесятилетие 1812 года. — Душеполезное чтение, 1862, № 10.

[319] *Тутолмин И.* Подробное донесение ее императорскому величеству государыне императрице Марии Федоровне о состоянии Московского воспи-

На фоне расширяющейся гласности и успехов «обличительной» литературы, порицавшей порядки сословного строя, царскую бюрократию, злоупотребления чиновничества, растет критика действий московской администрации в 1812 г. и самого Ф. В. Ростопчина, всячески превозносимого официозными историками и объявленного чуть ли не спасителем России. Его легендарная прежде личность предстает теперь на страницах исторических изданий в совершенно ином и крайне неблаговидном свете, особенно в связи с его зловещей ролью в деле М. Н. Верещагина, о котором в печати появляются теперь новые материалы, компрометирующие бывшего московского губернатора[320].

Заметный вклад в развенчание Ростопчина внесли критические выступления передового литератора, историка, фольклориста, негласного корреспондента Вольной печати А. И. Герцена, редактора «Библиографических записок» А. Н. Афанасьева — написанная им в демократически-просветительском духе рецензия на подборку документов о временах александровского царствования в «Чтениях в ЧОИДР» и полемика с М. Н. Лонгиновым о причинах отставки М. М. Сперанского в 1812 г. А. Н. Афанасьев осуждает Ростопчина за приверженность к «партии политических староверов», ретроградно-крепостническую позицию в крестьянском вопросе, за хвастливо-националистические «афиши», за жестоко-самовластное обращение с московскими жителями[321]. Имя «его долгое время пользовалось вовсе незаслуженной популярностью. Обнародованные в последние годы исторические документы более и более разъясняют несимпатичный характер этого человека, выдвинутого вперед смутными обстоятельствами 12-го года», — указывал он в ответе Лонгинову[322], а в письме к своему другу и единомышленнику Е. И. Якушкину по поводу этой характеристики писал: «Приговор мой строг и высказан у нас впервые... Пора казнить некоторых патриотов»[323].

Исторические экскурсы в отдаленную полувековой дистанцией эпоху 1812 г. под пером прогрессивных историков и публицистов середины XIX в. обретают, таким образом, животрепещущий смысл и служат поводом для постановки и обсуждения

тательного дома в бытность неприятеля в Москве в 1812 г. — ЧОИДР, 1860, кн. II; Описание происшествий в московском Даниловом монастыре в 1812 г. — Там же, 1861, кн. I; Дневник, веденный в Москве в сентябре и октябре 1812 г. — Библиографические записки, 1858, № 18, ст. 557—576.

320 Московские ведомости, 1859, № 234, 258; 1860, № 8, 13; см. также: *Шеремегевский П.* Верещагин и Мешков, уголовно-следственный эпизод из истории Москвы в 1812 году. — ЧОИДР, 1866, кн. IV, Смесь, с. 231—247; *Жуков И. Ф.* Разбор известий и дополнительные сведения о казни купеческого сына Верещагина 2 сентября 1812 года в Москве. — Там же, с. 247—258.

321 *Афанасьев А.* Литературные заметки. — Московские ведомости, 1859, № 294, 11 дек.

322 *Афанасьев А.* Дополнение к статье г. Лонгинова «Граф Сперанский». — Современная летопись «Русского вестника», 1860, № 1, с. 35.

323 ИС, М., 1971, кн. III, с. 58.

жгучих проблем современной действительности. Положительно оценивая публикации в «Чтениях» наряду с прочими и документов о событиях общественной жизни Москвы в 1812 г. (о Ростопчине, о гибели Верещагина и т. п.), Афанасьев в упомянутой выше рецензии отмечал: «Для кого теперь новость та старая, избитая истина, что настоящее коренится в прошедшем, что, не зная прошедшего, трудно исправлять современные недостатки... Добро бы издание Общества заключало в себе материалы, пригодные только для одних специалистов, полезные только для разъяснения исторических подробностей, — материалы мало-мальски любопытные и почти не имеющие связи с интересами, занимающими всех и каждого в настоящую минуту... Напротив... читая их, мыслящий человек невольно обратит свое внимание на ту или иную сторону нашей общественной организации и придет к той или другой практической истине. Не один историк, но и публицист и даже всякий образованный человек найдет здесь довольно поучительного, полезного и занимательного для себя»[324].

Особенно много «полезного и поучительного» находят теперь, естественно, в мемуарах об эпохе 1812 г. В общественно-историческом сознании вновь возникает интерес к ним, подогреваемый к тому же частыми напоминаниями в печати 50—60-х годов об уходе из жизни современников наполеоновских войн. «Доблестные участники в военных битвах Отечественной войны и последующих годов сходят один за другим в могилу...», но из них «весьма немногие поделились своими наблюдениями с публикой, оставили после себя записки», — с сокрушением констатировал «Военный журнал», откликаясь на изданные тогда записки видного офицера русского штаба 1812—1814 гг. В. И. Левенштерна[325]. «Мы, современники 1812 года, начинаем быстро исчезать, и на нас лежит священный долг проявлять истину в действительном ее свете, каждому по мере сил своих...» — писал в 1859 г. И. П. Липранди[326], как бы приглашая ветеранов Отечественной войны записывать сохранившиеся у них воспоминания. С таким же призывом обращался к ним один из потомков генерала М. М. Ельчанинова, автора напечатанных в 1861 г. записок об Отечественной войне: «С течением времени народная память слабеет... тем любопытнее и важнее для нее становятся сказания очевидцев. Пройдет еще несколько лет, и следы прошедшего будут исчезать, но не исчезнут совершенно, пока будут целы записанные сказания очевидцев и современников. При существовании этих сказаний, объясняющих и оживляющих памятники отечественных событий, не заглохнут тропинки, ведущие к гранитным памятникам Отечественной войны» (I, № 37, с. 93—94).

---

324 *Афанасьев А.* Литературные заметки.
325 Военный журнал, 1858, № 4, июль-август, с. 65.
326 Материалы для истории Отечественной войны 1812 г.: Собрание статей И. П. Липранди, с. 121.

Изложенное в достаточной мере проясняет новый подъем в развитии и самой мемуаристики 1812 г., которым, как уже указывалось, отмечена вторая половина 50-х—начало 60-х годов. Если на 40-е годы приходится 20 опубликованных мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г., то в этот период было создано 32 произведения. Несколько увеличивается и число мемуарных публикаций — с 40 до 51 названия. Особенно резко их возрастание видно в сравнении с данными за непосредственно предшествующее рассматриваемому периоду пятилетие: в 1850—1854 гг. зарегистрировано 9 публикаций, тогда как в 1855—1859 гг. — 26 (т. е. повышение почти в 3 раза), в 1860—1864 гг. — 25 публикаций (Приложение, табл. 1, 3). Совершенно очевидно, таким образом, что подлинный сдвиг в развитии мемуаристики начинается не столько в годы Крымской войны, сколько в наступившую за ней эпоху общественного подъема[327].

Конечно, 32 мемуарных произведения могут показаться, на первый взгляд, довольно скромным числом в сопоставлении с другими периодами интенсивного мемуаротворчества — первыми послевоенными и 30-ми годами XIX в., которые характеризуются неизмеримо более высокими показателями: соответственно — 76 и 62 опубликованных произведений. Однако одни лишь формально-арифметические мерки здесь явно недостаточны. Следует помнить, что за прошедшие с 1812 г. полвека ушла из жизни значительная, если вообще не бо́льшая, часть участников событий того времени и сама среда потенциальных мемуаристов, к тому же еще владеющих пером или способных поделиться с окружающими своими устными воспоминаниями, крайне сузилась. При учете этих обстоятельств 32 мемуарных произведения, созданных во второй половине 50-х—начале 60-х годов, представляется не столь уж малой величиной.

Уход из жизни непосредственных участников событий эпохи 1812 г. восполняется появлением новой группы мемуаров, написанных людьми, которых Отечественная война застала в детском и отроческом возрасте (I, № 192, 199, 213, 215), или представителями следующих поколений, родившимися много лет спустя

---

[327] В редких случаях имели место и непосредственные отклики на Крымскую войну доживших до нее ветеранов 1812 г. Отклики эти относятся еще к 1854 г., т. е., формально говоря, выходят за пределы рассматриваемого периода. Речь идет, в частности, об «Отрывке из записок старого служивого» Д. П. Шелехова, известного деятеля в области агрономии и помещичьей рационализации сельского хозяйства, в 20-х годах близкого к передовой офицерской молодежи. В «Отрывке», написанном незадолго до смерти автора (в мае 1854 г.) и дважды напечатанном в прессе (I, № 186), рассказывалось о вступлении Шелехова в 1812 г. подпоручиком в ополченческий полк, формировавшийся кн. Н. С. Гагариным в Москве. «Отрывок» не датирован, но по особому вниманию к проблеме ополчений и вообще резервных и запасных войск, столь актуальной в момент составления «Отрывка», ясно видно, что эти воспоминания были навеяны военно-политической обстановкой начала Крымской кампании.

после нее и передававшими в своих воспоминаниях услышанные ими в разные годы рассказы современников событий (I, № 210, 212).

Существенны наблюдения над составом авторов и тематикой мемуаров. Из 32 произведений 16 принадлежат военным, бывшим в кампаниях 1812—1814 гг., в основном в офицерских чинах, и освещавшим, как правило, отдельные эпизоды боевой жизни, сражения, маневры, оперативные планы командования и т. д., т. е. собственно военную сторону событий. Это, например, мемуарные очерки и заметки командовавшего тогда дивизией, а потом и корпусом принца Е. Виртембергского, не раз упомянутых нами И. П. Липранди, Н. Б. Голицына, А. А. Щербинина, И. И. Лажечникова, бывших декабристов — участников войн с Наполеоном Н. И. Лорера, П. И. Фаленберга, А. Н. Муравьева, В. Ф. Раевского (I, № 193, 195, 196—198, 200—203, 209, 214, 216, 217, 219, 220, 223).

Надо также принять в расчет, что в это же время завершает вторую редакцию своих знаменитых записок о 1812 г. А. П. Ермолов (первая была создана в 1818—1824 гг.) — в начале 60-х годов книга увидела, наконец, свет. Первая редакция была напечатана в 1863 г. его сыном, В. А. Ермоловым, и частично (по другому списку) в «Чтениях в ОИДР». В этом же году политический эмигрант, ярый обличитель «камарильи Зимнего дворца» кн. П. В. Долгоруков выпустил в своей типографии в Лондоне вторую редакцию записок. В 1874 г. двоюродный племянник и душеприказчик А. П. Ермолова, Н. П. Ермолов, опубликовал в «Чтениях в ОИДР» эту же редакцию с обширными документальными приложениями, выпустив ее в следующем году отдельным изданием (I, № 67) [328]. Появление в течение всего лишь трех лет пяти изданий записок Ермолова (к этому надо добавить фактически шестое — публикацию значительной части их текста М. П. Погодиным [329]) свидетельствовало о глубоком общественном внимании не только к личности автора, но и к военно-мемуарной литературе о 1812 г. Недаром именно с этой

---

[328] Когда Н. П. Ермолов в извещении о поступлении в продажу этого издания указал, что оно «есть единственное по своей подлинности» (Московские ведомости, 1866, № 194, 17 сент.), поставив тем самым под сомнение все остальные издания, в том числе и публикацию кн. П. В. Долгорукова, тот во всеуслышание заявил в лондонском «Колоколе» (л. 229, 1 нояб. 1866 г.), что рукопись записок была передана ему в 1862 г. не кем иным, как самим же Н. П. Ермоловым, заметив при этом: «Мы, русские эмигранты, видим, как многие из прежних наших приятелей стали во враждебные к нам отношения: одни из монгольского холопства, другие из византийской трусости...». Раскрытие Долгоруковым тайны получения этих записок было тем более сенсационным, что в 1863 г., сообщая о выпуске их в скором времени в свет, он публично огласил следующее: «Имеем честь объявить СПб. правительству, что никто из членов семейства Ермоловых не участвовал в доставлении нам этой рукописи» (I, № 67в, с. 154).

[329] *Погодин М. П.* А. П. Ермолов: Материалы для его биографии. М., 1864.

точки зрения положительно оценивала записки Ермолова пресса тех лет[330].

Но вернемся к рассмотрению состава мемуаров, созданных в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. Остальные 16 произведений (из 32) вышли из гражданской среды и были посвящены различным сторонам внутренней жизни русского общества эпохи 1812 г., преимущественно же московским событиям того времени (I, № 192, 194, 199, 204—208, 210—213, 215, 218, 221, 222). Но если учесть, что некоторые «офицерские» воспоминания, например Н. Б. Голицына, А. А. Щербинина (I, № 200, 214), помимо описания военных действий, также касались положения Москвы в 1812 г. — деятельности столичной администрации, причин пожара и т. д., то мы должны будем признать, что «московская» тематика (назовем ее так условно) явно превалировала в общей массе мемуаров данного периода. Напомним, что она занимала одно из ведущих мест еще в мемуарной литературе 1812—1815 гг., но в 30-х годах была вытеснена военными сюжетами. Повышение ее удельного веса в мемуаристике 50—60-х годов, бесспорно, следует рассматривать как отражение преобладающего интереса исторической мысли и публицистики этого времени к общественной жизни Москвы в 1812 г., о котором мы уже говорили выше.

Характернейшей чертой русской мемуаристики этого времени является то обстоятельство, что впервые вводятся в общественно-исторический оборот не только созданные в эти годы воспоминания об Отечественной войне и заграничных походах, но и значительная группа законченных ранее — еще за 20, 30, 40 и более лет до того.

Если в 30-х—начале 50-х годов (т. е. на протяжении почти четверти века) такого рода прежде возникших, но в свое время не напечатанных мемуаров было опубликовано всего 5 (I, № 11, 72, 83, 108, 155), то ныне — 13 (I, № 20, 25, 32, 34, 37, 44, 99, 129, 136, 140, 146, 188, 190). Их помещают на своих страницах и «Чтения в ОИДР», и «Библиографические записки», и недавно основанные «Военный сборник», и «Русский архив», а также завершающий свое существование «Военный журнал» — в одном из последних его номеров Богданович напечатал под рубрикой «Материалы для истории войны 1812 года» подборку записок ее участников, составленных еще в 30-х годах и дотоле хранившихся в архивах[331].

Знаменательно, что и в этой группе впервые опубликованных мемуаров решительно преобладают те, что вышли из-под пера гражданских лиц и освещали «невоенные», «внутренние» стороны жизни страны — 10 произведений (из 13), причем 7 из них затрагивали исключительно московские события того времени. В начале 60-х годов пробуждается интерес и к воспоминаниям на

---

[330] Военный сборник, 1866, № 12, Литературная хроника, с. 18—19.
[331] Там же, 1859, № 1, с. 12—45.

ту же тему, изданным еще в эпоху 1812 г., давно вышедшим из читательского обихода и, казалось бы, прочно забытым. Так, М. Н. Лонгинов в цитированной выше статье «Одиннадцатое октября», отметив, что исторические повествования о французской оккупации Москвы «оттеняются и приобретают полную жизнь рассказами тех очевидцев, которые сами были свидетелями ужасных сорока дней между 2-м сентября и 11-м октября 1812 года», первыми из этих «рассказов» назвал напечатанные еще в 1813 г. «Историческое известие о пребывании в Москве французов» П. И. Шаликова и мемуарные записки о тех же событиях С. А. Маслова[332]. Сам Маслов со своей стороны помянул их в юбилейной брошюре (1862 г.). «В 1813 году издана мною книжка под названием: «Путешествие в Москву во время пребывания в ней французов»... Теперь этой книжки не отыщешь... Это также воспоминание о чем-то неповторяемом и незабываемом в жизни»[333].

Если свести теперь воедино все то из воспоминаний на данную тему (независимо от времени их создания), что было обнародовано во второй половине 50-х—начале 60-х годов XIX в., т. е. воссоздать репертуар мемуарной литературы, реально предоставленной в распоряжение читателя, то мы получим весьма впечатляющую картину. Уже сам перечень некоторых названий достаточно наглядно отражает целеустремленность мемуарных интересов эпохи — их сосредоточенность на московских событиях 1812 г. (I, № 25, 32, 44, 188, 190, 192, 199, 204, 215).

В этом перечне следует прежде всего отметить изданные в виде отдельных книг воспоминания П. Г. Кичеева и А. Рязанцева. По поводу последних М. Н. Лонгинов писал: «Книга эта, вышедшая тому назад месяцев шесть, не обратила на себя почему-то должного внимания со стороны нашей журналистики, несмотря на заключающиеся в ней чрезвычайно любопытные подробности, которые дают право отрекомендовать ее публике. Вообще без рассказов такого рода, переносящих читателя наглядно на места событий, имевших так немного свидетелей из русских, трудно представить себе истинную картину бедствий Москвы в 1812 году»[334].

Но самое сильное впечатление произвели тогда записки А. Д. Бестужева-Рюмина. Они в большей мере, чем остальные воспоминания, как бы заново открыли ранее запретные для гласного обсуждения стороны московской жизни в период Отечественной войны, резко обнажив противоречия между дворянством и низшими сословиями, своекорыстие купечества, искусственным возвышением цен на предметы первой необходимости нажившегося в 1812 г. на народном бедствии, пренебрежение к общественности царских сановников, беззакония и произвол Ростопчина,

---

332 *Лонгинов М. Н.* Одиннадцатое октября..., с. 2.
333 *Маслов С. А.* Пятидесятилетие Бородинской битвы и Спасобородинский монастырь, М., 1862, с. 8.
334 *Лонгинов М. Н.* Одиннадцатое октября..., с. 2—3.

своими площадными афишами вводившего в заблуждение столичных жителей о ходе военных действий. Не случайно эти записки после публикации в «Чтениях в ОИДР» были перепечатаны в 1860 г. в «Московских ведомостях», что обеспечило им широкую читательскую аудиторию и вызвало вместе с тем волну откликов в периодике.

На них отозвался, в частности, К. Н. Бестужев-Рюмин в рецензии на книгу Богдановича. Приведя пространную выдержку из записок об ополчении 1812 г. и отношении к нему различных слоев населения, Бестужев-Рюмин высказал в связи с этим и более общее соображение о значении подобного рода мемуарных свидетельств для познания «недавних» периодов прошлого: «Такое показание очевидца, по нашему мнению, красноречивее всяких цифр; поболее таких беглых заметок — и история той эпохи будет нам более известна, а то теперь мы лучше знакомы с XVII, даже с XVIII веком, чем с тем временем, которое так близко к нам. XVIII век поставлен нами потому, что мы вообще тем хуже знаем события русской истории, чем они ближе к нашему времени» [335].

В числе откликов на эти записки в «Московских ведомостях» появилась и мемуарная заметка чиновника и литератора А. Н. Кононова, передавшая в виде дополнения к сообщенному А. Д. Бестужевым-Рюминым известию о гибели М. Н. Верещагина рассказ одного из свидетелей этого трагического происшествия (I, № 211). Заметка Кононова, в свою очередь, явилась поводом для составления и публикации в той же газете мемуарного очерка И. Ф. Жукова «Новое известие очевидца и личного деятеля катастрофы», освещавшее подробности «несчастной смерти или, точнее... казни» Ростопчиным «купеческого сына Верещагина» (I, № 212). Таким образом, записки А. Д. Бестужева-Рюмина вызвали как бы «цепную реакцию» воспоминаний об Отечественной войне.

По своей критической направленности эти воспоминания, как и некоторые другие, публиковавшиеся тогда, влились в общее русло «обличительной» литературы рубежа 50—60-х годов XIX в. Даже весьма консервативно настроенный писатель и мемуарист М. А. Дмитриев, современник 1812 г., сам напечатавший известные ему сведения о деле М. Н. Верещагина, так оценивал в 1859 г. общественный резонанс мемуарных публикаций на аналогичные темы: «Гласность, начинающаяся у нас, пробивается более и более; многое, что исчезло бы, наконец, в памяти, появляется в печати, которая прочнее рассказов изустных: тем более требуется в этих рассказах верности, ибо они со временем войдут в биографию, которая перестает уже быть повторением послужного списка...» (I, № 205).

Ряд мемуарных памятников второй половины 50-х—начала 60-х годов был вызван к жизни историческими сочинениями о 1812 г.

---

[335] Отечественные записки, 1860, № 2, с. 99.

Интереснейшие воспоминания Н. Б. Голицына об обстановке в армии и военно-общественных настроениях накануне оставления Москвы, напечатанные в 1858 г. в «Северной пчеле» (I, № 200), были навеяны помещенными в той же газете историко-критическими замечаниями И. П. Липранди на книгу А. И. Михайловского-Данилевского [336]. По свидетельству Голицына, они «оживили мои воспоминания и перенесли меня, ветерана 1812 года, к этой незабвенной эпохе. Как очевидцу да позволено будет и мне прибавить свое словечко», — так начинал он свой рассказ. Критический разбор Липранди описания Богдановичем Бородинского сражения [337] стал поводом для мемуарных записок Н. Е. Митаревского, служившего в том же 6-м корпусе, участие которого в Бородинском сражении и разбирал преимущественно Липранди: «Слово г. Липранди пробудило во мне воспоминания, которые всегда рождаются, когда я что-либо читаю или слышу о 1812 годе как участник во всех действиях 6-го корпуса, от самого начала войны до окончательного преследования до Вильны» (I, № 216а). Реакцией на «Историю Отечественной войны» самого М. Богдановича явились мемуарные заметки А. А. Щербинина (I, № 214). Историко-биографический труд М. П. Погодина об А. П. Ермолове, опубликованный в 1863—1864 гг. в «Русском вестнике», побудил И. И. Лажечникова уточнить и дополнить его своими личными впечатлениями, касающимися роли в кампаниях 1812 и 1813 гг. Ермолова и А. И. Остермана-Толстого, при котором он состоял адъютантом (I, № 219а).

Мы видим, однако, что все эти воспоминания составлялись как непосредственные отклики на вышедшие из печати исторические труды, но не были порождены самим ходом их подготовки, не возникали как ответ на призывы и запросы авторов этих трудов, что было свойственно, как мы помним, историографическим начинаниям 10—30-х годов, когда в результате собирательской деятельности историков складывались целые комплексы мемуаров участников наполеоновских войн.

Правда, известный интерес к собиранию воспоминаний об эпохе 1812 г. проявил М. И. Богданович. Он вообще шире, чем кто-либо другой из историков 50—60-х годов, привлек для своих трудов мемуарные источники, а среди них и рукописные, тогда нигде не опубликованные. Так, Богданович получил в свое распоряжение ценнейшие записки о 1812—1813 гг. А. А. Щербинина, составленные еще в 1851 г. (I, № 180) [338]. По рекомендации военного министра Н. О. Сухозанета вступил он в тесный контакт с А. П. Ермоловым, который оказал ему громадную помощь в создании «Истории Отечественной войны» и своими советами, и замечаниями на ее рукопись, и предоставлением многих документов

---

[336] Северная пчела, 1858, № 151—155.

[337] Русский инвалид, 1861, № 32—34.

[338] ЧОИДР, 1912, кн. IV, с. 11, 15.

эпохи, а главное — собственных записок о 1812 г., которые Богданович обильно использовал в своем труде [339].

Еще в декабре 1856 г., как только Богданович приступил к его подготовке, отдавая себе отчет в ценности тех материалов, которые находятся в «частных руках», он обратился в правительство с ходатайством о разрешении напечатать в газетах «известие о данном мне поручении с просьбою о сообщении на время записок и других бумаг, относящихся к войне 1812 года». Александр II одобрил инициативу историка [340]. Однако тем дело, видимо, и кончилось, во всяком случае в тексте «Истории Отечественной войны» нет никаких следов использования специально присланных ему материалов, в том числе и мемуарных.

Некоторые усилия в этом отношении были предприняты тогда издателями, литераторами, общественными деятелями. Так, П. И. Бартенев убеждает вернувшегося из ссылки декабриста Н. И. Лорера записать свои яркие и увлекательные рассказы о заграничных походах, а затем публикует тексты записей в 1857 и 1860 гг. в «Русской беседе» (I, № 195, 203). Этот первый мемуарный опыт Лорера, положительно встреченный читателями и в дружеском окружении декабриста, явился толчком к созданию им более значительных мемуарных произведений. В письме к М. М. Нарышкину от 15 октября 1860 г. Лорер отмечал: «Похвала со всех сторон о моем рассказе — вступление в Париж 1814 года — и приглашение от редакции «Русской беседы» продолжать, думаю писать в другом роде... Впрочем, это по сию пору еще мечта, но многие меня упрашивают и приглашают...» [341]. Воспоминания «в другом роде» вылились впоследствии (в 1862—1867 гг.) в охватывающее 30-летний период жизни Лорера автобиографическое повествование с подробным рассказом о его декабристской деятельности и ссылке (II, № 76) [342].

Особенно часто в те годы записываются устные рассказы А. П. Ермолова М. Погодиным, Н. П. Ермоловым, П. И. Бартеневым (II, № 77), В. Ф. Ратчем, А. В. Фигнером, П. А. Вяземским [343], С. А. Масловым. С. Маслов обращается с просьбой к П. Х. Граббе сообщить свои воспоминания о Бородинском сражении [344]. Наконец, именно в этот период в связи с общим ожив-

---

339 Русская старина, 1896, № 10, с. 120; Исторический вестник, 1881, № 1, с. 157. Письма М. Богдановича к А. П. Ермолову, отражающие их взаимоотношения по поводу составления «Истории Отечественной войны», см.: ЦГАДА, ф. 1409, д. 559, л. 2—13.

340 ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 8, д. 22972, л. 2, 6.

341 Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931, с. 394.

342 *Мироненко М. П.* Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив». — В кн.: АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 103—109.

343 *Ратч В.* Сведения об А. П. Ермолове. — Артиллерийский журнал, 1861, № 7, с. 345—362; *Фигнер А. В.* Воспоминания об А. П. Ермолове. — Исторический вестник, 1881, № 1, с. 147—163; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883, т. VIII, с. 170—171; СПб., 1886, т. X, с. 171; *Он же.* Записные книжки (1813—1848), с. 335—336.

344 Русский архив, 1869, ст. 061—062.

лением внимания к эпохе 1812 г., а вместе с тем с уходом из жизни все большего числа ее современников начинают вестись, как уже отмечалось выше, записи мемуарных рассказов об Отечественной войне выходцев из простонародья (I, № 204, 221, 222).

* * *

50—60-е годы отмечены последним в XIX в. крупным по масштабу приливом общественных интересов к эпохе 1812 г. (хотя, конечно, овеянная национально-героическим ореолом, Отечественная война продолжает прочно жить в сознании последующих поколений, воспринимаясь ими, однако, уже не в остросовременном, а в сугубо историческом ракурсе).

Единственным событием культурной жизни, вновь привлекшим внимание к этой эпохе, был выход в свет в конце 60-х годов «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Сам замысел книги сложился, как известно, в атмосфере разбуженного Крымской войной и общественным подъемом интереса к 1812 г., усиленного полувековым его юбилеем и вновь нахлынувшими в результате польского восстания 1863 г. воспоминаниями о наполеоновских войнах. Создание «Войны и мира» явилось, таким образом, ответом великого писателя на животрепещущие запросы своего времени[345]. Но в чрезвычайно сложном общественно-литературном и идейно-творческом генезисе «Войны и мира» далеко не последнюю роль сыграла мемуарная традиция 1812 г. в самом обширном значении данного понятия. Строго говоря, вопрос о связи этой традиции с книгой Толстого — совершенно особая тема, заслуживающая специального историко-литературоведческого рассмотрения и, естественно, выходящая за рамки наших задач. Мы должны здесь только отметить сам факт влияния русской мемуаристики 1812 г. на возникновение романа и его историко-художественную систему.

Толстовская эпопея вобрала в себя, прежде всего, семейные и иные устные предания об Отечественной войне, которые автор впитывал в себя еще с детских лет и активно собирал при подготовке «Войны и мира», встречаясь со старожилами-очевидцами и с людьми, знавшими о 1812 г, непосредственно по рассказам его современников. Эту устно-мемуарную струю романа высоко ценил Н. С. Лесков. Отвечая его критикам, упрекавшим автора в пренебрежении печатными, официальными источниками, Лесков писал, что «есть источники иные, не печатанные и даже не писанные, но тем не менее достоверные: это семейные предания, которые живо сохранились еще у многих из нас и которым мы не имеем никаких оснований не доверять». Их значение особенно велико, по мнению Лескова, еще и потому, что многие стороны правительственной деятельности и общественных нравов прошлого не могли

---

345 *Зайденшнур Э. Е.* История писания и печатания «Войны и мира». — В кн.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1955, т. 16, с. 19—141; *Она же.* «Война и мир» Л. Н. Толстого: Создание великой книги. М., 1966.

получить достодолжного освещения «в век цензурного терроризма и литературного безмолвия», — «семейные предания и старые памяти тут единственный материал». Лесков сослался, в частности, на бытовавшие в его собственной семье «предания» и «старые памяти» об отношении московского простонародья к оставлению столицы в 1812 г. и самоуправстве Ростопчина — они поразительно перекликались с самим духом беспощадно-реалистического изображения Толстым этих событий, упорно замалчивавшихся официозной историографией [346].

Широко привлек Толстой и рукописи мемуарно-дневниковых и эпистолярных произведений. Их он изучал в Румянцевском музее и Чертковской библиотеке; кроме того, этими рукописями среди других лиц его снабжали Бартенев и Погодин. Внушителен был и круг опубликованных воспоминаний, попавших в поле зрения Толстого, причем как тех, что издавались на протяжении предшествовавших десятилетий начиная с 1812 г., так и тех, что как раз в середине XIX в. обильным потоком хлынули на страницы русской печати. Многие из упомянутых нами выше мемуарных памятников о той эпохе, увидевших свет до 60-х годов, находились в центре внимания Толстого, и его начитанность в данном отношении была очень глубокой [347].

Этот разнородный мемуарный материал, органически переплавленный творческим сознанием писателя, явился едва ли не главнейшим источником при воссоздании общественного и частного быта, психологии, умонастроений эпохи, ее реальных и вымышленных героев и т. д. Но этот же материал оставил неизгладимый след и на самой стилистике, языке, манере толстовского повествования [348].

Вокруг книги Толстого в конце 60-х—начале 70-х годах возгорелась бурная полемика в печати, появилось множество разноречивых в идейном отношении отзывов, затронувших не только литературно-художественные и исторические аспекты произведения, но и весьма острые в социально-политическом плане проблемы современности [349]. Однако и сама толстовская эпопея, и дискуссии по ее поводу, длившиеся, надо сказать, сравнительно недолгое время, непосредственного воздействия на мемуаротворчество об эпохе 1812 г. почти не оказали. Известно всего три мемуарных отклика на роман, авторами которых были доживавшие свой век участники Отечественной войны П. А. Вяземский, А. С. Норов, А. А. Щербинин (I, № 229, 231, 233). Это, кстати, еще одно свидетельство того, что поколение современников 1812 г. в большей своей части уже сошло тогда с исторической арены.

---

346 *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11-ти т. М., 1958, т. 10, с. 128, 139, 146.
347 *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 141—145.
348 *Шкловский В. Б.* Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М., 1928, с. 202—203; *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Л.; М., 1931, кн. 2, с. 218, 226, 261—262.
349 *Бабаев Э. Г.* Лев Толстой и русская журналистика 60-х годов XIX в.: «Война и мир» в отзывах журнальной критики. М., 1977.

При ослаблении в целом в 70-х годах XIX в. общественного интереса к эпохе 1812 г. представляется поначалу не совсем понятным (и потому требует некоторых пояснений) повышение в этот период числа мемуаров, специально посвященных этой эпохе, — 40 произведений. Заметим, что на те же годы приходится и существенное увеличение мемуарных публикаций — 76 названий (Приложения, табл. 3). В значительной мере это объясняется изменившимися по сравнению с дореформенным периодом условиями печатного дела и прежде всего распространением исторической периодики, на страницах которой в 70-х годах появляется 30 мемуарных публикаций об эпохе 1812 г. (Там же, табл. 3), причем только на один «Русский архив» приходится 16 публикаций (I, № 21в, 43а, 97, 105, 115, 126, 164, 174а, 209, 235а, 238, 259, 263, 268а, 270, 271). Так или иначе, величина в 40 произведений может показаться и в самом деле внушительной, но если мы внимательнее присмотримся к ее структуре, то увидим, что она должна быть оценена совсем по иному.

Преобладающее число мемуаров, датируемых 70-ми годами, было создано в результате принявших именно в это время целеустремленный характер усилий по записи устных воспоминаний престарелых современников событий 1812 г., главным образом выходцев из низших сословий: из 40 мемуаров — 23 произведения, т. е. 58% (I, № 238, 240—257, 269, 270, 272, 273). Вместе с тем это составляет и более 50% от совокупного количества — 44 названия — мемуарных записей по группе воспоминаний, специально посвященных эпохе 1812 г.

Во второй же половине 50-х—начале 60-х годов удельный вес мемуарных записей исчислялся всего лишь 9%. Мемуарные записи 70-х годов — это, как правило, небольшие по объему заметки, наброски (иногда на 2—3 страницах печатного текста), зафиксированные очень часто со слов людей, бывших в 1812 г. в детском и отроческом возрасте. Если же принять во внимание, что на это же время падает еще 7 произведений (18% от общего их числа), написанных лицами, которых война застала в детском и отроческом возрасте, а также представителями следующих поколений (I, № 235, 236, 239, 260, 261, 265, 266), то численность мемуаров, принадлежавших непосредственным участникам событий той эпохи, составит всего 24% от общего количества созданных в 70-е годы произведений, тогда как во второй половине 50-х—начале 60-х годов этого рода мемуаров значится более 70%.

Итак, в 70-х годах по всем разобранным нами признакам явственно обозначилась нисходящая линия мемуаротворчества, что предвещало его постепенное угасание в последующие десятилетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошедшие перед нами главы при кажущейся, на первый взгляд, их разнохарактерности образуют тем не менее нечто единое, ибо подчинены одной, в сущности, задаче — изучению в разных аспектах корпуса мемуаров об эпохе 1812 г., с тем чтобы раскрыть на этой основе ее роль в судьбах русской мемуаристики. Каждая из глав, каждый из параграфов есть необходимое звено на пути решения этой задачи, а их размеры, последовательность, место в ходе исследования диктуются самой постановкой его темы, его профилем и, конечно, общим уровнем изученности мемуаристики в научной литературе.

Так, ввиду спорности и неразработанности вопроса о типологии мемуарного жанра пришлось предварительно уточнить само понятие «мемуары», чтобы опереться на методологически обоснованную систему критериев их учета, и лишь затем заняться на базе библиографических, архивных, текстологических разысканий реконструкцией корпуса мемуаров об эпохе 1812 г. во всем богатстве его видовых форм, в совокупности мемуарных произведений и громадного обилия их публикаций.

Установленный корпус следовало далее оценить источниковедчески (подчеркиваем, именно корпус как целое, а не отдельные составляющие его памятники) и прежде всего с точки зрения его представительности. Для этого понадобилось, во-первых, выяснить соотношение между опубликованной частью корпуса и его неопубликованным, рукописным фондом и, во-вторых, восстановить по разрозненным упоминаниям в источниках состав неразысканных и утраченных мемуаров. В результате удалось с достаточной степенью вероятности показать, что сохранившийся корпус вмещает в себя большую часть когда-либо созданных мемуаров об эпохе 1812 г. и потому вполне репрезентативен для суждений об общем облике русской мемуаристики об этой эпохе.

Охарактеризовав корпус мемуаров в его статичном состоянии, мы должны были затем взглянуть на него в динамике, представив этот корпус как *развивавшийся* на протяжении длительного времени, *исторически* складывавшийся массив источников. Речь шла, иными словами, об определении его хронологических параметров. С одной стороны, это потребовало относительно точного датирования при помощи традиционных источниковедческих приемов каждого мемуарного произведения в пределах всего корпуса, а с другой — воссоздания хронологии мемуарных публикаций по-

средством некоторых нетрадиционных, формализованно-количественных методов на основе специально составленных с этой целью таблиц погодной динамики публикаций. Таким способом были получены два хронологических ряда (хронология самого процесса мемуаротворчества и хронология движения мемуарных публикаций), в которых концентрировались самые существенные тенденции развития мемуаристики 1812 г. в ее исторической обусловленности. Совмещение же двух хронологических рядов позволило получить наиболее объективные данные о различных сторонах этого развития и в первую очередь надежно обоснованную его периодизацию.

Далее эта периодизация была включена в воссозданный теми же методами общий хронологический ряд движения всех русских мемуарных публикаций, вышедших в России в дореформенный период. В итоге был аргументирован принципиально важный для нашей темы вывод о преобладающем положении мемуаристики 1812 г. в русской мемуарной литературе первой половины XIX в. — в той мере, разумеется, в какой она была представлена в печати (ее развитие началось фактически лишь после окончания войн с Наполеоном и до 50-х годов XIX в. осуществлялось главным образом за счет мемуаристики 1812 г.). Но тем самым вскрылись и масштабы, направленность, темпы — все, так сказать, «внутренние пружины» влияния эпохи 1812 г. на развитие русской мемуарной литературы.

Однако периодизация мемуаристики 1812 г., вписанная в общие рамки этого развития, была выражена на данной стадии лишь в количественно-хронологических показателях, которые сами по себе нуждались в соответствующих пояснениях и никак не могли рассматриваться как самоцель и венец исследования. Эту периодизацию с ее причудливыми изгибами, со сменяющими друг друга приливами и отливами в движении мемуаристики следовало поэтому поставить в реально-исторический контекст и осмыслить через призму эволюции на протяжении XIX в. общественных интересов в России к эпохе 1812 г. Завершающая глава книги и посвящена специально этому вопросу, по сути дела, она есть не что иное, как развернутый исторический комментарий к намеченной нами периодизации.

Такова в общих чертах логика исследования, как она отразилась в его структуре.

Исходная методологическая посылка работы — представление о социальных функциях источников как кардинальной историко-источниковедческой категории. Мы стремились развить это представление применительно к мемуаристике — им пронизано все теоретическое и конкретно-источниковедческое содержание монографии. Функциональный подход лежит в основе построения типологии мемуарного жанра. Именно он послужил отправной точкой для выработки принципов учета многообразных форм мемуарных повествований и их отграничения от других групп источников, для понимания природы мемуарных публикаций, а следовательно,

и приемов их регистрации. Этот же подход оказался весьма плодотворным и для уяснения методов анализа корпуса мемуарных памятников об эпохе 1812 г., вплоть до решения такого, казалось бы, частного, прикладного вопроса, как датировка мемуаров. Наконец, в свете социальных функций особенно отчетливо проясняется ведущий аспект нашего исследования — рассмотрение мемуаристики 1812 г. в плане ее собственной истории, как явления духовной жизни русского общества XIX в.

В самом деле, на протяжении XIX в. четко выделяются, как мы видели, три периода повышенного общественного внимания к эпохе 1812 г. (первые послевоенные годы, 30-е годы, вторая половина 50-х—начало 60-х годов), и каждому из них соответствует подъем мемуаристики, характеризуемый устойчивой суммой признаков. Наоборот, на периоды приглушенного звучания темы 1812 г. (20-е, 40—50-е годы) приходятся явственные спады. Налицо, таким образом, совершенно определенная закономерность, выражающаяся в совпадении колебаний в развитии мемуарной литературы об эпохе 1812 г. с изменчивостью общественных интересов в России к этой эпохе. И уже сам факт этого совпадения, этой жесткой зависимости есть неоспоримое свидетельство того, что мемуаристика, став важным фактором общественно-идейного движения, обрела тем самым особые и весьма действенные функции в духовной жизни общества.

В данной связи важно присмотреться к тому, как складывался сам механизм оживления общественных интересов к эпохе 1812 г. Всякий раз они возникали, как было показано выше, из сложного взаимодействия факторов внутри- и внешнеполитического характера, причем последние чаще всего играли роль некоего первотолчка. Угрожали ли России новые войны, затрагивавшие ее национальный престиж, осложнялась ли дипломатическая ситуация в Европе, чреватая притязаниями западных держав, особенно Франции, и сразу же почти инстинктивно всплывали на поверхность никогда не умиравшие в народной памяти и чрезвычайно стойкие в общественном сознании ассоциации с 1812 г.

Оценка его наследия служила ареной столкновения различных идейных течений. Правящая верхушка и консервативно-монархическая общественность обращались к аналогиям с 1812 г. для подкрепления охранительной идеологической доктрины. Им противостояли просветительско-либеральные, демократические, революционные круги, искавшие в опыте 1812 г. опору освободительным устремлениям и аргументы в пользу необходимости общественных преобразований. Причем по мере углубления социальных противоречий в русском обществе идейное размежевание по поводу истолкования проблемы 1812 г. тоже все более углублялось. В послевоенный период идейно противоположные тенденции еще недостаточно оформлены, они приглушены общенациональными лозунгами антинаполеоновской публицистики. В 30-е годы, хотя оппозиционная общественная мысль придавлена николаевским деспотизмом, эти тенденции самоопределяются и

идейное размежевание заметно обостряется, но только в середине XIX в. оно приобретает характер напряженной идейной борьбы, открыто выливавшейся на страницы печати.

Поляризация различных общественных сил в связи с оценкой значения 1812 г. естественным образом влекла за собой углубление идейного размежевания и в самой мемуаристике. Оно сопровождалось, как мы видели, растущим сближением последней с современной прессой и журналистикой, усилением ее общественного звучания и критико-публицистической направленности.

Вместе с тем прямым результатом оживления интересов к эпохе 1812 г. была активизация общественно-исторической мысли и историографии в их отношении к этой эпохе. Не случайно наибольшие в XIX в. достижения русской историографии Отечественной войны и заграничных походов, воплотившиеся в трудах Д. И. Ахшарумова и Д. П. Бутурлина (конец 10-х—начало 20-х годов), А. И. Михайловского-Данилевского (30-е годы), М. И. Богдановича (рубеж 50—60-х годов), приходятся как раз на периоды высшего подъема общественных интересов в России к 1812 г. Стимулирующее же воздействие на мемуаристику обстоятельств историографического порядка было особенно глубоким и многосторонним, оно прослеживается в пределах всех рассмотренных выше периодов, хотя формы этого воздействия, «теснота связи» историографии с мемуаристикой в каждом из них были различными. Мы видели, например, что в первые послевоенные годы одни и те же произведения, вышедшие из-под пера участников событий 1812 г., фигурируют одновременно и как исторические их описания, и как мемуарные очерки и статьи — мемуаристика и историография еще нерасторжимо слиты. Затем они все более кристаллизуются. Так, в послевоенный период и в 30-е годы определенный автор выступает составителем собственно исторических, иногда весьма фундаментальных, трудов о наполеоновских войнах и параллельно с этим — посвященных им воспоминаний. Это явный признак того, что историография пока еще не совсем отделилась от мемуаристики, они по-прежнему персонифицированы в одном лице. Окончательное размежевание между ними наступает к середине XIX в.

В 10-е и 30-е годы целые комплексы мемуаров порождаются в ходе крупных историографических предприятий, в процессе мобилизации материалов для исторических сочинений, собирательской деятельности военно-научных обществ и отдельных литераторов, вследствие призывов в прессе к современникам той эпохи и личных запросов к ним ученых, издателей исторических журналов, озабоченных сохранением памяти о прошлом. В 50—60-е годы эта линия мемуаротворчества себя исчерпывает — отдельные мемуары появляются лишь как отклики на уже вышедшие из печати военно-исторические и историко-критические работы о кампаниях 1812—1814 гг. Но даже общий характер и направленность общественно-исторических интересов к эпохе 1812 г., актуальный для историографии того или иного периода

круг проблем, преобладающая в ней тематика в немалой мере определяют собой и тематику мемуаров, а в ряде случаев и угол зрения, под которым освещаются в них события той эпохи.

Таким образом, мы должны еще раз подчеркнуть, что, взятая в плане своего происхождения за длительный отрезок времени, мемуаристика 1812 г. предстает *неотъемлемым компонентом идейной жизни и непосредственным выражением общественно-исторической мысли эпохи своего создания,* ее специфическим «остатком». Тем самым наглядно и доказательно выявляется роль мемуаров как *аутентичных* источников относительно этой эпохи, для познания которой они имеют совершенно самостоятельное и ничем не заменимое значение.

Но, взятая в таком именно ракурсе, мемуаристика 1812 г. выступает, как мы старались показать выше, органической и очень важной частью истории русской мемуарной культуры. Поэтому, завершая книгу, мы вправе считать, что она заключает в себе реальные основания для постановки в историко-источниковедческом плане узловых проблем изучения эволюции мемуарного жанра в России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Бумаги Щукина — Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным.

Военский К. Отечественная война 1812 г. — *Военский К.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911.

Военский К. Исторические очерки — *Военский К.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. СПб., 1912.

ИРВИО — Императорское Русское военно-историческое общество.

ЖЧВВУЗ — Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений.

ИДРДВ — История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный каталог книг и публикаций в журналах.

ИС — Исторические сборники Вольной русской типографии в Лондоне.

Материалы ВУА — Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива.

Сборник РИО — Сборник императорского Русского исторического общества.

Толычева Т., 1872 — *Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. 1872.

Толычева Т., 1912 — *Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. 1912.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.

Харкевич В. — *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Архив ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГАЛИ СССР — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.

ЦГВИА — Центральный государственный Военно-исторический архив.

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив.

ПЕРЕЧЕНЬ I *

Мемуары, специально посвященные эпохе 1812 года

1. **Волконский П. А.** [1-я декада октября 1812 г.]
„У французов в Московском плену 1812 года“.
«Замечания действий французов, вошедших в Москву, узнанные во время двадцати двух дневного у них полону бригадирным князем Петром Алексеевым сыном Волконским». —
Русский архив, 1905, № 11, с. 351—359.
2. **[Микулина Н. Ф.]** [1-я декада октября 1812 г.]
а) «Обстоятельное известие о чудесном спасении вдовы генерал-майорши Н. М. при нашествии на Москву французов в 1812 году». М., 1812.
б) *Вестник Европы, 1812, ч. 65, № 19-20, с. 274—286 (отр.).
3. **Захаров Ф.** 16 октября 1812 г.
Воспоминания о пребывании французов в Москве в форме письма к П. С. Полуденскому от 16 октября 1812 г. — В кн.:
Бумаги Щукина. М., 1900, ч. V, с. 163—164.
4. **Сюррюг А.** [не позднее 19 октября 1812 г.]
«Пребывание французов в Москве в сентябре 1812 года». — В кн.:
а) *Surrugue A.* Lettres sur l'incendie de Moscou. Paris, 1823, p. 11—40.
б) *Труды Рязанской ученой архивной комиссии, 1892, т. VII, № 5, с. 80—84 (отр.).
в) **Surrugue A.* 1812: Les Français à Moscou. M., 1909, p. 19—62.
5. **Карфачевский А.** [24 октября 1812 г.]
„Описание происшествий в Москве в 1812 году“. — В кн.:
Бумаги Щукина, ч. V, с. 165—167.
6. **Сокольский** [конец октября 1812 г.]
Воспоминания о пребывании французов в Москве в форме письма к Ивану Николаевичу (?) от конца октября 1812 г. — В кн.:
Бумаги Щукина. М., 1897, ч. I, с. 1—6.
7. **Сюррюг А.** 8 ноября 1812 г.
Воспоминания о пребывании французов в Москве в форме письма к аббату Буве от 8 ноября 1812 г. — В кн.:
Surrugue A. Lettres sur l'incendie de Moscou. Paris, 1823, p. 41—48.

---

* В Перечнях I и II мемуары расположены по времени их создания (по начальной дате) с указанием в хронологической последовательности всех дореволюционных публикаций, дифференцированных на первичные и повторные, которые обозначены звездочкой (*). Дата создания мемуаров, установленная при подготовке настоящей работы, дана в квадратных скобках ([ ]). В квадратных же скобках даны фамилии авторов мемуаров, опубликованных анонимно. Авторство неатрибутированных мемуаров никак не обозначено. Авторские названия мемуаров заключены в угловые кавычки (« »), издательские названия — в обычные кавычки („ “). Из публикаций, осуществленных в советский период, указаны только первичные, в том числе и первые полные публикации мемуарных текстов, основанные на архивных источниках (например, «Дневник партизанских действий 1812 года» Д. Давыдова в издании: *Давыдов Д.* Военные записки. М., 1940). Публикации различных редакций одного и того же мемуарного произведения и их датировка специально не оговариваются. Публикации отрывков, преимущественно в прессе, обозначены: (отр.). В Перечне III мемуарные рукописи расположены по алфавиту авторов или названий (если авторство не установлено), в угловых кавычках (« ») даны авторские названия, в обычных кавычках („ “) — архивные.

8. **Сюррюг А.** 9 ноября 1812 г.
Воспоминания о пребывании французов в Москве в форме письма к митрополиту Сестренцевичу от 9 ноября 1812 г. — В кн.:
Surrugue A. 1812. Les Français à Moscou. M., 1909, p. 64—71.

9. **Барклай-де-Толли М. Б.** [не позднее 9 ноября 1812 г.]
«Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году». — В кн.:
а) ЧОИДР, 1858, кн. IV, 2, с. 1—32.
б) *Материалы ВУА. СПб., 1911, т. XVIII, с. 171—194.
в) *Труды ИРВИО, 1912, т. IV, кн. 2, с. 17—67.
г) *Изображение военных действий 1812-го года/ Сочинение Барклая-де-Толли. СПб., 1912, с. 5—42.

10. **Сюррюг А.** 10 ноября 1812 г.
Воспоминания о пребывании французов в Москве в форме письма к аббату Николя от 10 ноября 1812 г. —
Русский архив, 1882, кн. III, с. 196—204.

11. **Чилпкин Я.** 13 ноября 1812 г.
Воспоминания о пребывании французов в Москве в форме письма к Г. П. Вонифатьеву от 13 ноября 1812 г. — В кн.:
а) Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 г. М., 1850, ч. II, с. 72—84.
б) *Изображение военных действий 1812-го года/ Сочинение Барклая-де-Толли. СПб., 1912, с. 91—104.

12. **Иванов П.** 16 ноября 1812 г.
Воспоминания о пребывании французов в Москве в форме письма к неустановленному лицу от 16 ноября 1812 г. — В кн.:
а) Бумаги Щукина, ч. V, с. 161—163.
б) *Русский архив, 1900, № 11, с. 473—475.

13. **Изарн Ф.** [ноябрь 1812 г.]
„Воспоминания Московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году" в форме письма к неустановленному лицу. —
а) Conservateur Impartial, 1813, N 7, 8, 12, 14, 39, 45.
б) *Вестник Европы, 1813, ч. 67, № 1-2, с. 90—102; ч. 69, № 9-10, с. 143—147.
в) Русский архив, 1869, ст. 1405—1441.

14. **Тутолмин И. А.** ноябрь 1812 г.
Воспоминания о пребывании французов в Москве в форме письма к Н. И. Баранову от ноября 1812 г. — В кн.:
а) Бумаги Щукина, ч. V, с. 147—151.
в) *Русский архив, 1900, № 11, с. 457—462.

15. **Жданов П.** [не позднее 19 декабря 1812 г.]
а) «Памятник французам или приключения Московского жителя П... Ж...». СПб., 1813.
б) *«Monument de la présence des Français en Russie, ou recueil d'évenements relatifs à P... J..., habitant de Moscou/ Traduit du russe par V... C...». St.-Pt., 1813.

16. **Добрынин Г. И.** [ноябрь—декабрь 1812 г.]
„Отрывок из записок Витебского жителя". —
а) Сын Отечества, 1813, № 10, с. 170—179; № 11, с. 206—219.
б) *Виленский сборник, Вильно, 1869, т. I, с. 1—63.
в) *Русская старина, 1871, № 10, с. 349—364.
г) *Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина (прожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанное в Могилеве и Витебске. СПб., 1872, с. 338—353.

17. [конец 1812 г.]
Воспоминания о пребывании французов в Москве в форме письма к неустановленному лицу. — В кн.:
Бумаги Щукина. М., 1898, ч. III, с. 261—263.

18. **Лавринович М.** [конец 1812 г.]
„Вильна в 1812 году“. —
Исторический вестник, 1897, № 12, с. 871—909.

19. **Невзоров М. И.** [не позднее 22 января 1812 г.]
«Исход мой из Москвы во время нашествия французов». —
а) Друг юношества, 1812, октябрь, с. 140—150.
б) *Из недавней старины/ Рассказы и воспоминания П. Г. Кичеева. М., 1870. Приложения, с. 187—193.

20. **Неверовский Д. П.** январь 1813 г.
Записка о службе в 1812 году. —
ЧОИДР, 1859, кн. I, с. 77—82.

21. **Корбелецкий Ф. И.** [январь — 1-ая половина марта 1813 г.]
а) «Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной, описанное с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким, с присовокуплением собственного странствования». СПб., 1813.
б) *Сын Отечества, 1813, № 18, с. 274—283 (отр.).
в) *Русский архив, 1876, № 8, с. 400—403 (отр.).

22. **Шаликов П. И.** [январь—март 1813 г.]
«Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года». М., 1813.

23. **Беннигсен Л. Л.** [январь—апрель 1813 г.]
„Письма о войне 1812 года“. —
а) Русская старина, 1909, № 4, с. 213—218; № 6, с. 507—526; № 7, с. 100—117; № 9, с. 491—522, № 11, с. 358—376; № 12, с. 619—642.
б) *„Письма о войне 1812 года“, Киев, 1912.

24. **Маслов С. А.** [январь—май 1813 г.]
а) «Путешествие в Москву во время пребывания в оной французов». М., 1813.
б) *Русский архив, 1908, № 7, с. 403—415.

25. **Бестужев-Рюмин А. Д.** 27 февраля 1813 г.
Донесение И. И. Дмитриеву от 27 февраля 1813 г.
«О происшествиях, случившихся в Москве во время пребывания в оной неприятеля в 1812 году». —
а) ЧОИДР, 1859, кн. II, Смесь, с. 163—164.
б) *Русский архив, 1896, № 7, с. 343—365.
в) *Там же, 1910, № 5, с. 105—122.

26. **Мавров М.** 29 июня 1813 г.
«Врач-благодетель, русский дворянин». —
Сын Отечества, 1813, № 34, с. 76—80.

27. **Иванов Г.** июнь 1813 г.
а) «Нещастия Гаврилы Иванова, комиссара Московской Сенатской типографии во время злодеяний в Москве французов». М., 1813.
б) *Русский вестник, 1813, № 12, с. 68—79.

28. **Потемкин М. Д.** сентябрь 1813 г.
«Письмо издателям». —
Сын Отечества, 1813, № 39, с. 14—21.

29. **Horn.** [не позднее 28 марта 1813 г.]
«Versuch einer Darstellung der Verbrenung und Plünderung Moskaus durch die Franzosen im September 1812». St.-Pt., 1813.

30. **Гангарт.** [1-я половина 1813 г.]
„Воспоминания о 1812 годе“. —
Сын Отечества, 1813, № 11, с. 227—228; № 31, с. 179—181.

31. **Бирюков С.** Октябрь 1813 г.
«Письмо к издателям». —
Сын Отечества, 1813, № 43, с. 194—203.

32. [1813 г.]
„Рассказ москвича о Москве во время пребывания в ней французов в первые три недели сентября 1812 года“. —
а) ЧОИДР, 1859, кн. II, отд. 5, с. 93—114.
б) *Русский архив, 1896, № 8, с. 521—540.
в) *Там же, 1910, № 6, с. 197—216.

33. **Божанов И. С.** 1813 г.
«Описание моей жизни». — В кн.:
Бумаги Щукина. М., 1899, ч. IV, с. 57—67.

34. **Илларион.** [1813 г.]
„Письмо иеромонаха Симонова монастыря Иллариона о вторжении французов в Московский Симонов монастырь“. —
Душеполезное чтение, 1863, № 10, с. 59—63.

35. **Штейнгель В. И.** [2-я половина 1813—февраль 1814 г.]
«Записки касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах, с кратким обозрением всех происшествий, во время бедствия и спасения нашего Отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига». СПб., 1814, ч. 1; М., 1815, ч. 2.

36. **Говоров Я. И.** [1813—1814 гг.]
«Последние дни жизни князя П. И. Багратиона». СПб., 1815.

37. **Ельчанинов М. И.** [1813—1816 гг.]
„Рассказ, взятый из дневных записок покойного генерал-майора М. М. Ельчанинова, о событиях 1812 года“. — В кн.:
Памятная книжка Смоленской губернии на 1861 год. Смоленск, 1861, ч. II, с. 80—93.

38. **Чаплиц Е. И.** [не позднее августа 1814 г.]
„Отечественная война в рассказах генерала Чаплица“. —
Русская старина, 1896, № 6, с. 489—524.

39. **Золотухина А. И.** [1814 г.]
„Двенадцатый год в записках А. И. Золотухиной“. —
Русская старина, 1889, № 11, с. 259—288; 1890, № 1, с. 1—20.

40. **Емельянов Т.** [1814 г.]
«История о вшествии Наполеона в царствующий град Москву». —
Записки Разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества, 1912, т. 2, с. 42—51.

41. **Давыдов Д. В.** 1814—1838 гг.
«Дневник партизанских действий 1812 года». —
а) Отечественные записки, 1820, № 1, с. 86—102; № 3, с. 12—17; № 8, с. 232—235 (отр.).
б) Там же, 1821, № 17, с. 262—276; № 18, с. 25—41 (отр.).
в) Там же, 1822, № 23, с. 324—336; № 24, с. 41—49 (отр.).
г) Русский инвалид, 1830, № 222 (отр.).
д) Сын Отечества, 1840, т. II, с. 67—97 (отр.).
е) *ЖЧВВУЗ, 1840, т. 26, № 103 (отр.).
ж) *Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. СПб., 1840, ч. 3, с. 137—170 (отр.).
з) *Сочинения Давыдова (Дениса Васильевича). СПб., 1848, с. 446—482 (отр.).
и) Сочинения Д. В. Давыдова. М., 1860, ч. I, с. 3—140.
к) *Сочинения Д. В. Давыдова. СПб., 1895, т. II, с. 29—154.
л) *Давыдов Д.* Военные записки. М., 1940, с. 194—309.

42. **Макаров М.** [январь 1815 г.]
«Памятник добрым крестьянам Рязанской губернии, Пронского уезда, села Старой Дубравы». —
Русский инвалид, 1815, № 6.

43. **Кольчугин Г. Н.** 1815 г.
„Записки о 1812 годе Московского гофмаклера Г. Н. Кольчугина“. —

а) Русский архив, 1879, № 9, с. 45—60.
б) *„Записки Г. Н. Кольчугина о 1812 годе". М., 1879.

44. **Бестужев-Рюмин А. Д.** [1815—1817 гг.]
«Краткое описание происшествиям в Москве в 1812 году: Вступление. Отделение 1». —
а) ЧОИДР 1859, кн. II, Смесь, с. 65—89.
б) Московские ведомости 1860, № 7, 8 (отр.).
в) *Русский архив 1896, № 7, с. 343—365.
г) *Русский архив, 1910, № 5, с. 78—102.

45. **Малиновский С. С.** [середина 10-х годов]
Записки о переправе через Березину. — В кн.:
а) *Харкевич В.* Вильна, 1904, вып. 3, с. 77—89.
б) *Военный сборник, 1910, № 8, с. 8—16.
в) **Военский К.* Отечественная война 1812 г., с. 1—11.
г) **Военский К.* Исторические очерки, с. 90—96.

46. **Михайловский-Данилевский А. И.** 26 марта 1816 г.
«Случай, предшествовавший входу в Париж российских войск в 1814 году». —
Сын Отечества, 1816, № 12, с. 219—227.

47. [1816 г.]
«Отрывок из истории предпоследней войны». —
Исторический, статистический и географический журнал, 1817, ч. 1, с. 151—154.

48. **Мартос А. И.** [не позднее ноября 1816 г.]
«Записки, относящиеся к истории войны 1812 года». —
Сын Отечества, 1816, № 44, с. 226—233; № 45, с. 270—277.

49. **Карпов И.** [декабрь 1816 г.]
«Замечания на записки о Березинской переправе, изданные А. Мартосом». — В кн.:
Материалы ВУА. СПб., 1914, т. XXI, с. 359—366.

50. **Бутурлин Д. П.** [1816 г.]
„Кутузов в 1812 году". —
Русская старина, 1894, № 10, с. 201—220; № 11, с. 193—213; № 12, с. 133—154.

51. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1816—начало 1817 г.]
«О пребывании Российской армии в Калише с 21 февраля по 26 марта 1813 года». —
Сын Отечества, 1817, № 8, с. 67—75.

52. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1816 г.]
«Вход Российской армии в Париж марта 19-го 1814 года». —
Сын Отечества, 1816, № 48, с. 81—92.

53. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1817 г.]
«О генерале Моро в Российской армии». —
Русский вестник, 1817, № 5/6, с. XVI—XXII.

54. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1817 г.]
«Два отрывка из истории 1812 года». —
Вестник Европы, 1817, № 22, с. 128—146.

55. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1817 г.]
«Вторичный вход россиян в Париж в 1815 году». —
Сын Отечества, 1817, № 4, с. 161—169.

56. **Бенкендорф А. Х.** [1-я половина 1817 г.]
„Описание военных действий отряда, находившегося под начальством генерала Винценгероде в 1812 году". —
а) Военный журнал, 1817, кн. III, с. 25—41.
б) *Бумаги Щукина. М., 1903, ч. VII, с. 249—256.
в) *Труды ИРВИО, 1912, т. VI, кн. 2, с. 79—82.

57. **Бенкендорф А. Х.** [1817 г.]
„Действие отряда генерал-майора Бенкендорфа в Голландии". —
а) Военный журнал, 1817, кн. VI, с. 22—33.
б) *ЖЧВВУЗ, 1839, т. 20, № 79.

58. *Ланжерон А. Ф.* [начало 1817 г.]
„*Описание сражения при Кацбахе (Из журнала графа Ланжерона)*". —
Военный журнал, 1817, кн. III, с. 59—63; кн. IV, с. 49—55.

59. **Ланжерон А. Ф.** [1-я половина 1817 г.]
„Журнал действий корпуса Российских войск под командою генерала-от-инфантерии графа Ланжерона в продолжение кампании 1813 и 1814 годов в Силезии, Саксонии и во Франции". —
Военный журнал, 1817, кн. VII, с. 25—44.

60. **Голицын Н. Б.** [1817 г.]
„Сражение при Реймсе: Последние дни жизни генерала графа Еммануила Сент-При. Сочин[ение] князя Голицына". —
Военный журнал, 1817, кн. IX, с. 32—50.

61. **Мефодия.** 16 ноября 1817 г.
«Доношение московскому архиепископу Августину Новодевичьего монастыря игуменьи Мефодии о французах, в сем монастыре стоявших в 1812 году». —
а) ЧОИДР, 1871, кн. II, Смесь, с. 80—85.
б) *Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885. Приложение VII.

62. **Иона.** декабрь 1817 г.
„Записки иеромонаха Иона о пребывании французов в Москве в 1912 году". —
Старина и новизна, 1905, кн. 10, с. 268—273.

63. **Муравьев Н. Н.** ноябрь 1817—январь 1819 г.
Записки. —
Русский архив, 1885, № 9, с. 5—84; № 10, с. 225—262, № 11, с. 337—408; 1886, № 1, с. 5—54; № 2, с. 69—146.

64. **Машков И. С.** [1817—1819 гг.]
„1812 год: Сожжение Москвы. Показание очевидца". —
Русский архив, 1909, № 12, с. 455—463.

65. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1-я половина 1818—начало 1819 г.]
«О сдаче Москвы». —
а) Русский вестник, 1819, № 5/6, с. 5—24.
б) **Харкевич В.*, Вильна, 1903, вып. 2, с. 185—196.
в) *Военный сборник, 1910, № 12, с. 35—42.
г) **Военский К.* Отечественная война 1812 г., с. 81—87.
д) **Военский К.* Исторические очерки, с. 146—151.

66. **Раевский А. Ф.** [1818—1821 гг.]
«Записки русского офицера». —
а) Благонамеренный, 1818, ч. 1, с. 51—75, 331—345 (отр.).
б) Пантеон славных российских мужей, 1818, ч. III, № 1, с. 59—62 (отр.).
в) «Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов». М., 1822, ч. 1—2.

67. **Ермолов А. П.** [1818—1861 гг.]
Записки о 1812 годе. — В кн.:
а) „Материалы для истории войны 1812 года/ Записки А. П. Ермолова". М., 1863.
б) *ЧОИДР, 1863, кн. III, с. 35—114.
в) *„Записки А. П. Ермолова о войне 1812 года: Memoires du général Jermolow sur la campagne de 1812". Londres—Bruxelles, 1863.
г) *ЧОИДР, 1864, кн. IV, с. 119—282.
д) *„Записки А. П. Ермолова с приложениями". М., 1865, ч. 1, с. 119—282.
е) *„Записки А. П. Ермолова в Отечественную войну 1812 года". Изд-е „Русской старины", СПб., 1912.

68. **Спиридов И. М.** [не позднее 1819 г.]
«Лейб-гвардии Измайловский полк в сражениях при Пирне и Кульме 16 и 17 августа 1813 года». —

а) Северный архив, 1825, № 18, с. 142—172.
б) *Журнал ИРВИО, 1911, кн. 3, с. 1—14.

69. **Сердобинская П. М.** [начало 1819 г.]
«Из моих воспоминаний о 1812 годе». —
Русский вестник, 1819, № 5 и 6.

70. **Мишо А.** июль 1819 г.
Воспоминания о встречах с Александром I в 1812 г. в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от июля 1819 г. — В кн.:
а) *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859, т. II, с. 597—599.
б) *Военный сборник, 1906, № 10, с. 6—16.

71. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1819 г.]
«О пребывании русских в Париже в 1814 году». —
Русский вестник, 1819, № 9/10, с. 5—44.

72. 1819 г.
„Записки вербованного гусара". —
Русский инвалид, 1845, № 71, 76, 183, 204, 207.

73. **Миркович А. Я.** [2-я половина 1819 г.]
Выдержки из записок о походе 1814 года и о пребывании в Париже. — В кн.:
Ф. Я. Миркович. 1789—1866: Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889. Приложения, с. 3—6.

74. **Селунский К. И.** [2-я половина 10-х годов]
«Записки нашему походу, писанные от скуки на марше, для воспоминания всех наших странствий и некоторых минут с приятностью в горе проведенных». — В кн.:
а) Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1903, кн. I, с. 83—126; 1904, кн. II, с. 89—122; 1905, кн. III, с. 77—86.
б) *Щукинский сборник. М., 1912, вып. 10, с. 1—41.

75. **Сухецкий И. И.** [2-я половина 10-х годов]
«Дневное описание деяний и приключений, случившихся в г. Борисове и тамошнем Лицее, начиная с 1809 г., 9 сентября по октябрь 1813 года». — В кн.:
Сборник РИО. СПб., 1909, т. 128, с. 476—482.

76. **Шарин.** [2-я половина 10-х годов]
«Сказание псковского гражданина о том, как депутаты от города Пскова ездили в армию в 1812 году». —
Русская старина, 1887, № 7, с. 55—74.

77. **Коновницын П. П.** [не позднее 1820 г.]
Воспоминания о 1812 годе. — В кн.:
Харкевич В. Вильна, 1900, вып. 1, с. 122—133.

78. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1820 г.]
«Черты из жизни князя Кутузова-Смоленского». —
а) Отечественные записки, 1820, № 4, с. 119—147.
б) *ЖЧВВУЗ, 1837, т. 9, № 35.

79. [октябрь 1821 г.]
«Нечто о сражении при Волковиске». —
Сын Отечества, 1824, № 10, с. 115—122.

80. **Радожицкий И. Т.** [июнь 1823—начало 1834 г.]
«Походные записки артиллериста». —
а) Отечественные записки, 1823, № 38, с. 351—371; № 39, с. 20—40; № 42, с. 107—120; № 46, с. 243—263 (отр.).
б) Там же, 1824, № 48, с. 58—74; № 51, с. 25—47 (отр.).
в) Там же, 1826, № 77, с. 325—347 (отр.).
г) Московский телеграф, 1831, № 4, с. 425—457; № 5, с. 3—32 (отр.).
д) «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год/ Артиллерии подполковника И... Р...». М., 1835, ч. 1—4.

е) *ЖЧВВУЗ, 1838, т. 15, № 59 (отр.).
ж) *Там же, 1846, т. 60, № 238, 240 (отр.).
з) *Там же, 1849, т. 79, № 316 (отр.).
и) *„Походные записки артиллериста 1812 г.: Война в России“, Киев, 1912.

81. **Ланжерон А. Ф.** [1824—1827 гг.]
„Из записок Ланжерона: 1812 год“. —
а) Русский архив, 1895, № 10, с. 149—160.
б) Изборник разведчика, 1899, № 12, с. 67—167.

82. **Ростопчин Ф. В.** [2-я половина 1825 г.]
Записки Ф. В. Ростопчина о 1812 годе. — В кн.:
а) Девятнадцатый век. М., 1872, кн. II, с. 115—120 (отр.).
б) Русская старина, 1889, № 12, с. 644—725.
в) *Русский архив, 1901, № 8, с. 503—507 (отр.).

83. **Раевский Н. Н.** [январь 1825 г.]
Записки о 1812 годе. — В кн.:
[*Давыдов Д.*] Замечания на некрологию Н. Н. Раевского с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал. М., 1832, с. 33—89.

84. **Симеонов П.** [1825—1826 гг.]
«Из записок, веденных в Москве 1812 года, при занятии оной врагами». —
Исторический, статистический и географический журнал, 1826, ч. II, кн. 2, с. 101—107.

85. **Вистицкий М. С.** [середина 20-х годов]
«Журнал военных действий кампании 1812 года». — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1900, вып. 1, с. 182—195.

86. **Маракуев М. И.** [середина 20-х годов]
„Записки ростовца М. И. Маракуева“. —
Русский архив, 1907, № 5, с. 107—129.

87. **Стороженко А. Я.** [середина 20-х годов]
Записки о кампаниях 1812, 1813, 1814 гг. — В кн.:
Стороженки: Фамильный архив. Киев, 1902, т. I, с. 213—228.

88. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1827 г.]
„Записки: 1812 год“. —
Исторический вестник, 1890, № 10, с. 130—168.

89. **Канарский И.** [1827 г.]
„Отрывок из Сибирских записок И. Канарского“. — В кн.:
Бумаги Щукина. М., 1901, ч. VI, с. 122—123.

90. **Скобелев И. Н.** [1828 г.]
«Рязанский пехотный полк при Реймсе, 28 февраля, 1 и 2 марта 1814 года». —
а) Славянин, 1828, № 32, с. 191—204; № 33, с. 227—235.
б) **Скобелев И. Н.* Переписка и рассказы русского инвалида. СПб., 1838.
в) *Там же, 1841.
г) *Там же, 1844.

91. **Шишкин И.** ноябрь 1828 г.
„Бунт ополчения в 1812 году“. —
а) Заря, 1869, № 8, с. 112—151.
б) *Бунт военных поселян в 1831 г. СПб., 1870, с. 214—277.

92. **[Ведемейер] А. В.** [1829 г.]
«Отрывок из записок 1812 года». —
Сын Отечества, 1829, № 4, с. 200—213.

93. **Скобелев И. Н.** [1829 г.]
«18 марта 1814 года». —
Славянин, 1829, № 14/15, с. 5—12.

94. **Шишков А. С.** [1829—1-я половина 1830 г.]
а) «Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре I в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну». СПб., 1831.
б) *То же. 2-е изд. СПб., 1832.
в) *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1834, ч. XVI, с. 1—256.

95. **[Норов В. С.]** [1829—октябрь 1832 г.]
«Записки о походах 1812 и 1813 годов от Тарутинского сражения до Кульмского боя». СПб., 1834, ч. 1—2.

96. **Чичагов П. В.** [конец 20-х—начало 30-х годов]
„1812 год: Переправа через Березину/ Из записок адмирала Чичагова“. —
Русский архив, 1869, № 7-8, ст. 1147—1178.

97. **Чичагов П. В.** [конец 20-х—начало 30-х годов]
„Из записок адмирала Чичагова: Дела в Турции в 1812 году“. —
Русский архив, 1870, № 9, ст. 1522—1551.

98. **Бенкендорф А. Х.** [начало 30-х годов]
Записки о 1812 годе. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1903, вып. 2, с. 53—138.

99. **Давыдов Д. В.** 6 марта 1830 г.
Воспоминания о А. С. Фигнере в форме письма к М. Н. Загоскину от 6 марта 1830 г. —
а) Библиографические записки, 1861, № 18, ст. 552—553.
б) *Русская старина, 1877, № 12, с. 696—699.
в) *Сочинения Д. В. Давыдова. СПб., 1895, т. III, с. 173—176.

100. **Тихонов.** 1830 г.
„Рассказ о Бородинском сражении отделенного унтер-офицера Тихонова, записанный в 1830 году“. —
ЧОИДР, 1872, кн. I, с. 115—118.

101. **Михайловский-Данилевский А. И.** [конец 1830—январь 1831 г.]
а) «Воспоминания: Из записок 1815 года». СПб., 1831.
б) *Северная пчела, 1831, № 81—83 (отр.).
в) *Русский инвалид, 1835, № 104, 105 (отр.).
г) *«Записки 1814 и 1815 годов». 2-е изд. СПб., 1832.
д) *«Записки 1814 и 1815 годов». 3-е изд. СПб., 1836.
е) *«Записки 1814 и 1815 годов». 4-е изд. СПб., 1841.
ж) *Полное собрание сочинений А. И. Михайловского-Данилевского. СПб., 1850, т. VII, с. 351—450.

102. **Михайловский-Данилевский А. И.** [март—май 1831 г.]
а) «Записки 1814 года». СПб., 1831.
б) *Северная пчела, 1831, № 131, 182 (отр.).
в) *«Записки 1814 и 1815 годов». 2-е изд. СПб., 1832.
г) *«Записки 1814 и 1815 годов». 3-е изд. СПб., 1836.
д) *«Записки 1814 и 1815 годов». 4-е изд. СПб., 1841.
е) *Полное собрание сочинений А. И. Михайловского-Данилевского, т. VII, с. 309—348.

103. **Скобельцын Н.** 27 мая 1832 г.
«Нечто о достопамятной войне 1812 года». —
Русский инвалид, 1832, № 141.

104. **Михайловский-Данилевский А. И.** [март 1832—декабрь 1833 г.]
а) «Записки о походе 1813 года». СПб., 1834.
б) *Русский инвалид, 1835, № 12—14 (отр.).
в) *«Записки о походе 1813 года». 2-е изд. СПб., 1836.
г) *ЖЧВВУЗ, 1837, т. 7, № 25 (отр.).

105. **Распопов Н. И.** 1832—1834 гг.
„Из воспоминаний о Москве в 1812 году“. —
Русский архив, 1879, № 9, с. 36—44.

106. **Хомутова А. Г.** 1833 г.
„Воспоминания о Москве в 1812 году“. —
Русский архив, 1891, № 11, с. 311—328.

107. **Дурова Н. А.** [1834—март 1835 г.]
Записки о наполеоновских войнах. —
а) Современник, 1836, т. II, с. 53—132.
б) «Кавалерист-девица: Происшествия в России». СПб., 1836, ч. II.
в) *Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“, 1838, № 41, 44 (отр.).
г) *„Записки кавалерист-девицы Дуровой“. СПб., 1912 (отр.).

108. **Орлов М. Ф.** [1835 г.]
«Капитуляция Парижа в 1814 году». — В кн.:
а) Утренняя заря: Альманах на 1843 год. СПб., 1843, с. 3—65.
б) *ЖЧВВУЗ, 1843, т. 42, № 167 (отр.).
в) *Военный сборник, 1864, № 6, с. 287—309.
г) *Русская старина, 1877, № 12, с. 633—662.
д) **Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 5—33.

109. 1835 г.
„Записки колониального торговца о пребывании французов в Москве в 1812 году“. —
Русская мысль, 1896, кн. 10, с. 57—73.

110. [1835 г.]
«Лейпцигская битва (из записок старого солдата)». —
Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“, 1835, № 93.

111. **Голицын Н. Б.** [1835 г.]
«Воспоминания и впечатления русского офицера во время кампаний 1812, 1813 и 1814 годов». —
а) Библиотека для чтения, 1836, ч. 14, № 2, с. 144—174.
б) *«Офицерские записки, или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов». М., 1838.
в) *Русский инвалид, 1838, № 208 (отр.).
г) *ЖЧВВУЗ, 1838, т. 11, № 44; т. 13, № 52 (отр.).
д) «Souvenir et impression d'un officier russe pendant les campagnes de 1812, 1813 et 1814 avec relation de la bataille de Borodino». St.-Pt., 1849.
е) *Русский инвалид, 1849, № 92—94, 100, 101, 103, 104, 109, 116—118, 127, 132, 133, 137, 138.
ж) *Русский архив, 1884, № 4, с. 338—374 (отр.).

112. **Давыдов Д. В.** [1835 г.]
«Занятие Дрездена в 1813 году». —
а) Современник, 1836, т. IV, с. 5—31.
б) *ЖЧВВУЗ, 1837, т. 5, № 18 (отр.).
в) *Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. СПб., 1840, ч. 3, с. 129—136.
г) *Сочинения Давыдова (Дениса Васильевича). СПб., 1848, с. 420—455.
д) *Сочинения Д. В. Давыдова. М., 1860, ч. I, с. 1—34.
е) *Там же. СПб., 1895, т. III, с. 135—183.

113. **Полторацкий К. М.** [не позднее 1835 г.]
Воспоминания о встрече с Наполеоном в 1814 году. — В кн.:
а) *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Францию в 1814 году. СПб., 1836, ч. 1, с. 170—175.
б) *Там же. 2-е изд., ч. 1. СПб., 1841.
в) *„Conversation de l'empereur Napoléon avec le général russe Constantin Poltoratzky en 1814, après la bataille de Champaubert“, Colmar, 1855, p. 4—7.

114. **Эмме И. Ф.** [апрель 1836 г.]
„Записки о блокаде Риги в 1812 году“. —

а) Военный сборник, 1910, № 11, с. 30—38.
б) **Военский К.* Отечественная война 1812 г., с. 58—66.
в) **Военский К.* Исторические очерки, с. 130—136.

115. **Яковлев И. А.** [июнь—июль 1836 г.]
Записка о 1812 годе. —
Русский архив, 1874, № 4, ст. 1062—1069.

116. **Нарышкин Л. А.** 3 августа 1836 г.
Воспоминания о войне 1812 года в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 3 августа 1836 г. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1903, вып. 2, с. 151—171.

117. **Бологовский Д. Н.** [не позднее 1 сентября 1836 г.]
„Из воспоминаний Д. Н. Бологовского". — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1900, вып. 1, с. 222—243.

118. **Храповицкий Я. С.** [октябрь 1836 г.]
„Воспоминания о Березинской переправе". —
а) Военный сборник, 1910, № 10, с. 44—54.
б) **Военский К.* Отечественная война 1812 г., с. 35—45.
в) **Военский К.* Исторические очерки, с. 113—121.

119. **Балашов А. Д.** [1836 г.]
„Посылка генерал-адъютанта Балашова к императору Наполеону". —
а) *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. (1812—1815 гг.). СПб., 1882, с. 14—32.
б) *Исторический вестник, 1883, № 5, с. 425—438.

120. **Воронцов М. С.** 1836 г.
Воспоминания о 1812 годе в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 1836 г. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1900, вып. 1, с. 200—204.

121. **Глинка С. Н.** [1836 г.]
«Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения». СПб., 1836.

122. **Зотов Р. М.** [1836 г.]
«Рассказы о походах 1812 и 1813 годов прапорщика Санкт-Петербургского ополчения Р. Зотова». СПб., 1836.

123. **Лебедев В. И.** 1836 г.
„Краткое описание происшествий, бывших при Похвальской, что в Башмакове церкви в 1812 г., священника В. И. Лебедева". —
Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1914, № 3, с. 54—73.

124. **Левенштерн В. И.** 1836 г.
Воспоминания о 1812 годе в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 1836 г. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1903, вып. 2, с. 49—52.

125. **Никитин А. П.** 1836 г.
„Краткие записки о войне 1812 года". — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1903, вып. 2, с. 139—150.

126. **Тучков П. А.** [1836 г.]
«Мои воспоминания о 1812 годе». —
Русский архив, 1873, № 10, ст. 1828—1868.

127. **Глинка С. Н.** [1836—1837 гг.]
«Записки о Москве и заграничных происшествиях от похода 1812 до половины 1815 года с присовокуплением статей: Александр Первый и Наполеон; Наполеон и Москва». СПб., 1837.

128. **Ваксмут А. Я.** [1836—1837 гг.]
„Из воспоминаний А. Я. Ваксмута". — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1903, вып. 2, с. 222—224.

129. **Данилович К.** [1836—1837 гг.]
„Записки бывшего в 1812 г. редактором «Литовских ведомостей» К. Даниловича о действиях Наполеона в Вильне". —

а) Военный журнал, 1859, № 1, с. 31—36.
б) *Сборник РИО. СПб., 1909, т. 128, с. 410—413.

130. **Крейц К. А.** [середина 30-х годов]
Записки о 1812 г. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1900, вып. 1, с. 54—81.

131. **Красовский А. И.** 24 января 1837 г.
Записка о боях при Ново-Свержне и Койданове в 1812 г. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1904, вып. 4, с. 60—63.

132. **Пяткин В. Г.** [не позднее мая 1837 г.]
„Из воспоминаний майора Пяткина". — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1900, вып. 1, с. 112—120.

133. **Горчаков А. И.** май 1837 г.
Воспоминания о 1812 годе в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от мая 1837 г. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1900, вып. 1, с. 196—198.

134. **Ламберт К. О.** июнь 1837 г.
„Из воспоминаний". — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1904, вып. 4, с. 64—75.

135. **Арнольди И. К.** август 1837 г.
Записки о Березинской переправе в 1812 г. —
а) Военный сборник, 1910, № 9, с. 4—22.
б) **Военский К.* Отечественная война 1812 г., с. 16—31.
в) **Военский К.* Исторические очерки, с. 96—111.

136. **Голицын А. Б.** 9 сентября 1837 г.
„Записки о войне 1812 года". —
а) Военный журнал, 1859, № 1, с. 12—31.
б) *Голос, 1865, № 1 (отр.).
в) *Военный сборник, 1910, № 12, с. 22—35.
г) **Военский К.* Отечественная война 1812 г., с. 67—80.
д) **Военский К.* Исторические очерки, с. 136—146.

137. **Акинфов Ф. В.** [сентябрь 1837 г.]
„Из воспоминаний Акинфова". — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1900, вып. 1, с. 205—212.

138. **Изюмов Н. Г.** [октябрь 1837 г.]
«Записки похода Чугуевского уланского полка в 1812 году». —
а) Военный сборник, 1910, № 11, с. 24—29.
б) **Военский К.* Отечественная война 1812 г., с. 53—58.
в) **Военский К.* Исторические очерки, с. 126—130.

139. **Любенков Н.** [1837 г.]
«Рассказ артиллериста о деле Бородинском», СПб., 1837.

140. **Шаховской А. А.** [1837 г.]
Воспоминания о 1812 годе в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 1837 г. —
а) Военный сборник, 1864, № 5, с. 69—98.
б) *Русский архив, 1886, № 11, с. 372—404.
в) *Русская старина, 1889, № 10, с. 31—65.

141. **Щербатов А. Г.** [1837 г.]
„Выписки из записок А. Г. Щербатова" о 1812 годе. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1904, вып. 4, с. 49—59.

142. **Паскевич И. Ф.** [1837—1838 гг.]
Записки о 1812 г. — В кн.:
а) *Харкевич В.*, Вильна, 1900, вып. 1, с. 82—111.
б) * Материалы ВУА, СПб., 1911, т. XVIII, с. 223—235.

143. **Раевский А. Н.** 1 июля 1838 г.
Воспоминания о 1812 годе в форме письма к Д. В. Давыдову от 1 июля 1838 г. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1903, вып. 2, с. 174—175.

144. **Душенкевич Д.** [1838 г.]
«Мои воспоминания о 1812 годе». —
Русский инвалид, 1838, № 274, 282.

145. **Греч Н. И.** [январь 1839 г.]
«Начало „Сына Отечества"». —
а) Северная пчела, 1839, № 28—29.
б) **Греч Н. И.* Записки о моей жизни. СПб., 1886, с. 223—234.

146. **Хрептович А. И.** 30 мая 1839 г.
Воспоминания А. Хрептовича о событиях 1812 г. в форме письма к И. А. Долгорукову от 30 мая 1839 г. —
а) Военный журнал, 1859, № 1, с. 36—45.
б) *Сборник РИО. СПб., 1909, т. 128, с. 403—410.

147. **Орурк И. К.** 6 октября 1839 г.
Воспоминания о взятии Борисова и сражении при Березине в 1812 г. в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 6 октября 1839 г. —
а) Военный сборник, 1910, № 10, с. 55—58.
б) **Военский К.* Отечественная война 1812 г., с. 46—50.
в) **Военский К.* Исторический очерк, с. 121—124.

148. **Глинка Ф. Н.** [1839 г.]
а) «Очерки Бородинского сражения». М., 1839.
б) *Сын Отечества, 1839, ч. 10, с. 16—23 (отр.).
в) *Галатея, 1839, ч. 4, № 35, с. 597—607 (отр.).
г) *ЖЧВВУЗ, 1840, т. 23, № 89 (отр.).

149. 1839 г.
„Рассказ Георгиевского кавалера из дивизии Неверовского, слышанный в 1839 г. в Серпухове". —
ЧОИДР, 1872, кн. 1, с. 119—121.

150. **Сеславин А. Н.** [1839 г.]
Мемуарно-исторические заметки на книгу А. И. Михайловского-Данилевского „Описание Отечественной войны в 1812 году". — В кн.:
Семевский М. И. Партизан Сеславин. — Отечественные записки, 1860, № 4, с. 45—49.

151. **Глинка С. Н.** [30-е годы]
„Из записок". (1811—1812 гг.). —
а) Русский вестник, 1866, № 5, с. 211—220.
б) *„Записки С. Н. Глинки". СПб., 1895, гл. XVIII.

152. **Глинка С. Н.** [30-е годы]
„Из записок" (1813—1815 гг.). —
а) Русский вестник, 1867, № 12, с. 521—559.
б) „Записки С. Н. Глинки". СПб., 1895, гл. XIX—XX.

153. **Антоновский А. И.** [30—40-е годы]
«Записки походов и военных действий с 1812 по 1816 год». — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1904, вып. 3, с. 2—207.

154. **Баранович А. И.** [30-е годы]
„Русские солдаты во Франции". —
Голос минувшего 1916, № 5/6, с. 153—156.

155. **Лаврентий.** [30-е годы]
„Записки Перервинского игумена отца Лаврентия". —
а) Маяк, 1842, т. II, кн. 4, с. 53—67.
б) *ЖЧВВУЗ, 1843, т. 42, № 167 (отр.).
в) *ЖЧВВУЗ, 1852, т. 94, № 374 (отр.).

156. **Суханин П.** [30-е годы]
„Из журнала участника войны 1812 года". —
Русская старина, 1912, № 2, с. 271—283; № 3, с. 481—490.

157. **Хойнацкий А. Ф.** [30-е годы]
„Правда о архиепископе Варлааме, бывшем первом епископе Волынском". —

а) Волынские епархиальные ведомости, 1879, № 8, с. 323—329.
б) *Русский архив, 1903, № 6, с. 290—291 (отр.).

158. **Петров М. М.** [конец 30-х—начало 40-х годов]
„Рассказы старого воина о его службе“. —
Москвитянин, 1843, № 5, с. 126—160; № 6, с. 442—500.

159. **Петров М. М.** [конец 30-х—начало 40-х годов]
„Черты из войны 1812 года“. —
Москвитянин, 1844, № 1, с. 269—270.

160. **Орлов-Денисов В. В.** февраль 1840 г.
Воспоминания о сражении под Витебском и Спас-Куплей в 1812 г. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1900, вып. 1, с. 214—225.

161. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1842 г.]
«Анекдоты о Кутузове». —
Русский инвалид, 1843, № 3.

162. **Коншин Н. М.** [1842—1844 гг.]
Записки о 1812 годе. —
Исторический вестник, 1884, № 8, с. 263—286.

163. **Булгаков А. Я.** [не позднее начала 1843 г.]
«Разговоры неаполитанского короля с графом Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года». —
а) Москвитянин, 1843, № 2, с. 499—520.
б) *ЖЧВВУЗ, 1844, т. 46, № 184 (отр.).
в) *Русский архив, 1900, № 7, с. 265—277 (отр.).

164. **Андреев Н. И.** 1844 г.
„Из воспоминаний Н. И. Андреева: 1812—1814 гг.“ —
Русский архив, 1879, № 10, с. 173—202.

165. **Дружинин А. И.** 13 февраля 1845 г.
Воспоминания о 1812 годе в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 13 февраля 1845 г. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1904, вып. 3, с. 208—213.

166. **Глинка С. Н.** [1845 г.]
«Черты из жизни графа Ф. В. Ростопчина: Москва и граф Ростопчин: 1812 год». — В кн.:
Русское чтение. СПб., 1845, ч. 1, с. 237—248.

167. **Глинка С. Н.** [1845 г.]
«Второе сентября 1812 года». — В кн.:
Русское чтение. СПб., 1845, ч. 1, с. 301—312.

168. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1845 г.]
«Воспоминания о графе Милорадовиче». — В кн.:
а) Сто русских литераторов. СПб., 1845, т. III, с. 3—14.
б) *Московские губернские ведомости, 1845, № 34.
в) *Вологодские губернские ведомости, 1845, № 39.

169. **Тимофеев В. И.** 1845 г.
„Из записок В. И. Тимофеева о Бородинском сражении“. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1903, вып. 2, с. 176—184.

170. **Голицын Н. Б.** [1846 г.]
«Шевардинское дело 24 августа 1812 года». —
а) Русский инвалид, 1846, № 190.
б) *Бумаги Щукина. М., 1898, ч. III, с. 7—9.

171. **Виртембергский Е.** [1846 г.]
«Воспоминания герцога Евг. Виртембергского о кампании 1812 года, служащие объяснительным дополнением ко многим вышедшим об этом предмете сочинениям». —
а) Военный журнал, 1847, № 3, с. 97—131; № 4, с. 84—118; 1848, № 1, с. 32—98; № 3, с. 38—98; 1849, № 3, с. 97—137; № 6, с. 87—138.
б) *ЖЧВВУЗ, 1849, т. 81, № 321, 322 (отр.).

172. **Голицын Н. Б.** [1846 г.]
«Первый партизан в Отечественную войну». —
а) Русский инвалид, 1846, № 256.
б) *ЖЧВВУЗ, 1847, т. 64, № 253.

173. **Голицын Н. Б.** [1846 г.]
«Материалы для истории Московского пожара 1812 года». —
Русский инвалид, 1846, № 270.

174. **Граббе П. Х.** [1846—1847 гг.]
«Из памятных записок графа П. Х. Граббе: 1812 год». —
а) Русский архив, 1873, № 3, ст. 416—0481.
б) *«Из памятных записок графа П. Х. Граббе». М., 1873, с. 1—126.

175. **Кожухов А. С.** январь 1847.
Воспоминания с 1812 г. в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 17 января 1847 г. — В кн.:
а) *Харкевич В.*, Вильна, 1900, вып. 1, с. 244—247.
б) *Бумаги Щукина, М., 1903, ч. VII, с. 179—282.

176. [сентябрь 1847 г.]
«Историческое сведение о Бородинском сражении». —
Русский инвалид, 1847, № 205.

177. **Липранди И. П.** [не позднее 1848 г.]
Замечания на „Описание Отечественной войны в 1812 году" А. И. Михайловского-Данилевского. — В кн.:
Харкевич В., Вильна, 1903, вып. 2, с. 2—35.

178. **Бискупский К. А.** март—июнь 1849 г.
Воспоминания о партизанском движении в 1812 году в форме писем к А. А. Краевскому от марта—июня 1849 г. — В кн.:
Бумаги Щукина, ч. VII, с. 293—344.

179. **Козловский Г. Я.** 40-е годы
„Москва в 1812 году, занятая французами: Воспоминания очевидца". —
Русская старина, 1900, № 1, с. 105—114.

180. **Щербинин А. А.** 1851 г.
«Мои записки о кампании 1812 года». — В кн.:
а) *Харкевич В.*, Вильна, 1900, вып. 1, с. 14—53.
б) *Материалы ВУА. СПб., 1914, т. XXI, с. 211—231.

181. **Зайцев А.** [1851 г.]
а) «Воспоминания о походе 1812 года, составленные из рассказов офицера А. Зайцевым». М., 1852.
б) *То же. М., 1853.

182. **Лесли А. А.** 1851—1875 гг.
„Рассказы о 1812 годе (отрывки из дневника А. А. Лесли)". — В кн.:
Смоленская старина, Смоленск, 1912, вып. II, с. 321—400.

183. **Приклонский А.** 11 сентября 1852 г.
«Рассказ русского очевидца о сражении при Кенигсварте 7/19 мая 1813 года». —
Русский инвалид, 1852, № 206.

184. **Паскевич И. Ф.** [начало 50-х годов]
„День Бородинского боя: Походные записки И. Ф. Паскевича". —
Неделя, 1962, № 29.

185. **Лажечников И. И.** 1852 г.
«Новобранец 1812 года. (Из моих памятных записок)». —
а) Пантеон, 1853, № 7, с. 1—14.
б) *Собрание сочинений И. И. Лажечникова в 8-ми т. СПб., 1858, т. VII.
в) *Сочинения И. И. Лажечникова: Посмертное полное издание. СПб.; М., 1883, т. 7.
г) *Полное собрание сочинений И. И. Лажечникова. СПб., 1892, т. I.
д) *Полное собрание сочинений И. И. Лажечникова. СПб.; М., 1901, т. 1, с. 131—200.

186. **Шелехов Д. П.** [не позднее мая 1854 г.]
«Отрывок из записок старого служивого». —
а) Русский инвалид, 1854, № 224.
б) *ЖЧВВУЗ, 1855, т. 115, № 450.

187. **Васильчикова А. И.** [1-я половина 50-х годов]
„Воспоминания А. И. Васильчиковой о 1812 годе“. —
Русский архив, 1912, № 9, с. 133—135.

188. **Вендрамини Ф.** [1-я половина 50-х годов]
„Французы в Москве в 1812 году“. —
а) Биржевые ведомости, 1864, № 93, 95, 107, 109, 111.
б) *Еженедельные прибавления к „Русскому инвалиду“, 1864, № 28—31.

189. **Казаков И. М.** [1-я половина 50-х годов]
„Поход во Францию 1814 г. по неизданным запискам И. М. Казакова“. —
Русская старина, 1908, № 3, с. 528—541; № 5, с. 351—368.

190. **Климыч С.** [1-я половина 50-х годов]
„Рассказ очевидца о пребывании французов в Москве“. —
а) Русский архив, 1864, № 4, ст. 843—858.
б) **Антушев Н.* Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885, Приложение VIII.

191. **Перовский В. А.** [1-я половина 50-х годов]
„Из записок покойного В. А. Перовского“. —
Русский архив, 1865, ст. 1031—1058.

192. **Кичеев П. Г.** [1855—1856 гг.]
«Воспоминания о бытности неприятелей в Москве в 1812 году». —
а) Московские ведомости, 1855, Литературные прибавления, № 30, 56.
б) *Русский инвалид, 1865, № 79.
в) *ЖЧВВУЗ, 1855, т. 115, № 458.
г) Русский вестник, 1856, кн. 1, с. 165—176.
д) «Воспоминания о пребывании неприятелей в Москве в 1812 году». М., 1858.
е) *Из недавней старины: Рассказы и воспоминания П. Г. Кичеева. М., 1870, с. 1—76.

193. **Герсеванов Е. П.** [1856 г.]
«Объяснение причины, почему отложено было нападение при Тарутине: (Рассказ ветерана 1812 года)». —
ЖЧВВУЗ, 1856, т. 122, № 490.

194. **Леонтьева Ф. П.** 1856 г.
„Записки Ф. П. Леонтьевой (1811, 1812, 1813 годы)“. —
Русский вестник, 1883, кн. 10, с. 816—847; кн. 12, с. 878—902; 1884, кн. 2, с. 670—721.

195. **Л[орер] Н. [И.]** февраль 1857 г.
«Из воспоминаний русского офицера». —
Русская беседа, 1857, III (7), отд. V, Смесь, с. 81—89.

196. **Лесли Н.** 27 апреля 1857 г.
«Воспоминания о 19 марте 1814 года: (Взятие Парижа)». —
Московские ведомости, 1857, № 60.

197. **Ортенберг И. Ф.** [не позднее июля 1857 г.]
«Военные воспоминания старых времен». —
Библиотека для чтения, 1857, т. 144, № 7, Смесь, с. 18—33.

198. **Виртембергский Е.** 1857 г.
«Действие правого крыла союзных армий от 25 до 30 августа 1813 года». —
Военный сборник, 1875, № 8, с. 169—187.

199. **Бауер К.** [не позднее февраля 1858 г.]
«Воспоминания о 1812 годе в Москве». —
Атеней, 1858, № 2, с. 119—134.

200. **Голицын Н. Б.** [июль—август 1858 г.]
«Еще об Отечественной войне: (Письмо в редакцию)». —
Северная пчела, 1858, № 202.

201. [не позднее конца 1858 г.]
«Выдержки из военных записок и воспоминаний служивого прежних лет: (Занятие Парижа в 1814 году)». —
Атеней, 1859, № 1, с. 79—92.

202. **Липранди И. П.** 1858 г.
«Как был взят город Соасон 2/14 февраля 1814 года». —
Русский архив, 1868, ст. 903—925.

203. **Л[орер] Н. [И.]** 1858—1860 гг.
«Из воспоминаний русского офицера: Париж. 1814 год». —
Русская беседа, 1860, 1 (19), отд. V, Смесь, с. 81—118.

204. **Странский М. Е.** [начало 1859 г.]
„Воспоминания старожила о 1812 годе в Странноприимном доме графа Шереметьева в Москве". —
Московские ведомости, 1859, № 76.

205. **Дмитриев М. А.** 1859 г.
«Письмо к редактору». —
Московские ведомости, 1859, № 258.

206. **Филарет.** 1859 г.
„Из воспоминаний о 1812 годе". —
Русский архив, 1906, № 10, с. 214—217.

207. [2-я половина 50-х годов]
„Перевоз вещей Оружейной палаты из Москвы в Нижний-Новгород в 1812 году". —
Русский архив, 1916, № 7-12, с. 330—341.

208. **Булгаков А. Я.** [2-я половина 50-х годов]
„Воспоминания А. Я. Булгакова о 1812 годе и вечерних беседах у графа Ф. В. Ростопчина". —
Старина и новизна, 1904, кн. 7, с. 98—135.

209. **Фаленберг П. И.** [2-я половина 50-х годов]
„Из записок П. И. Фаленберга о 1812 годе". —
Русский архив, 1877, № 10, с. 199—218.

210. [50-е годы]
„Рассказ современника о 1812 годе". — В кн.:
Бумаги Щукина. М., 1905, ч. IX, с. 78—82.

211. **Кононов А. Н.** январь 1860 г.
«Письмо к редактору». —
Московские ведомости, 1860, № 13.

212. **Жуков И. Ф.** 26 марта 1860 г.
«Новые известия очевидца и личного деятеля катастрофы». —
а) Московские ведомости, 1860, № 76.
б) *ЧОИДР, 1866, кн. IV, Смесь, с. 255—258.

213. **Кононов А. Н.** [1-я половина 1860 г.]
«Воспоминания о 1812 и 1813 годах». —
ЧОИДР, 1860, кн. III, Смесь, с. 223—237.

214. **Щербинин А. А.** [1860 г.]
«Мои заметки при чтении Истории войны 1812 года генерала Богдановича». —
ЧОИДР, 1912, кн. 4 (243), II, с. 10—16.

215. **Рязанцев А.** [1860—1861 гг.]
«Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве 1812 года». М., 1862.

216. **М[итаревский] Н. Е.** февраль—май 1861 г.
«Воспоминания о Бородинском сражении». —
а) Русский инвалид, 1861, № 119, 120,

б) *ЖЧВВУЗ, 1861, т. 152, № 605—607.
в) «Воспоминания о войне 1812 года Н. Е. Митаревского». М., 1871.

217. **Муравьев А. Н.** 1861—1863 гг.
Записки. — В кн.:
Декабристы: Новые материалы. М., 1955, с. 57—207.

218. **Нарышкина Н. Ф.** [1861—1863 г.]
а) „1812: Le comte Rostopchine et son temps". St.-Pt., 1912.
б) *Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии, 1912, кн. 3, вып. 3 (отр.).

219. **Лажечников И. И.** 18 марта 1864 г.
«Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи „Материалы для биографии А. П. Ермолова"». —
а) Русский вестник, 1864, № 6, с. 783—819.
б) *Сочинения И. И. Лажечникова: Посмертное полное издание. СПб.; М., 1884, т. 12.
в) *Полное собрание сочинений И. И. Лажечникова. СПб.; М., 1900, т. 12.

220. **Барушникевич.** 1864 г.
«Воспоминание ветерана о вступлении российских войск в Париж». — Русский инвалид, 1864, № 60.

221. **Коноплина М. А.** [1864 г.]
„Французы в Горенках". —
а) Детское чтение, 1865, т. 1, с. 7—14.
б) **Толычева Т.*, 1872, с. 49—54.

222. [1864 г.]
„Рассказ о 1812 годе Устиньи Левоновны, бывшей крепостной деда Е. В. Новосильцевой (Т. Толычевой)". —
Детское чтение, 1865, т. 1, с. 4—7.

223. **Раевский В. Ф.** [1864 г.]
Заметки о войне 1812 г. — В кн.:
Литературное наследство. М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 113—114.

224. **Берг Ф. Ф.** 1865 г.
Воспоминания о 1812 годе. —
Русская старина, 1883, № 2, с. 305—322.

225. **Егоров П.** 1865 г.
„Из воспоминаний о 1812 годе". —
Московские епархиальные ведомости, 1871, № 41, 45.

226. **Зотов Р. М.** [1865 г.]
«5 сентября 1812 г.: (Из воспоминаний старого ополченца)». —
Воскресный досуг, 1865, № 137, с. 180—182.

227. **Миркович Ф. Я.** [начало марта 1866 г.]
„Конная гвардия под Фер-Шампенуазом". —
а) Русский инвалид, 1866, № 65.
б) *Ф. Я. Миркович: 1789—1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889, Приложения, с. 185—186.

228. **Чижов Г.** [1866 г.]
„Рассказ очевидца, участвовавшего в церковных молебствиях 1812 года во Владимире". —
Владимирские епархиальные ведомости, 1866, № 14.

229. **Норов А. С.** сентябрь 1868 г.
«Война и мир. 1805—1812: С исторической точки зрения. По воспоминаниям современников. (По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого „Война и мир")». —
а) Военный сборник, 1868, № 11, с. 189—246.
б) *То же. СПб., 1868.
в) *Русский архив. 1881, № 5, с. 173—214.

г) *То же. СПб., 1903.
д) *То же. М., 1914.

230. **Коркозевич М.** [октябрь 1868 г.]
„Воспоминания о нашествии французов на Россию в 1812 году". —
а) Минские губернские ведомости, 1869, № 45—46.
б) *Вестник Западной России, 1869, т. 4, кн. 12, с. 111—124.

231. **Вяземский П. А.** 1868 г.
«Воспоминания о 1812 годе». —
а) Русский архив, 1869, № 1, ст. 181—216.
б) **Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., СПб., 1882, т. 7, с. 191—213.

232. **Богданов Д. И.** июль 1869 г.
„Бородино: Из войны 1812 года". — В кн.:
Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962, с. 336—339.

233. **Щербинин А. А.** [1869 г.]
«„Война и мир", замечания мои на V том». —
ЧОИДР, 1912, кн. 4, (243), II, с. 4—10.

234. **Колзаков П. А.** [конец 60-х годов]
„Взятие в плен маршала Вандама 18 августа 1813 года". —
а) Русская старина, 1870, № 2, с. 137—144.
б) *Там же, 2-е изд., № 1-6, с. 208—215.

235. **Свербеев Д. Н.** 1870 г.
«Заметка о смерти Верещагина». —
а) Русский архив, 1870, № 2, ст. 518—522.
б) *Записки Д. Н. Свербеева: (1799—1826). М., 1899, ч. 1, Приложения, с. 464—468.

236. **Беккер Ф. В.** 30 ноября 1870 г.
„Воспоминания Бекера о разорении и пожаре Москвы в 1812 г.". —
Русская старина, 1883, № 6, с. 507—524.

237. **Лермонтов.** [не позднее 24 марта 1871 г.]
„Воспоминания ветерана Отечественной войны 1812 года". —
Русский инвалид, 1871, № 67.

238. [1871 г.]
„Рассказ о 1812 годе" бывшей крепостной Соймоновых. —
Русский архив, 1871, № 6, ст. 0198—0217.

239. **Григорий.** [1871 г.]
„Из воспоминаний очевидца". —
Московские епархиальные ведомости, 1871, № 24.

240. **Антонина.** [не позднее января 1872 г.]
„Занятие французами Новодевичьего монастыря". —
а) Московские ведомости, 1872, № 21.
б) **Толычева Т.*, 1912, с. 5—19.

241. **Всеволожский.** [не позднее января 1872 г.]
„Императорская типография Великой армии". —
а) Московские ведомости, 1872, № 28.
б) *Харьковские губернские ведомости, 1872, № 18.
в) **Толычева Т.*, 1912, с. 19—24.

242. **Алексеев А.** [не позднее января 1872 г.]
„В Зубове". —
а) Московские ведомости, 1872, № 34.
б) *Харьковские губернские ведомости, 1872, № 22.
в) **Толычева Т.*, 1912, с. 24—29.

243. **Настасья Даниловна...** [не позднее января 1872 г.]
„В Страстном монастыре". —
а) Московские ведомости, 1872, № 41.
б) *Харьковские губернские ведомости, 1872, № 26.
в) **Толычева Т.*, 1912, с. 30—37.

244. **Полянский В. М.** [начало 1872 г.]
„На Моховой". —
а) Московские ведомости, 1872, № 52.
б) *Харьковские губернские ведомости, 1872, № 36.
в) **Толычева Т.*, 1912, с. 38—46.

245. **Похорская Е. А.** [начало 1872 г.]
„В Приходе Петра и Павла". —
а) Московские ведомости, 1872, № 55.
б) *Харьковские губернские ведомости, 1872, № 39.
в) **Толычева Т.*, 1912, с. 46—58.

246. **Круглова А. Г.** [начало 1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
а) Московские ведомости, 1872, № 64.
б) **Толычева Т.*, 1912, с. 59—67.

247. **Василий Ермолаевич...** [начало 1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
а) Московские ведомости, 1872, № 71.
б) *Харьковские губернские ведомости, 1872, № 48.
в) **Толычева Т.*, 1912, с. 67—76.

248. **Назарова А. А.** [начало 1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
а) Московские ведомости, 1872, № 76.
б) **Толычева Т.*, 1912, с. 76—91.

249. **Назаров А. К.** [начало 1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
а) Московские ведомости, 1872, № 83.
б) **Толычева Т.*, 1912, с. 91—97.

250. **Лавров Н. Д.** [1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. — В кн.:
Толычева Т., 1912, с. 106—112.

251. **Полуярославцева А. П.** [1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
а) Русский вестник, 1872, № 11, с. 266—269.
б) **Толычева Т.*, 1872, с. 7—10.

252. **Сысоев А. Д.** [1872 г.]
Рассказ о 1872 годе. —
а) Русский вестник, 1872, № 11, с. 269—274.
б) **Толычева Т.*, 1872, с. 11—16.

253. **Кондратьев П.** [1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
а) Русский вестник, 1872, № 11, с. 275—280.
б) **Толычева Т.*, 1872, с. 17—22.
в) **Федоров-Давыдов А. А.* Отечественная война 1812 г. М., 1910, с. 79—88.

254. **Боровский П. Г.** [1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
а) Русский вестник, 1872, № 11, с. 281—285.
б) **Толычева Т.*, 1872, с. 23—27.

255. **Созонова А. А.** [1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
а) Русский вестник, 1872, № 11, с. 285—291.
б) **Толычева Т.*, 1872, с. 28—34.

256. **Никольская М. С.** [1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
а) Русский вестник, 1872, № 11, с. 291—300.
б) **Толычева Т.*, 1872, с. 35—43.

257. **Левицкий Ф. И.** [1872 г.]
Рассказ о 1812 годе. —

а) Русский вестник, 1872, № 11, с. 300—304.
б) *Толычева Т.*, 1872, с. 44—48.

258. **Кологривова А. Ф.** [не позднее января 1872 г.]
„Из семейных воспоминаний“. —
Русский архив, 1886, № 7, с. 338—346.

259. **Дивов Н. А.** 25 мая 1873 г.
Из воспоминаний о 1812 годе. —
Русский архив, 1873, № 7, ст. 1331—1338.

260. **Арнольди К. И.** [1873 г.]
„Французы в Могилеве на Днепре. Рассказ очевидца“. —
Русская старина, 1873, № 8, с. 233—237.

261. **Фигнер В. В.** 1873 г.
«Воспоминания о моем дяде А. С. Фигнере». —
Военный мир, 1911, № 8/9, с. 69—80.

262. **Мовиус.** 1873—1875 гг.
„Из воспоминаний полковника Мовиуса о горном корпусе в 1812 г.“. —
Русская старина, 1888, № 7, с. 22—24.

263. **Евреинов М. М.** [1874 г.]
„Память о 1812 годе“. —
Русский архив, 1874, № 1, с. 95—110; № 2, с. 453—466.

264. **Пулло А. П.** [1875 г.]
«Из моих воспоминаний о кампании 1814 года во Франции». —
Московские ведомости, 1875, № 246.

265. **Розанов Н.** [1875 г.]
«Замысел Фигнера 1812 года». —
Русская старина, 1875, № 7, с. 448—451.

266. **Романовский А. М.** 20 июля 1876 г.
„Французы в Чаусах в 1812 году“. —
Русская старина, 1877, № 12, с. 688—696.

267. **Липранди И. П.** [1876 г.]
«И. П. Скобелев и В. А. Жуковский в 1812 году: Отрывок из воспоминаний». —
Древняя и Новая Россия, 1877, № 10, с. 169—173.

268. **Вяземский П. А.** 1877 г.
«Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине». —
а) Русский архив, 1877, № 5, с. 69—78.
б) *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., СПб., 1882, т. 7, с. 500—514.

269. **Купцова Н. Г.** [1877 г.]
Рассказ о 1812 годе. — В кн.:
Толычева Т. Рассказы о двенадцатом годе: Рассказ Н. Г. Купцовой. М., 1877.

270. **Невский Е. Н.** [1877 г.]
„Мнимые французы“. —
Русский архив, 1877, № 5, с. 50—54.

271. **Дивов Н. А.** [1877 г.]
«По поводу рассказа М. Ф. Орлова о взятии Парижа». —
Русский архив, 1878, № 1, с. 127—128.

272. **Кромановская А. И.** [1879 г.]
Рассказ о 1812 годе. —
Московские ведомости, 1880, № 7.

273. **Лепешкин Л. П.** [1879 г.]
Рассказ о 1812 годе.
Московские ведомости, 1880, № 7.

274. **Завалишин Д. И.** [конец 70-х годов]
«Тысяча восемьсот двенадцатый год: Из воспоминаний современника». —
а) Древняя и Новая Россия, 1879, № 2, с. 146—154.

б) Московские ведомости, 1884, № 51, 62, 64, 67, 71, 84, 88.
в) *Вологодские епархиальные ведомости, 1884, № 10.

275. **Коньков Е. А.** 1880 г.
а) „Атака лейб-казаков в сражении под г. Лейпцигом 1813 года 4 октября: Рассказ, слышанный от участника Лейпцигского боя генерал-лейтенанта Е. А. Конькова“. СПб., 1913.
б) *Русская старина, 1913, № 10, с. 20—24.
в) *Записки Терского общества любителей казачьей старины, 1914, № 3.

276. **Калюкова А. А.** [1880 г.]
„Рассказ смоленской мещанки А. А. Калюковой“. —
Русский вестник, 1880, № 11, с. 209—212.

277. **Сныткина А. И.** [1880 г.]
„Рассказ смоленской мещанки А. И. Сныткиной“. —
Русский вестник, 1880, № 11, с. 212—216.

278. **Игнатьева А.** [1880 г.]
„Рассказ крестьянки А. Игнатьевой“. —
Русский вестник, 1880, № 11, с. 216—218.

279. **Андреева Т.** [1880 г.]
„Рассказ Т. Андреевой, бывшей крепостной“. —
Русский вестник, 1880, № 11, с. 219—222.

280. **Шматиков К. Е.** [1880 г.]
„Рассказ о 1812 годе в Смоленской губернии“. —
Русский вестник, 1880, № 11, с. 222—226.

281. **Антонов О.** [1880 г.]
„Рассказ солдата О. Антонова“. —
Русский вестник, 1880, № 11, с. 226—229.

282. **Леонтьев К. Н.** [1881 г.]
„Рассказ смоленского дьякона о нашествии 1812 г.:
Из воспоминаний К. Н. Леонтьева“. —
Русский архив, 1881, № 2, с. 404.

283. **Герасимов П. Ф.** [1882 г.]
а) „Рассказ о двенадцатом годе богадельника Набилковского заведения П. Ф. Герасимова“. М., 1882.
б) *Московские ведомости, 1882, № 186.

284. **Егоров А. Е.** [1882 г.]
„Двенадцатый год: Из семейных воспоминаний“. —
Русская старина, 1882, № 11, с. 343—350.

285. **Муравьев-Апостол М. И.** 24 октября 1883 г.
„Отечественная война 1812 года“. — В кн.:
Декабрист М. И. Муравьев-Апостол: Воспоминания и письма. Пг., 1922, с. 32—40.

286. **Рожнова Г. К.** [1884 г.]
„Рассказ о двенадцатом годе Г. К. Рожновой, живущей в Покровской богадельне“. —
Московские ведомости, 1884, № 37.

287. **Фигнер А. В.** [октябрь 1884 г.]
«Партизан Фигнер: Из семейных воспоминаний». —
Исторический вестник, 1884, № 10, с. 139—144.

288. [1-я половина 80-х годов]
„Рассказ дьяконицы“. — В кн.:
Федоров-Давыдов А. А. Отечественная война 1812 г. М., 1910, с. 71—74.

289. **Былов П.** [1-я половина 80-х годов]
„Рассказ мещанина П. Былова“. — В кн.:
Федоров-Давыдов А. А. Отечественная война 1812 г. М., 1910, с. 74—79.

290. **Муравьев-Апостол М. И.** конец 1885 г.
„Бородинское сражение". —
Русский архив, 1886, № 2, с. 225—227.

291. **Лебедев А. Н.** 1898 г.
„И рассказов родных о 1812 г.: (Извлечение из семейных записок)". — В кн.:
Бумаги Щукина. М., 1898, ч. III, с. 255—261.

292. **[Тихомиров Н. И.]** [2-я половина 90-х годов]
„О 1812 годе: (Воспоминания из рассказов современников и очевидцев)". — В кн.:
Бумаги Щукина. М., 1899, ч. IV, с. 331—346.

293. **Губерти Д. В.** [1900 г.]
„Отзвук Бородинского боя". —
Русский архив, 1900, № 6. с. 236—238.

ПЕРЕЧЕНЬ II

Мемуары с обширными хронологическими рамками, включающие тексты об эпохе 1812 года

1. **Острожский-Лохвицкий И. О.** [1812—1814 гг.]
а) „Записки Ново-Оскольского дворянина". Киев, 1868, с. 133—138.
б) *Киевская старина, 1886, № 11, с. 489—499.

2. **Симеонов П.** [1813 г.]
„Отрывок из жизни Московского протоиерея П. Симеонова". —
ЧОИДР, 1862, кн. III, Смесь, с. 206—211.

3. **Батюшков К. Н.** ноябрь 1815 г.
„Воспоминания о Петине". —
а) Москвитянин, 1851, № 5, с. 11—20.
б) **Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1885, т. II, с. 190—202.

4. **Мосолов С. И.** [1815 г.]
«История моей жизни». — В кн.:
а) Бумаги Щукина. М., 1904, ч. VIII, с. 335—344.
б) *Русский архив, 1905, № 1, с. 155—173.

5. **Долгоруков Н. В.** [1817 г.]
„Из записок князя Н. В. Долгорукова". —
Русский архив, 1892, № 11, с. 267—270.

6. **Мартос А. И.** [январь—август 1818 г.]
„Записки инженерного офицера Мартоса". —
Русский архив, 1893, № 8, с. 456—519.

7. **Шишков А. С.** [1818—1828 гг.]
«Домашние записки». — В кн.:
„Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова". Berlin, 1870, т. I, с. 119—309.

8. **Глухов И. А.** [2-я половина 10-х годов]
„Автобиография И. А. Глухова". — В кн.:
Щукинский сборник. М., 1907, вып. VI, с. 265—267.

9. **Мертваго Д. Б.** [конец 10-х—начало 20-х годов]
„Автобиографические записки Д. Б. Мертваго". М., 1867, с. 313—324.

10. **Тюльпин М. М.** [начало 20-х годов]
„Летопись о событиях в г. Твери тверского купца Михаила Тюльпина: 1762—1823 гг.". —
а) Тверские епархиальные ведомости, 1901, № 21, 22.
б) *То же. Тверь, 1902.

11. **Дмитриев И. И.** апрель 1825 г.
«Взгляд на мою жизнь». М., 1866, ч. III, кн. 8, 9.

12. **Каподистрия И. А.** декабрь 1826 г.
„Записки графа И. Каподистрия о его служебной деятельности“. — В кн.:
Сборник РИО. СПб., 1868, т. 3, с. 170—192.

13. **Старынкевич Н. И.** 1826 г.
«Жизнь моя с 1812 года, то есть со службы при армии, по июнь месяц 1825-го года». —
Журнал ИРВИО, 1911, кн. 6, отд. III, с. 1—6.

14. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1827 г.]
„Из воспоминаний Михайловского-Данилевского“. —
Русский вестник, 1890, № 9, с. 160—161.

15. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1827 г.]
„Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1817“. —
Русская старина, 1897, № 6, с. 453—482.

16. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1827—1828 гг.]
„Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1822 год“. —
Русская старина, 1900, № 9, с. 637—643.

17. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1827—1829 гг.]
„Записки А. И. Михайловского-Данилевского: 1823 год“. —
Исторический вестник, 1892, № 8, с. 286—287, 295.

18. **Михайловский-Данилевский А. И.** [1828—1829 гг.]
„Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1818 год“. —
Русская старина, 1897, № 8, с. 334—336.

19. **Боровков А. Д.** [1828—1829 гг.]
„Автобиографические записки“. —
Русская старина, 1898, № 10, с. 51—52.

20. **Леонтьев М. П.** 1829 г.
«Мои воспоминания, или события моей жизни». —
Русский архив, 1913, № 11, с. 608—610.

21. **Эдлинг Р. С.** 1829 г.
„Из записок графини Эдлинг“. —
а) Русский архив, 1887, № 2, с. 210—228.
б) *„Memoires de la comtesse Edling (nei Stourdza), demoiselle d'honneur de sa majesté l'imperatrice Elisabeth Alexéevna“. M., 1888.

22. **Маевский С. И.** 1831 г.
«Мой век или история генерала Маевского. 1779—1848». —
Русская старина, 1873, № 8, с. 135—167; № 9, с. 253—288.

23. **Отрощенко Я. О.** [начало 30-х годов]
„Записки генерала Отрощенко“. —
Русский вестник, 1877, № 10, с. 538—575; № 11, с. 227—252.

24. **Алтуфьев В. И.** [1834 г.]
„Памятные записки В. И. Алтуфьева“. — В кн.:
Щукинский сборник. М., 1909, вып. VIII, с. 64—75.

25. **Комаровский Е. Ф.** [1-я половина 30-х годов]
Записки. —
а) Русский архив, 1867, ст. 764—788, 1276—1287.
б) *Исторический вестник, 1897, № 10, с. 55—69; № 11, с. 425—432.
в) *„Записки графа Е. Ф. Комаровского“, СПб., 1914, с. 186—218.

26. **Левенштерн В. И.** [1-я половина 30-х годов]
«Из записок Лифляндца». —
а) Северная пчела, 1854, № 230 (отр.).
б) Военный сборник, 1865, № 6—12; 1866, № 1.
в) *Рижский вестник, 1874, № 173—234.
г) *Сборник материалов по истории Прибалтийского края. Рига, 1883, т. IV, с. 471—538 (отр.).
д) *Русская старина, 1900, № 11, 12; 1901, № 1—8, 11, 12; 1902, № 7.

27. **Деменков П. С.** [24 декабря 1835 г.]
«Мои воспоминания». —
Русский архив, 1911, № 9, с. 121—124.

28. **Витберг А. Л.** 1836 г.
„Записка академика Витберга, строителя храма Христа Спасителя в Москве". —
а) Русская старина, 1872, № 1, с. 17—22.
б) **Герцен А. И.* Собр. соч.: в 30-ти т. М., 1954, т. I, с. 380—390.

29. **Воейков А. Ф.** [1836—1839 гг.]
„Генерал граф Л. Л. Беннигсен". —
а) Русский архив, 1868, ст. 1838—1860.
б) *Бумаги Щукина. М., 1903, ч. VII, с. 278—279.

30. **Марченко В. Р.** [1836—1838 гг.]
„Автобиографическая записка государственного секретаря В. Р. Марченко: 1782—1838". —
Русская старина, 1896, № 3, с. 492—504; № 4, с. 3—10.

31. **Кузьмин А. К.** [1839 г.]
„Из последних записок А. К. К... на". —
Атеней, 1858, № 7, с. 447—452; № 8, с. 530—535.

32. **Назаров П.** 1839 г.
„Записки солдата Памфила Назарова, в иночестве Митрофана: 1792—1839". —
а) Русская старина, 1878, № 8, с. 530—540.
б) *Тульская старина, 1912, № 4—5 (отр.).

33. **Арсеньев К. И.** [не позднее 1839 г.]
„Отрывок из записок покойного К. И. Арсеньева". —
Олонецкие губернские ведомости, 1866, № 7.

34. **Михайлов А. М.** [2-я половина 30-х годов]
«Умственный взор на протекшие лета моей жизни от колыбели до гроба (1778—1825 гг.)». —
Душеполезное чтение, 1894, № 12, с. 590—600.

35. **Карпов А. К.** [30-е годы]
„Записки полковника Карпова". Витебск, 1910, с. 13—54.

36. **Струдза А. С.** [30-е годы]
„Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии, правителя Греции". —
ЧОИДР, 1864, кн. II, отд. 2, с. 24—48.

37. **Тургенев Н. И.** 1838—1844 гг.
«Россия и русские». — В кн.:
а) «La Russie et les Russes». Bruxelles, 1847, t. I, p. 16—54.
б) *«Россия и Русские». Первое русское издание. М., 1907, ч. 1, с. 19—40.
в) *«Россия и русские». М., 1915, т. I.

38. **Казанцев Н. И.** 1840 г.
„Жизнь архимандрита Никодима Казанцева". —
Богословский вестник, 1910, № 1, с. 70—77.

39. **Жиркевич И. С.** 1846—1847 гг.
Записки. —
Русская старина, 1874, № 8, с. 636—666; № 11, с. 411—450.

40. **Васильчиков В. И.** [1847 г.]
„Воспоминания князя В. И. Васильчикова со слов его отца". —
Старина и новизна, 1913, кн. 16, с. 11—25.

41. **Крупянский В. Ф.**
„Воспоминания помещика Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии капитана В. Ф. Крупянского об участии в войнах с Турцией и Францией в период 1807—1814 гг.". Екатеринослав, 1912, с. 40—68.

42. **Рунич Д. П.** [2-я половина 40-х годов]
Записки. —
а) Русское обозрение, 1896, № 9, с. 198—217, 239—241.
б) *Русская старина, 1901, № 3, с. 597—614; № 4, с. 155—156.

43. **Вигель Ф. Ф.** 40-е годы
Записки. —
а) Русский вестник, 1864, № 9, 10, 11.
б) *„Записки Ф. Ф. Вигеля". М., 1892, ч. IV.

44. **Эйлер А. Х.** [40-е годы]
Записки.—
Русский архив, 1880, № 11, с. 356—370.

45. **Фонвизин М. А.** [конец 40-х годов—1852 г.]
«Обозрение проявлений политической жизни в России».
а) „Записки Фон-Визина, очевидца смутных времен царствований Павла I, Александра I и Николая I". Лейпциг, 1859.
б) *То же. 2-е изд. Лейпциг, 1860.
в) *Русская старина, 1884, № 5, с. 290—302 (отр.).
г) *Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905, т. I, с. 156—180.
д) *«Обозрения проявлений политической жизни в России». М., 1907, с. 62—85.

46. **Герцен А. И.** 1852 г.
«Былое и думы». —
а) Полярная звезда на 1856 год, кн. II, с. 41—61.
б) *«Былое и думы». Лондон, 1861, ч. I, с. 3—26.
в) **Герцен А. И.* Собр. соч.: в 10-ти т. Женева, 1878, т. VI.

47. **Тимковский И. Ф.** 1852 г.
„Пять лет". —
Москвитянин, 1855, № 6, с. 127—130.

48. **Николева М. С.** [1852—1853 гг.]
„Черты старинного дворянского быта: Воспоминания М. С. Николевой". —
Русский архив, 1893, № 10, с. 129—142.

49. **Дмитриев М. А.** 1853—1854 гг.
а) «Мелочи из запаса моей памяти». М., 1854.
б) То же. 2-е изд. М., 1869, с. 95, 99, 104, 112—113, 190—191, 236—239, 243—249.

50. **Лубяновский Ф. П.** 1854 г.
а) „Воспоминания Ф. П. Лубяновского: 1777—1834 гг.", М., 1872, с. 275—288.
б) *Русский архив, 1872, № 3-4, с. 510—516.

51. **Якушкин И. Д.** 1854—1855 гг.
а) „Записки И. Д. Якушкина". Лондон, 1862.
б) *То же. Лейпциг, 1874, с. 1—7.
в) *То же. Лейпциг, 1875.
г) *То же. М., 1906.

52. **Броневский Д. Б.** [1854 г.]
Воспоминания. —
Русская старина, 1908, № 6, с. 561—576.

53. **Воронцов М. С.** [1855 г.]
„Memoires de la vie militaire de son altesse monsieur le prince Michel Woronzow, écrit en Anglais sous sa dictée: 1801—1813" —
Архив князя Воронцова. М., 1891, кн. 37, с. 29—61.

54. **Асенкова А. Е.** [1-я половина 50-х годов]
«Картины прошедшего: Записки русской артистки». —
Театральный и музыкальный вестник, 1857, № 51.

55. **Исмайлов Ф. Ф.** [1-я половина 50-х годов]
«Взгляд на собственную прошедшую жизнь Исмайлова: (1794—1820)», М., 1860, с. 61—73.

56. **Оболенский А. П.** [1-я половина 50-х годов]
Воспоминания о 1812—1814 гг. — В кн.:
Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876, с. 134—142, 168—192.

57. **Броневский Н. Б.** [середина 50-х годов]
„Из семейных воспоминаний генерала Н. Б. Броневского". —
Голос минувшего, 1914, № 3, с. 231—235.

58. **Нессельроде К. В.** 1858 г.
Записки. —
а) Русский вестник, 1865, № 10, с. 547—567.
б) *Русский архив, 1905, № 8, с. 516—534.

59. **Панаев В. И.** 1858 г.
„Воспоминания В. И. Панаева". —
Вестник Европы, 1867, № 9, с. 229—236.

60. **Пущин И. И.** 1858 г.
„Записки И. И. Пущина о дружеских связях его с Пушкиным". —
а) Атеней, 1859, ч. 2, с. 511.
б) **Майков Л.* Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, с. 53—54.
в) *„Записки И. И. Пущина о Пушкине". СПб., 1907.

61. **Халютин Л. И.** 15 марта 1858 г.
«Московский сыщик Яковлев: Воспоминания». —
Современник, 1859, № 5, отд. 1, с. 80—81.

62. **Штейнгель В. И.** 1858 г.
„Записки". —
а) Исторический вестник, 1900, № 6, с. 816—820.
б) *Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905, т. I, с. 385—388.

63. **Зотов Р. М.** [январь—март 1859 г.]
„Театральные воспоминания: Автобиографические записки Р. Зотова". СПб., 1859, с. 32—38.

64. **Толстой Ф. П.** [конец 50-х годов]
„Записки графа Ф. П. Толстого, товарища президента императорской Академии художеств". —
Русская старина, 1873, № 2, с. 136—143.

65. **Полевой К. А.** [2-я половина 50-х годов]
Записки. —
а) Исторический вестник, 1887, № 1, с. 52—54.
б) *„Записки К. А. Полевого". СПб., 1888, с. 31—33.

66. **Третьяков М. П.** [2-я половина 50-х годов]
„Императорский Московский университет в воспоминаниях М. П. Третьякова: 1798—1830". —
Русская старина, 1892, № 8, с. 307—331.

67. **[Янькова Е. П.]** [50-е годы]
„Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово". —
а) Русский вестник, 1878, № 8, с. 716—759.
б) *То же. СПб., 1885, с. 153—177.

68. **Жемчужников В. М.** [50-е годы]
„Записки: Из посмертных бумаг". —
Вестник Европы, 1899, № 2, с. 648—653.

69. **Шипов Н. И.** [1856—1862 г.]
«История моей жизни». „Рассказ бывшего крепостного крестьянина Н. И. Шипова 1802—1862". —

а) Русская старина, 1881, № 5, с. 133—134.
б) *То же. СПб., 1881, с. 1—2.

70. **Дьяков Г. М.** [начало 60-х годов]
„Записки штаб-лекаря Г. М. Дьякова: (1795—1862)“. —
Сибирский архив, 1914, № 9, с. 393—416.

71. **Санглен Я. И.** 1860 г.
„Записки: 1776—1831“. —
Русская старина, 1883, № 3, с. 539—556.

72. **Назимов Е. П.** [1860—1868 гг.]
„Псковский ветеран наполеоновских войн“. —
Труды Псковского археологического общества, Псков, 1912, вып. 8, с. 43—64.

73. **Бутенев А. П.** 1861 г.
«Воспоминания о моем времени». —
а) Русский архив. 1881, № 5, с. 30—84.
б) Там же, 1883, № 1, с. 5—61.
в) **Бутенев А. П.* Воспоминания о 1812 г. / изданные его сыном. М., 1911.

74. **[Юматов П. И.]** [1861—1-я половина 1862 г.]
«Воспоминания ветерана 1813—1814 годов». — В кн.:
а) Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. СПб., 1862, с. 1—59.
б) *Труды Саратовской ученой архивной комиссии, 1890, т. 3, вып. 1, с. 149—229.
в) *То же. Саратов, 1911.

75. **Волконский С. Г.** 1862—1863 гг.
а) „Записки декабриста“. СПб., 1901, с. 148—385.
б) *То же. СПб., 1902, с. 148—385.

76. **Лорер Н. И.** 1862 г.
«Записки моего времени: Воспоминания о прошлом». —
а) Русское богатство, 1904, № 4, с. 54—57.
б) „Записки декабриста Н. И. Лорера“. М., 1931, с. 46—54.

77. **Бартенев П. И.** [1863 г.]
«Разговор с А. П. Ермоловым: (Из недавних записок)». —
Русский архив, 1863, ст. 856—857.

78. **Миркович Ф. Я.** 1863 г.
«Моя жизнь: Собственно для моих сыновей». — В кн.:
Ф. Я. Миркович. 1789—1866: Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889, с. 24—27.

79. **Муромцев М. М.** 1863 г.
Воспоминания. —
Русский архив, 1890, № 3, с. 366—381.

80. **Голубев П. И.** 1864 г.
«Записки Петербургского чиновника старого времени: (1804—1863)». —
Русский архив, 1896, № 4, с. 524—527.

81. **Сафонович В. И.** [1-я половина 60-х годов]
Воспоминания. —
Русский архив, 1903, № 1, с. 124—138.

82. **Мурзакевич Н. Н.** [середина 60-х годов]
„Автобиография“. —
а) Русская старина, 1887, № 1, с. 19—27.
б) *То же. СПб., 1889, с. 19—27.

83. **Снегирев И. М.** [середина 60-х годов]
Воспоминания. —
а) Русский архив, 1866, ст. 529—558.
б) *Старина русской земли. СПб., 1871, т. I, кн. 1.

в) *Русский архив, 1905, № 5, с. 19—39.
г) *Дневник И. М. Снегирева. М., 1905, т. II, с. 262—271.

84. **Зотов Р. М.** [1865—1869 годы]
Записки. —
Исторический вестник, 1896, № 6, с. 780—797; № 7, с. 26—27.

85. **Глушковский А. П.** 1868 г.
„Москва в 1812 году". —
а) Красный архив, 1937, т. 4, с. 121—159.
б) „Воспоминания балетмейстера". Л.; М., 1940, с. 86—122.

86. **Свербеев Д. Н.** сентябрь—декабрь 1869 г.
„Записки Д. Н. Свербеева: (1799—1826)". М., 1899, т. I, с. 60—81.

87. **Кошелев А. И.** 1869 г.
„Записки А. И. Кошелева: 1812—1833". Berlin, 1884, с. 1—3.

88. **Вилламов А. Г.** [конец 60-х годов]
„Воспоминания о жизни императрицы Марии Федоровны". —
Вестник благотворительности, 1870, № 1, с. 20; № 2, с. 1—11.

89. **Ковалевский Н. П.** [60-е годы]
„Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковалевского". —
Русский вестник, 1871, № 1, с. 92—117.

90. **Фадеев А. М.** [60-е годы]
Воспоминания. —
а) Русский архив, 1891, № 2, с. 297—304.
б) „Воспоминания. 1790—1867: В 2-х частях". Одесса, 1897, ч. 1, с. 17—25.

91. **Погожев В. Н.** [60-е годы]
„Воспоминания (1802—1857)". —
Исторический вестник, 1893, № 6, с. 702—704.

92. **Бутурлин М. Д.** 1867—1876 гг.
«Воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожилов, портреты, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись». —
Русский архив, 1897, № 2, с. 239—247.

93. **Остен-Сакен Д. Е.** [1870 г.]
«Отрывок из летописи Елизаветоградского гусарского полка». —
Военный сборник, 1870, № 10, с. 237—248.

94. **Жерве К. К.** [начало 70-х годов]
„Воспоминания: (с 1809 по 1872)". —
Исторический вестник, 1898, № 5, с. 428.

95. **Пржецлавский О. А. (Ципринус).** [1871—1872 гг.]
«Калейдоскоп воспоминаний 1811 и 1812 гг.». —
Русский архив, 1872, № 12, ст. 2269—2334.

96. **Пассек Т. П.** 1872—1978 гг.
«Из разных лет, из жизни дальней». —
а) Русская старина, 1872, № 12, с. 611—619.
б) *«Из дальних лет: Воспоминания Т. П. Пассек». СПб., 1878, т. I, с. 36—49.
в) *„Воспоминания Т. П. Пассек". «Из дальних лет». 2-е изд., СПб., 1905, т. I, с. 38—49.

97. **Толстой Д. Н.** 1872 г.
„Записки графа Д. Н. Толстого". —
Русский архив, 1885, № 5, с. 9—10.

98. **Меньшой И.** [1873 г.]
„Воспоминания Ивана Меньшого: 1806—1849". —
Русская старина, 1874, № 5, с. 49—57.

99. **Кочубей А. В.** [1873 г.]
„Семейная хроника: Записки А. В. Кочубея". СПб., 1890, с. 55—131.

100. **Каратыгин П. А.** 1873 г.
„Записки: 1805—1879". СПб., 1880, с. 11—16.

101. **Павлова К. К.** [1-я половина 70-х годов]
«Мои воспоминания». —
а) Русский архив, 1875, № 10, с. 222—229.
б) **Павлова К. К.* Собрание сочинений, М., 1915, т. 2, с. 269—312 [1].

102. **Селиванов В. В.** [1-я половина 70-х годов]
„Предания и воспоминания". —
а) Историческая библиотека, 1880, № 4, с. 92—107.
б) *„Предания и воспоминания". СПб., 1881, с. 53—96.
в) **Селиванов В. В.* Сочинения. Владимир, 1901, т. I, с. 84—96.

103. **Назимов М. Л.** [1-я половина 1876 г.]
«В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год: Из воспоминаний старожила». —
Русский вестник, 1876, № 7, с. 83—68.

104. **Кулжинский И. Г.** 15 февраля 1877 г.
„Воспоминания старинного Черниговского семинариста". —
Черниговские епархиальные известия, 1877, № 7, 8.

105. **Лебедев А. И.** [не позднее 1878 г.]
„Семейные воспоминания протоирея А. И. Лебедева". —
Душеполезное чтение, 1910, № 2, с. 309—311.

106. **Александров Г. Н.** 1878 г.
«Очерки моей жизни». —
Русский архив, 1904, № 12, с. 466—470.

107. **Корсаков А. Н.** 1879 г.
„Кое что из прошлого". —
Русский архив, 1879, № 6, с. 233—236.

108. **Муханова М. С.** [70-е годы]
„Из записок М. С. Мухановой". —
а) Русский архив, 1878, № 3, с. 312—314.
б) *„Из записок М. С. Мухановой, фрейлины высочайшего двора". М., 1878, с. 34—38.

109. **Беляев А. П.** [70-е годы]
«Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном». —
а) Русская старина, 1880, № 9, с. 14—17.
б) *«Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном: 1805—1850». СПб., 1882, с. 24—31.

110. **Стогов Э. И.** [70-е годы]
„Записки Э. И. Стогова". —
Русская старина, 1903, № 2, с. 271—273.

111. [начало 80-х годов]
„Бабушка Е. А. Бибикова: Из воспоминаний внучки". —
Русский архив, 1883, № 4, с. 356—357.

112. **Завалишин Д. И.** начало 80-х годов
а) „Записки декабриста". Мюнхен, 1904, т. I.
б) *То же. СПб., 1906, с. 15—18.

113. **Бутковская А. Я.** [1882 г.]
„Рассказы бабушки". —
Исторический вестник, 1884, № 12, с. 603—606.

114. **Тимирязев Ф. И.** 28 декабря 1883 г.
„Страницы прошлого". —
Русский архив, 1884, № 1, с. 165—172.

---

[1] В подсчетах не учтено.

115. **Мещерская С. В.** 1889 г.
„Воспоминания, писанные С. В. Мещерской". Тверь, 1902, с. 6, 10—14.

116. **Татлина П. И.** [начало 90-х годов]
„Воспоминания П. Н. Татлиной: (1812—1854)". —
Русский архив, 1899, № 10, с. 190—192.

117. **Раевская Е. И.** [90-е годы]
„Воспоминания Е. И. Раевской". —
Исторический вестник, 1898, № 12, с. 939—940.

118. **Найденов Н. А.** [1903 г.]
«Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном». М., 1903, т. I, с. 58—63.

ПЕРЕЧЕНЬ III

Вновь выявленные рукописи мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 года

С указанием авторов

1. **Адлер И. А.**
«Похождения моей жизни со 2-го сентября по 28 декабря 1812 года».
ГПБ, ф. 1000, № 20, л. 1—9.

2. **Бенкендорф А. X.**
„Извлечение из записок гр. Бенкендорфа относительно кампаний 1813 и 1814 годов".
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 85—114.

3. **Благовещенский И.**
Записки об участии в ополчении 1812 г.
ОПИ ГИМ, ф. 160, д. 309, л. 1—18.

4. **Богданчиков М. А.**
«Мое воспоминание: Из рассказов дедушки моего Сергея Яковлевича Богданчикова».
ОПИ ГИМ, ф. 160, д. 309, л. 34—44.

5. **Вахтен О. И.**
Мемуарные заметки о военных действиях 15—19 августа 1813 г.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 437—445 об.

6. **Волконский.**
„Записи воспоминаний об Отечественной войне 1812 года".
ЦГИА СССР, ф. 844, оп. 2, 1812, д. 715.

7. **Вороненко П.**
Записка «относительно происшествий 1812 года, бывших перед вступлением в Москву неприятельских войск».
ГПБ, ф. 859, карт. 30, № 30.

8. **Гржимала Ф.**
„Вступление Наполеона в Вильну в 1812 г."
ГПБ, ф. 152, оп. 1, № 292.

9. **Дидерикс И. И.**
„О действиях жителей Курляндской губернии в 1812 г. и после изгнания неприятельского войска из пределов империи".
ГПБ, ф. 152, оп. 1, № 293, 294.

10. **Дорер Ж.**
Записки о пребывании французов в Москве в 1812 г.
ЦГВИА, ф. 154, д. 82, л. 10—13.

11. **Дрейлинг И. Р.**
„Воспоминания участника войны 1812 года Ивана Романовича Дрейлинга".
ОПИ ГИМ, ф. 160, д. 309, л. 79—170.

12. **Карпенко М. И.**
«Письмо старого воина к товарищам, бывшим в бою на Бородинском поле».
ОПИ ГИМ, ф. 160, д. 310, л. 1—4.

13. **Карпенко М. И.**
„Записки генерал-лейтенанта Карпенкова войны 1813 и 1814 годов".
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 155—164.
14. **Котов Н. Ф.**
„Записки о военных действиях 1812 года".
ГБЛ, ф. 54, № 4, 8, л. 41 об.—49 об.
15. **Красовский А. И.**
„Частная записка генерал-лейтенанта Красовского о Краонском сражении".
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 165—168.
16. **Криштофович Е. О.**
„Записка артиллерии капитана Е. О. Криштофовича касательно защиты крепости Суасона".
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 243—244.
17. **Лишин.**
„Записка полковника Лишина относительно кампании 1813 года".
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 60—84.
18. **Маевский С. И.**
„Действия 13-го Егерского полка в 1814 году".
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 211—212.
19. **Медокс Р. М.**
«Граф Ростопчин и пожар Москвы: Заметки к воспоминаниям Булгакова о 1812 годе».
ГПБ, ф. 859, карт. 27, № 1.
20. **Мережковский.**
Записка о 1812 г.
ГПБ, ф. 859, карт. 30, № 30.
21. **Михайловский-Данилевский А. И.**
«Histoire de la Campagne de 1812 depuis l'arrivée à l'armée du prince Koutousov jusqu'à la bataille de Taroutino, depuis le 17 août jusqu'au 6 octobre».
ГПБ, ф. 488, № 43.
22. **Михайловский-Данилевский А. И.**
«Журнал 1813 года».
ГПБ, ф. 488, № 6, 46.
23. **Михайловский-Данилевский А. И.**
«Журнал 1814 года».
ГПБ, ф. 488, № 10, 11.
24. **Михайловский-Данилевский А. И.**
«Журнал 1815 года».
ГПБ, ф. 488, № 12.
25. **Никитин А. П.**
«Краткие мои очерки о войне 1813 года».
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 176—186.
26. **Орлов-Денисов В. В.**
„Записка гр. Орлова-Денисова о Лейпцигском сражении".
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 369—371.
27. **Осипов Н. П.**
„Воспоминание о партизане генерале Сеславине".
ГПБ, ф. 152, оп. 1, № 512.
28. **Пожарский.**
Записка о 1812 г.
ГПБ, ф. 859, карт, 30, № 30.
29. **Струков Д. М.**
„Записки Струкова, относящиеся к составлению путеводителя о Московской святыне, и изложение рассказа, слышанного им, о вывозе сокровищ русской старины из Оружейной палаты в 1812 г. во время наступления французов".
ГБЛ, ф. 293, п. 4, № 5, л. 1—3.

30. **Толь К. Ф.**
„Из собственноручных записок графа Толя о кампании 1813 года"
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 372—375.
31. **Толь К. Ф.**
„Извлечение из собственноручных записок графа Толя относительно войны 1814 года".
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 336—348.
32. **Харузин Е. А.**
«Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых мною в годину двенадцатого года при занятии французами Москвы».
ГБЛ, Пог./III, п. II, № 62.
33. **Храповицкий Я. С.**
Воспоминания о сражении под Монмартром и взятии Парижа в 1814 г. в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 25 ноября 1835 г.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 421—428.
34. **Христиани Х.**
«Записки, содержащие описание опустошений, произведенных французами в Москве и ее окрестностях».
ГПБ, ф. 609 (В. С. Попов), № 440, л. 1—3.
35. **Цебриков Р. М.**
«Письма к старинному моему приятелю и бывшему некогда соученику...»: Воспоминания. 1813—1814.
ГПБ, ф. 830, т. 1, л. 197—324.
36. **Ярошевицкий Л. Ф.**
Воспоминание о сражении под Лейпцигом в форме письма к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 19 октября 1836 г.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 413—419.
37. **Ярошевицкий Л. Ф.**
Записки о сражении под Лейпцигом и Кульмом.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 410—411.

Анонимные

38. «Воспоминания и впечатлении русского офицера о войне 1812—1814 гг. с дополнением о Бородинском сражении».
ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 860.
39. „Записка бывшего адъютанта вел. кн. Константина Павловича... о приключившемся с ним накануне вступления в Париж Российской армии".
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 227—228.
40. „Записка Московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествиях в августе до ноября 1812 года".
Архив ЛОИИ, ф. 115, д. 475, л. 34—39.
41. Записки о кампании 1812 г.
ГПБ, ф. 452, № 591.
42. Записки о 1812 г.
ГПБ, ф. 73, № 18.
43. «Очерки войны 1812-го года, описанные очевидцем».
ОПИ ГИМ, ф. 160, д. 316, л. 1—50.
44. «Письма о 1812 годе».
ГПБ, ф. 550, № IV.452.
45. П. . . . . Ф. . . . .
«Некоторые замечания, учиненные со вступления в Москву французских войск (и до выбегу их из оной)».
Архив ЛОИИ, ф. 226, оп, 1, д. 381, л. 1—9.
46. „Tableau de la Campagne de 1812 sur le territoire Russe (par un officier russe)",
ОПИ ГИМ, ф. 231, д. 24, л. 1—26 об.

Таблица 1

Погодная динамика движения публикаций мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 года

Год	Всего публикаций	Первичные	Повторные	Отдельные издания	Газеты	Общественно-политические, литературные и отраслевые журналы	Историческая периодика	Прочие публикации *
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1812	3	2	1	1	—	2	—	—
1813	16	12	4	7	1	8	—	—
1814	1	1	—	1	—	—	—	—
1815	3	3	—	2	1	—	—	—
1816	4	4	—	—	—	4	—	—
1817	9	9	—	—	—	9	—	—
1818	2	2	—	—	—	2	—	—
1819	3	3	—	—	—	3	—	—
1820	2	2	—	—	—	2	—	—
1821	1	1	—	—	—	1	—	—
1822	2	2	—	1	—	1	—	—
1823	3	3	—	—	—	1	—	2
1824	2	2	—	—	—	2	—	—
1825	1	1	—	—	—	1	—	—
1826	2	2	—	—	—	2	—	—
1827	—	—	—	—	—	—	—	—
1828	1	1	—	—	—	1	—	—
1829	2	2	—	—	—	2	—	—
1830	1	1	—	—	1	—	—	—
1831	7	4	3	3	3	1	—	—
1832	5	2	3	3	1	—	—	1
1833	—	—	—	—	—	—	—	—
1834	3	2	1	2	—	—	—	1
1835	3	2	1	1	2	—	—	—
1836	10	7	3	6	—	3	—	1
1837	5	2	3	2	—	3	—	—
1838	7	2	5	1	3	2	—	1
1839	5	2	3	1	1	3	—	—
1840	5	1	4	—	—	3	—	2
1841	4	—	4	2	—	—	—	2
1842	1	1	—	—	—	1	—	—
1843	6	4	2	—	1	5	—	—
1844	3	1	2	—	—	2	—	1
1845	6	4	2	—	3	—	—	3
1846	4	3	1	—	3	1	—	—
1847	3	2	1	—	1	2	—	—
1848	3	1	2	—	—	1	—	2
1849	5	1	4	1	1	3	—	—
1850	3	1	2	—	—	—	—	3
1851	—	—	—	—	—	—	—	—
1852	3	2	1	1	1	1	—	—
1853	2	1	1	1	—	1	—	—
1854	1	1	—	—	1	—	—	—

* В этот разряд отнесены публикации мемуаров в собраниях сочинений их авторов, в составе трудов историков, в изданиях исторических источников, в «Памятных книжках» губерний и т. д.

Таблица 1 (*окончание*)

Год	Всего публикаций	Первичные	Повторные	Отдельные издания	Газеты	Общественно-политические, литературные и отраслевые журналы	Историческая периодика	Прочие публикации *
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1855	5	1	4	1	2	2	—	—
1856	2	2	—	—	—	2	—	—
1857	3	3	—	—	1	2	—	—
1858	5	4	1	1	1	1	1	1
1859	11	11	—	—	2	4	4	1
1860	8	6	2	—	3	2	1	2
1861	4	3	1	—	1	1	1	1
1862	1	1	—	1	—	—	—	—
1863	4	3	1	2	—	1	1	—
1864	8	5	3	—	3	1	4	—
1865	6	4	2	1	2	2	1	—
1866	4	3	1	—	1	2	1	—
1867	1	1	—	—	—	1	—	—
1868	3	2	1	1	—	—	2	—
1869	7	5	2	—	1	1	5	—
1870	7	4	3	1	—	—	4	2
1871	7	6	1	1	1	2	3	—
1872	35	21	14	1	16	7	2	9
1873	5	4	1	1	—	—	4	—
1874	2	2	—	—	—	—	2	—
1875	3	3	—	—	1	—	2	—
1876	1	—	1	—	—	—	1	—
1877	8	6	2	1	—	—	7	—
1878	2	1	1	1	—	—	1	—
1879	6	5	1	1	—	1	4	—
1880	10	8	2	—	2	6	—	2
1881	2	1	1	—	—	—	2	—
1882	7	4	3	1	1	—	2	3
1883	5	3	2	—	—	1	3	1
1884	8	5	3	—	2	2	3	1
1885	3	1	2	—	—	—	1	2
1886	6	4	2	1	—	—	5	—
1887	1	1	—	—	—	—	1	—
1888	1	1	—	—	—	—	1	—
1889	5	3	2	—	—	—	3	2
1890	3	3	—	—	—	—	3	—
1891	1	1	—	—	—	—	1	—
1892	2	—	2	—	—	—	1	1
1893	—	—	—	—	—	—	—	—
1894	1	1	—	—	—	—	1	—
1895	5	1	4	1	—	—	1	3
1896	4	1	3	—	—	1	3	—
1897	2	2	—	—	—	—	1	1
1898	3	2	1	—	—	—	—	3
1899	4	3	1	1	—	—	1	2
1900	21	17	4	—	—	—	4	17
1901	3	1	2	—	—	—	1	2
1902	1	1	—	—	—	—	—	1
1903	15	10	5	1	—	—	2	12
1904	8	8	—	—	—	—	2	6

Таблица 1 (*окончание*)

Год	Всего публикаций	Первичные	Повторные	Отдельные издания	Газеты	Общественно-политические, литературные и отраслевые журналы	Историческая периодика	Прочие публикации *
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1905	4	4	—	—	—	—	3	1
1906	2	1	1	—	—	—	2	—
1907	1	1	—	—	—	—	1	—
1908	2	1	1	—	—	—	2	—
1909	7	4	3	—	—	—	5	2
1910	15	7	8	—	—	1	11	3
1911	12	1	11	1	—	—	2	9
1912	36	8	28	6	—	—	8	22
1913	2	1	1	1	—	—	1	—
1914	5	2	3	1	—	1	1	2
1915	—	—	—	—	—	—	—	—
1916	2	2	—	—	—	—	2	—
Итого	509	319	190	64	64	117	131	133

Таблица 2

Погодная динамика движения публикаций мемуаров с обширными хронологическими рамками, включающих тексты об эпохе 1812 года

Год	Всего публикаций	Первичные	Повторные	Газеты	Общественно-политические, литературные и отраслевые журналы	Историческая периодика
1	2	3	4	5	6	7
1847	1	1	—	—	—	—
1850	—	—	—	—	—	—
1851	1	1	—	—	1	—
1852	—	—	—	—	—	—
1853	—	—	—	—	—	—
1854	2	2	—	1	—	—
1855	1	1	—	—	1	—
1856	1	1	—	—	1	—
1857	1	1	—	—	1	—
1858	1	1	—	—	1	—
1859	4	4	—	—	2	—
1860	2	1	1	—	—	—
1861	1	—	1	—	—	—
1862	3	3	—	—	—	2
1863	1	1	—	—	—	1
1864	3	2	1	—	1	1
1865	2	2	—	—	1	1
1866	4	4	—	1	—	2
1867	3	3	—	—	1	2
1868	2	2	—	—	—	—
1869	1	—	1	—	—	—
1870	3	3	—	—	1	1

Таблица 2 (*окончание*)

Год	Всего публикаций	Первичные	Повторные	Газеты	Общественно-политические, литературные и отраслевые журналы	Историческая периодика
1	2	3	4	5	6	7
1871	2	1	1	—	2	—
1872	5	4	1	—	—	4
1873	2	2	—	—	—	2
1874	5	2	3	—	—	2
1875	2	1	1	—	—	1
1876	2	2	—	—	1	—
1877	2	2	—	—	2	—
1878	6	4	2	—	1	2
1879	1	1	—	—	—	1
1880	4	4	—	—	—	3
1881	4	2	2	—	—	2
1882	1	—	1	—	—	—
1883	4	3	1	—	—	4
1884	4	3	1	—	—	3
1885	3	1	2	—	—	1
1886	2	1	1	—	—	1
1887	3	3	—	—	—	3
1888	2	—	2	—	—	—
1889	2	1	1	—	—	—
1890	4	3	1	—	1	2
1891	2	2	—	—	—	1
1892	4	3	1	—	—	4
1893	3	3	—	—	—	3
1894	1	1	—	—	1	—
1895	—	—	—	—	—	—
1896	4	4	—	—	1	3
1897	5	3	2	—	—	4
1898	3	3	—	—	—	3
1899	4	3	1	—	1	1
1900	3	2	1	—	—	3
1901	5	2	3	—	1	2
1902	4	1	3	—	—	1
1903	4	3	1	—	—	2
1904	4	4	—	—	—	1
1905	11	—	11	—	—	3
1906	2	—	2	—	—	—
1907	5	1	4	—	—	—
1908	1	1	—	—	—	1
1909	1	1	—	—	—	—
1910	3	3	—	—	2	1
1911	4	2	2	—	—	2
1912	3	2	1	—	—	2
1913	2	2	—	—	—	2
1914	3	2	1	—	—	2
1915	1	—	1	—	—	—
1916	—	—	—	—	—	—
Итого	179	121	58	2	23	84

Таблица 3

Движение публикаций мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 года (по десятилетиям)

Годы	Всего публикаций		Первичные		Повторные		Отдельные издания		Газеты	Общественно-политические, литературные и отраслевые журналы	Историческая периодика	Прочие публикации
		%		%		%		%				
1812—1819	41	8	36	11	5	3	11	17	2	28	—	—
1820—1829	16	3	16	5	—	—	1	1	—	13	—	2
1830—1839	46	9	24	8	22	11	19	30	11	12	—	4
1840—1849	40	8	18	6	22	11	3	5	9	18	—	10
1850—1859	35	7	26	8	9	5	4	6	8	13	5	5
1860—1869	46	9	33	10	13	7	5	8	11	11	16	3
1870—1879	76	15	52	16	24	13	7	11	18	10	30	11
1880—1889	48	9	31	10	17	9	2	3	5	9	21	11
1890—1899	25	5	14	4	11	6	2	3	—	1	12	10
1900—1909	64	18	48	15	16	8	1	2	—	—	22	41
1910—1916	72	14	21	7	51	27	9	14	—	2	25	36
Итого	509	100	319	100	190	100	64	100	64	117	131	133

Таблица 4

Движение публикаций мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 года (по крупным историческим периодам)

Годы	Всего публикаций		Первичные		Повторные		Отдельные издания		Газеты		Общественно-политические, литературные и отраслевые журналы		Историческая периодика		Прочие публикации	
		%		%		%		%		%		%		%		%
1812—1839	103	20	76	24	27	14	31	48	13	20	53	45	—	—	6	5
1840—1869	121	24	77	24	44	23	12	19	28	44	42	36	21	16	18	13
1870—1899	149	29	97	30	52	28	11	17	23	36	20	17	63	48	32	24
1900—1916	136	27	69	22	67	35	10	16	—	—	2	2	47	36	77	58
1812—1859	178	35	120	38	58	30	38	59	30	47	84	72	5	4	21	15
1860—1916	331	65	199	62	132	70	26	41	34	53	33	28	126	96	112	85
Итого	509	100	319	100	190	100	64	100	64	100	117	100	131	100	133	100

Таблица 5

Удельный вес первичных и повторных публикаций в общей сумме публикаций мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 года

Годы	Общее число публикаций		Первичные публикации		Повторные публикации	
	В абсолютных числах	в %	В абсолютных числах	в %	В абсолютных числах	в %
1812—1819	41	100	36	88	5	12
1820—1829	16	100	16	100	—	—
1830—1839	46	100	24	54	22	46
1840—1849	40	100	18	45	22	55
1850—1859	35	100	26	74	9	26
1860—1869	46	100	33	72	13	28
1870—1879	76	100	52	68	24	32
1880—1889	48	100	31	65	17	35
1890—1899	25	100	14	56	11	44
1900—1909	64	100	48	75	16	25
1910—1916	72	100	21	29	51	71
Итого	509	100	319	63	190	37

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

* *Курсивом выделены фамилии авторов мемуаров, включенных в Перечни.*

ОГЛАВЛЕНИЕ